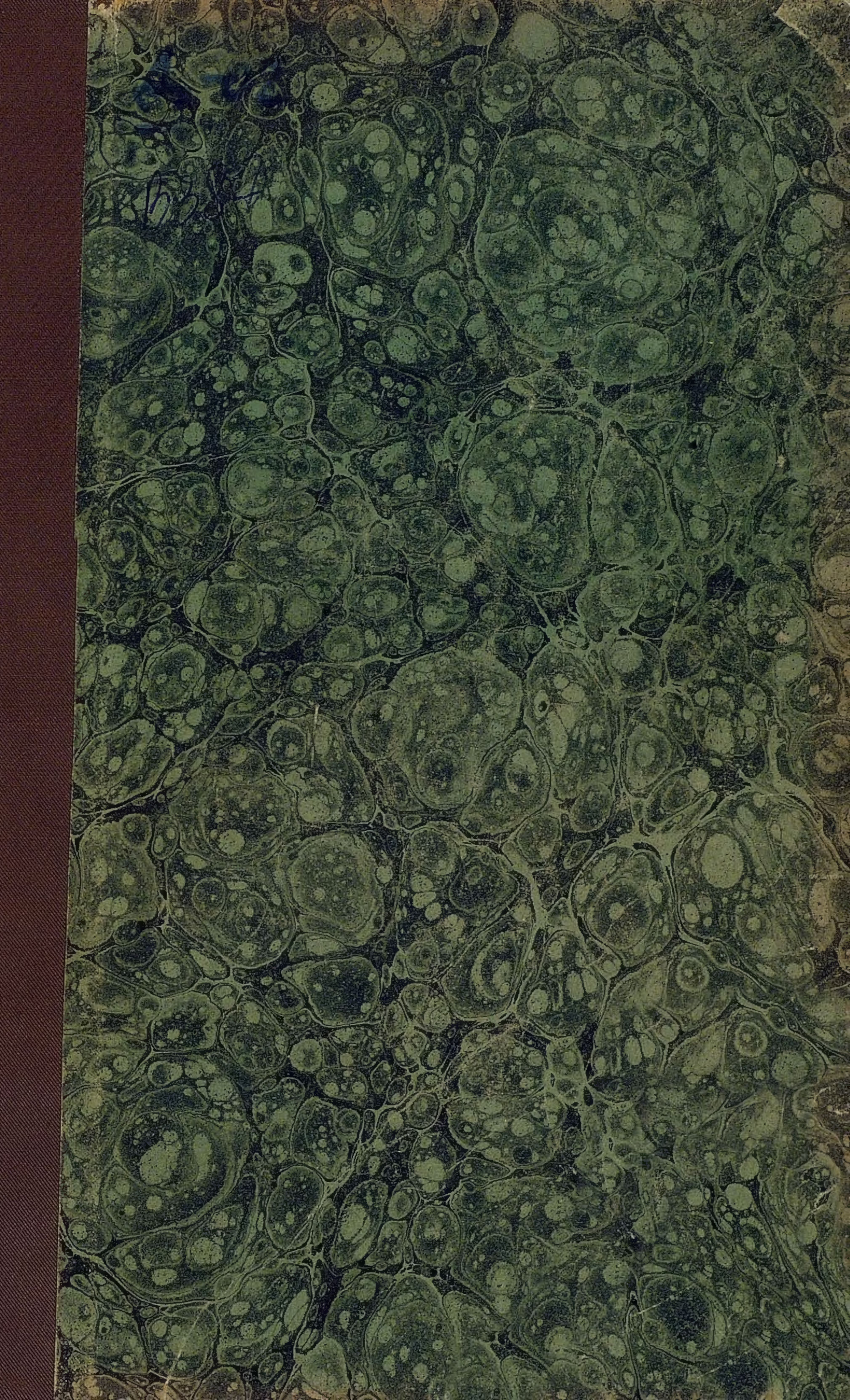

ОКТЯБРЬ. № 8. 1905.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА,

В. Д. НАБОКОВА и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

Гг. подписчиковъ, воспользовавшихся при подпискѣ разсрочкой платежа, Контора журнала покорнѣйше проситъ поспѣшить уплатой остального взноса, съ приложенiемъ пе-

См. 3-ю стр. обложки.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА,
В. Д. НАБОКОВА и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

XXXV. Октябрь. 1905.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОЛИТИКА ТРУДА И ИДЕАЛЫ РАСПРЕДѢЛИТЕЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

I.

Въ 1840-вомъ году Томасъ Карлейль писалъ: [1]) „всѣ сознаютъ, что положеніе и настроеніе рабочаго класса имѣютъ угрожающій характеръ, что о рабочемъ классѣ что либо должно быть сказано и что нибудь должно быть сдѣлано“. Мы переживаемъ въ настоящій моментъ такое же время. Всѣ понимаютъ, что положеніе нашего рабочаго класса крайне тяжелое и только слѣпые не видятъ, что настроеніе его имѣетъ угрожающій характеръ. Всѣ обстоятельства современной жизни вопіютъ, что, что нибудь должно быть сдѣлано. И это „что нибудь“ должно быть не какими нибудь жалкими полумѣрами, а чѣмъ то такимъ, чтобы жизнь работающихъ классовъ могла теперь же, въ ближайшемъ же будущемъ принять болѣе нормальный и счастливый характеръ. Предъ нами должна открыться новая эра жизни. Она должна сдѣлать своимъ лозунгомъ: „политику труда и заработной платы“.

Еще въ 1895 г. въ своей магистерской диссертаціи: „Деньги, опытъ изученія основныхъ положеній классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса“, я пытался, въ эпоху наиболѣе яркаго разцвѣта нашего неомарксизма,

---

[1]) См. его брошюру: „Chartism“, 2 изд., 1840 г.

доказать необходимость этой политики, какъ неизбѣжнаго условія сколько нибудь прочнаго и спокойнаго развитія нашей соціальной системы. Тогда я былъ осужденъ нашей неомарксисткой и народнической прессой, какъ виновный якобы въ отрицаніи основной догмы марксизма, *требующей упраздненія системы саларіата и организаціи за ново, на началахъ общественной собственности, всей системы производства.*

Теперь времена нѣсколько видоизмѣнились... Неомарксизмъ не пользуется уже прежней популярностью, ряды его порѣдѣли. Часть сторонниковъ перешла въ лагерь идеалистовъ-метафизиковъ. Доктрина неминуемаго крушенія капиталистическаго строя чрезъ самопроизвольное развитіе производительныхъ силъ, приходящихъ въ противорѣчіе съ производственными отношеніями, не понимается такъ дѣтски наивно, какъ немного лѣтъ тому назадъ. На нашихъ глазахъ оно не разрушается, а трансформируется все болѣе и болѣе быстрымъ темпомъ. Предъ нами все болѣе и болѣе раскрываются новые возможные пути для прогрессивной работы на пользу рабочаго сословія и одной „пропаганды" идеала общественной, вѣрнѣе соціалистической системы производства становится недостаточно. Отъ руководителей рабочей партіи можно и должно требовать непосредственной и реальной работы въ дѣлѣ видоизмѣненія капиталистическаго строя, который представляетъ собою долговременный результатъ исторіи и борьбы человѣчества и долженъ закономѣрно видоизмѣниться подъ дѣйствіемъ организованныхъ усилій человѣчества и неизбѣжныхъ природо-техническихъ условій существованія въ извѣстной соціальной атмосферѣ, если можно такъ выразиться.

Я хотѣлъ бы въ настоящей работѣ показать, что „политика труда и заработной платы" является тѣмъ единственнымъ путемъ, при посредствѣ котораго возможно постепенное оздоровленіе нашей хозяйственной системы. Только вступивъ на эту дорогу, владѣющіе классы исполнятъ свою историческую миссію и предохранятъ общество отъ жесточайшихъ потрясеній. Я постараюсь доказать, кромѣ того, что именно эта политика вытекаетъ изъ существа самаго капиталистическаго хозяйства, которое понимается теперь уже

гораздо полнѣе и глубже, чѣмъ это было въ былое время, въ эпоху господства догматики марксизма.

Повидимому, между политикой заработной платы и политикой, стремящейся къ упраздненію саларіата, существуетъ непримиримое противорѣчіе. Я сейчасъ постараюсь доказать, что противорѣчіемъ соціалистическимъ идеаламъ политика заработной платы можетъ представляться лишь для умовъ, не привыкшихъ мыслить ясно, опредѣлительно формулировать свои практическіе идеалы и не понимающихъ самаго существа капиталистической системы, среди которой мы живемъ. Даже такой правовѣрный изъ марксистовъ, какъ Карлъ Каутскій [1]) въ своемъ комментаріи къ Эрфуртской программѣ рѣшился высказать мысль, что „на долгія времена распредѣленіе благъ въ соціалистическомъ обществѣ должно будетъ происходить въ тѣхъ формахъ, которыя будетъ представлять собою дальнѣйшее развитіе нынѣшнихъ формъ заработной платы. *Оно должно будетъ исходить изъ этихъ формъ* . . . И въ этой области, какъ и во всѣхъ остальныхъ, соціалистическое общество не сдѣлаетъ никакого скачка, а возьметъ за исходный пунктъ то, что застанетъ“. Но правъ ли Каутскій? не впадаетъ ли онъ самъ въ противорѣчіе и въ еретическое истолкованіе лучшихъ идей своего учителя Маркса, этого творца соціалдемократической платформы? Или же, наоборотъ, Каутскій въ данномъ случаѣ оказывается просто практическимъ политикомъ, который, забывъ о своихъ догматахъ и теоретическихъ построеніяхъ, начинаетъ понимать всю сложность современнаго народно-хозяйственнаго механизма и идетъ, поэтому, на компромисъ? Или же теоретическія построенія марксизма основываются на неправильномъ пониманіи самаго существа капиталистическаго хозяйства и тѣхъ силъ, которыя оказываютъ вліяніе на раздѣлъ произведеннаго обществомъ продукта?

Каутскій говоритъ намъ, что „въ соціалистическомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ не будетъ совершаться по

---

[1]) См. его Эрфуртская программа, р. пер., Москва, 1905 г., стр. 108—115. курсивъ мой.

слѣпо дѣйствующимъ законамъ, которые проявляются помимо сознанія участниковъ производства. Правила, на основаніи которыхъ совершается распредѣленіе продуктовъ, будутъ вырабатываться самими участниками производства. Но не *отъ ихъ произвола* будетъ зависѣть, какія правила они установятъ: *эти правила нельзя будетъ выводить изъ того или иного принципа;* они будутъ опредѣляться фактическими отношеніями, господствующими въ обществѣ, и, прежде всего, производственными отношеніями".

Въ устахъ марксиста, всю жизнь свою защищавшаго и защищающаго идею трудовой цѣнности, это положеніе, что правила распредѣлительной справедливости нельзя выводить изъ какого либо единаго принципа, весьма характерно и, какъ увидимъ, оно сказывается цѣлымъ рядомъ своеобразныхъ выводовъ. Всѣ знаютъ, что попытки выработать эти правила существуютъ и ими пользуются для указанія того направленія, въ которомъ должна двигаться экономическая политика даннаго момента, и для выясненія картинъ лучшаго будущаго, которое ожидаетъ человѣчество. Эти правила или вѣрнѣе принципы распредѣлительной справедливости имѣютъ свою долгую и поучительную исторію и на нихъ сильнѣйшимъ образомъ отражались воззрѣнія на основныя начала нашей хозяйственной организаціи. Эти принципы распредѣлительной справедливости были ничѣмъ инымъ, какъ провозглашаніемъ правъ труда и, если современный теоретикъ соціализма отказывается выводить ихъ изъ какого либо единаго принципа, то, слѣдовательно, предъ нашими глазами создались совершенно новыя воззрѣнія на организацію хозяйства соотвѣтственно правамъ труда, а потому и открылись новыя основанія для пропаганды и защиты особой политики труда и заработной платы. Эта политика должна имѣть значеніе и для даннаго момента, и открыть иныя перспективы въ самомъ пониманіи лучшаго будущаго человѣчества.

Дать отвѣтъ на вопросъ, почему возможно было такое видоизмѣненіе взглядовъ можетъ только тотъ, кто съумѣетъ понять, какую роль въ нашей хозяйственной системѣ играютъ обмѣнъ и распредѣленіе и какое значеніе имѣетъ то основ-

ное обстоятельство, что вся наша капиталистическая система является долговременнымъ продуктомъ тяжелаго историческаго процесса.

Предубѣжденному и воспитанному въ извѣстныхъ научныхъ традиціяхъ уму можетъ казаться, что для того, чтобы понять это видоизмѣненіе взглядовъ, чтобы глубже постигнуть самое существо нашей капиталистической системы хозяйства, необходима большая теоретическая жертва, на которую ему безконечно тяжело рѣшиться. Надо признать совершенную непригодность такъ называемой трудовой теоріи цѣнности для объясненія предшествовавшихъ и наличныхъ условій обмѣна и распредѣленія, и открыто и честно признать, что она представляетъ своего рода научное суевѣріе, которое досталось намъ отъ индивидуалистической школы въ экономіи и которое не можетъ служить по тому выводу, который дѣлался изъ этой теоріи, идеаломъ экономической политики и распредѣлительной справедливости для новой, нарождающейся соціально-экономической науки.

Для человѣка, знакомаго съ исторіей развитія экономической науки, понятно, почему теорія трудовой цѣнности такъ дорога представителямъ рабочаго класса. Изъ этой теоріи, какъ казалось, былъ сдѣланъ ясный и необходимый выводъ: „такъ какъ только трудъ создаетъ цѣнности, то задача распредѣлительной справедливости заключается въ томъ, чтобы обезпечить работнику право на полный продуктъ его труда, на всю сумму цѣнностей, имъ создаваемую“.

Рикардо и его ученики создали эту трудовую теорію цѣнности. Родоначальники соціализма сдѣлали изъ нея этотъ выводъ, не замѣчая, что индивидуалистическія наклонности ихъ первоучителя—Рикардо совершенно противорѣчили ихъ соціэтарной, т. е. общественно-хозяйственной точкѣ зрѣнія.

Индивидуалистическая теорія трудовой цѣнности, какъ это ясно теперь почти для всякаго экономиста, была создана подъ непосредственнымъ давленіемъ буржуазной экономической политики, которой нужно было сломить господство земельной аристократіи и показать обществу, какъ путемъ захвата земельной ренты въ свои руки она грабитъ и фабри-

канта и рабочаго. Когда выросли требованія рабочей массы, трудовая теорія цѣнности была преобразована въ интересахъ соціалистической политики и доктрины; но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, она никогда не была теоретически доказана и не представляетъ научной истины, а по тому выводу, который изъ нея дѣлался, и идеала распредѣлительной справедливости.

Въ своей книгѣ: „Обмѣнъ и экономическая политика" я подробно останавливаюсь на анализѣ этой трудовой теоріи цѣнности. Такъ какъ задача каждаго писателя заключается въ томъ, чтобы убѣдить своихъ читателей, то я позволю себѣ въ настоящей статьѣ повторить нѣкоторыя основныя положенія моего изслѣдованія, но постараюсь въ то же время повести читателя по нѣсколько иному пути, чѣмъ тотъ, которымъ я шелъ въ своей книгѣ.

Этотъ путь успокоитъ предубѣжденнаго читателя и, какъ я надѣюсь, убѣдитъ его, что можно оставаться соціалистомъ, считать себя защитникомъ идеи рабочаго сословія, не признавая трудовой цѣнности, считая совершенною нелѣпостью индивидуалистическое представленіе о правѣ на полный продуктъ труда, являясь защитникомъ политики заработной платы.

Чтобы возможно скорѣе и глубже ввести читателя въ кругъ идей, дающихъ намъ представленіе о правахъ труда, мнѣ придется остановиться на работахъ Вильяма Томсона, Луи Блана и Прудона, которые оригинальнѣе другихъ начертали намъ свое представленіе объ идеалахъ распредѣлительной справедливости [1]).

Само собою разумѣется, что эти писатели шли уже по подготовленному пути. Разсужденія о правахъ труда шли уже

---

[1]) Я буду имѣть въ виду нижеслѣдующія сочиненія этихъ писателей и цитировать ихъ по нижеуказаннымъ изданіямъ: a) W. Thomson. Untersuchung über die Grundsätze der für menschliche Glück dienlichsten Vertheilung des Reichtüms, 2 B., нѣм. пер. Колмана съ англійскаго изданія 1824 г., Berlin, 1903 г. b) Louis Blanc. Organisation der Arbeit, нѣмец. пер. Прагера съ 9-го французск. изданія, Berlin, 1899 г. c) Proudhon. Oeuvres completes, nouv. edition, t. I, Q'est que la propriété и t. 7 (стараго изданія) Le droit au travail et le droit de propriété, Paris, 1850, также Représentant du Peuple, пробный номеръ отъ 14 окт. 1847 г.

за долго до нихъ, еще въ концѣ 18-го вѣка, когда шли толки о естественномъ состояніи человѣческаго рода, когда Мабли, Руссо, Годвинъ, Фихте, Кене, Тюрго, Смитъ, Бабефъ, Сэнъ-Симонъ, Фурье и другіе стали размышлять о происхожденіи, историческомъ смыслѣ и значеніи частной собственности и неравенства. Въ трудахъ Томсона, Луи Блана и Прудона, однако, прежнія ученія приняли совершенно иную форму и значеніе; они въ значительной мѣрѣ подготовили то видоизмѣненіе взглядовъ, которое мы констатировали и которое стало возможно только тогда, когда былъ болѣе понятъ самый механизмъ капиталистическаго производства.

Въ концѣ 18-го вѣка и въ началѣ 19-го были впервые формулированы такъ называемыя „естественныя экономическія права“ человѣка. Торжественное провозглашеніе священныхъ правъ частной собственности, какъ казалось тогда, должно было сопровождаться признаніемъ и слѣдующихъ другихъ основныхъ естественныхъ правъ человѣка, а именно: 1) права на существованіе, т. е. права на то или иное удовлетвореніе потребностей человѣка, дающее возможность не только простого бытія (ofliving) для всякаго рожденнаго существа, но и благосостоянія (of well being), поскольку общій запасъ благъ это позволяетъ, какъ выражается, напр., Годвинъ; 2) права на трудъ, т. е. права требовать отъ общества себѣ подобныхъ возможности приложенія своихъ трудовыхъ усилій для обезпеченія своего существованія и счастія и 3) права на полный продуктъ своего труда, т. е. права на полученіе всего матеріальнаго результата въ продуктѣ, получаемаго чрезъ употребленіе и работу своихъ мускульныхъ и нервныхъ силъ.

Физіократы, въ особенности Кене и Тюрго, признали впервые это право на существованіе и право на трудъ, но оба эти права были формулированы ими очень неясно и неопредѣленно, совершенно въ духѣ нарождавшейся эпохи капиталистическаго хозяйства.

Въ сущности право на трудъ, о которомъ говорятъ всѣ физіократы, а въ частности и Тюрго въ своемъ знаменитомъ эдиктѣ 1776 г., было простымъ провозглашеніемъ свободы

промысла, желаніемъ предоставить каждому возможность свободно искать въ любой отрасли промышленности приложенія для своихъ силъ и обращать полученное въ вознагражденіе за трудъ для своихъ надобностей и цѣлей. Кене безконечное количество разъ повторяетъ, что общество должно обезпечить каждому свободную возможность трудиться, но оно не обязано ему давать больше того, сколько онъ въ состояніи заработать своимъ трудомъ. Чѣмъ больше работникъ заработаетъ, тѣмъ больше онъ будетъ имѣть. Представленіе о естественномъ состояніи общества давало Кене и отвѣтъ на вопросъ о суммѣ благъ, которую работникъ можетъ требовать отъ общества. Въ естественномъ состояніи, полагалъ онъ, человѣкъ могъ добыть себѣ только потребный минимумъ для существованія. Организованное общество можетъ вознаградить его трудъ обильнѣе, но не обязано давать ему больше, чѣмъ сколько потребно для его существованія.

Самое право человѣка на существованіе было поставлено, такимъ образомъ, физіократами въ зависимость отъ возможности найти приложеніе для своихъ силъ на рабочемъ рынкѣ. Съ особою ясностью сказывается эта буржуазная точка зрѣнія Кене въ его трудѣ о „Естественномъ правѣ". Онъ приходитъ здѣсь къ убѣжденію, что общество по естественному праву не обязано содержать дѣтей, лишившихся родителей. Кене пишетъ: „ребенокъ, лишенный силы и разума, неоспоримо имѣетъ естественное право на существованіе, его право покоится на обязанности, внушаемой природой отцу и матери....

Тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать, что эта обязанность, подсказываемая и обезпечиваемая чувствомъ, входитъ и въ область справедливаго, такъ какъ отецъ и мать дѣлаютъ только то, что возвращаютъ своимъ дѣтямъ, что сами получили отъ своихъ родителей. Если отецъ и мать ребенка умрутъ и послѣдній очутится безъ всякой помощи, предоставленный непосредственно своимъ силамъ, то онъ не въ состояніи будетъ пользоваться своимъ правомъ и оно сведется къ нулю. Пользованіе глазами прекращается въ пространствѣ, недоступномъ для свѣта" [1]).

[1]) См. библіотека экономистовъ, вып. 6-ой, пер. Горбунова, стр. 3—4.

Формулировка простая и ясная. Анализъ капиталистическаго хозяйства, сдѣланный Тюрго, Смитомъ и ихъ продолжателями, далъ для буржуазной экономіи успокоительное утвержденіе, что капиталистическое хозяйство обезпечиваетъ въ общемъ для каждаго, кто хочетъ трудиться, этотъ минимумъ потребный для существованія. Буржуазная экономія признавала право на трудъ, какъ право свободно искать приложенія для своихъ силъ и устами Мальтуса провозгласила, что установленіе какого то права на существованіе было бы разрѣшеніемъ безграничнаго размноженія ненужныхъ людей, торжествомъ животныхъ инстинктовъ и гибели цивилизаціи въ условіяхъ общей бѣдности [1]).

Аргументація Мальтуса не могла, конечно, убѣдить бѣдняка въ томъ, что онъ осужденъ на смерть, разъ онъ самъ не найдетъ приложенія для своихъ силъ на рабочемъ рынкѣ. Рѣшится ли кто либо теперь открыто утверждать, что рожденное и живущее человѣческое существо можетъ и должно быть уничтожено голодомъ? Поставило ли современное общество какіе либо предѣлы для права размноженія? Вѣковые споры о пресловутомъ законѣ населенія Мальтуса показали

---

[1]) „Аббатъ Рейналь сказалъ, пишетъ Мальтусъ въ своемъ опытѣ о законѣ населенія, avant toutes les lois sociales l'homme avait le droit de subsister. Онъ могъ бы съ большимъ правомъ сказать, язвитъ Мальтусъ, что человѣкъ имѣетъ право жить сто лѣтъ. Безъ сомнѣнія, человѣкъ обладаетъ этимъ правомъ, и сохраняетъ его и теперь,—это доброе право жить 100 и даже 1000 лѣтъ, если можетъ, не нарушая правъ другихъ на существованіе. Но въ обоихъ случаяхъ вопросъ, въ сущности, сводится къ *возможности*, а не къ *праву*. Возникновеніе общественныхъ законовъ доставило возможность существованія бо̀льшему количеству людей сравнительно съ тѣмъ, которое могло существовать безъ этихъ законовъ и весьма расширило предѣлы этого le droit de subsister. Но ни до, ни послѣ ихъ созданія не могло существовать безграничнаго количества людей. И какъ до изданія этихъ законовъ, такъ и послѣ нихъ, тотъ кто потерялъ возможность (power), пересталъ и обладать правомъ". Выводъ, сдѣланный Мальтусомъ, жестокъ. По его мнѣнію, человѣку слѣдуетъ дать понять, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать отъ общества какой ни было доли пищи, кромѣ той, которую его трудъ можетъ купить на обыкновенномъ рабочемъ рынкѣ. Если онъ не находитъ здѣсь приложенія для своихъ силъ, очевидно, количество людей чрезмѣрно велико и нѣкоторая ихъ часть должна изчезнуть. Ср. Malthus, Essay on Population, изд. Ward and Lock, 1890 г., книга IV-я, глава 6-я, стр. 476—477.

только то, что человѣчество въ своемъ численномъ составѣ наростаетъ и что чрезмѣрное размноженіе замѣчается именно въ тѣхъ случаяхъ, когда культурный уровень понижается. При всякомъ повышеніи культурныхъ требованій отъ жизни, этотъ процессъ не ускоряется, а скорѣе замедляется. Вопросъ же объ устроеніи желающей работать массы населенія никогда не удавалось устранить, ибо, какъ показали многіе изслѣдователи, въ самихъ условіяхъ нашей промышленности лежитъ то обстоятельство, что значительныя доли населенія въ теченіе продолжительныхъ промежутковъ времени остаются на положеніи „безработныхъ". Точной статистики этихъ безработныхъ мы еще не имѣемъ, но, по самой оптимистической французской статистикѣ, безработныхъ оказывается около 8% всего рабочаго населенія. Цифра внушительная и заставляющая призадуматься [1]).

Даже въ самый разцвѣтъ индивидуалистической доктрины и господства капиталистическаго класса, когда организованная власть могла безпрепятственно употреблять невѣжественныя массы противъ массъ, пришлось пойдти на компромиссъ и общественное призрѣніе было организовано жестоко, но исчезнуть не могло. Среди буржуазнаго общества произвело большую сенсацію заявленіе графа Бисмарка въ 1884 г., когда онъ сказалъ въ парламентѣ, что вполнѣ признаетъ три основныхъ права труда: право на помощь для больнаго и безпомощнаго, право на трудъ для здороваго и право на

[1]) См., напр., книгу Cagninacci. Le chomgse, 1905 г., стр. 14—21. У насъ въ Россіи этотъ вопросъ о безработныхъ и ихъ устраненіи ставится жизнью въ нѣсколько иной формѣ. Проф. Мануиловъ, основываясь на данныхъ коммисіи о центрѣ, пишетъ: „что же касается до соотношенія между размѣрами надѣловъ и рабочимъ составомъ сельскаго населенія, то, по даннымъ коммисіи по оскудѣнію центра, въ среднемъ на дворъ приходилось надѣльной земли въ четыре—пять разъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы, чтобы использовать всю рабочую силу двора. По разсчету коммисіи, общее число работниковъ, потребное для уборки урожая со всей площади хлѣбныхъ посѣвовъ на надѣльныхъ земляхъ, составляло въ 1900 г. 11,360,200 человѣкъ обоего пола, въ дѣйствительности же наличное число мѣстныхъ крестьянъ обоего пола было 44,724,800 человѣкъ рабочаго возраста. Такимъ образомъ избытокъ рабочихъ силъ сельскаго населенія достигалъ почти 33 милл. человѣкъ". См. Мануиловъ. Поземельный вопросъ въ Россіи, М. 1905 г., стр. 29.

пенсію для стараго [1]). Правда, какъ практическій политикъ, онъ не обосновывалъ этихъ правъ какими бы то ни было разсужденіями философическаго характера. Провозглашеніемъ этихъ скромныхъ правъ онъ надѣялся нанести рѣшительный ударъ соціалъ-демократіи, но время было уже давно упущено и общественная мысль настолько выросла, что право на трудъ уже нельзя было обосновывать такими побасенками, какъ это дѣлали въ свое время Фурье и Консидеранъ [2]). Если вы заглянете въ труды этихъ двухъ писателей, то вы увидите, что они обосновываютъ это право каждаго получить работу отъ общества на почвѣ туманныхъ фразъ естественнаго права. Фурье полагаетъ, что въ естественномъ состояніи человѣкъ имѣлъ семь неотъемлемыхъ правъ: право на охоту, на рыбную ловлю, на грабежъ сосѣднихъ племенъ, право на помощь отъ собственнаго племени и драгоцѣнное право на „беззаботность". Въ качествѣ эквивалента за всѣ эти права организованное буржуазное общество должно признать право работника на полученіе труда. Консидеранъ идетъ уже немного дальше. Онъ признаетъ частную собственность на вещи, добытыя трудомъ, но отрицаетъ право собственности на землю и видитъ въ правѣ на трудъ необходимый эквивалентъ за захватъ земли.

Чѣмъ могъ оправдать Бисмаркъ сдѣланное имъ провозглашеніе правъ труда? Фраза о борьбѣ съ соціалъ-демократіей ясно показываетъ, что онъ думалъ только о самозащитѣ буржуазіи. Онъ призывалъ ее къ уступкамъ противъ все болѣе грознаго теченія, которое стремится къ видоизмѣненію всей нашей народнохозяйственной организаціи. Здѣсь дѣло шло уже не о „философіи", а о полицейскихъ мѣрахъ самообезпеченія. Новый курсъ соціальной политики Бисмарка и Прус-

---

[1]) Послѣднія волненія безработныхъ въ Англіи побудили консервативное правительство провести законъ, которымъ предоставляется мѣстнымъ органамъ самоуправленія устраивать за счетъ городскихъ налоговъ „земледѣльческія колоніи". Это настоящее знаменіе времени, на которомъ жизнь, конечно, не остановится.

[2]) См. Fourier. Traité de l'Association, т. I, Paris, 1822 и V. Considéran Théorie du droit de propriété et du droit au travail, Paris, 1848 (3 изд.).

ской монархіи объясняется, слѣдовательно, чисто практическими требованіями жизни. И владѣющимъ классамъ всѣхъ странъ это давно пора имѣть въ виду! Дѣйствительность, однако, скоро показала, что, по существу дѣла, этотъ новый курсъ былъ старымъ. Новый курсъ былъ простымъ расширеніемъ права на призрѣніе, которое капиталистическое общество никогда не могло устранить изъ своей среды по причинамъ простой цѣлесообразности и необходимости поддержанія порядка.

Бисмаркъ очень тактично поступилъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго желанія обосновать свои положенія. Могъ-ли онъ сказать что-либо вѣское послѣ того, какъ Прудонъ, эта путаная, но поразительная по талантливости голова, такъ ясно и опредѣленно отвѣтилъ на вопросъ, что слѣдуетъ понимать подъ правомъ на трудъ. Этого вопроса онъ коснулся дважды. Первый разъ въ анонимной статьѣ, помѣщенной въ его журналѣ „Répresentant du Peuple“, во второй разъ въ брошюрѣ, выпущенной по поводу тѣхъ преній, которыя возникли въ національномъ собраніи по вопросу о правѣ на трудъ въ въ 1848 году. Оба эти произведенія дополняютъ другъ друга. Первое имѣетъ отрицательное критическое значеніе, второе намѣчаетъ положительныя стороны этого права.

Въ первой своей статьѣ Прудонъ категорически высказывается, что формула права на трудъ, такъ, какъ она обыкновенно понимается, недостойна, недостаточна, аристократична и опасна.

По его мнѣнію она *недостойна*, ибо она выставляетъ, какъ правовое начало, наслѣдственную обязанность бѣдняковъ жить на заработную плату, приковывая ихъ къ работамъ, требующимся для современнаго общества... Она *недостаточна*, ибо она не представляетъ собою всеохватывающаго положенія и можетъ разсматриваться, какъ нѣчто преходящее и провизорное. Она даетъ молчаливо возможность немногимъ счастливцамъ не выполнять этого права на трудъ, т. е. не работать, не принимать участія въ общемъ дѣлѣ изготовленія благъ, сокращая такимъ способомъ запасъ благъ народа, который ихъ производитъ. Эта формула *аристократична*, ибо

она считаетъ фактомъ соціальное неравенство и возможность эксплоатаціи производителей непроизводителями, ибо она на вѣчныя времена признаетъ превосходство бездѣльниковъ цивилизованныхъ классовъ надъ трудомъ, на вѣчныя времена неравномѣрно распредѣляетъ человѣческую дѣятельность въ противорѣчіи съ наличными знаніями и способностями. Она *опасна*, ибо гораздо болѣе покровительствуетъ хорошо понятымъ интересамъ капиталистовъ, землевладѣльцевъ, спекулянтовъ и вообще привиллегированныхъ владѣльцевъ, для которыхъ она является трогательнымъ обнаруженіемъ якобы ихъ заботливости, чѣмъ бѣднякамъ, которые на нихъ работаютъ. Хитрые государственные люди могли бы при принятіи народомъ этой формулы потребовать отъ него, чтобы онъ болѣе ничего не желалъ. Эта формула опасна, ибо она сводитъ желанія и правовыя требованія работника къ послѣднему жизненному минимуму, потому, что, она, околпачивая бѣдняка и приводя его къ безнадежности, быть можетъ, сдѣлаетъ его довольнымъ на протяженіи многихъ столѣтій. Она опасна, ибо приводитъ къ увѣренности, что мучители народа сами отъ себя дѣлаютъ все, что возможно и что нѣтъ другихъ средствъ для облегченія его страданій. Путемъ дешевой подачки и хитрой уступчивости такъ отдаляется день общаго разсчета и отнимается у соціалъ-реформаторовъ сила и опора, питавшая послѣдовательно переходившее отъ отца къ сыну недовольство... Однимъ словомъ, эта формула опасна потому, что она еще крѣпче скуетъ цѣпи пролетаріата и увѣковѣчитъ постоянство его рабства подъ новой формой феодализма.

Во второй своей брошюрѣ Прудонъ съ необычайной проницательностью указываетъ, что, провозглашая право на трудъ, мы отнюдь не должны имѣть въ виду возможность подысканія любой работы какому либо, напр., квалифицированному работнику. Право на трудъ обращается несомнѣнно въ простое призрѣніе, если государство врачу, не имѣющему работы, дастъ занятіе, заставляя его подметать улицы! Вопросъ о правѣ на трудъ сводится, слѣдовательно, на право получать трудъ, соотвѣтствующій своимъ способностямъ, и надлежащаго вознагражденія. Другими словами это вопросъ не *призрѣнія*, а

организаціи труда... „Если подъ правомъ на трудъ, пишетъ Прудонъ, понимаютъ только введеніе общественныхъ работъ для подысканія труда безработнымъ за счетъ государства, департаментовъ и общинъ, если подъ обѣщаніемъ содѣйствовать развитію работниковъ слѣдуетъ понимать то, что будетъ дана работа каменьщикамъ и поденщикамъ, то такая уступка, конечно, не будетъ угрожать собственности и лишь поставитъ наши финансы въ затрудненіе.

При такой постановкѣ дѣла, вмѣсто того, чтобы устранить пролетаріатъ, увеличатъ только его численный составъ, истощатъ средства страны, вмѣсто того, чтобы ихъ увеличить.. Во внутреннемъ развитіи организованнаго труда, а не во внѣшнемъ разсѣяніи капиталовъ и средствъ лежитъ рѣшеніе проблемы. Съ этой точки зрѣнія я скажу утопическимъ консерваторамъ собственности: *право на трудъ есть право, которое каждый гражданинъ, къ какому бы промыслу или профессіи онъ ни принадлежалъ, всегда имѣетъ право на работу въ своемъ промыслѣ за извѣстную заработную плату, размѣръ которой не произволенъ и независитъ отъ случая, а соотвѣтствуетъ наличному и нормальному уровню заработныхъ платъ. Вотъ что такое—право на трудъ и чѣмъ либо другимъ оно быть не можетъ*".

Выводъ, сдѣланный Прудономъ изъ этого положенія, извѣстенъ. Онъ, съ одной стороны, провозгласилъ обязанность труда для каждаго, чтобы тѣмъ обезпечить возможность принадлежности каждому продукта его личнаго труда. Съ другой стороны, онъ пришелъ къ мысли о странномъ противорѣчіи въ этомъ правѣ на трудъ. По его мнѣнію, всякое общество, провозглашающее право на трудъ, стремится къ отрицанію собственности, ибо право на трудъ есть отрицаніе собственности. Съ другой стороны это право является необходимымъ слѣдствіемъ частной собственности. И потому и неизбѣжно, что собственность, признавая право на трудъ, вводя безплатное и техническое обученіе, уравнивая въ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ, создавая страховыя и кредитныя учрежденіи, допуская свободу ассоціацій, раздавая работу безработнымъ, воспитывая сиротъ, принимая на излѣченіе боль-

ныхъ и оказывая поддержку безпомощнымъ старикамъ, сама себя разрушаетъ. Такимъ образомъ, уже въ эту эпоху вопросъ о правѣ на трудъ былъ сведенъ къ проблемѣ объ организаціи хозяйства, и говорить о разрѣшеніи соціальнаго вопроса путемъ расширенія призрѣнія становилось невозможнымъ.

Всѣ современые толки о введеніи государственнаго страхованія на случай смерти, старости, болѣзни, неспособности къ труду, отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи, развитіе охраны труда женщинъ и дѣтей и сотни другихъ вопросовъ рабочаго законодательства только тогда могутъ быть разрѣшены плодотворно, если мы будемъ видѣть въ нихъ не проблемы общественнаго призрѣнія, принимаемыя для обезпеченія буржуазіи, а сложные вопросы организаціи труда, въ которыхъ послѣдній долженъ работать для себя наряду съ владѣющими классами.

Теперь, когда снизу, изъ глубинъ народныхъ массъ, стали выдвигаться двѣ новыя формулы распредѣлительной справедливости, основанныя совсѣмъ на иныхъ началахъ, отъ владѣющихъ классовъ требуется болѣе ясное пониманіе своего положенія. Они не могутъ не знать того, что заслуга теоретиковъ соціализма заключается въ томъ, что они оставили споры о естественныхъ правахъ человѣка и показали, что бѣдность и всѣ ея страданія зависятъ отъ принадлежности орудій производства не тѣмъ, кто трудится. Соціалисты, съ помощью науки, начертали историческій процессъ роста цивилизаціи и развитія собственности и, оставивъ почву естественныхъ правъ, стали трактовать объ „реальныхъ условіяхъ организаціи хозяйства", согласующихся съ „общимъ" счастіемъ всѣхъ „равныхъ" людей.

Въ ихъ трудахъ скромное право на существованіе своимъ трудомъ обратилось *въ право на полный продуктъ личнаго труда*, а затѣмъ и *въ право на полное удовлетвореніе своихъ потребностей*. Въ этихъ двухъ идеалахъ распредѣлительной справедливости оказались два непримиримыхъ воззрѣнія на самое существо современной капиталистической системы и грядущаго соціальнаго хозяйства. И характерно,

что первый изъ намѣченныхъ идеаловъ всегда въ своихъ конечныхъ формахъ обращался во второй, чтобы незамѣтно воплотиться въ издревле формулированное право на существованіе и право на трудъ, какъ его понимаетъ Прудонъ. Предъ нашимъ обществомъ стоитъ въ настоящее время эта великая проблема „организаціи труда". И дѣло идетъ не о провозглашеніи вновь естественныхъ правъ гражданина, а о такомъ устроеніи политическаго быта, чтобы было возможно необходимое и плодотворное пересозданіе и соціальныхъ условій. Къ рѣшенію этой проблемы должны быть готовы, какъ владѣющіе, такъ и работающіе классы. Для этого нужно знаніе, пониманіе окружающихъ условій и умѣніе работать, иначе наступитъ хаосъ, могущій насъ подвинуть не впередъ, а назадъ, къ одичанію, къ массѣ пролитой крови безъ плодотворныхъ соціальныхъ результатовъ.

Прежде чѣмъ читать мою книгу, я просилъ бы читателя со мной вмѣстѣ заглянуть въ труды Томсона, Прудона и Луи Блана. Тогда читатель, надѣюсь, убѣдится, что я недаромъ потратилъ столько силъ на опроверженіе трудовой теоріи цѣнности. Я пытался этимъ дать дорогу иной работѣ на почвѣ соціальныхъ преобразованій, далекой отъ революціоннаго утопизма и неопредѣленности, основанной на неясности теоретическаго анализа. Въ наше время становится недостаточно страдать и мучиться страданіями пролетаріата. Надо выучиться работать съ нимъ вмѣстѣ на его пользу.

Растущее противорѣчіе между соціализмомъ парламентарнымъ (С. Д.) и соціализмомъ революціоннымъ (С. Р.), этими двумя видами соціализма, сказывается не только у насъ, но и на западѣ. Это обнаружилось съ особой ясностью на вопросѣ о всеобщей стачкѣ, который дебатировался въ соціалистическихъ кругахъ съ крайнимъ ожесточеніемъ. Любопытные результаты этихъ споровъ собраны въ книгѣ Лагарделя: La grève générale et le socialisme, Paris, 1905. Лагардель заключаетъ свою книгу замѣчаніемъ, что отнынѣ родилась борьба между соціализмомъ революціоннымъ и чисто-парламентарнымъ: или одинъ, или другой. Мнѣ представляется, что будущ-

ность принадлежитъ соціализму только парламентарному, но для этого ему придется въ ближайшемъ же будущемъ прійти къ необходимости послѣдовательныхъ компромисовъ съ буржуазнымъ обществомъ. Соціализмъ революціонный упрекаетъ соціализмъ парламентарный, что онъ только проповѣдуетъ, а не дѣйствуетъ. Онъ надѣется всеобщей стачкой внезапно покончить съ буржуазнымъ обществомъ.

Глубина невѣжества сказывается въ этомъ стремленіи и непониманіе самаго существа капиталистическаго хозяйства съ его многообразіемъ интересовъ и пассивностью людей. Честный Гедъ на конгрессѣ въ Лилѣ говорилъ: слово „всеобщая стачка“ уже принесло не мало зла. Всеобщая стачка! А между тѣмъ никто не хочетъ организовываться. Всеобщая стачка! И никто не идетъ къ избирательнымъ урнамъ. Всеобщая стачка! И презираютъ политиковъ, которые якобы эксплуатируютъ рабочихъ. Слово всеобщая стачка служитъ оружіемъ противъ всѣхъ разновидностей нашего соціализма. Въ настоящій моментъ оно надѣлало больше зла, чѣмъ министеріализмъ. Послѣдній все болѣе и болѣе дискредитируется среди рабочихъ, фантомъ же всеобщей стачки подъ своимъ мистическимъ и чудодѣйственнымъ покрываломъ все болѣе очаровываетъ работниковъ. Даже болѣе, работникъ, который выходитъ изъ соціалистической партіи и становится сторонникомъ всеобщей стачки воображаетъ, что онъ сталъ революціонеромъ. Мнѣ говорятъ, что „если пять милліоновъ рабочихъ оставятъ свои мастерскія, то 400 или 500 тысячъ солдатъ, разсѣянныхъ повсемѣстно и въ небольшомъ числѣ, окажутся совершенно безсильными. Это сонъ. Недопустимо, чтобы милліоны рабочихъ оказались готовыми умереть отъ голода за свой классъ, когда въ интересахъ своего же класса они не хотятъ класть въ урны своихъ биллютеней. Еще понимаютъ подъ всеобщей стачкой ничто иное какъ результатъ всеобщей стачки въ какомъ нибудь промыслѣ, который принудитъ другіе промыслы примкнуть къ движенію. Будьте осторожны! Такое желаніе равносильно стремленію произвести насиліе надъ пролетаріатомъ. А тогда, подвергшіеся насилію работники, способны дѣйствовать за одно съ своими

предпринимателями. Наконецъ, надо принять во вниманіе и положеніе крестьянъ. Если ихъ интересы будутъ нарушены всеобщей стачкой, не толкнемъ ли мы ихъ въ лагерь буржуазіи? Между тѣмъ мы не можемъ произвести революціи помимо воли крестьянъ. Всеобщая стачка вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ революціи, топоры крестьянъ присоединитъ къ ружьямъ солдатъ". Надъ этими словами стоитъ подумать. Само собою разумѣется, при этомъ слѣдуетъ помнить, что Гедъ высказалъ свои соображенія, примѣняясь къ условіямъ той политической и соціальной обстановки, среди которой онъ живетъ и дѣйствуетъ.

II.

Я недавно перечитывалъ сочиненія Томсона, Луи Блана и Прудона. Случаю было угодно, чтобы одновременно въ мои руки попалась толстая книга „Нужды деревни", и я прочелъ въ ней статью г. Пѣшехонова: „Земельныя нужды деревни". Немного времени спустя, я прочелъ въ газетѣ „Русскія Вѣдомости" еще и рядъ статей того же автора подъ заголовкомъ: „Основныя задачи аграрной реформы". Меня поразило необыкновенное сходство въ основныхъ воззрѣніяхъ этихъ писателей, которое сказывается въ необыкновенной простотѣ, но и полнѣйшей неясности ихъ практическихъ платформъ. Для представителя русскаго народничества это очень характерно. Русское народничество всегда отличалось широтой размаха своихъ идеаловъ и большой наклонностью къ утопизму, который такъ соотвѣтствуетъ русской натурѣ. Еще Некрасовъ когда-то сказалъ, что „русскій человѣкъ по свѣту рыщетъ, дѣла исполинскаго себѣ ищетъ", а между тѣмъ самыя основныя стороны его жизни не устроены, не организованы; у него нѣтъ пониманія, что „нельзя и не слѣдуетъ устраивать людей по выработанному шаблону, но что можно и должно помогать имъ устраиваться". Этотъ процессъ устроенія людей чрезъ самихъ себя медлененъ, но проченъ, и вѣрная дорога будетъ найдена только тогда, когда утопизмъ смѣнится яснымъ представленіемъ о самыхъ осно-

вахъ современнаго хозяйства во всемъ его цѣломъ, и когда самый идеалъ распредѣлительной справедливости сдѣлается столь же опредѣленнымъ, благодаря пониманію этихъ основъ современнаго хозяйства. Я хорошо знаю, что широта размаха русскихъ идеаловъ всегда ставится намъ въ заслугу. Въ немъ видятъ отсутствіе той буржуазной гнили, которая заѣла западъ, которая на мѣсто свѣжаго, искренняго чувства ставитъ только подлѣйшіе компромисы и приспособленіе къ условіямъ времени. Когда я въ первый разъ въ своей жизни отправился за границу, будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, меня поразило практическое настроеніе западной демократіи и западной университетской науки. Я выразилъ свое настроеніе въ дружескомъ письмѣ къ покойному нынѣ профессору Н. А. Карышеву и получилъ отвѣтъ, который въ свое время меня очень поразилъ. „Не давайте себя побѣдить, писалъ Николай Александровичъ, софизмами этихъ кафедральныхъ межеумковъ, этой гнилой буржуазіи, мечащейся въ ужасѣ передъ краснымъ знаменемъ, создающей свои теоріи, въ которыхъ видно полное отсутствіе творчества, сидѣніе между двухъ стульевъ, боязнь послѣднихъ конечныхъ выводовъ, исканіе спасенія въ отрицаніи того, что дважды два не пять. Неужели человѣку со свѣжей головой и безъ предразсудковъ, человѣку съ подготовкой въ соціальныхъ вопросахъ можно еще серьезно останавливаться на дѣтскомъ лепетѣ этихъ несчастныхъ Вагнеровъ, Шефле и т. п., о которыхъ чрезъ два-три десятка лѣтъ будутъ говорить только со смѣхомъ? Вы спрашиваете, признаю ли я трудовую теорію цѣнности? Пощадите! Да въ здравомъ умѣ и твердой памяти, и вмѣстѣ *добросовѣстно*, можно ли сказать противъ нея хоть слово? Неужто же вы серьезно думаете, что катедеры думаютъ иначе? Неужто вы не понимаете, что они *не смѣютъ* говорить этого, ибо въ тотъ день, когда они признали бы ее открыто, они должны были бы сложить оружіе и въ политикѣ, какъ націоналъ-либералы, и во всемъ своемъ міровоззрѣніи, и идти покорно вмѣстѣ съ своими врагами“ (письмо отъ 19-го мая 1892 г.).

Да будетъ благословенна память объ этомъ честномъ

человѣкѣ! Какъ русскій человѣкъ, онъ не хотѣлъ быть неискреннимъ, хотѣлъ правдѣ смотрѣть въ глаза, но онъ не убѣдилъ меня, и я никогда не могъ согласиться, что трудовая цѣнность и принадлежность всей суммы цѣнности, произведенной трудящимся, работнику, какъ таковому, можетъ быть высшимъ и конечнымъ идеаломъ распредѣлительной справедливости. Не могъ онъ меня убѣдить и въ томъ, что стоитъ формулировать принципы, чтобы тѣмъ самымъ предопредѣлить практическій путь, которымъ слѣдуетъ идти. Я говорю это не для того, чтобы оправдать буржуазное настроеніе западной демократіи и отчасти западной университетской науки. Въ сидѣніи между двухъ стульевъ нѣтъ ничего привлекательнаго, но заботиться о ясности и опредѣленности, о научной силѣ теоретическихъ принциповъ также необходимо, какъ и искать практическихъ путей для осуществленія этихъ принциповъ. Свѣжая голова и отсутствіе предразсудковъ—это хорошо сказано! Но свѣжая голова иногда означаетъ только недостаточную ясность теоретическаго анализа, а отсутствіе предразсудковъ—широкій размахъ невыполнимыхъ желаній.

Г. Пѣшехоновъ—сынъ своего народа. Онъ страдаетъ страданіями народа, вѣритъ въ трудовую цѣнность, какъ въ незыблемый научный законъ, съ особымъ сочувствіемъ отмѣчаетъ, что у русскаго народа и у русскихъ экономистовъ сохранился взглядъ на землю, какъ на „Божію и Государеву", онъ хочетъ свободы не собственниковъ, а населенія, и въ результатѣ формулируетъ свою практическую платформу такимъ образомъ: „мнѣ хочется указать лишь то направленіе, въ которомъ общественная мысль можетъ искать и найти справедливое и цѣлесообразное рѣшеніе аграрной проблемы.

Для этого необходимо, чтобы государство обезпечило прежде всего то, что создается его коллективными усиліями. Когда же эта половина задачи будетъ выполнена, государству, опирающемуся на громадный и все увеличивающійся запасъ собственныхъ земель и на фиксированныя цѣны на землю, легче будетъ разрѣшить и другую половину той же проблемы—*обезпечить каждому все то, что создается его личными усиліями*".

Въ другой статьѣ, отмѣченной нами, тотъ же г. Пѣшехоновъ пишетъ: ,,чтобы распутать основной узелъ аграрной проблемы, есть только одно средство: *земледѣльческаго производителя необходимо освободить отъ земельнаго собственника.* Задачъ аграрной реформы, поэтому, по его мнѣнію, три:

1. Необходимо право на землю объединить въ одномъ институтѣ, обезпечивъ при этомъ свободное размѣщеніе населенія по территоріи и свободное распредѣленіе его на классы (?). 2. Необходимо освободить земледѣльческую массу отъ эксплоатаціи ея земельными собственниками и для этого изыскать мѣры, чтобы земля не могла служить *средствомъ присвоенія прибавочнаго продукта, создаваемаго въ чужихъ хозяйствахъ*, и 3. нужно положить предѣлъ присвоенію земельными собственниками общественнаго достоянія въ видѣ ренты, представляющей результатъ коллективной жизни и коллективнаго труда".

Средства для проведенія въ жизнь аграрной реформы г. Пѣшехоновъ предполагаетъ найдти очень просто. „Если бюджетныхъ средствъ не найдется, пишетъ онъ, то необходимо прибѣгнуть къ займу. Мы должны уже болѣе шести милліардовъ, но еще на одинъ-два милліарда нашей кредитоспособности, конечно, хватитъ. Если же въ обычной формѣ намъ не повѣрятъ, то что дѣлать: надо заложить наши желѣзныя дороги".

Фиксированіе цѣны земли онъ также предполагаетъ произвести очень просто. „Но какъ государству, пишетъ онъ, оцѣнить, и при томъ безобидно оцѣнить, сто милліоновъ десятинъ частной земельной собственности? Технически, вѣдь, это невыполнимая задача. Пусть въ такомъ случаѣ самъ владѣлецъ оцѣнитъ свой участокъ и опредѣлитъ стоимость принадлежащаго ему имущества. Но пусть эта оцѣнка послужитъ основаніемъ и для налоговаго обложенія. Несомнѣнно, нѣкоторые владѣльцы пожелаютъ обезпечить себѣ возможно высшія и даже преднамѣренно вздутыя цѣны. Но они скоро убѣдятся, что это невыгодно. Назначенную ими цѣну въ ближайшемъ будущемъ дать, быть можетъ, никто не захочетъ и въ видѣ налоговъ они, въ конечномъ счетѣ, за-

платятъ даже больше, чѣмъ сколько сейчасъ припишутъ стоимости своего имущества. *Наказывать ихъ за это*, конечно, не стоитъ: пусть имъ будетъ предоставлено право самимъ и понизить произведенную оцѣнку" [1]).

Г. Пѣшехоновъ несомнѣнно *свѣжая голова* и у него нѣтъ *предразсудковъ*. Еще болѣе свѣжія головы, однако, были у Томсона, Луи Блана и Прудона. Заглянемъ же въ ихъ труды для того, чтобы составить себѣ представленіе о ихъ идеалахъ распредѣлительной справедливости и о тѣхъ путяхъ и средствахъ, которыми они хотѣли идти къ ихъ осуществленію. Этимъ самымъ мы уже отчасти дадимъ отвѣтъ на вопросъ, научилъ ли насъ чему либо г. Пѣшехоновъ или же его проектъ заставляетъ насъ укоризненно качать головой, съ сожалѣніемъ повторяя фразу: исторія ничему не научила соціальныхъ утопистовъ: одного чувства и настроенія недостаточно для людей, стремящихся быть руководителями общественнаго мнѣнія!

Томсонъ и Прудонъ, слѣдуя за Сэнъ-Симонистами, видѣли идеалъ распредѣлительной справедливости въ принадлежности трудящемуся полныхъ результатовъ его „личнаго труда". Луи Бланъ далъ намъ другую, по его мнѣнію, болѣе благородную формулу распредѣлительной справедливости: всякому по его потребности. Какъ я уже сказалъ ранѣе, въ этихъ двухъ идеалахъ распредѣлительной справедливости сказались два непримиримыхъ воззрѣнія на существо современной капиталистической системы и на способы ея трансформаціи. Что же говорятъ намъ Томсонъ и Прудонъ?

По мнѣнію Томсона, цѣль человѣческой жизни заключается въ пріобрѣтеніи счастія для наибольшей массы человѣческихъ существъ. Вещественные элементы богатства, поэтому, должны быть такъ распредѣлены, чтобы 1) достигалось наибольшее равенство наслажденій и 2) обнаруживалось наибольшее развитіе производительности, т. е. наиболь-

---

[1]) См. Нужды деревни, т. II-й, отмѣченную статью, стр. въ особ. 86 и 155, также вторую его статью въ № 207, 1905 г. въ газетѣ „Русскія Вѣдомости". Курсивъ принадлежитъ мнѣ.

шее умноженіе и изобиліе вещественныхъ элементовъ богатства.

Богатство, т. е. матеріальные продукты, создаются непосредственно трудомъ человѣка. Сильнѣйшее же и наиболѣе цѣлесообразное побужденіе къ развитію производительности заключается въ увѣренности тѣхъ, кто производитъ продукты, что результаты ихъ личнаго труда будутъ принадлежать всецѣло имъ, работающимъ. По его мнѣнію, всѣ неурядицы капиталистическаго строя устранятся, если человѣчество пойметъ эти основныя истины.

Томсонъ очень просто рѣшаетъ вопросъ о трансформаціи капиталистическаго строя. Онъ проповѣдываетъ идею свободнаго промышленнаго самоуправленія и видитъ въ производительныхъ товариществахъ Р. Овена начало лучшаго будущаго. Организація политическаго самоуправленія, на началахъ всеобщаго представительства, кажется ему, какъ практичному англичанину и вѣрному ученику Бентама, необходимымъ предварительнымъ условіемъ промышленнаго самоуправленія [1]).

Стоитъ, полагаетъ Томсонъ, обезпечить за каждымъ право на полный результатъ его труда, дозволить каждому свободно работать надъ чѣмъ угодно и любое количество времени, раз-

---

[1]) Управленіе съ народнымъ представительствомъ, пишетъ Томсонъ, необходимо для всеобщей обезпеченности, совершается ли трудъ однимъ или тысячами или десятками тысячъ людей, въ ассоціаціи или коопераціи. Обезпеченность необходима для воспроизводства. Обезпеченность же можетъ быть достигнута только чрезъ самоуправленіе, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ. Самоуправленіе, по сколько оно касается внѣшнихъ дѣлъ, при существующихъ условіяхъ образованія и нравственности, можетъ быть достигнуто только чрезъ народное представительство. Такъ какъ равно въ интересахъ кооперативнаго и индивидуальнаго труда слѣдуетъ требовать народнаго представительства или самоуправленія для защиты и обезпеченія ихъ, то эта форма правленія должна повсемѣстно быть введена и всѣ причины, унижающія человѣка и способствующія его обѣдненію, должны быть устранены. При такомъ положеніи вещей, замѣчаетъ онъ далѣе, стремятся къ тому, чтобы *возвысить заработную плату* и постепенно дать каждому человѣку средней ловкости такое количество капитала, чтобы ему была обезпечена совокупность продуктовъ его труда полностью или почти полностью". См. l. с., т. II, стр. 353.

рѣшить свободу обмѣна продуктами, и народнохозяйственная жизнь придетъ въ порядокъ, въ состояніе естественнаго равновѣсія. Онъ вѣритъ, что при такихъ условіяхъ каждый будетъ получать за продуктъ своего труда равное же количество труда другого: всѣ будутъ благоденствовать, продукты будутъ свободно размѣниваться, какъ трудовыя цѣнности, и производство достигнетъ наивысшихъ возможныхъ размѣровъ.

Томсонъ, однако, и самъ замѣчаетъ, что вопросъ о реорганизаціи капиталистическаго строя не такъ просто рѣшается. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего труда онъ говоритъ уже не о правѣ на полный продуктъ труда каждаго индивидуальнаго работника, а выражается болѣе обще и абстрактнѣе: „трудъ, т. е. вся совокупность работающихъ, долженъ наслаждаться общимъ вещественнымъ результатомъ своихъ усилій"; „доли въ этихъ результатахъ труда, кто такъ или иначе содѣйствуютъ созданію продукта своими духовными или тѣлесными способностями, должны быть равны". Какъ человѣкъ добросовѣстный, онъ видитъ, что даже при одномъ различіи въ способностяхъ человѣка возможно возникновеніе неравенства. Поэтому онъ скромно добавляетъ: „хотя трудъ и имѣетъ право на полный результатъ своего труда, но работающіе, прежде чѣмъ начать производство, могутъ установить для себя добровольно равенство вознагражденія". Много трогательныхъ страницъ написалъ Томсонъ, чтобы доказать, что равенство вознагражденія приведетъ къ соціальному блаженству, но для всякаго ясно, какъ безплодно и противорѣчиво все его построеніе относительно провозглашенія полнаго права на продуктъ личнаго труда.

Всякій, кто знакомъ съ сочиненіями и жизнью Прудона, знаетъ, что его теоретическая схема близка съ таковой же Томсона. По своимъ практическимъ результатамъ она оказалась безплодной, какъ провозглашеніе моральнаго начала распредѣлительной справедливости—не вѣрной, но въ тоже время система эта, какъ увидимъ, пыталась вывести формулу распредѣлительной справедливости изъ самаго существа хозяйства объединенныхъ людей.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, въ частности и въ трак-

татѣ о собственности [1]), Прудонъ повторяетъ свои излюбленныя идеи. „Продукты покупаются только продуктами. Отсюда слѣдуетъ, что условіемъ всякаго обмѣна является эквивалентность продуктовъ, а всякій барышъ несправедливъ и невозможенъ. Соблюдайте этотъ принципъ элементарной экономіи и пауперизмъ, роскошь, подавленіе, порокъ вмѣстѣ съ голодомъ исчезнутъ изъ вашей среды. Обмѣнъ въ качествѣ необходимаго условія предполагаетъ свободу договаривающихся и эквивалентность промѣниваемыхъ продуктовъ: отсюда слѣдуетъ, что при цѣнности, имѣющей своимъ выраженіемъ сумму времени и издержекъ, которыя каждый продуктъ стоитъ, и при ненарушимой свободѣ, всѣ работники необходимо имѣютъ равныя заработныя платы, такъ же точно, какъ они равны по своимъ правамъ и обязанностямъ. Право оккупаціи тогда равно для всѣхъ, собственность видоизмѣняется соотвѣтственно съ количествомъ владѣльцевъ. Такъ создается свободная ассоціація при свободѣ, которая только стремится поддерживать равенство въ средствахъ производства и равенство въ обмѣнахъ. Такъ создается союзъ порядка и анархіи“.

Въ другомъ своемъ сочиненіи [2]) онъ пишетъ: „я прежде всего долженъ замѣтить, что формула Луи Блана: организація труда обращается въ другую болѣе простую: право на трудъ. Проанализируемъ эту идею. Право на трудъ предполагаетъ пользованіе орудіями, безъ которыхъ трудящійся не можетъ работать. Это первый пунктъ. Но это не все. Работникъ нуждается, кромѣ орудій и инструментовъ своего искусства, еще въ матеріалѣ, ибо никто не работаетъ надъ пустотой, также какъ и не пишутъ по вѣтру. Право на трудъ включаетъ, такимъ образомъ, въ себя еще и право на матеріалъ.

Но къ чему бы служилъ трудъ, если бы работникъ не былъ собственникомъ своего продукта, всего своего продукта цѣликомъ? Если бы, какъ въ настоящее время, онъ лишился

---

[1]) См. Qu'est que la propriété, nouv. édit, т. I, стр. 225—6.

[2]) Рядъ статей въ февралѣ и мартѣ 1849 г. „Demonstration du socialisme“, т. VII стараго изданія.

части продукта подъ названіемъ прибыли, наемной платы или процента, то онъ впалъ бы въ тоже положеніе, изъ котораго стремился выйдти. Работникъ долженъ быть владѣльцемъ всего своего продукта.

Но остается еще одно условіе, безъ котораго право на трудъ было бы призракомъ. Работникъ долженъ имѣть возможность обмѣнять свой продуктъ, ибо безъ обмѣна существующій продуктъ какъ бы и не существуетъ.

Прежде чѣмъ пользоваться продуктомъ своего труда, работникъ долженъ получить отъ общества, которое ему гарантируетъ трудъ четыре вещи: орудія труда, матеріалъ, собственность на продуктъ и обмѣнъ, т. е. оно должно дать ему кредитъ. Тогда получается слѣдующая формула:

право на трудъ	право на орудія право на матеріалъ право на продуктъ право на обмѣнъ	= равны праву на кредитъ.

Но когда каждый гражданинъ имѣетъ право на трудъ, это означаетъ, что онъ обязанъ, какъ заемщикъ, поставить опредѣленное количество труда. Отсюда, при равенствѣ правъ и обязанностей, получается другая формула столь же справедливая:

кто беретъ въ заемъ трудъ	беретъ въ заемъ орудіе " " " матеріалъ " " " продуктъ " " " обмѣнъ	= получаетъ кредитъ.

Въ результатѣ, какъ извѣстно, Прудонъ въ своемъ анархическомъ идеалѣ требовалъ только свободы и кредита. Кредитъ долженъ былъ спасти весь міръ путемъ Народнаго Банка.

Свободный обмѣнъ, свободный кредитъ, свободное производство—были лозунги Прудона. Анархія должна была создать порядокъ при провозглашеніи его принциповъ. Равенство заработной платы должно было установиться само собой, хотя и не безъ весьма тяжкой необходимости ограничивать возможность труда для каждаго, какъ видно изъ приводимаго ниже примѣчанія [1]).

---

[1]) Въ своемъ сочиненіи о собственности вотъ какъ Прудонъ обосновываетъ

Сторонникъ единенія порядка и анархіи Прудонъ и оптимистъ промышленнаго самоуправленія Томсонъ, такимъ образомъ, въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ близко схо-

---

это равенство заработныхъ платъ. „Поскольку работники, трудящіеся въ сообществѣ, равны, было бы противорѣчіемъ, чтобы одинъ оплачивался болѣе, чѣмъ другой. Такъ какъ продуктъ одного работника оплачивается только продуктомъ другого, то если оба продукта неравны, то остатокъ или разница большаго или меньшаго не будетъ пріобрѣтенъ обществомъ, а, слѣдовательно, не поступивъ въ обмѣнъ, не окажетъ никакого вліянія на неравенство заработныхъ платъ. Отсюда проистечетъ, если угодно, для болѣе сильнаго работника неравенство естественное, но не неравенство соціальное, причемъ никто не пострадаетъ отъ его силы и его производительной энергіи. Другими словами, общество обмѣниваетъ только равные продукты, т. е. оплачиваетъ только работы, сдѣланныя для него, слѣдовательно, оно одинаково оплачиваетъ всѣхъ работниковъ. То, что работники производятъ внѣ общества, также мало его касается, какъ различіе голосовъ и волосъ работниковъ. Можетъ показаться, что я самъ устанавливаю принципъ неравенства: совершенно наоборотъ. Сумма работъ, которыя могутъ быть выполнены для общества, т. е. работъ, которыя могутъ подлежать обмѣну, будучи, при данномъ фондѣ эксплоатаціи, болѣе обширными въ зависимости отъ увеличенія числа работниковъ и по задачѣ, предоставленной каждому, болѣе ограниченными, вызываетъ какъ свое послѣдствіе то обстоятельство, что они нейтрализуются по мѣрѣ расширенія ассоціаціи. Большое количество потребляемыхъ цѣнностей производится соціально: такимъ образомъ единственное обстоятельство, которое могло бы возстановить неравенство заключалось бы въ правѣ оккупаціи, въ правѣ собственности. Такъ предположимъ, что дневная соціальная работа, оцѣниваемая въ обработкѣ земли: въ паханіи, въ собираніи урожая и т. п. на двухъ декаметрахъ въ среднемъ требуетъ семь часовъ: одинъ работникъ окончитъ ее въ шесть съ половиной, другой въ восемь часовъ. Большинство потратитъ только семь часовъ, но лишь бы каждый поставилъ необходимое количество часовъ, какое бы количество времени онъ ни потратилъ, онъ имѣетъ право на равное вознагражденіе. Работникъ, могущій окончить свою задачу въ шесть часовъ, имѣетъ ли право подъ предлогомъ своей силы и большей производительности захватить работу работника менѣе способнаго и, такимъ образомъ, лишить его труда и хлѣба? Кто можетъ поддерживать такой поступокъ? Пусть тотъ, *который раньше оканчиваетъ, отдыхаетъ, если желаетъ, пусть предается, для поддержанія своихъ силъ и для образованія своего разума, другимъ полезнымъ упражненіямъ и работамъ. Онъ можетъ такъ поступать не совершая вреда ни для кого: но пусть онъ воздержится отъ своихъ услугъ, вызванныхъ интересомъ.* Сила, геній, прилежаніе и всѣ личныя преимущества, которыя вытекаютъ изъ этихъ свойствъ, являются фактомъ природы и отчасти индивида: общество оцѣниваетъ ихъ поскольку они заслуживаютъ. Но вознагражденіе, которое оно имъ даетъ пропорціонально не тому, что они могутъ, а *тому, что они производятъ, т. е. продуктъ каждаго ограничивается правомъ всѣхъ*, см. l. c. Qu'est que la propriété, premier mémoire, § 6: que dans la société tous les salaires sont égaux, стр. 100—101.

дятся. Оба полагаютъ, что провозглашеніе права на полный продуктъ труда приведетъ нашу капиталистическую систему въ желанное равновѣсіе и, въ результатѣ, приходятъ къ мысли, что въ такомъ обществѣ можетъ или должна существовать система полнаго равенства вознагражденія или заработной платы. Какъ это будетъ достигнуто, Прудонъ намъ не говоритъ: онъ просто не представляетъ себѣ другой возможности. Томсонъ, какъ мы видѣли, сознавая возможность установленія неравенства, настаиваетъ на добровольномъ раздѣлѣ поровну.

При разборѣ этихъ двухъ соціальныхъ системъ необходимо поставить два вопроса: 1) во-первыхъ, насколько онѣ согласуются съ идеаломъ распредѣлительной справедливости и насколько соотвѣтствуетъ провозглашеніе принципа полной принадлежности результатовъ личнаго труда работающему съ окончательнымъ выводомъ этихъ системъ—принципомъ полнаго равенства доходовъ и 2) насколько этотъ идеалъ согласуется съ самимъ анализомъ капиталистической системы и ея недостатковъ [1]).

Какъ извѣстно, Луи Бланъ былъ рѣшительнымъ противникомъ этихъ двухъ системъ. Ему казалось, что идеалъ распредѣлительной справедливости, выработанный ими, въ корнѣ ошибоченъ.

Луи Бланъ—прогрессистъ. Цѣлью прогресса, по его мнѣнію, является усовершенствованіе судьбы всѣхъ людей въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи чрезъ свободное соперничество всѣхъ и братскую соціализацію взаимныхъ связей. Признавъ право на трудъ, мы, по его убѣжденію, еще мало сдѣлаемъ для справедливости и для осуществленія идеала братства останется долгій путь. Люди, рождаясь, пріобрѣтаютъ право на существованіе. Способность работать является средствомъ для осуществленія права на бытіе. Стоитъ поставить открыто вопросъ: могутъ ли немногіе завладѣть всѣми источниками производства, обратить всѣхъ въ рабство

---

[1]) См. его Organisation der Arbeit, пер. съ 9-го фран. изданія Прагера, Berlin, 1899 г., стр. 5, 8, 28, 203, 94, 261, 94—98 и passim.

и заставить умирать съ голода, чтобы былъ возможенъ единственный отвѣтъ: нѣтъ, не могутъ. Система индивидуальнаго соперничества, которая не даетъ возможности работнику трудиться или оплачиваетъ его впроголодь, источникъ всѣхъ страданій человѣчества и ее слѣдуетъ замѣнить системой братской солидарности.

Эта система братской солидарности представляется, однако, ему въ совсѣмъ другомъ видѣ, чѣмъ Томсону, и въ особенности Сэнъ Симону, съ которымъ онъ постоянно полемизируетъ. По его убѣжденію, Сэнъ Симоновская система раздѣленія общественно-добытаго продукта согласно труду и обнаруженнымъ имъ способностямъ: „à chacun selon sa capacité, a chaque capacité selon ses oeuvres“ болѣе, чѣмъ опасна: она, грѣшна“.

Луи Бланъ признается, что въ первомъ изданіи своей брошюры объ организаціи труда онъ высказывался за равенство заработныхъ платъ и за равный раздѣлъ прибыли. Возражая Мишелю Шевалье въ одной изъ своихъ газетныхъ статей онъ заявляетъ, что, такъ какъ люди имѣютъ разныя способности и разныя потребности, такъ какъ жизнь общества дѣлается возможной только благодаря наличности разнообразныхъ дѣятельностей, было бы сумасбродствомъ проповѣдывать всеобщее равенство...

Система неравенства заработныхъ платъ, полагаетъ Луи Бланъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ нашимъ обычаямъ и нравамъ, всей совокупности распространенныхъ среди общества идей. По чисто практическимъ соображеніямъ можно было бы предпочесть эту систему. Онъ называетъ неправдой утвержденіе, будто онъ осуждалъ систему неравенства платъ, соединенную съ равнымъ раздѣломъ прибыли. Вѣрно только то, что онъ противопоставлялъ этой системѣ другую, которая болѣе соотвѣтствуетъ его сокровеннымъ чаяніямъ объ эпохѣ будущаго братства. Истинное равенство, сестрою котораго является братство,—это такое равенство, которое ставитъ трудъ въ соотношеніе со способностями, результаты труда въ соотношеніе съ потребностями. Отсюда вытекаетъ формула распредѣлительной справедливости: *„каждый долженъ тру-*

диться соотвѣтственно со своими способностями и силамъ, каждый долженъ получить возможность наслаждаться по мѣрѣ своихъ потребностей". Итакъ, вотъ система Луи Блана: неравенство заработныхъ платъ и равный раздѣлъ прибыли, какъ переходная историческая стадія, полное удовлетвореніе потребностей, какъ идеалъ распредѣлительной справедливости въ будущей системѣ соціальнаго братства всѣхъ трудящихся, въ чемъ бы ихъ трудъ ни воплощался и какого бы онъ ни былъ качества и рода [1]).

Я не могу сказать вмѣстѣ съ Луи Бланомъ, что система распредѣленія Сэнъ—Симонистовъ, Томсона и Прудона „грѣшна". Въ область религіозной метафизики проникать я не имѣю ни малѣйшаго желанія. Но какъ идеалъ распредѣлительной справедливости система Луи Блана, конечно, выше. Если наша мечта о соціальномъ государствѣ должна быть возвышена до послѣднихъ ступеней идеализма братской, человѣческой, взаимной любви, то она, безъ сомнѣнія, не можетъ держаться въ предѣлахъ буржуазной морали: каждому по его трудамъ и способностямъ [2]). Высокая мечта создать

[1]) Нельзя сказать, чтобы Луи Бланъ сколько нибудь опредѣленно выяснилъ свою систему неравенства заработныхъ платъ. Въ одномъ мѣстѣ отмѣченнаго своего труда, развивая проектъ производительныхъ товариществъ, онъ пишетъ: „слѣдовало бы во всѣхъ мастерскихъ одного рода установить не равную, а относительную заработную плату, такъ какъ матеріальныя условія существованія не вездѣ одинаковы". Какъ слѣдуетъ поступить въ мастерскихъ разнаго рода, не слѣдуетъ ли дифференцировать плату и по другимъ соображеніямъ, онъ опредѣлительно не говоритъ. Не слѣдуетъ забывать и того, что Луи Бланъ требуетъ организаціи производительныхъ товариществъ въ возможно крупныхъ размѣрахъ, какъ въ фабрикаціи, такъ и въ земледѣліи. Онъ полагаетъ, что Франція разорена *вслѣдствіе господства въ ней мелкаго крестьянскаго хозяйства.*

[2]) Въ сообществѣ людей, пишетъ Прудонъ, функціи ихъ не похожи одна на другую: должны, поэтому, существовать и разныя способности. Даже болѣе, нѣкоторыя функціи требуютъ большей интеллигенціи и знаній: существуютъ, поэтому, субъекты большаго разума и таланта. Ибо дѣло, которое надо совершить, необходимо находитъ работника: потребность создаетъ идею, а идея создаетъ работника. То, что теперь называютъ неравенствомъ способностей, при болѣе счастливыхъ условіяхъ, будутъ называть разнообразіемъ способностей.... Подобно тому какъ созданіе каждаго орудія производства является результатомъ коллективной силы, также точно талантъ и наука въ человѣкѣ являются резуль-

такой общественный строй, когда каждый будетъ отдавать всѣ свои силы на служеніе обществу и получать все, что онъ находитъ для себя необходимымъ, всегда будетъ привлекать симпатіи высокихъ идеалистовъ. Каутскій въ своей Эрфуртской программѣ справедливо замѣчаетъ, что „примѣненіе науки къ промышленности, можно представить себѣ, создастъ со временемъ столь высокую производительность труда, что люди могутъ имѣть въ избыткѣ все, что имъ понадобится и тогда формула Луи Блана будетъ проведена въ жизнь легко, почти сама собою. Но самое глубокое убѣжденіе въ справедливости этой формулы не сможетъ ничего сдѣлать, если производительность труда останется столь незначительной, что нельзя будетъ безъ чрезмѣрной затраты труда произвести болѣе, чѣмъ необходимо". Онъ правъ. Высокій оптимизмъ всегда будетъ служить для человѣчества свѣточемъ въ его упованіяхъ, но голосъ жизни будетъ всегда ставить вопросъ при реальной работѣ по реорганизаціи хозяйства, гдѣ же и каковы тѣ переходныя ступени, по которымъ, развивая все болѣе и болѣе стимулы къ увеличенію производительности труда, мы можемъ взойти въ радостное царство свободы труда и наслажденій. Внимательный читатель легко замѣтитъ, что въ системахъ Томсона и Прудона есть внутреннее противорѣчіе, если разсматривать ихъ не только съ экономической точки зрѣнія, но и съ чисто нравственной. Провозгласивъ свой принципъ: каждому продуктъ его труда, они затѣмъ склоняются къ системѣ добровольнаго равнаго раздѣла, т. е. въ сущности къ системѣ Луи Блана.

татомъ всеобщей интеллигентности и всеобщаго знанія медленно накопленнаго массою мастеровъ и при помощи массы болѣе низменныхъ промысловъ. Человѣкъ таланта далъ возможность создать изъ себя полезное орудіе: онъ является совладѣльцемъ. Въ немъ заключенъ свободный работникъ и накопленный соціальный капиталъ: какъ работникъ онъ приставленъ для пользованія орудіемъ, какъ руководитель машины, которой являются его собственныя способности; какъ капиталъ, онъ не принадлежитъ себѣ; онъ эксплуатируетъ себя не для себя, а для другихъ.... Каковы бы слѣдовательно ни были способности человѣка, разъ онѣ созданы, они ему болѣе не принадлежатъ"... Исходя изъ такой соціальной точки зрѣнія Прудонъ требуетъ единства и равенства вознагражденія. См. Qu'estce que la propriété, prem. mémoire, § 7, стр. 105, 115 и passim.

Равный раздѣлъ продукта есть ничто иное какъ провозглашеніе права на существованіе и удовлетвореніе потребностей для всѣхъ въ предѣлахъ наличнаго запаса благъ, созданныхъ трудящимся обществомъ. Тотъ основной стимулъ къ развитію производительности труда, который они видѣли въ принадлежности каждому продукта его труда, замѣняется незамѣтно благородными побужденіями братской солидарности и увѣренностью всѣхъ и каждаго, что при такой системѣ организаціи хозяйства, жизнь каждаго индивида и всего общества будетъ имѣть совершенно *обезпеченный характеръ* [1]).

Реорганизація хозяйства какъ бы возвращаетъ человѣку то право на „беззаботность", которое, какъ полагалъ Фурье, принадлежало человѣку въ его первобытномъ состояніи. Обѣ формулы имѣютъ совершенно равное значеніе въ своемъ конечномъ выводѣ при предположеніи, что обязанность и возможность организованнаго труда создастъ неисчерпаемое многообразіе и изобиліе продуктовъ и доля каждаго опредѣлится возможной наличностью продукта и возможнымъ количествомъ человѣческихъ существъ, на него претендующихъ. Эти замѣчанія имѣютъ глубоко-важное значеніе. Они показываютъ намъ, что, въ поискахъ за справедливой формулой распредѣлительной справедливости, мы въ тоже время должны заботиться о такой организаціи хозяйства, которая доставила бы всѣмъ равную обезпеченность существованія. Формула распредѣлительной справедливости можетъ быть найдена только тѣмъ обществомъ, которое умѣетъ создать правильную организацію труда. Стоя на почвѣ этого высокаго идеализма и оптимизма, мы не можемъ сказать, приведетъ ли провозглашеніе этого права на удовлетвореніе своихъ потребностей къ

---

[1]) Эту особенность соціалистической организаціи особенно подчеркиваетъ Каутскій въ своей комментаріи къ Эрфуртской программѣ: „если увеличеніе благосостоянія затрагиваетъ только нынѣшнихъ эксплуатируемыхъ, то обезпеченіе существованія будетъ даже для нынѣшнихъ эксплуататоровъ... Необезпеченность тяготѣетъ надъ богатымъ, также какъ и надъ бѣднымъ, а она, можетъ быть мучительнѣе, чѣмъ самая нужда: она даетъ себя чувствовать даже тѣмъ, кто ее не испытываетъ физически, она является призракомъ, который заглядываетъ даже во дворцы".

безграничному размноженію. Среди владѣющихъ классовъ часто слышенъ этотъ аргументъ, но онъ всегда покоится на неясныхъ догадкахъ.

Біологическій законъ размноженія въ этой иной соціальной обстановкѣ для насъ загадка, которую мы не можемъ разрѣшить. Исторія насъ учитъ, что всякая эпоха имѣетъ для тенденціи къ размноженію свои естественныя и соціальныя ограниченія. По справедливому выраженію Родбертуса, идея о безграничномъ размноженіи рода человѣческаго также нелѣпа, какъ и представленія о безграничномъ усовершенствованіи производительности труда и о безграничной продолжительности человѣческой жизни до предѣловъ вѣчности, какъ мечталъ Кондорсе. Ограниченія, которыми связана наша жизнь и матеріальное бытіе, вполнѣ, конечно, не устранимы, но отсюда не слѣдуетъ, что расширеніе предѣловъ для усовершенствованія матеріальной и духовной жизни человѣка невозможно.

Практическій идеалистъ долженъ, однако, стоять ближе къ требованіямъ жизни и глубже понимать самую сущность соціальнаго механизма. Для него становится тотчасъ же ясно, что провозглашеніе права на полный продуктъ личнаго труда и несправедливо и невозможно. Томсонъ и Прудонъ яснѣе, чѣмъ кто бы то ни было до нихъ подчеркнули, разсуждая о вознагражденіи таланта и способностей, что продуктъ является соціальнымъ результатомъ, что, слѣдовательно, каждый имѣетъ право на *долю этого продукта*, но не *на полный результатъ своего труда*. Исчислить, что каждый произвелъ своимъ трудомъ, при соціальномъ характерѣ общественнаго производства, невозможно и, начавъ свое построеніе какъ индивидуалисты, Томсонъ и Прудонъ переходятъ па соціальную точку зрѣнія, которая необходимо приводитъ къ отрицанію личнаго права на полный продуктъ труда и ведетъ ихъ къ провозглашенію равнаго раздѣла продукта, который совершенно уничтожаетъ ихъ первую формулу. Но и этого мало. Формула эта должна быть признана нелѣпостью и потому, что она разсматриваетъ общество, какъ состоящее только изъ производителей матеріальныхъ благъ и игнорируетъ то

обстоятельство, что доля общественнаго продукта должна быть взята для выполненія цѣлаго ряда необходимыхъ общественныхъ функцій и для устроенія технической организаціи промысловъ, для обезпеченія ихъ капиталомъ и проч.

Нѣкоторая часть изъ доли каждаго, если бы даже было возможно исчисленіе вполнѣ точное того, что каждый произвелъ, должна быть отчислена на удовлетвореніе такъ называемаго *общественнаго потребленія*, т. е. „для обоснованія, поддержанія или расширенія общественныхъ учрежденій съ воспитательными, лѣчебными и т. п. цѣлями", какъ выражается Каутскій. Только остатокъ продукта могъ бы распредѣляться между членами такого хозяйствующаго общества, но и то не весь, ибо пришлось бы заботиться и о поддержаніи орудій и средствъ производства и о накопленіи средствъ для ихъ умноженія по мѣрѣ наростанія потребностей хозяйствующаго общества. Пришлось бы какъ то нормировать право накопленія продуктовъ личнаго труда безъ потребленія и ихъ передачи, т. е. условія дарственнаго и наслѣдственнаго права. Гармоническая механика мѣноваго хозяйства Томсона и Прудона при одномъ провозглашеніи полнаго права на продуктъ личнаго труда могла бы оказаться анархіей, но не порядка, а безпорядка, и незамѣтно могла бы привести къ возстановленію частной собственности на средства производства со всѣми ея послѣдствіями [1]).

Современный теоретикъ соціализма Каутскій [2]) далекъ отъ мысли считать равенство вознагражденія идеаломъ распредѣлительной справедливости. Правда онъ полагаетъ, „что въ соціалистическомъ государствѣ равенство доходовъ или матеріальныхъ условій существованія, которое не должно, однако, означать однообразія, проявится не какъ цѣль какого нибудь уравненія, вводимаго путемъ прямого принужденія, а

---

[1]) Самъ Прудонъ въ одномъ изъ мѣстъ своего труда о собственности (см. Qu'est ce que la propriété, nouv. ed., стр. 72) восклицаетъ: „Ah! le problème est resolu! La propriété fille du Travail! Qu'est-ce que donc que le droit d'accession, et le droit de succession, et le droit de donation etc. sinon le droit de devenir propriétaire par la simple occupation?"

[2]) см. Каутскій. Эрфуртская программа, l. c. стр. 113.

какъ цѣль естественнаго процесса развитія", т. е. какъ извѣстная тенденція, но въ то же время онъ категорически заявляетъ, что противники соціализма не доказали, будто равенство доходовъ вытекаетъ изъ сущности соціалистическаго производства. „Бѣглый взглядъ, по его мнѣнію, на до сихъ поръ существовавшія различныя формы коммунистическаго производства,—отъ самаго примитивнаго коммунизма первобытныхъ дикарей вплоть до сельскихъ и семейныхъ общинъ крестьянъ, показываетъ, какія разнообразныя формы распредѣленія продуктовъ соединимы съ общей собственностью на средства производства. Всѣ формы нынѣшней системы вознагражденія—постоянное жалованье, повременная плата, поштучная плата, преміи за работу, превышающія извѣстную норму, различная оплата разныхъ работъ—всѣ эти формы вознагражденія совмѣстимы, разумѣется, въ соотвѣтственно измѣненномъ видѣ, съ сущностью соціалистическаго общества и каждая изъ нихъ можетъ соотвѣтственно различнымъ потребностямъ и привычкамъ общества и соотвѣтственно потребностямъ производства играть въ различныхъ обществахъ, въ то или иное время, болѣе или менѣе видную роль".

Эти слова очень характерны. Каутскій совершенно правъ, но онъ забываетъ только то, что не противники соціализма говорили о равенствѣ доходовъ, а сами соціалисты и что пресловутой основой этого утвержденія было ученіе о трудовой цѣнности и ученіе о равенствѣ заработныхъ платъ и прибылей въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Онъ былъ бы гораздо болѣе правъ, если бы постарался доказать, что системы Томсона и Прудона основаны на полнѣйшемъ непониманіи самаго существа капиталистической системы, что тоже обстоятельство, но только въ нѣсколько иной формѣ, сказывается и на системѣ Луи Блана и у многихъ его соратниковъ по борьбѣ за права труда. Тогда онъ съ успѣхомъ бы доказалъ, что увѣренность Прудона въ возможности самопроизвольнаго установленія равенства платъ также наивна, какъ и система Л. Блана равнаго раздѣла прибыли при неравенствѣ заработныхъ платъ. Какъ увидимъ ниже, трудовая идея цѣнности также малоприложима для объясненія жизни

капиталистическаго хозяйства, какъ было непригодно трудовое начало для обоснованія собственности, что такъ блестяще доказалъ тотъ же Прудонъ въ своемъ трактатѣ о собственности.

Соціальный утопизмъ Луи Блана сказывается въ убѣжденіи, что прибыль представляетъ собою нѣчто равное и что, раздѣливъ ее, мы создаемъ соціальное, братское равенство; утопизмъ Томсона и Прудона выражается въ ихъ полнѣйшемъ непониманіи соціальнаго размѣна продуктовъ, произведенныхъ въ самыхъ разнохарактерныхъ условіяхъ. По ихъ мнѣнію, свободный обмѣнъ продуктовъ, даже при полной свободѣ въ организаціи труда и при полномъ просторѣ въ употребленіи своего времени, неизбѣжно совершается, какъ *обмѣнъ трудовыхъ цѣнностей.* Эта идея представляетъ собою зародышъ пресловутой идеи товарнаго фетишизма, которая повторяется у всѣхъ рикардіанцевъ и марксистовъ. Согласно этой идеѣ, при невозможномъ и никогда не существовавшемъ въ исторіи фактѣ принадлежности полнаго продукта труда работнику, обмѣнъ будто покоится на естественныхъ основаніяхъ, когда равныя по количеству затраченнаго труда продукты обмѣниваются, какъ трудовыя цѣнности и эквиваленты. Марксъ перевернулъ проблему Прудона и сказалъ, что въ капиталистическомъ обществѣ трудовая цѣнность уже является фактомъ реальной жизни и что эксплоатація работника совершается чрезъ присвоеніе прибавочной цѣнности, созданный трудомъ.

Другими словами, Томсонъ и Прудонъ учили, что господство трудовой цѣнности спасетъ міръ. Марксъ и его ученики полагали, что при реальномъ господствѣ трудовой цѣнности міръ представляетъ собою не что иное, какъ эксплоатацію капиталомъ работника; и оба теоретика ошибались, ибо *трудовая цѣнность* не является характеристикой капиталистическаго общества и господство ея не можетъ быть идеаломъ распредѣлительной справедливости.

Прудонъ вѣрилъ, что равенство заработной платы установится само собой, Луи Бланъ полагалъ возможнымъ допустить неравенство заработной платы и требовалъ равнаго

раздѣла прибыли, а жизнь и анализъ капиталистическаго хозяйства поставили вопросъ, существуетъ ли равенство заработной платы въ настоящій моментъ, и возможно ли и необходимо ли проведеніе этого принципа, какъ начала соціальной справедливости, существуетъ ли также пресловутое равенство прибыли, а потому возможенъ ли ея равный раздѣлъ, какъ таковое же начало соціальной справедливости? Тогда стало ясно для всѣхъ, что надо много думать и знать, чтобы разрѣшить повидимому простой вопросъ, какъ возвратить работнику прибавочную цѣнность его труда и какъ подвинуть нашу соціальную машину къ новымъ болѣе совершеннымъ условіямъ жизни?

III.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Родбертусъ писалъ: ,,да не только непосредственно предшествовавшіе и настоящіе хозяйственные работники стоятъ въ томъ трудовомъ общеніи, которое создаетъ національный продуктъ, но также и тѣ, которые непосредственно дѣятельны въ области права и науки, и именно потому непосредственно участвуютъ въ созданіи національнаго продукта. Поэтому организація собственности въ обществѣ никогда не совпадаетъ съ рабочей организаціей и не можетъ принять того вида, къ которому стремится часть современныхъ рабочихъ по непониманію соціальной жизни“. ,,Марксъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, ошибается въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ думаетъ, что трудовая цѣнность реализовывается сама собою, тогда какъ это можетъ осуществиться только путемъ законовъ. Во вторыхъ, онъ смотритъ на тотъ соціальный фактъ, что рабочій не получаетъ полной цѣнности своего продукта, какъ на соціальную аномалію, тогда какъ таково нормальное положеніе. Дѣло идетъ исключительно о слишкомъ малой долѣ“. Исходя изъ такихъ положеній Родбертусъ въ теченіе всей своей жизни доказывалъ, что задачей ближайшаго будущаго должны быть два стремленія: 1) возвысить производительность труда и 2) озаботиться о созданіи *нормальной платы* въ

условіяхъ *нормально организованнаго труда* и послѣдовательно повышать ее по мѣрѣ роста общественной производительности.

Въ эпоху господства марксизма эти слова однимъ казались ересью, другимъ невѣжествомъ. Марксъ доказалъ, какъ казалось тогда, трудовую эквивалентность товарнаго обмѣна, исправилъ, окончательно разъяснилъ всѣ теоретическія построенія великаго Рикардо. Онъ нашелъ законы обмѣна и распредѣленія. Марксъ и самъ себѣ ставилъ въ заслугу, что перешелъ исключительно къ анализу производства, въ немъ открылъ тайну капиталистическаго хозяйства внѣ процессовъ обращенія.

Въ своей книгѣ: „Обмѣнъ и экономическая политика", Юрьевъ, 1904 г., я началъ свой анализъ съ процесса обращенія. Изучая теорію внутренней и внѣшней торговли, начиная съ меркантилистовъ и до нашего времени, я убѣдился, что правильной теоріи обмѣна и распредѣленія, (а слѣдовательно и торговой прибыли), мы не находимъ у представителей классической и соціалистической школъ. Ихъ теорія противорѣчива и совершенно не согласуется съ ученіемъ о трудовой эквивалентности обмѣна, находится подъ прямымъ воздѣйствіемъ тѣхъ соціально политическихъ интересовъ, которыя намѣчали тотъ или иной путь для практическаго политика... Въ изложеніи своихъ взглядовъ я, однако, пойду въ настоящій моментъ нѣсколько инымъ путемъ соотвѣтственно съ той задачей, которую я теперь себѣ ставлю.

Читатель видѣлъ, что я убѣжденъ, что *идею трудовой цѣнности нельзя вывести изъ существа самаго капиталистическаго хозяйства, что она вовсе не нужна для сохраненія соціальной идеи въ экономіи и не можетъ быть для будущаго идеаломъ распредѣлительной справедливости.* Эту мысль я постараюсь доказать, прежде всего, чтобы затѣмъ перейти къ изложенію моихъ взглядовъ на анализъ современнаго хозяйства и на задачи грядущей экономической политики. Необходимо очистить политическую экономію отъ тѣхъ теоретическихъ путъ, которыя ее сковываютъ и мѣшаютъ развиться новымъ соціальнымъ и историческимъ взглядамъ.

Теоретику здѣсь предстоитъ трудная задача. Всѣмъ извѣстно, что съ ростомъ капиталистическаго хозяйства, когда самодовлѣющія и самопрокармливающіяся семейно-общинныя хозяйства отходятъ на заднiй планъ и перестаютъ быть наиболѣе распространеннымъ и характернымъ явленіемъ въ предѣлахъ народнаго хозяйства, распредѣленіе народнаго дохода начинаетъ совершаться чрезъ процессы обмѣна, чрезъ опредѣленіе продажной цѣнности или цѣны товаровъ. Борьба теоретика неизбѣжно должна быть направлена на доказательство безплодности ученія классиковъ и соціалистовъ о цѣнности для современной экономической эпохи. Но въ своей критикѣ онъ долженъ быть осторожень. Я совершенно согласенъ съ англійскимъ экономистомъ Каннаномъ [1]), когда онъ пишетъ: „разсматривая теоріи производства и распредѣленія, какъ онѣ сложились въ концѣ первой половины— я сказалъ бы и до конца—19-го вѣка съ точки зрѣнія „абстрактнаго метода", скажемъ употребляя этотъ терминъ, который прилагали къ нему часто, хотя и невполнѣ точно, мы должны отнестись къ нимъ съ почти безусловнымъ осужденіемъ. Но если мы приложимъ къ нимъ историческій методъ и постараемся изслѣдовать, по сколько онѣ удовлетворяли практическимъ требованіямъ ихъ времени, то онѣ получатъ гораздо болѣе благопріятный вердиктъ". Въ слѣдующемъ параграфѣ читатель найдетъ такую историческую оцѣнку. Теперь же примемся за доказательство положенія, которое мы выше отчеркнули курсивомъ.

У всѣхъ писателей, пытавшихся объяснить явленія обмѣна путемъ экскурсовъ въ область естественнаго быта или чрезъ представленіе о принадлежности полнаго продукта труда работнику, мы встрѣчаемъ и представленіе о трудовой цѣнности. Марксъ не избѣгъ общей участи. По его мнѣнію, „и въ современную намъ капиталистическую эпоху производитель вноситъ въ общую массу богатства общества, т. е. въ массу

---

[1]) См. его Theories of Production and Distribution in English Political Economy from 1776 to 1848, 2 изд. London 1903, стр. 388.

товаровъ, свою долю. Она оцѣнивается соотвѣтственно съ массой затраченнаго на нее труда. Передачей этой доли онъ можетъ получить любой эквивалентъ такой же оцѣнки. Мѣновая цѣнность и есть поэтому только общественный способъ, которымъ выражается количество труда, потраченнаго на вещь". Какъ методологическій пріемъ такое представленіе допустимо, но при предположеніи двухъ необходимыхъ условій: во-первыхъ, условія жизни и дѣятельности всѣхъ индивидовъ даннаго общества совершенно одинаковы, точно также какъ и производительные результаты ихъ труда, и во-вторыхъ, что всѣ дифференціальные остатки въ производительности, какъ полагаетъ Прудонъ, не поступаютъ на рынокъ, или, выражаясь словами послѣдняго, не нейтрализуются взаимнымъ обмѣномъ. Въ своей книгѣ я иллюстрировалъ это положеніе простымъ примѣромъ. Пусть наше общество, предположимъ, состоитъ изъ двухъ хозяйствъ. Оба хозяйства для своего существованія должны организовать „вещественное производство" и дѣйствительно добываютъ себѣ весь нужный имъ продуктъ на началахъ раздѣленія труда. Земледѣлецъ А. готовитъ однимъ днемъ своего труда 10 пудовъ хлѣба, пять пудовъ ему потребно для удовлетворенія своихъ нуждъ по пропитанію; пять пудовъ онъ можетъ отчудить для удовлетворенія другихъ своихъ потребностей, скажемъ въ одеждѣ. Портной В. готовитъ платье и однимъ днемъ труда готовитъ двѣ пары платья: одну для себя, другую для удовлетворенія своихъ потребностей въ питаніи. При такихъ условіяхъ земледѣлецъ, очевидно, полдня своего труда, овеществившагося въ пяти пудахъ хлѣба, долженъ будетъ отдать за пару платья, т. е. за полдня труда своего же общественнаго собрата. Оба они иначе поступить не могутъ, ибо земледѣлецъ, въ противномъ случаѣ, останется безъ платья, портной безъ хлѣба. При ростѣ производительности труда, часть продукта можетъ быть захвачена землевладѣльцами и капиталистами, которые своими долями будутъ размѣниваться на такихъ же началахъ. Такъ, если производительность земледѣльца будетъ двадцать пудовъ, а портнаго 4 сюртука, то землевладѣлецъ оставитъ себѣ на пропитаніе

пять пудовъ хлѣба, а за пять пудовъ получитъ себѣ сюртукъ. Хозяинъ портнаго возьметъ для себя одинъ сюртукъ, а на другой вымѣняетъ у землевладѣльца пять пудовъ хлѣба. Исходя изъ такой элементарной идеи, которая впослѣдствіи получила крикливое названіе идеи товарнаго фетишизма, Рикардо сдѣлалъ выводъ, что при неизмѣнности рабочаго вознагражденія никакое накопленіе прибыли не можетъ понизить прибыли, а, слѣдовательно и цѣнностей, а всѣ ученики Смита почти въ одинъ голосъ твердили, что никакихъ остатковъ товара и получиться не можетъ, ибо то, „что производится, также быстро и потребляется“.

Выводъ былъ совершенно ошибоченъ. При такомъ равенствѣ и неограниченности производительныхъ силъ, т. е. труда, какъ это не трудно доказать, у людей постепенно должно было бы исчезнуть представленіе о цѣнности вещей, какъ о чемъ то для нихъ необходимомъ. Рикардо могъ сдѣлать по существу изъ этого предположенія только одинъ выводъ, а именно: что, признавъ за единую и равную производительную силу-трудъ, цѣнность воспроизводимыхъ по произволу продуктовъ не можетъ быть *выше трудовой*, ибо, если она поднимается выше при наличности производительныхъ силъ-труда, конкуренція доведетъ ее до прежней трудовой нормы. Но опредѣлить цѣнность въ высшемъ, возможномъ передѣлѣ при такихъ ограничительныхъ условіяхъ это еще не значитъ создать ученіе о цѣнности и изъ сущности капиталистическаго хозяйства вывести ея законъ. Даже при взятомъ предположеніи, прибыль, т. е. избытокъ надъ необходимымъ содержаніемъ работниковъ, кому бы онъ ни доставался,—работнику ли для удовлетворенія его потребностей въ болѣе широкихъ предѣлахъ или капиталисту, служила бы мѣрою не только производительности труда, но и мѣрою возможнаго количества продукта. Въ зависимости отъ размѣровъ накопленія прибыли, при необходимости нести товаръ для обмѣна на рынокъ, возможно было бы постепенное пониженіе цѣнности продукта ниже той, которую мы назвали трудовой и въ которой одинъ коеффиціентъ a—необходимое содержаніе рабочихъ и b при-

быль капиталиста, а именно до новой, въ которой *a* остается неизмѣннымъ, а *b* обращается въ b—1 и т. д. Такое пониженіе мѣновой цѣнности было бы неизбѣжно по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что положеніе, будто въ капиталистическомъ обществѣ все, что производится также быстро и потребляется, совершенно не вѣрно и никогда доказано не было, во-вторыхъ, потому, что съ ростомъ производительности, результаты которой достаются капиталистамъ, послѣдніе могли бы удовлетворяться меньшимъ размѣромъ прибыли, въ третьихъ, потому, что предположеніе о равенствѣ производительныхъ условій противоестественно также какъ и тотъ выводъ Прудона, что эти разницы не должны и не могутъ поступать на рынокъ. Прудонъ, какъ видѣлъ читатель въ выше процитированномъ примѣчаніи требуетъ, *чтобы болѣе производительный работникъ работалъ меньше, ибо продуктъ каждаго, по его мнѣнію, ограничивается правомъ всѣхъ.* Капиталистическое хозяйство не допускало такихъ ограниченій и по крайней мѣрѣ не знало, пока артели и рабочіе союзы не стали ограничивать массу продукта, бросаемаго на рынокъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ время труда и даже регулировать качество продукта и труда. На нашихъ глазахъ создается, такимъ образомъ, какой то соціальный меркантилизмъ, преслѣдующій противорѣчивыя задачи: расширеніе потребленія и ограниченіе дѣйствія производительныхъ силъ. Согласовать эти противорѣчивыя тенденціи придется въ ближайшемъ же будущемъ грядущимъ поколѣніямъ.

Отсюда и вытекла боязнь многихъ буржуазныхъ послѣдователей Рикардо довести подъ вліяніемъ производительности труда цѣнность до уровня необходимаго содержанія рабочихъ, когда цѣнность опредѣлялась бы заработной платой, а не количествомъ затраченнаго труда. Для нихъ это было послѣднимъ моментомъ существованія капиталистическаго производ-

---

[1]) Американское бюро труда недавно выпустило въ свѣтъ свой II-й отчетъ, составленный проф. Коммономъ подъ заглавіемъ: „Regulation and Restriction of output“. Въ этомъ отчетѣ приведена масса любопытныхъ данныхъ о способахъ ограниченій и регулированій производительной дѣятельности, какъ со стороны предпринимателей, такъ и рабочихъ.

ства: затѣмъ наступало его неизбѣжное крушеніе. Такимъ образомъ, самое разсмотрѣніе обмѣна въ его элементарнѣйшей формѣ ставило вопросъ о значеніи накопленія товара (т. е. по просту *закона количествъ или рѣдкости*), обмѣна и распредѣленія, т. е. *способа употребленія накопившихся избытковъ* въ дѣлѣ образованія цѣнностей.

Пресловутая теорія накопленія Маркса была простымъ констатированіемъ элементарнаго значенія закона количествъ въ нашемъ хозяйствѣ и явнымъ доказательствомъ того, что изъ естественнаго представленія объ обмѣнѣ мы не можемъ получить еще какого либо представленія о самореальнѣйшихъ условіяхъ жизни нашего капиталистическаго организма, хотя бы уже потому, что при такомъ предположеніи трудъ считается *единственной и равной* производительной силой, что продуктъ считается *единственнымъ* товаромъ, циркулирующимъ на рынкѣ и столь же быстро потребляющимся, какъ и производящимся. Реальная же жизнь говоритъ намъ, что человѣчество всегда хозяйничаетъ тремя и весьма неравными при производительности силами, что на рынкѣ циркулируютъ всѣ виды собственности и что ежегодно громадная масса продукта и производительныхъ силъ обращается въ капиталъ пользованія, потребляющійся чрезвычайно медленно и въ значительной своей долѣ выходящій изъ процесса циркуляціи.

Процессы капиталообразованія и накопленія также чрезвычайно сложны: они совершаются за счетъ прибавочнаго продукта самыми разнообразными классами, при чемъ крупный капиталистическій классъ въ собственномъ смыслѣ этого слова накопляетъ вовсе не для накопленія, а и потребляетъ при этомъ во все болѣе и болѣе расширяющихся размѣрахъ. Съ другой стороны мы не живемъ теперь въ условіяхъ такого порядка вещей, гдѣ все добытое въ теченіе одного производительнаго періода потребляется въ теченіе другого. Производительный періодъ долженъ дать для всѣхъ и каждаго— (и если теперь этого нѣтъ для громадныхъ массъ населенія— въ этомъ крупнѣйшій недостатокъ современнаго экономическаго порядка) возможность спокойно жить и наслаждаться, когда силы отказываются работать, когда приходится жить

на продуктъ своего предшествовавшаго труда воплотившагося въ расширеніи общественной производительной силы. Люди рабочаго періода настолько должны быть вооружены капиталомъ, чтобы они могли содержать и подрастающее поколѣніе и отработавшій человѣческій персоналъ.

Сохраненіе этой трудовой идеи представляется, однако, и до сихъ поръ многимъ, какъ нѣчто необходимое для укрѣпленія „соціальной идеи" въ экономіи.

Не стану спорить, что безъ сохраненія соціальной идеи или внѣ анализа условій обмѣна и распредѣленія не можетъ существовать экономическая наука, но сохранить эту идею, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе экономической науки 19-го вѣка, можно только, идя по новому и болѣе плодотворному пути.

Очень любопытно, что въ настоящее время цѣлый рядъ писателей приходятъ къ Роббертузіанскому убѣжденію, что трудовая цѣнность не является реальнымъ фактомъ нашей промышленной жизни. Подобно Прудону ее относятъ къ будущему. Во второй главѣ своего труда я разбираю двѣ теоріи, которыя относятъ господство трудовой цѣнности къ будущему, опираясь при этомъ якобы на Родбертуса.

Одна изъ нихъ можетъ быть названа теоріей абсолютной трудовой стоимости и принадлежитъ г. Туганъ-Барановскому, другая субъективной трудовой цѣнностью и авторомъ ея является г. Франкъ.

Первая предполагаетъ, какъ доказанный фактъ, что для человѣка *абсолютной стоимостью* является трудъ. Онъ считаетъ глубокой мысль Прудона о „законѣ пропорціональности общественнаго производства" и признаетъ трудъ моментомъ, устанавливающимъ *въ идеалѣ эту пропорціональность*.

Прежній Марксистъ обращается въ Прудониста, но, къ сожалѣнію, съ еще большимъ затемнѣніемъ сложныхъ экономическихъ вопросовъ.

Но что же такое стоимость и можетъ ли дать ученіе о трудовой стоимости, о трудовой идеѣ основаніе для сохраненія соціальной идеи въ экономіи? Ученіе о стоимости досталось намъ отъ такъ называемой буржуазной экономической

науки. Понятіе стоимости, и при томъ трудовой, имѣло съ самаго начала разныя значенія. Объективное выраженіе стоимости находили въ суммѣ затратъ мускульной и нервной энергіи, субъективное выраженіе въ суммѣ непріятныхъ и вызывающихъ усталость ощущеній отъ труда. Наиболѣе важное значеніе понятіе стоимости имѣло въ объективномъ смыслѣ, какъ объективный трудовой масштабъ для измѣренія количества затраченнаго труда.

Большинство представителей экономической науки послѣ Рикардіанской экономіи полагало, что исчисленіе количества индивидуально или общественно затраченнаго на продуктъ труда вполнѣ возможно. Исчисленіе же стоимости другихъ факторовъ производства эта наука почти игнорировала. Стоимость капитала она сводила къ массѣ затраченнаго на него труда, земля же представлялась ей даровымъ благомъ, не имѣющимъ стоимости. Весь общественный доходъ, также какъ и доходъ каждаго индивидуальнаго предпріятія, она подраздѣляла на три части, опредѣляя доходъ *землевладѣльца* на единицу употребленной въ обработку земли, *прибыль*, т. е. доходъ капиталиста, опредѣляя въ процентахъ на денежную стоимость капитала, *заработную плату* по разсчету на голову населенія.

Теоретическое игнорированіе стоимости земли и капитала оправдывалось, во-первыхъ, утвержденіемъ, что, по существу дѣла только трудъ является такой ограниченной въ количествѣ производительной силой, съ которой человѣку, какъ хозяйствующему субъекту, всегда приходится считаться: затрата труда всегда лишаетъ его свободы и наслажденій въ періодъ работы; во-вторыхъ, положеніемъ о повсемѣстно равной производительности капитала, преобразовавшемся впослѣдствіи въ ученіе о равенствѣ прибыли; и въ-третьихъ, наличностью ученія о неравенствѣ производительныхъ силъ земли, ученія, которое давало объясненіе, почему получается рента, какъ нѣкоторый избытокъ въ продуктѣ или въ вырученной избыточной цѣнности нѣкоторыхъ болѣе производительныхъ единицъ земли безъ нарушенія общихъ законовъ трудовой цѣнности.

Дальнѣйшее развитіе экономической науки, однако, показало совершенную непригодность этихъ положеній. Теперь всѣмъ извѣстно, что всѣ попытки опредѣленія количества затраченнаго на продуктъ труда оказались совершенно невозможными въ системѣ производства и распредѣленія, гдѣ каждый продуктъ является результатомъ неизмѣримой массы разнокачественныхъ дѣятельностей, необходимыхъ для поддержанія и дѣйствія этой системы производства, и гдѣ появленію продукта даннаго качества, созданнаго извѣстными категоріями труда и въ извѣстныхъ сложныхъ общественныхъ условіяхъ, является результатомъ данныхъ условій распредѣленія и потребленія, т. е. обусловливается представленіями имущей и покупающей части общества.

Представленіе объ ограниченности одной производительной силы также не могло удержаться. Какъ капиталъ, такъ и земля оказались такими же ограниченными количествами и идея возможности безграничнаго умноженія капитала въ нашихъ условіяхъ распредѣленія стала казаться простой наивностью [1]). Всѣ три производительныя силы оказались фактически совершенно разнообразными по производительности т. е. по количеству того продукта, которое получается въ результатѣ ихъ дѣятельности подъ руководящимъ направленіемъ человѣческаго труда.

Принявъ эти положенія во вниманіе, не трудно показать, что идея абсолютной трудовой стоимости представляетъ собою нелѣпость, что, исходя изъ нея, мы не можемъ придти къ убѣжденію, будто въ соціальномъ обществѣ представленія о стоимости и цѣнности совпадутъ и будто трудъ въ идеалѣ создаетъ пропорціональность общественнаго производства.

Само собою разумѣется, что земля не создана трудомъ и въ этомъ смыслѣ не имѣетъ трудовой стоимости. Но въ соб-

---

[1]) Исторія задолженности и кредита въ разныя историческія эпохи, казалось бы, должна была предохранить теоретическую экономію отъ ученія о возможности безграничнаго накопленія капитала, но догматизмъ всегда упоренъ и неспособенъ къ созерцанію реальныхъ явленій жизни. А между тѣмъ, какую громадную роль въ исторіи борьбы классовъ, государствъ и народовъ играло это простое обстоятельство: дороговизна и ограниченность наличнаго капитала!

ственномъ смыслѣ этого слова и капиталъ является не только результатомъ труда, но и содѣйствующихъ ему силъ природы. Даже самый трудъ, какъ капиталъ, какъ дѣйствующая машина, имѣетъ стоимость, которая опредѣляется потребленными продуктами земли, капитала и труда. Разсматривать трудъ, какъ единую производительную силу, наивно, если мы знаемъ, что созданіе опредѣленной массы продукта требуетъ опредѣленнаго количестиа затратъ въ видѣ дѣйствія трехъ наличныхъ производительныхъ силъ. Всякій продуктъ представляетъ собою сложный результатъ дѣйствія всѣхъ затраченныхъ на него производительныхъ силъ и высчитать то, что принадлежитъ природѣ и капиталу, невозможно. Уже на этомъ основаніи представленіе объ абсолютной трудовой стоимости было бы непригодно: оно вращалось бы всегда въ логическомъ кругѣ. Но для того, чтобы перейти отъ *стоимости* къ *цѣнности*, надобно сдѣлать еще большой логическій скачекъ. Въ нашемъ обществѣ, съ частной собственностью на орудія производства, существуетъ особое представленіе о стоимости, какъ объ оплатѣ цѣнъ затраченныхъ единицъ производительныхъ силъ. По мнѣнію г. Тугана-Барановскаго въ будущемъ обществѣ, гдѣ изчезнетъ представленіе о частной собственности, представленія объ абсолютной стоимости и цѣнности совпадутъ. Ничего подобнаго быть не можетъ. Въ дѣйствительности мы можемъ себѣ представить три вѣроятныхъ положенія. Во-первыхъ, въ будущемъ обществѣ свободное дѣйствіе производительныхъ силъ создастъ безгранично обильное количество продукта. Тогда наше современное представленіе о цѣнности исчезнетъ. Каждый будетъ брать то, что ему необходимо для удовлетворенія потребностей, вовсе не справляясь съ его стоимостью. Но никто въ такомъ обществѣ не будетъ такъ наивенъ, чтобы вѣрить, будто трудъ является абсолютной стоимостью. Всѣ будутъ знать, что для полученія опредѣленной массы продукта понадобилось затратить также опредѣленное количество земли и капитала.

Во вторыхъ, такого представленія объ абсолютной трудовой стоимости никогда не создастся, ибо всѣ будутъ знать, что, прилагаясь къ разнымъ единицамъ земли и капитала,

трудъ даетъ совершенно разное количество продукта, т. е., другими словами, одинъ и тотъ же продуктъ можетъ стоить совершенно разное количество труда.

Въ третьихъ, количество не только труда, но и другихъ производительныхъ силъ: земли и капитала можетъ оказаться ограниченнымъ по чисто природнымъ или соціальнымъ обстоятельствамъ. Продукты, получаемые отъ дѣйствія этихъ производительныхъ силъ пріобрѣтутъ особое значеніе въ глазахъ членовъ этого общества и, само собою, будутъ оцѣниваться не по абсолютной трудовой стоимости, а какъ нибудь иначе.

Такимъ образомъ, и для будущаго общества абсолютная трудовая стоимость не дастъ никакого основанія для отождествленія стоимости и цѣнности. Столь же невѣроятно, что трудъ въ состояніи будетъ самъ собою создавать пропорціональность общественнаго производства. Если бы въ будущемъ обществѣ каждому было предоставлено готовить, что угодно и какъ угодно, и мѣнять свой полный продуктъ на что угодно, то всѣ затрудненія капиталистическаго обмѣна сказались бы съ такою же силою, какъ и теперь. Анархія не есть порядокъ. Она сама по себѣ не создаетъ организаціи.

Организація является всегда или долговременнымъ продуктомъ историческаго развитія, или результатомъ новой и напряженной общественной работы. Безъ какой либо общественной организаціи никакая свобода, никакое планомѣрное дѣйствіе и раздѣленіе труда невозможны. Провозгласите любыя права человѣка, включая сюда и право на полный продуктъ личнаго труда, но безъ извѣстныхъ учрежденій и общественной организаціи, они останутся мертвымъ и пустымъ словомъ. Всякому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ исторіей человѣчества, ясно, что эта организація не можетъ быть создана внезапно чрезъ провозглашеніе новыхъ началъ жизни. Въ предѣлахъ народа должны создаться кадры, которые могутъ воспользоваться съ выгодой новыми условіями жизни, какъ лично для себя, такъ и въ цѣляхъ дальнѣйшаго культурнаго развитія.

Г. Туганъ-Барановскій мечтаетъ, что трудъ въ идеалѣ создастъ пропорціональность общественнаго производства, но

не замѣчаетъ, что его же учитель Прудонъ видитъ, что одна наличность различій въ производительности труда ведетъ къ необходимости ограниченія правъ на трудъ однихъ предъ другими? Къ чему сведется это право на полный продуктъ труда, если оно должно имѣть своимъ послѣдствіемъ право на кредитъ? Кто же создастъ могущественнѣйшія сочетанія капитала, которыя мы имѣемъ теперь? Анархія ничего не сдѣлаетъ тамъ, гдѣ долженъ быть порядокъ и общественная организація. Одно видоизмѣненіе условій обмѣна ничего создать не можетъ въ соціальномъ государствѣ, а нынѣ анализъ этого обмѣна показываетъ, что провозглашеніе права на полный продуктъ труда было бы вопіющей соціальной несправедливостью, ибо представленіе объ обмѣнѣ, какъ о размѣнѣ трудовыхъ эквивалентовъ, ложно въ самомъ корнѣ.

Путемъ такого представленія о трудѣ, какъ объ абсолютной трудовой стоимости, съ перенесеніемъ ея господства въ область будущаго соціальнаго государства, нельзя сохранить соціальную идею въ экономіи. Во-первыхъ потому, что соціальная идея въ экономіи дается намъ теперешними жизненными условіями производства и распредѣленія, и это мы ниже постараемся доказать, во-вторыхъ потому, что такого представленія объ абсолютной трудовой стоимости ни въ соціальномъ государствѣ, ни въ нашихъ капиталистическихъ условіяхъ существовать объективно не можетъ, въ третьихъ, потому, что если мы сведемъ представленіе объ абсолютной трудовой стоимости къ простому субъективному представленію г. Франка, что все въ общественномъ организмѣ зависитъ отъ труда, какъ двигающей силы или вмѣстѣ съ другими будемъ говорить, будто цѣнность національнаго продукта во всемъ его цѣломъ опредѣляется количествомъ затраченнаго общественно-необходимаго труда, то тѣмъ самымъ откажемся отъ созданія какой либо теоріи цѣнности и сведемъ соціальную идею къ простой банальности. Человѣчество и такъ знаетъ, что все въ мірѣ принадлежитъ ему и, если къ такому утвержденію сведется соціальная идея, то она очень мало дастъ для анализа существующихъ и желанныхъ условій роспредѣленія.

Сохраненіе соціальной идеи въ экономіи можетъ быть объективно обосновано только чрезъ разумное истолкованіе тѣхъ основаній, которыя побудили экономистовъ внести въ экономическую науку идею стоимости, а также и чрезъ выясненіе существующихъ условій собственности и владѣнія. Постараемся пока вкратцѣ отвѣтить на первый изъ этихъ вопросовъ, чтобы въ слѣдующемъ параграфѣ обосновать наши положенія болѣе тщательнымъ анализомъ существующаго капиталистическаго механизма производства, обмѣна и распредѣленія.

Многіе экономисты, въ томъ числѣ и г. Туганъ-Барановскій, ссылаются на авторитетъ Родбертуса, чтобы доказать возможность совпаденія трудовой цѣнности съ трудовой стоимостью въ будущемъ соціальномъ государствѣ. Родбертусъ создалъ идею относительно необходимости конституированія цѣнности согласно труду. Идеалистъ органической идеи государства былъ, однако, далекъ отъ анархизма Прудона. Онъ полагалъ, что это конституированіе можетъ совершиться только путемъ законовъ. Всякій, сколько нибудь внимательно читавшій Родбертуса, знаетъ, что о совпаденіи стоимости и цѣнности Родбертусъ никогда и не говорилъ. Его „трудовая цѣнность" представляется чѣмъ то совершенно отличнымъ отъ того, что мы имѣемъ обыкновенно въ виду, произнося эти слова. Самое понятіе трудовой стоимости внесено имъ въ науку вовсе не для построенія теоріи цѣнности, а лишь для выясненія важнѣйшей, по его мнѣнію, идеи народнохозяйственной производительности труда [1]). По его мнѣнію,

---

[1]) Родбертусъ въ своихъ замѣчательныхъ пяти теоремахъ „Zur Erkenntniss etc." пишетъ такъ: „земледѣліе является единственной основою того, что производительность работъ достаточно велика, чтобы, кромѣ содержанія рабочихъ, постоянно создавались необходимыя средства къ существованію и для другихъ. Но земледѣліе создаетъ только матеріалъ для необходимаго содержанія людей. Однако работы, которыя еще нужны для окончательнаго превращенія матеріала въ продукты, могущія стать доходомъ и составляющія необходимое содержаніе, относительно немногочисленны. Такъ какъ это вполнѣ вѣрно и такъ какъ производительность труда въ земледѣліи настолько велика, что въ его продуктѣ лежитъ основа значительнаго избытка надъ потребностями работника, то, благодаря земледѣлію создается не только воз-

разный трудъ, разныя земли и капиталы производятъ разное количество продукта. Найдите, безконечное количество разъ повторялъ онъ, среднюю производительность общественнаго труда. Дайте менѣе производительному, но необходимому труду добавочное вознагражденіе изъ общаго запаса благъ, чтобы вознагражденіе его было среднимъ. Для этого болѣе производительный трудъ долженъ поступиться своей долей, получить меньше. Вотъ его идея конституированія цѣнности согласно труду. Онъ, слѣдовательно, вовсе не говорилъ о возможности совпаденія стоимости съ цѣнностью въ будущемъ обществѣ, а рисовалъ просто особую систему общегосударственнаго распредѣленія продукта.

Оставаясь на почвѣ существующихъ капиталистическихъ условій, сознавая, что идея стоимости необходима только для опредѣленія высшихъ и низшихъ условій производительности

можность такого положенія вещей, при которомъ получаются ренты, но и возможность увеличенія рентъ и при томъ въ томъ направленіи, въ которомъ этотъ избытокъ продукта служитъ основой раздѣленія труда . . . . Но не слѣдуетъ впадать въ ошибку. Земледѣліе не основа земельной ренты, а основа рентъ вообще, какъ ренты капитала, такъ и земельной ренты. Оно даетъ столько же для первой, какъ и для послѣдней" . . . . и затѣмъ въ двухъ примѣчаніяхъ: „земледѣліе въ томъ смыслѣ одно изъ величайшихъ изобрѣтеній, что безъ него вообще не могли бы существовать ренты; безъ него всякій долженъ былъ бы отказаться отъ производительныхъ работъ и тѣмъ былъ бы положенъ предѣлъ для всякой цивилизаціи. Однако разъ осуществилось это необходимое, всякому дальнѣйшему прогрессу предшествовавшее условіе, то вновь изобрѣтенное приложеніе паровой силы къ фабрикаціи и къ перевозкѣ можетъ увеличить сумму рентъ отъ капитала и земли въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ они стоятъ теперь, можетъ также, по своимъ естественнымъ послѣдствіямъ, увеличить въ той же мѣрѣ число участниковъ въ духовной и художественной жизни. Произойдетъ ли это или нѣтъ, будетъ зависѣть отъ народнохозяйственной организаціи" . . . . и въ другомъ примѣчаніи: „если разсматривать природу, духъ и даже капиталъ, какъ „источники благъ" и ставить ихъ на ряду съ трудомъ, то это отнюдь не измѣняетъ того положенія, что трудъ является единственной производительной силой. Это положеніе будетъ тогда гласить только такъ: „земельная рента и прибыль капитала составляютъ результатъ всѣхъ соединенныхъ работъ, земельныхъ фондовъ и капиталовъ, которые нужны для полнаго изготовленія благъ, которыя составляютъ реальное выраженіе этихъ доходовъ". См. Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände, Erstes Heft: fünf Theoreme, 1842 г., стр. 71—72 и 67—68.

труда, онъ опредѣлилъ самую идею производительности труда иначе, какъ это дѣлалось много разъ и до него: трудъ, говорилъ онъ, производитъ въ условіяхъ сложно организованнаго хозяйства больше, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе, на разныхъ земляхъ и при разныхъ капиталахъ этотъ избытокъ больше. Другими словами, онъ пришелъ съ естественноисторической точки зрѣнія, какъ онъ выражается, къ ученію *о дифференціальной производительности труда*, а какъ экономистъ-соціалистъ выставилъ, какъ идеалъ распредѣленія: каждому соотвѣтственная доля этой народнохозяйственной производительности. Средній общественно необходимый трудъ извѣстной средней продолжительности, какъ масштабъ справедливаго средняго вознагражденія. Его политика распредѣленія, поэтому, и была политикой борьбы за нормальную плату. . . .

Констатированіе уже этой одной идеи дифференціальной производительности труда было громадной заслугой Родбертуса. Но историческое значеніе его системы еще больше: онъ первый изъ экономистовъ понялъ, что законы распредѣленія въ современномъ капиталистическомъ механизмѣ мы поймемъ, стоя не на индивидуалистической точкѣ зрѣнія, а исходя изъ понятій объ общественномъ имуществѣ, общественномъ производствѣ, капиталѣ и доходѣ. . Только такое представленіе даетъ намъ возможность съ очевидностью доказать, что всякій *продуктъ* есть извѣстнаго рода соціальный результатъ, что *собственность* есть одинъ изъ способовъ организаціи хозяйства, исторически сложившійся на началахъ соціальнаго господства и борьбы классовъ. Этотъ выводъ дастъ намъ основаніе сдѣлать и важныя заключенія о процессѣ трансформаціи современнаго хозяйства. Какъ увидимъ, онъ дастъ намъ то, что мы могли бы назвать *исторической соціальной платформой нашего времени*. Но прежде всего перейдемъ къ ближайшему анализу условій жизни современнаго хозяйства.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Проф. А. Миклашевскій.

ЗЕМСКІЕ НАЧАЛЬНИКИ.

Кто сѣетъ вѣтеръ, пожнетъ бурю.

Общія замѣчанія.

Въ предыдущей статьѣ [1]) мы разсмотрѣли правовое положеніе института земскихъ начальниковъ. Но въ дѣйствительной жизни почти всякое учрежденіе или институтъ получаютъ, въ большей или меньшей степени, иной видъ, чѣмъ какой хотѣлъ дать имъ законодатель: однѣ стороны ихъ дѣятельности выдвигаются на первый планъ, другія затушевываются или совсѣмъ исчезаютъ, третьи мѣняютъ свой внѣшній видъ и внутреннее содержаніе, и отношенія учрежденія къ другимъ органамъ управленія могутъ фактически установиться другія, чѣмъ предполагалъ законодатель; наконецъ, право создаетъ учрежденія или институты и оставляетъ ихъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени въ одномъ и томъ же видѣ, въ неподвижномъ состояніи, между тѣмъ жизнь мѣняется и потому должна измѣняться и жизнь и дѣятельность учрежденія и института. Отсюда изученіе дѣйствительной жизни всякаго учрежденія, а слѣдовательно и института земскихъ начальниковъ, должно составлять одну изъ существенныхъ частей общаго изученія ихъ, и его слѣдуетъ отличать отъ изученія правовой ихъ стороны. Поэтому теперь мы попытаемся разсмотрѣть, насколько это позволяетъ имѣющійся матеріалъ, дѣйствительную жизнь и дѣятельность института земскихъ начальниковъ.

[1]) См. Вѣстникъ Права, Май, 1905 г.

Что касается содержанія и порядка этого изученія, то, такъ какъ функціи—полномочія и обязанности земскихъ начальниковъ, а слѣдовательно и ихъ дѣятельность, рѣзко дѣлятся на двѣ части—административныя и судебныя, мы будемъ разсматривать прежде всего отдѣльно административную и судебную дѣятельность ихъ. Затѣмъ административныя функціи земскихъ начальниковъ, въ свою очередь, могутъ быть подраздѣлены на двѣ большія группы: на отношеніе ихъ къ органамъ крестьянскаго сословнаго самоуправленія, вѣрнѣе, управленія и суда, т. е. къ крестьянскимъ сходамъ, волостнымъ правленіямъ и старшинамъ и сельскимъ старостамъ и къ волостнымъ судамъ,—и на отношеніе земскихъ начальниковъ къ отдѣльнымъ крестьянамъ, главнымъ образомъ, въ силу возложенной на нихъ заботы о благосостояніи и нравственности простого населенія. И мы постараемся отдѣльно разсмотрѣть непосредственную дѣятельность земскихъ начальниковъ во всѣхъ этихъ многоразличныхъ ея проявленіяхъ. Само собой разумѣется, что если при этомъ намъ удастся наблюсти какія либо измѣненія во времени въ этой дѣятельности, то мы будемъ на нихъ указывать.

Но однимъ разсмотрѣніемъ дѣятельности земскихъ начальниковъ мы не думаемъ ограничиться. Всякій институтъ—его составъ и функціи устанавливаются тѣ или иные по извѣстнымъ соображеніямъ съ извѣстными цѣлями, для того, чтобы они дали тѣ или иные результаты. Отсюда, и всякія измѣненія въ дѣятельности института должны сопровождаться измѣненіями въ результатахъ этой дѣятельности. Поэтому изученіе этихъ результатовъ и возможное сопоставленіе ихъ съ задачами и результатами, которыя имѣлись въ виду законодателемъ, по нашему мнѣнію, должно составлять необходимую часть въ изученіи дѣятельности всякаго учрежденія,

а слѣдовательно и института земскихъ начальниковъ. И мы постараемся разсмотрѣть дѣятельность земскихъ начальниковъ, по возможности, вмѣстѣ съ ея результатами, проявляющимися, между прочимъ, и въ дѣятельности крестьянскихъ органовъ, этихъ центровъ крестьянской общественно-правовой и всей гражданской жизни, поставленныхъ въ самую тѣсную связь и зависимость отъ земскихъ начальниковъ.

Наконецъ, мы попытаемся въ концѣ работы разсмотрѣть и тѣ причины, по которымъ институтъ земскихъ начальниковъ получился въ дѣйствительной жизни, именно, такимъ, а не инымъ и далъ именно такіе, а не иные результаты.

Къ сожалѣнію для желательнаго, всесторонняго изученія дѣятельности земскихъ начальниковъ и ея развитія, которое могло бы вмѣстѣ съ тѣмъ освѣтить и тѣ причины, по которымъ эта дѣятельность значительно отклонилась отъ требованій закона, у насъ очень мало данныхъ. Изъ главныхъ обычныхъ источниковъ для изученія правительственныхъ учрежденій ихъ собственныхъ отчетовъ и отчетовъ органовъ и учрежденій, призванныхъ смотрѣть за ихъ дѣятельностью, контролировать ее, мы пользуемся только случайно попавшимися намъ отчетами объ административной и судебной дѣятельности земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ Саратовской губерніи за рядъ лѣтъ и отчетами о 7 довольно поверхностныхъ ревизіяхъ нѣкоторыхъ волостныхъ правленій и судовъ, земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ, произведенныхъ въ разное время Саратовскими губернаторами вмѣстѣ съ непремѣнными членами губернскаго присутствія. Несмотря на огромную важность института земскихъ начальниковъ, дѣятельность котораго касается почти всѣхъ сторонъ общественно-правовой и даже личной жизни нашего многолюднаго сельскаго населенія, несмотря на громадный интересъ, проявляемый, поэтому, къ нему и обществомъ и печатью, правительствомъ до сихъ поръ не опубликовано почти никакихъ отчетовъ, ни вообще матеріаловъ о жизни и дѣятельности земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что и въ литературѣ этотъ вопросъ очень слабо разработанъ: все имѣющееся касается главнымъ образомъ ненормальностей правовой постановки института. И наши знанія о дѣятельности земскихъ начальниковъ, кромѣ Саратовской губерніи, состоятъ изъ тѣхъ обрывочныхъ и случайныхъ свѣдѣній, которыя въ продолженіи 16-ти лѣтняго существованія института успѣли попасть на страницы печати. Правда и этого матеріала за такой продолжительный періодъ времени накопилось много и, пожалуй, достаточно, чтобы

составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное представленіе объ основныхъ чертахъ и особенностяхъ дѣятельности земскихъ начальниковъ. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы обратимся къ разсмотрѣнію дѣятельности земскихъ начальниковъ, начиная съ административныхъ ихъ функцій, въ частности, съ ихъ отношенія къ органамъ крестьянскаго самоуправленія и прежде всего къ крестьянскимъ сходамъ: отношеніе земскихъ начальниковъ къ послѣднимъ отражается за тѣмъ и на составѣ и дѣятельности всѣхъ прочихъ крестьянскихъ учрежденій и органовъ на отношеніи къ нимъ земскихъ начальниковъ.

Земскіе начальники и крестьянскіе сходы.

Положеніемъ о земскихъ начальникахъ послѣднимъ, какъ мы видѣли, даны широкія права надзора надъ дѣятельностью крестьянскихъ обществъ, т. е. ихъ сходовъ. Они обязаны провѣрять и утверждать нѣкоторые, опредѣленные приговоры ихъ и имѣютъ весьма неопредѣленное право, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого есть основанія, провѣрять и другіе приговоры сходовъ. Если при этомъ земскій начальникъ удостовѣрится, что приговоръ постановленъ несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу для сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ, то онъ, остановивъ исполненіе приговора, только представляетъ его вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ въ уѣздный съѣздъ. И этимъ представленіемъ оканчиваются полномочія земскаго начальника. Уѣздный съѣздъ отмѣняетъ или утверждаетъ приговоръ. Организація и дѣятельность сходовъ, такимъ образомъ, по существу остались безъ измѣненія.

Таково въ общемъ, по закону, всетаки довольно неопредѣленное отношеніе земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ къ крестьянскимъ сходамъ. Уже при разсмотрѣніи правового положенія института мы указывали на возможность весьма значительнаго расширенія земскими начальниками и уѣздными съѣздами своихъ и безъ того широкихъ правъ надзора за дѣятельностью крестьянскихъ сходовъ и отмѣны неправиль-

ныхъ приговоровъ. Дѣйствительность не только оправдала, но и далеко превзошла наши предположенія и опасенія. Такъ, прежде всего земскіе начальники имѣютъ право представлять къ отмѣнѣ только *явно* несправедливые приговоры, клонящіеся *къ явному* вреду для населенія и проч. Между тѣмъ и земскіе начальники въ своихъ опротестованіяхъ приговоровъ крестьянскихъ сходовъ и уѣздные съѣзды въ ихъ отмѣнахъ фактически считаютъ себя не связанными никакими правилами и границами и дѣйствуютъ совершенно свободно и произвольно. Это можно видѣть изъ цѣлаго ряда фактовъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни. Одинъ земскій начальникъ Камышинскаго у. Саратовской губ. опротестовалъ съ ссылкой *на ученые авторитеты*, какъ клонящійся къ *явному* ущербу сельскаго общества приговоръ его о сдачѣ поздней осенью сильно проросшихъ озимей гуртовщику подъ выпасъ по 25 к. за десятину. Уѣздный съѣздъ согласился съ земскимъ начальникомъ и отмѣнилъ приговоръ. Крестьяне пожаловались въ губернское присутствіе. Послѣднее вошло въ Сенатъ съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ постановленія съѣзда. Сенатъ удовлетворилъ это ходатайство черезъ нѣсколько лѣтъ. Но озими, конечно, такъ и остались не сданными. По словамъ отчета Саратовскаго губернатора о ревизіи земскихъ начальниковъ и другихъ крестьянскихъ учрежденій 1903 г. приговоръ Оленевскаго сельскаго схода Царицынскаго у. о покупкѣ за 410 р. дома для духовенства представленъ земскимъ начальникомъ къ отмѣнѣ и уѣзднымъ съѣздомъ отмѣненъ „подъ тѣмъ предлогомъ, что предположенная сходомъ цѣна не соотвѣтствуетъ дѣйствительной стоимости дома“. Такое вмѣшательство земскихъ начальниковъ и уѣзднаго съѣзда въ хозяйственныя распоряженія схода, говоритъ даже губернаторскій отчетъ о ревизіи, требуетъ тщательной мотивировки и подкрѣпленія своего мнѣнія о невыгодности сдѣлки какими либо доказательствами, а между тѣмъ указанный случай отмѣны приговора Оленевскаго схода основанъ исключительно на ничѣмъ неподкрѣпленномъ мнѣніи земскаго начальника.

Одинъ земскій начальникъ Самарской губ. представилъ въ уѣздный съѣздъ къ отмѣнѣ два приговора двухъ сель-

скихъ обществъ, которыми разрѣшены тремъ крестьянамъ поѣздки на 6 мѣсяцевъ въ Америку, по *предположенію*, что эти крестьяне хотятъ эмигрировать. Даже уѣздный съѣздъ не согласился въ данномъ случаѣ съ земскимъ начальникомъ [1]).

Въ Уфимской губ. крестьяне хотѣли сдать выгонъ за 90 р., земскій начальникъ приговоръ не утвердилъ, признавъ цѣну слишкомъ низкой. Крестьяне объясняютъ, что никто больше не даетъ, и скотъ землю имъ столочитъ. Земскій начальникъ приговоръ всетаки не утвердилъ и выгонъ остался не сданнымъ [2]).

Мы могли бы еще значительно увеличить число подобныхъ фактовъ. Они съ несомнѣнностью доказываютъ, что земскіе начальники совсѣмъ не считаются съ требованіемъ закона, чтобы представлялись къ отмѣнѣ и отмѣнялись только *явно* противозаконные приговоры. Въ дѣйствительной жизни, повидимому, представляются къ отмѣнѣ и отмѣняются земскими начальниками и уѣздными съѣздами тѣ приговоры, которые почему либо не угодны имъ, независимо отъ ихъ содержанія. Вотъ во что превратила дѣйствительная жизнь естественный, но неправильно организованный контроль правительства надъ дѣятельностью самоуправляющихся, по закону, крестьянскихъ обществъ. Она сдѣлала этотъ контроль мелочнымъ, докучливымъ и произвольнымъ, что неминуемо должно вести къ подавленію крестьянской общественной жизни.

По Саратовской губ. у насъ есть и цифровыя данныя о количествѣ приговоровъ представленныхъ земскими начальниками въ уѣздные съѣзды къ отмѣнѣ, за $12^1/_2$ лѣтъ—съ введенія института, 1-го іюля 1891 г. до 1903 г. включительно. Вотъ эти данныя въ итогахъ по уѣздамъ:

Уѣзды.	Всего за $12^1/_2$ лѣтъ.	Въ среднемъ въ годъ.	Въ среднемъ въ годъ на 100 сельскихъ и волостныхъ обществъ.
Аткарскій	1623	126,3	37,1
Балашевскій	2263	174,1	54,4

[1]) Саратовскій Листокъ, 1904 г., № 260.

[2]) Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, т. XLVI, стр. 256.

Вольскій	1974	151,8	83,0
Камышинскій	1347	103,6	51,2
Кузнецкій	422	32,5	13,4
Петровскій	1393	107,2	31,5
Саратовскій	1148	88,3	31,9
Сердобскій	1085	83,5	21,4
Хвалынскій	691	53,2	29,7
Царицынскій	819	63,0	78,6
По губерніи	12784	983,4	39,6

Такимъ образомъ, всего по Саратовской губ. за 12½ лѣтъ представлено къ отмѣнѣ 12,784 сельскихъ и волостныхъ приговора. Ежегодно представлялось въ среднемъ 983 приговора съ колебаніями отъ 465 въ 1892 г. до 1392 въ 1898 г. По уѣздамъ въ среднемъ за 12 лѣтъ относительно наименьшее число приговоровъ представлялось къ отмѣнѣ въ Кузнецкомъ и Сердобскомъ уѣздахъ и наиболѣе въ Царицынскомъ и Вольскомъ. По шестилѣтіямъ въ первое, 1892—1897 гг., было представлено къ отмѣнѣ всего по губерніи 5129 приговоровъ и во второе, 1898—1903 гг., 7497. Но придавать какое либо значеніе этому увеличенію не слѣдуетъ: возможно, что оно произошло отъ того, что земскіе начальники меньше стали отмѣнять приговоры единолично. Вообще эти цифры, какъ увидимъ ниже, имѣютъ весьма относительное значеніе и потому мы ихъ не будемъ разсматривать болѣе детально, по уѣздамъ.

У насъ нѣтъ свѣдѣній о количествѣ ежегодно составляемыхъ крестьянскими сходами Саратовской губ. приговоровъ, чтобы получить процентъ представленныхъ къ отмѣнѣ и т. д. Но, принимая во вниманіе слабое развитіе крестьянской общественной жизни и то, что многіе приговоры имѣютъ чисто формальный характеръ, какъ утверждаетъ и ревизія Саратовскаго губернатора 1904 г. о нѣкоторыхъ приговорахъ волостныхъ сходовъ,—слѣдуетъ считать число приговоровъ, представленныхъ къ отмѣнѣ, весьма значительнымъ. И оно возможно только потому, что земскіе начальники, какъ мы указали, совсѣмъ не считаются съ требованіями закона по опротестованію приговоровъ крестьянскихъ сходовъ.

Далѣе, очень многіе земскіе начальники, напримѣръ, зем-

скіе начальники Тульской губ., по словамъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, „требуютъ къ себѣ на просмотръ и утвержденіе всѣ приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ", само собой разумѣется, уже безъ всякихъ особыхъ основаній, а слѣдовательно незаконно, и безъ всякихъ сроковъ для ихъ утвержденія. По словамъ мѣстныхъ комитетовъ Московской губ., право земскихъ начальниковъ разсматривать всѣ приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ въ жизни привело къ тому, что „въ настоящее время ни одинъ сколько нибудь важный приговоръ не получаетъ силы, пока онъ не разсмотрѣнъ земскимъ начальникомъ, что, конечно, и вполнѣ естественно, добавляютъ мѣстные люди, такъ какъ, при отсутствіи срока для протеста, ни одно общество не можетъ рѣшиться привести въ исполненіе свое постановленіе, которое во всякое время можетъ быть, по представленію земскаго начальника, отмѣнено" [1]).

Такимъ образомъ, отношенія земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ къ крестьянскимъ сходамъ вышли изъ закономъ указанныхъ границъ. И земскіе начальники и уѣздные съѣзды постоянно превышаютъ свои полномочія въ ущербъ самостоятельности крестьянскихъ обществъ.

Однако отношенія земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ къ крестьянскимъ сходамъ въ дѣйствительности далеко не ограничиваются этими, хотя и вышедшими за предѣлы закона, но всетаки основывающимися на немъ формами контроля и отмѣны ихъ приговоровъ. Дѣйствительная жизнь выработала еще и другія, уже ни на чемъ не основанныя и даже противорѣчащія прямымъ требованіямъ закона, формы отношенія къ крестьянскимъ сходамъ и ихъ приговорамъ, словомъ, вмѣшательства въ крестьянскую общественную жизнь съ несомнѣнно худшими результатами.

Первой изъ этихъ формъ являются ни на чемъ не основанныя, противорѣчащія закону, требованія земскихъ началь-

---

[1]) Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, т. I, стр. 166.

никовъ, чтобы крестьяне спрашивали у нихъ разрѣшенія на всякое созваніе схода и на всякое обсужденіе на немъ какого либо вопроса. При этомъ, вѣроятно, не обходится и безъ указаній со стороны земскихъ начальниковъ, какъ слѣдуетъ рѣшать возникающіе вопросы. Въ хроникѣ Русскаго Богатства за 1900 г. сообщалось, что непремѣнный членъ Нижегородскаго губернскаго присутствія г. Кутлубицкій представилъ послѣднему докладъ, въ которомъ указывалъ, что на волостныхъ сходахъ Нижегородской губ. считается возможнымъ обсуждать только тѣ вопросы, которые намѣчены предварительно старшинами и допущены къ обсужденію земскими начальниками. Поэтому, сходы безъ позволенія земскаго начальника не только не могутъ постановить приговора по дѣламъ, предоставленнымъ ихъ вѣдѣнію, но даже разсуждать и думать о дѣлахъ волости могутъ только съ разрѣшенія земскаго начальника. Интересно, что такой совершенно незаконный, даже противорѣчащій закону порядокъ нашелъ сторонниковъ и въ Нижегородскомъ губернскомъ присутствіи, до того легкомысленно въ этихъ учрежденіяхъ отношеніе къ закону. Только министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило вопросъ законно, т. е. согласно мнѣнію г. К. [1]).

По свидѣтельству комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и въ Рязанской губ., на крестьянскихъ сходахъ „никакого вопроса нельзя возбудить безъ особаго каждый разъ даваемаго разрѣшенія. Никакое постановленіе по вопросамъ самымъ узкимъ, близко относящимся до сельскохозяйственныхъ нуждъ, не только не утверждается, если не было предварительнаго разрѣшенія на обсужденіе, но еще можетъ караться арестомъ“ [2]).

Тотъ же порядокъ практикуется и въ Саратовской губ. Губернаторской ревизіей 1903 г. установлено, что „всѣ земскіе начальники Сердобскаго уѣзда требуютъ, чтобы сельскіе сходы во ввѣренныхъ имъ участкахъ собирались не иначе, какъ съ ихъ вѣдома и разрѣшенія и при томъ вопросы,

---

[1]) № 5 стр. 182.
[2]) Нужды деревни.... т. I, стр. 166.

подлежащіе обсужденію схода, предварительно представлялись на просмотръ и разрѣшеніе къ обсужденію. Такой порядокъ созыва сельскихъ сходовъ для рѣшенія разныхъ вопросовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, введенъ въ Сердобскомъ уѣздномъ съѣздѣ на основаніи постановленія съѣзда, состоявшагося 10 января 1893 г.". Точно также поступаетъ земскій начальникъ 1 участка Петровскаго уѣзда.

Другой, также не имѣющей никакого основанія въ законѣ и противорѣчащей ему формой отношеній земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ обществамъ и ихъ приговорамъ, вмѣшательства въ жизнь и дѣятельность обществъ, вліянія на нее, является противозаконная отмѣна приговоровъ крестьянскихъ сходовъ единолично самими земскими начальниками. Такъ, мѣстные люди Самарской губерніи говорятъ, что въ этой губерніи „для всякихъ даже чисто хозяйственныхъ приговоровъ, какъ наемъ пастуха и конюха", требуется „санкція земскаго начальника" [1]). Отчетъ Саратовскаго губернатора о ревизіи земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣздовъ и нѣкоторыхъ волостныхъ правленій Аткарскаго и Балашевскаго уѣздовъ 1892 г. говоритъ слѣдующее [2]):

„Прежняя практика упраздненныхъ крестьянскихъ учрежденій и масса жалобъ на неправильное составленіе приговоровъ сельскихъ обществъ... указывали, что сельскія общества очень часто составляли неправильные приговоры, какъ по формѣ, такъ и по существу... Поэтому казалось, что земскіе начальники, въ особенности въ началѣ, воспользуются правомъ, предоставленнымъ имъ статьей 31 и будутъ представлять въ съѣздъ значительное число какъ обжалованныхъ, такъ и самимъ земскимъ начальникомъ признанныхъ неправильными, приговоровъ. Между тѣмъ ревизіей обнаружено совершенно обратное... Въ періодъ времени съ 1 іюля 1891 г. по 1 января 1892 г. изъ 21 земскаго

---

[1]) Ibidem.

[2]) И здѣсь и далѣе мы не будемъ точно цитировать этихъ отчетовъ, потому что онѣ для общаго пользованія не печатались, а только разсылались земскимъ начальникамъ, у которыхъ мы ихъ и получили.

начальника Аткарскаго и Балашовскаго уѣздовъ только 11 представили по ст. 31 въ съѣздъ по одному или по 2 приговора и только одинъ представилъ 10 приговоровъ, остальные же 10 земскихъ начальниковъ въ теченіе полугода ни разу не имѣли случая найти тотъ или другой приговоръ неправильнымъ и, какъ таковой, представить въ съѣздъ для отмѣны. Въ слѣдующее полугодіе съ 1 января по 1 іюля 1892 года число дѣлъ по ст. 31 въ съѣздахъ также не увеличилось. Такое незначительное примѣненіе ст. 31 объясняется не отсутствіемъ приговоровъ, подлежащихъ отмѣнѣ..., а тѣмъ, что земскіе начальники усвоили неправильный взглядъ на право свое разсматривать приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ и наблюдать за правильностью постановленія таковыхъ. Большинство земскихъ начальниковъ, при ревизіи, объяснили, что они не встрѣчаютъ надобности въ представленіи неправильныхъ приговоровъ для отмѣны въ съѣздъ, такъ какъ въ случаѣ составленія таковаго, они предписываютъ обществу не приводить въ исполненіе приговоръ, а взамѣнъ его постановить новый приговоръ, соотвѣтствующій взглядамъ земскаго начальника, и общества въ большинствѣ случаевъ такому требованію земскаго начальника подчиняются. Указанныя требованія земскаго начальника большею частію передаются сельскому старостѣ словесно, иногда же дѣлается письменное постановленіе". Очевидно такой же порядокъ практиковался вначалѣ и въ другихъ уѣздахъ Саратовской губерніи, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, сравнительно меньшее число представленныхъ къ отмѣнѣ приговоровъ въ первую половину 90 годовъ прошлаго вѣка по сравненію съ позднѣйшимъ временемъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что и впослѣдствіи и въ настоящее время нѣкоторая часть крестьянскихъ приговоровъ незаконно отмѣняется и измѣняется непосредственно земскими начальниками и не доходитъ до съѣзда. Такъ, губернаторская ревизія 1903 г. нашла въ Аткарскомъ, Петровскомъ и Сердобскомъ уѣздахъ по одному, отмѣненному земскимъ начальникомъ единолично безъ представленія въ уѣздный съѣздъ.

Однако и этими частью законными, а въ большинствѣ

незаконными, формами надзора за крестьянскими обществами и предварительнаго и послѣдующаго контроля приговоровъ ихъ сходовъ отношенія земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ сходамъ далеко не исчерпывается. Главное содержаніе этихъ отношеній составляетъ установившееся на практикѣ прямое или косвенное, непосредственное или посредственное, черезъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ, вліяніе земскихъ начальниковъ на содержаніе приговоровъ крестьянскихъ сходовъ: они нерѣдко просто приказываютъ составить такой или иной приговоръ. Несомнѣнно этимъ путемъ гораздо глубже затрагивается общественная жизнь крестьянства. Возможность такого рода отношеній земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ сходамъ, вліяніе на ихъ жизнь и дѣятельность обусловливается, во 1-хъ, отношеніемъ земскихъ начальниковъ къ отдѣльнымъ крестьянамъ, именно, исключительной властью надъ ними, широкимъ примѣненіемъ на практикѣ арестовъ и штрафовъ, во 2-хъ, столь же широкой властью ихъ надъ должностными лицами крестьянскаго управленія и въ 3-хъ фактическимъ, закономъ не предусмотрѣннымъ, участіемъ земскихъ начальниковъ въ крестьянскихъ сходахъ. Разсмотримъ отдѣльно значеніе каждаго изъ этихъ условій вліянія земскихъ начальниковъ на крестьянскую общественную жизнь, хотя отмѣтимъ, что главная ихъ сила въ томъ, что они дѣйствуютъ совмѣстно, взаимно пополняютъ другъ друга.

Остановимся прежде всего на отношеніяхъ земскихъ начальниковъ къ отдѣльнымъ крестьянамъ, какъ на средствѣ для воздѣйствія на крестьянскіе сходы. Мы имѣемъ въ виду здѣсь, какъ уже сказали, право земскихъ начальниковъ налагать на населеніе въ административномъ порядкѣ аресты и штрафы за неисполненіе ихъ законныхъ требованій, которое они фактически расширили, какъ увидимъ ниже, въ право жестоко карать за все, что такъ или иначе не нравится въ крестьянинѣ земскому начальнику.

Этимъ правомъ земскіе начальники на практикѣ широко воспользовались и въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянскимъ сходамъ для вліянія на ихъ дѣятельность, для побужденія ихъ принимать тѣ или иныя ихъ требованія. Въ печати

указывалось не мало случаевъ, когда земскіе начальники карали и отдѣльныхъ крестьянъ и цѣлые сходы или части ихъ за непослушаніе, за несогласіе дать требуемый приговоръ, или за выраженіе мнѣнія, или за голосованіе на сходѣ, не въ желательномъ для земскаго начальника смыслѣ. Такъ, въ Уфимской губ. въ 1901 г. земскій начальникъ оштрафовалъ 192 крестьянина по 40 коп. каждаго, съ замѣною арестомъ на однѣ сутки, за неисполненіе его требованія о наймѣ пастуха. Въ томъ же году земскій начальникъ Новгородской губерніи оштрафовалъ 24 крестьянъ отъ 1 до 7 руб. каждаго за отказъ назначить опекуна къ имуществу умершаго крестьянина. Въ 1900 г. одинъ земскій начальникъ Вятской губерніи оштрафовалъ, по указаніямъ уѣзднаго съѣзда, часть крестьянъ сельскаго общества, подавшихъ на сходѣ голосъ противъ передѣла мірской земли, котораго требовалъ земскій начальникъ [1]). Земскій начальникъ 3 участка Суджанскаго уѣзда подвергъ все общество въ количествѣ 280 домохозяевъ села Борокъ штрафамъ въ 2 и 3 руб. за отказъ отъ сдачи въ аренду права охоты въ лѣсу: звѣри уничтожали у крестьянъ скотину и потому они, отказавшись вновь сдать лѣсъ въ аренду, предоставили охотиться въ немъ всякому желающему. Но... земскій начальникъ самъ былъ страстный охотникъ [2]). Въ Нижегородской губерніи цѣлый сходъ изъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ подвергся аресту только потому, что общество не уплатило назначенной самимъ земскимъ начальникомъ повинности. Въ 1902 г. земскій начальникъ Горевскаго уѣзда разослалъ сельскимъ старостамъ 16 обществъ Ремедской волости приказъ взыскать въ трехдневный срокъ съ перечисленныхъ крестьянъ, бывшихъ на сходѣ и не давшихъ приговора, требуемаго закономъ по обезпеченію народнаго продовольствія штрафъ въ 3 руб. съ замѣной въ случаѣ несостоятельности 3-хъ дневнымъ арестомъ. Къ приказу приложенъ списокъ свыше 2000 крестьянъ [3]).

---

[1]) Всѣ 3 факта см. Право, 1904 г., № 33, стр. 1628.

[2]) Право, 1902 г. № 27, стр. 1303.

[3]) Ib., 1902 г., № 42.

Мы могли бы еще значительно увеличить число подобныхъ фактовъ, но и приведенные достаточно ясно говорятъ, какъ широко на практикѣ пользуются земскіе начальники своимъ исключительнымъ правомъ налагать аресты и штрафы на крестьянъ и какъ глубоко измѣняются этимъ законныя отношенія земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ сходамъ.

Огромное вліяніе на отношенія земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ сходамъ имѣла, далѣе, широкая и произвольная власть земскихъ начальниковъ надъ прочими органами крестьянскаго управленія — волостными старшинами и сельскими старостами. Подъ страхомъ арестовъ и шрафовъ эти органы превращены въ покорныхъ исполнителей указаній этихъ начальниковъ и постоянно приходится встрѣчаться съ фактами давленія ихъ на сходы, по приказанію земскаго начальника, чтобы получить тотъ или иной, желаемый имъ приговоръ.

Наконецъ, послѣдней, не предусмотрѣнной закономъ, но установившейся на практикѣ, чертой отношеній земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ сходамъ является присутствіе ихъ на сходахъ и участіе въ нихъ. Въ законѣ этотъ вопросъ оставленъ открытымъ. Самъ законодатель, повидимому, предоставилъ его рѣшеніе самой жизни. Въ литературѣ [1]), исходя изъ того, что съ введеніемъ земскихъ начальниковъ Общее положеніе о крестьянахъ, которымъ послѣдніе устроены на началахъ самоуправленія, сохранило свою силу, утверждали, что земскіе начальники не имѣютъ права присутствовать на сходахъ. Но жизнь рѣшила иначе. Земскіе начальники фактически свободно присутствуютъ, когда найдутъ это нужнымъ, на крестьянскихъ сходахъ и даже принимаютъ участіе въ обсужденіяхъ крестьянами своихъ дѣлъ и, конечно, очень сильно вліяютъ на ихъ рѣшенія. Изъ отчета Смоленскаго губернатора о его ревизіи земскихъ начальниковъ этой губерніи въ 1892 г. видно, что послѣдніе принимали дѣятельное участіе въ сходахъ крестьянъ и губернаторъ не только не находитъ нужнымъ и возможнымъ

---

[1]) Напр., Новое Слово, 1897 г., № 10.

сказать что нибудь противъ такого захвата, но одобряетъ его, даетъ совѣты, какъ наилучше достигнуть наибольшаго вліянія на эти сходы, не совѣтуетъ, напр., наказывать за возраженія [1]). И многочисленныя данныя свидѣтельствуютъ, что участіе земскихъ начальниковъ въ крестьянскихъ сходахъ практикуется почти повсемѣстно, напр., въ губерніяхъ—Саратовской, Полтавской, Тамбовской, Харьковской и др.

Вполнѣ естественно, что, присутствуя на сходахъ, земскіе начальники, въ силу характера своей власти, не ограничиваются даже однимъ моральнымъ воздѣйствіемъ на нихъ, а очень часто убѣждаютъ крестьянъ принять то или иное рѣшеніе арестами и штрафами за возраженія, за неповиновеніе и проч. Смоленскій губернаторъ не совѣтуетъ наказывать за возраженія на сходахъ, значитъ, наказывали. Знаменитый земскій начальникъ Протопоповъ—типичный земскій начальникъ перваго времени ихъ существованія—на сельскомъ сходѣ грозилъ перебить половину собравшихся крестьянъ, ударивъ палкою кр. Старченко [2]).

Итакъ, на практикѣ земскіе начальники не только широко, законно и незаконно, контролируютъ дѣятельность крестьянскихъ сходовъ, но и самыми разнообразными способами вліяютъ на содержаніе ихъ приговоровъ—приказываютъ сходамъ постановить тотъ или иной приговоръ и, въ случаяхъ неповиновеній, наказываютъ арестами и штрафами, приказываютъ должностнымъ лицамъ понудить такъ или иначе общество дать тотъ или иной приговоръ, и должностные лица стараются, такъ какъ въ случаѣ невыполненія порученія земскаго имъ также грозятъ аресты и штрафы, и, съ своей стороны, арестами же и штрафами и всякими другими средствами понуждаютъ крестьянъ исполнить волю земскаго начальника. Наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ сами земскіе начальники являются на сходы и обычными своими средствами, т. е. опять же угрозами арестовъ и штрафовъ или же самими арестами и штрафами убѣждаютъ населеніе слѣдовать своимъ совѣтамъ. Вотъ нѣсколько случаевъ изъ

[1]) Юридическая Газета, 1894 г., № 33, 35 и 41.

[2]) Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ, стр. 142.

жизни для иллюстраціи указанныхъ отношеній земскихъ начальниковъ къ крестьянскихъ сходамъ.

Въ октябрѣ 1900 г. по распоряженію земскаго начальника 5 уч. Аткарскаго уѣзда Саратовской губерніи вызваны были въ село С. уполномоченные отъ всѣхъ обществъ его участка для сдачи съ торговъ винныхъ лавокъ. Пріѣхали на эти торги и уполномоченные с. М.-Копенъ Даниловской волости крестьяне Г. и К. Торговаться пріѣхалъ довѣренный кн. Вяземской Ф. Уполномоченные с. М.-Копенъ заявили, что общество имъ поручило лавку сдать не за 840 р., какъ она сдавалась въ предшествовавшемъ году, а за 1000 р. Земскій начальникъ не согласился съ этой надбавкой и требовалъ отъ уполномоченныхъ начать торги съ прежней цѣны. Уполномоченные отказались и заявили, что въ крайнемъ случаѣ они согласны сдать лавку за прежнюю цѣну, если Ф. прибавитъ 100 р. на школу. Земскій начальникъ и на это не согласился и сталъ самъ торговаться. Начали съ 840 р., набавили 15 р. и лавка пошла за 855 р. Уполномоченные подписать торговый листъ отказались и уѣхали домой. Они разсказали обо всемъ своимъ крестьянамъ; былъ собранъ сходъ, который рѣшилъ торги не утверждать и лавку дешевле 1000 р. не сдавать. Пріѣхалъ старшина и на сходѣ опросилъ поименно все общество, кто желаетъ утвердить торги, произведенные земскимъ начальникомъ и кто не желаетъ. Несогласныхъ съ земскимъ начальникомъ оказалось 165 домохозяевъ, а согласныхъ 20—25. Послѣ этого пріѣхалъ Ф. и вошелъ въ соглашеніе съ обществомъ, набавивъ еще 75 р. Земскій начальникъ, узнавши про это, пріѣхалъ самъ и, собравши сходъ, пригрозилъ ему, что несогласныхъ арестуетъ или оштрафуетъ и приказалъ старшинѣ и сотскимъ снарядить для арестованныхъ 20 подводъ. Послѣ этого на сходѣ несогласныхъ оказалось только 25 человѣкъ. Изъ нихъ 9 были арестованы на 3 дня, и 16 оштрафованы на 2—6 р. каждый. По жалобѣ наказанныхъ Сенатъ черезъ 3 года призналъ дѣйствія земскаго начальника неправильными и отмѣнилъ его постановленіе [1]).

[1]) Право, 1904 г., № 5.

А вотъ еще фактъ: обществу одной деревни Моршанскаго уѣзда земскій начальникъ предложилъ построить школу и часовню. На заявленіе общества, что оно не имѣетъ на то средствъ, онъ обѣщалъ достать ихъ и сказалъ, что крестьянамъ остается только привести лѣсу для постройки. Крестьяне на такихъ условіяхъ согласились и постановили приговоръ. Средства на постройку школы дало Казанское миссіонерское братство—600 р., крестьяне же набрали еще своихъ 115. Учителемъ въ школу былъ назначенъ родственникъ земскаго начальника, женатый на родственницѣ священника. Онъ занялся... раздачей денегъ на проценты по 2 коп. съ рубля въ мѣсяцъ. Сначала въ школу поступило 42 мальчика, но скоро половина разбѣжалась. Въ слѣдующемъ 1896 г. земскій начальникъ предлагаетъ тому же обществу построить церковь, но получаетъ упорный отказъ, за который забираетъ со схода трехъ человѣкъ, показавшихся ему болѣе упорными, и сажаетъ ихъ въ „холодную" при волостномъ правленіи на 3 сутокъ. Не смотря на всѣ старанія старшины, крестьяне всетаки не согласились на постройку часовни. Тотъ же земскій начальникъ потребовалъ у того же общества выстроить учителю дворъ: „чтобы у меня непремѣнно былъ выстроенъ дворъ", объявилъ онъ и пригрозилъ, что въ случаѣ сопротивленія будетъ штрафовать немилосердно. Дворъ былъ построенъ. Въ новомъ 1896—97 учебномъ году въ школу не записался ни одинъ ученикъ. Послѣ многократныхъ оповѣщеній старосты, чтобы дѣти шли записываться, набралось 4 ученика—сынъ старшины, его брата, школьнаго сторожа и кухарки. За неумѣніе набрать болѣе учениковъ староста былъ побитъ земскимъ начальникомъ. Тогда задачу набрать учениковъ въ школу принимаетъ на себя старшина и посредствомъ угрозъ и увѣщаній набираетъ 20 учениковъ. А старосту земскій начальникъ арестовалъ на 7 дней, а по отбытіи этого наказанія гонялъ еще 2 раза подъ такой же арестъ. Въ концѣ концовъ школа сгорѣла отъ неизвѣстной причины [1]).

---

[1]) Новое Слово, 1897 г., сентябрь, стр. 126—133.

Число подобныхъ случаевъ самаго широкаго непосредственнаго и посредственнаго воздѣйствія земскихъ начальниковъ на крестьянскіе сходы можно еще значительно увеличить. Наконецъ, губернаторская ревизія земскихъ начальниковъ Саратовской губерніи 1903 г. обнаружила даже, можетъ быть, рѣдкій случай самостоятельнаго рѣшенія земскимъ начальникомъ дѣла, находящагося въ вѣдѣніи волостного схода: въ Князевской волости Петровскаго уѣзда сходомъ назначены торги и ямщина сдана по приговору схода крестьянину С. Впослѣдствіи С. отказался и земскій начальникъ, не созывая даже вновь схода, передалъ ямщину самъ лично крестьянину У.

Такимъ образомъ, дѣйствительныя отношенія земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ сходамъ не ограничиваются предусмотрѣннымъ закономъ контролемъ ихъ за дѣятельностью сходовъ и представленіемъ къ отмѣнѣ ихъ незаконныхъ приговоровъ, даже раздвинутыми далеко за тѣ широкія границы, которыя поставлены этому надзору закономъ. Фактически земскіе начальники стали властными руководителями крестьянской общественной жизни, вершителями ея судебъ. Крестьянскіе сходы потеряли всякую самостоятельность, сдѣлались на практикѣ послушными исполнителями прямыхъ и косвенныхъ приказовъ земскихъ начальниковъ, вызываемыхъ нерѣдко мотивами, ничего общаго съ интересами и общей пользой крестьянъ не имѣющими. Въ этомъ убѣждаетъ и все вышеизложенное и общій голосъ общества и печати, который достаточно извѣстенъ всѣмъ. „Наши сельскіе сходы, говорили мѣстные люди Вятской губерніи въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, въ настоящее время лишены всякой самостоятельности, приговоры ихъ составляются далеко не по доброй волѣ, желанія ихъ парализуются усиленнымъ контролемъ, подчасъ приговоры ихъ диктуются, а тѣ, которые для крестьянъ желательны, не получаютъ утвержденія“ [1]).

Конечно, земскіе начальники вмѣшиваются въ рѣшенія

---

[1]) Нужды деревни, стр. 166.

крестьянами своихъ дѣлъ далеко не всегда: у нихъ на это нѣтъ ни времени, ни охоты: какъ увидимъ ниже, земскіе начальники далеко не такъ ужъ интересуются крестьянскими дѣлами. Но фактъ то, когда у нихъ является хоть малѣйшее желаніе повліять въ какую либо сторону на общественныя дѣла, они имѣютъ полную возможность это сдѣлать. А интересы, конечно, являются и бываютъ весьма различной природы, какъ мы видѣли. И во всѣхъ такихъ случаяхъ крестьяне отданы на произволъ земскаго начальника.

Трудно сказать — ожидало ли правительство и вообще сторонники института земскихъ начальниковъ, что его отношенія къ крестьянскимъ сходамъ примутъ въ жизни такія нежелательныя формы. Но мы думаемъ, что они во всякомъ случаѣ не ожидали тѣхъ результатовъ, какіе получились отъ такихъ отношеній. Правительство хотѣло установить только самый бдительной, строгій и дѣйствительный контроль за крестьянскими сходами. Установленіемъ такого контроля земскихъ начальниковъ правительство, какъ оно говорило, хотѣло только упорядочить крестьянскую общественную жизнь — устранить ненужные мірскіе расходы, напр., на пьянство и проч., устранить общественные приговоры подъ вліяніемъ водки, по мотивамъ, ничего общаго съ общественными интересами и пользами не имѣющимъ и т. д. — словомъ, оно желало, по его словамъ, общеполезныхъ результатовъ. Возможно также, что правительство вообще хотѣло строго регламентировать крестьянскую общественную жизнь. Но отъ дѣйствительныхъ, установившихся въ жизни отношеній земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ обществамъ получились совсѣмъ иные, многочисленные и весьма плачевные результаты, которые трудно даже перечислить. Разсмотримъ главные изъ нихъ.

Полное подавленіе, уничтоженіе самостоятельности крестьянскихъ сходовъ на практикѣ, прежде всего, отразилось на составѣ этихъ сходовъ. Все населеніе и въ особенности лучшіе его элементы, крестьяне съ понятіемъ объ общественномъ благѣ, честные, и съ чувствомъ собственнаго достинства, потеряли всякій интересъ къ общественнымъ дѣламъ, превратившимся въ простую формальность, стали тяготиться

своей декоративной ролью и уклоняются отъ участія въ сходахъ, не пользующихся никакой самостоятельностью. Послѣдніе, поэтому, составляются не изъ всѣхъ взрослыхъ крестьянъ или ихъ представителей, какъ требуетъ законъ, а преимущественно изъ тѣхъ, которые мирятся съ своимъ безсиліемъ, съ своей декоративной ролью и согласны исполнять требованія земскихъ начальниковъ, т. е., въ дѣйствительности изъ худшихъ элементовъ крестьянства, которые вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе склонны искать себѣ личныхъ выгодъ отъ общественнаго дѣла. Большинство крестьянъ Самарской губ., по словамъ кмитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, совершенно потеряло интересъ къ той формалистикѣ, въ которую обратились ихъ сходы [1]). Въ Курской губ., по словамъ крестьянина К. въ запискѣ въ Дмитровскій уѣздный комитетъ, „во многихъ селеніяхъ дѣло дошло до того, что солидные домохозяева совсѣмъ устраняются отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и на сельскихъ сходахъ получили преобладаніе наименѣе надежные элементы деревни, исправно являющіеся на сельскіе сходы изъ побужденій, неимѣющихъ отношенія къ правильному рѣшенію общественныхъ дѣлъ“ [2]). Въ запискѣ г. Протопопова въ Самарскій губернскій комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности читаемъ слѣдующее: „лучшія силы деревни... теперь прямо таки сторонятся общественныхъ дѣлъ... За нихъ и за другихъ на сходѣ распоряжается небольшая группа, сочиняющая желательные ей приговоры, подписывать которые грамотные принуждаются различными способами, а не грамотныхъ просто вписываютъ“ [3]).

Земскіе начальники пробуютъ арестами и штрафами заставить крестьянъ посѣщать сходы. Въ одномъ волостномъ правленіи Ярославской губ. въ 1894 г. висѣло такое объявленіе: „по распоряженію земскаго начальника будутъ под-

---

[1]) Нужды деревни... 167.

[2]) Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохоз. промышленности т. XIX, стр. 160.

[3]) Ib., т. XXXV, стр. 117.

вергаться штрафу или аресту тѣ, кто не придетъ на сельскій сходъ или уйдетъ со схода не подписавъ приговора“ [1]). Незаконность этого распоряженія не мѣшаетъ ему быть весьма характернымъ. Въ Покровской слободѣ Самарской губ. въ 1894 г. за неявку на сходъ было подвергнуто аресту около 700 домохозяевъ. Но такими средствами, конечно, нельзя добиться посѣщенія сходовъ тѣми крестьянами, которые тяготятся ими и которые не желаютъ своими подписями прикрывать часто единоличныя дѣла земскихъ начальниковъ [1]).

Съ самоустраненіемъ части крестьянскаго населенія отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, прежде всего, нарушается начало самоуправленія; общественное дѣло оказывается въ рукахъ немногихъ, не могущихъ выражать, соблюдать и проводить общую пользу и общіе интересы населенія. Къ тому же, устраняется отъ участія въ общественной жизни лучшая часть населенія и фактически дѣла рѣшаются частью земскими начальниками, частью, когда послѣдніе не интересуются и не занимаются какими-либо дѣлами, худшими элементами деревни. Получается такая форма общественной жизни, которую нельзя назвать ни самоуправленіемъ, ни управленіемъ и которая только совмѣщаетъ всѣ отрицательныя стороны того и другого, но не имѣетъ никакихъ положительныхъ.

Когда дѣла фактически рѣшаются самими земскими начальниками, то послѣдніе дѣйствуютъ не только безъ достаточнаго знанія дѣла, не только безъ непосредственнаго интереса въ немъ, такъ какъ они рѣшаютъ чужія дѣла за чужой счетъ, но и безъ опасенія дать кому-либо отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ они прикрываются формально приговорами сходовъ. Въ этихъ случаяхъ дѣла должны вестись даже хуже, чѣмъ при обыкновенномъ управленіи черезъ чиновниковъ, такъ какъ послѣдніе за свои дѣйствія всегда отвѣтственны передъ высшимъ начальствомъ, земскіе же начальники ни предъ кѣмъ не отвѣтственны. Нѣтъ ничего удивительнаго, если, напр., земскимъ начальникамъ Фатежскаго у. Курской губ., при такихъ условіяхъ ихъ дѣятельности,

---

[1]) Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ, стр. 289.

пришла даже мысль соединить телефономъ всѣ волостныя управленія съ г. Фатежомъ на мірскія средства [1]).

Съ другой стороны, населеніе въ такихъ случаяхъ, не понимая пользы предпріятій земскаго начальника и не сочувствуя имъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, молча, скрытно сопротивляется имъ, отчего даже и хорошія по существу мѣры земскихъ начальниковъ не приносятъ никакой пользы, а только вредъ. Одинъ изъ членовъ Стерлитамакскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности Уфимской губ. говорилъ въ этомъ комитетѣ: подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ въ нашемъ уѣздѣ обсаживались проселочныя дороги деревьями, и крѣпко штрафовали; масса было потрачено труда и времени, израсходовано денегъ, а результаты самые плачевные: нѣтъ ни одного дерева.

Но при установившемся фактическомъ составѣ крестьянскихъ сходовъ не лучше обстоитъ и съ тѣми общественными дѣлами, которыя земскіе начальники предоставляютъ крестьянамъ рѣшать самостоятельно, безъ инструкцій. Состоя изъ худшихъ элементовъ крестьянства, готовыхъ гнуть спины предъ земскими начальниками, исполнять всякіе ихъ приказы, но зато, при случаѣ, попользоваться у общественнаго дѣла, нынѣшніе крестьянскіе сходы не стоятъ на высотѣ своего призванія и ведутъ общественныя дѣла не лучше земскихъ начальниковъ, а нерѣдко и хуже. Какъ и до введенія земскихъ начальниковъ крестьянскіе сходы пьянствуютъ, пропиваютъ мірскія деньги, составляютъ отдѣльнымъ членамъ приговоры за водку и т. д. Юридическая коммисія Елецкаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности Орловской губ. въ своемъ докладѣ говоритъ, что произведенное ею „изслѣдованіе по вопросу о томъ, уменьшилось ли послѣ введенія положенія о земскихъ начальникахъ число случаевъ составленія обществами приговоровъ за водку, привело скорѣе къ обратному выводу“. Какъ и до введенія земскихъ начальниковъ крестьянскіе сходы напираютъ на слабыхъ своихъ членовъ, обижаютъ ихъ въ пользу зажиточ-

---

[1]) Право, 1900 г., № 24, стр. 1251.

ныхъ элементовъ, лишаютъ надѣловъ, обдѣляютъ усадьбами, воспрещаютъ строиться послѣ пожаровъ на новыхъ мѣстахъ. По прежнему вдовъ и сиротъ оставляютъ безъ надѣловъ или даютъ имъ худшіе и т. д. и т. д. На все это есть указанія и въ губернаторскихъ ревизіяхъ крестьянскихъ учрежденій Саратовской губ.

Трудно, конечно, да и излишне сравнивать нынѣшніе общественные порядки съ тѣми, какія были до введенія земскихъ начальниковъ: и матеріала нѣтъ и времена другія, но одно нужно сказать—худшее ихъ состояніе, чѣмъ въ настоящее время, трудно себѣ представить: общественными дѣлами управляютъ или ничего не понимающіе, не заинтересованные и не отвѣтственные земскіе начальники, или худшіе элементы деревни, стремящіеся поживиться около общественнаго дѣла. И всему этому виной установившееся фактическое отношеніе земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ обществамъ, основой для котораго послужило, несомнѣнно, положеніе о земскихъ начальникахъ, создавшее органъ съ огромной административной властью съ малой отвѣтственностью, самое существо и природа котораго толкаютъ его на расширеніе своихъ правъ, на абсолютное господство въ деревнѣ.

Итакъ, дѣйствительныя формы, какія приняли отношенія земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ обществамъ, совершенно подавили самоуправленіе крестьянъ. Общественныя дѣла фактически рѣшаются или кучкою худшихъ крестьянъ или земскими начальниками. Чтобы понять матеріальное значеніе этого, нужно принять во вниманіе огромныя хозяйственныя полномочія сходовъ: въ ихъ рукахъ находится крестьянская земля и другія общественныя имущества, они имѣютъ право самообложенія и проч. Чтобы понять моральное значеніе устраненія крестьянскаго самоуправленія, нужно принять во вниманіе, что это самоуправленіе — элементарная школа общественно-политической жизни народа. На крестьянскихъ сходахъ, ихъ задачахъ и дѣятельности многомилліонныя массы сельскаго населенія вырабатываютъ свои понятія объ обществѣ, объ общественной пользѣ и разныхъ учрежденіяхъ вплоть до государства, также преслѣдующихъ эту об-

щественную пользу. Ясно, какъ важно и для государства и для общества вообще и въ частности для крестьянъ правильное устройство и функціонированіе ихъ самоуправленія и какъ пагубно его устраненіе.

Наконецъ, чтобы понять значеніе нынѣшняго фактическаго строя общественной жизни для отдѣльныхъ крестьянъ, нужно принять во вниманіе, что ихъ сходы имѣютъ огромную власть надъ крестьянами, надъ ихъ личной и семейной жизнью, вплоть до ссылки. Въ Мірѣ Божьемъ въ 1901 г. [1]) разсказывался такой случай: сельскій сходъ с. Дударковки, Черниговской губ., Остерскаго у., въ присутствіи земскаго начальника и всѣхъ прочихъ деревенскихъ властей, единогласно приговорилъ сослать на поселеніе 8 своихъ крестьянъ. Въ видѣ вины, за которую ссылались нѣкоторые изъ нихъ, указывалось, что они, *кажется*, судились въ волостномъ судѣ! А послѣ схода часть крестьянъ, подписанная подъ приговоромъ, подала жалобу въ Губернское присутствіе, что она никакого участія въ приговорѣ не принимала. Повѣрка жалобы поручается тому же земскому начальнику и она не подтверждается. Вмѣстѣ съ тѣмъ земскій начальникъ даетъ приказъ „не допускать никого посторонняго въ с. Дударково, а кто заѣдетъ, ловить и отправлять въ становую квартиру“. Трудно найти здѣсь правду. Но извѣстно, что земскіе начальники изъ любопытства на сходы не ѣздятъ. А возможность ихъ вліянія изъ всего сказаннаго выше очевидна.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію дѣйствительныхъ, установившихся на практикѣ, отношеній земскихъ начальниковъ къ прочимъ органамъ крестьянскаго самоуправленія и управленія—къ волостнымъ правленіямъ, волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ, и ихъ послѣдствіямъ.

Земскіе начальники и волостныя правленія, волостные старшины, старосты и проч.

Отношеніе земскихъ начальниковъ къ волостнымъ правленіямъ, волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ

[1]) № 6, стр. 31.

по закону, какъ мы видѣли, много сложнѣе, чѣмъ ихъ отношеніе къ крестьянскимъ сходамъ. Земскимъ начальникамъ принадлежитъ общее наблюденіе, контроль и руководство дѣятельностью этихъ органовъ. Другими словами, эти органы выполняютъ возложенныя на нихъ закономъ функціи подъ руководствомъ земскихъ начальниковъ, которые смотрятъ, чтобы они не нарушали законовъ, не злоупотребляли властью, не бездѣйствовали и т. д. Слѣдовательно, по прямому смыслу закона, поскольку они слѣдуютъ общему положенію о крестьянахъ, они могутъ не бояться никакихъ земскихъ начальниковъ.

Однако уже общее разсмотрѣніе правового положенія института, его природы, давало намъ основаніе предположить, что на практикѣ власть земскихъ начальниковъ надъ органами крестьянскаго управленія должна значительно расшириться и подавить ихъ самостоятельность.

Дѣйствительность, какъ нельзя лучше, оправдала наши предположенія и опасенія. Въ дѣйствительной жизни отношенія земскихъ начальниковъ и къ разсматриваемымъ органамъ крестьянскаго управленія весьма значительно измѣнились и, именно, въ томъ направленіи, что эти органы на практикѣ подпали подъ значительно большее вліяніе, большую власть земскихъ начальниковъ, чѣмъ того требуетъ законъ, такъ что фактически превратились въ исполнителей не закона, а приказаній земскихъ начальниковъ, въ его рабовъ и холоповъ, по выраженію одного земскаго начальника (ниже).

Чрезвычайно трудно дать истинное понятіе о тѣхъ ближайшихъ причинахъ и условіяхъ, которыя привели въ жизни къ такому грустному результату, навѣрное, даже для самаго правительства неожиданному и нежелательному, хотя оно и стремилось снабдить земскаго начальника широкими полномочіями по отношенію ко всѣмъ сторонамъ крестьянской жизни. Трудность эта заключается въ томъ, что ближайшія причины и условія, приведшія къ указанному измѣненію, вырожденію отношеній земскаго къ органамъ крестьянскаго управленія, постоянно дѣйствуютъ въ жизни совмѣстно, взаимно поддерживая и восполняя другъ друга; между тѣмъ,

при изученіи, приходится раздроблять ихъ и разсматривать отдѣльно. Но это общій недостатокъ всякаго изученія. Намъ остается съ нимъ примириться и приступить къ разсмотрѣнію этихъ условій.

Прежде всего, какъ мы знаемъ, органы крестьянскаго управленія избираются сходами, притомъ сходами современными, созданными режимомъ земскихъ начальниковъ, т. е., состоящими изъ худшихъ элементовъ деревни и готовыми даже изъ прислужничества дѣлать все, что угодно земскому начальнику. Такіе сходы даже и самостоятельно не станутъ выбирать въ должностныя лица лучшихъ крестьянъ: они мѣшали бы имъ обдѣлывать на сходахъ свои дѣла. Къ тому же лучшіе крестьяне вслѣдствіе установившейся на практикѣ полной зависимости крестьянскихъ органовъ отъ земскихъ начальниковъ, „избѣгаютъ избранія на общественныя должности“, какъ говоритъ г. Протопоповъ въ запискѣ въ Самарскій губернскій комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности [1]). Такимъ образомъ, даже при свободномъ выборѣ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія фактически должны выбираться худшіе элементы, съ одной стороны, очень часто склонные погрѣть руки у общественнаго дѣла, съ другой, не способные отстаивать свою самостоятельность по отношенію къ ближайшему, непосредственному начальству, т. е. земскому начальнику.

Въ дѣйствительности, однако, выборы должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія обыкновенно совершаются подъ сильнымъ давленіемъ земскихъ начальниковъ, относительно даже большимъ, чѣмъ прочія мірскія дѣла, такъ какъ земскіе начальники очень заинтересованы въ томъ, чтобы имѣть податливыхъ и послушныхъ должностныхъ лицъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ вліянія земскихъ начальниковъ на выборы должностныхъ лицъ: въ одной волости Балашевскаго у. Саратовской губ. несмѣняемо служилъ 6 лѣтъ старшина, который, потрафляя начальству и пользуясь властью, успѣлъ закабалить часть мірской земли и цѣлую половину своихъ одно-

---

[1]) Труды..., т. XXXV, стр. 117.

сельчанъ. Односельчане на новыхъ выборахъ настойчиво просили земскаго начальника выслушать ихъ жалобу на стараго старшину, но тотъ не вышелъ къ міру и утвержденнымъ оказался прежній старшина. Крестьяне подавали жалобы, но онѣ остались безъ движенія. Въ другой волости на выборы явилось такъ мало избирателей, что 25 шаровъ остались неразобранными. Выборы не состоялись бы, но земскій начальникъ собственноручно взялъ всѣ оставшіеся шары и положилъ ихъ въ баллотировочный ящикъ на право. Такъ былъ выбранъ старшина и, конечно, утвержденъ [1]).

При этомъ земскіе начальники, въ случаѣ сопротивленія сходовъ, какъ и вообще въ случаяхъ неисполненія ими его требованій, арестами и штрафами понуждаютъ крестьянъ исполнять его приказанія: на Камышанскомъ волостномъ сходѣ въ Миргородскомъ у. Полтавской губ. „земскимъ начальникомъ А. въ 1897 г., при выборѣ должностныхъ лицъ, выборщики, болѣе понимающіе, за неизбраніе указанныхъ земскимъ начальникомъ кандидатовъ, понесли безвинно тяжкое наказаніе, арестованы при Миргородской тюрьмѣ и оштрафованы, а выборы произведены безъ участія арестованныхъ подъ угрозою большого наказанія въ случаѣ вторичнаго несогласія съ указаніемъ начальника... и избранъ по указанію начальника совершенно непригодный старшина [2]).

И отзывы мѣстныхъ людей не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ мнимомъ выборѣ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія главную роль играетъ земскій начальникъ: „Большое вліяніе оказали земскіе начальники на подборъ избираемыхъ крестьянами лицъ", говорятъ мѣстные люди Тульской губ. [3]). Тѣ же мѣстные люди Вятской губ. говорятъ, что „власти въ крестьянской средѣ являются выборными только по названію и въ такой мѣрѣ зависимы отъ ближайшаго начальства, что не могутъ и думать о защитѣ интересовъ своихъ обществъ" [4]). „Избранныя сходомъ

[1]) Русское богатство, 1900 г., № 5, стр. 188.
[2]) Труды мѣстныхъ комитетовъ..., т. XXXII, стр. 702.
[3]) Ib., т. XLIII стр. 60; Нужды деревни, т. I, стр. 168.
[4]) Ib., т. X, стр. 418.

на общественныя должности лица, пишетъ крестьянинъ Козаковъ въ запискѣ въ Дмитровскій комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, не утверждаются а на мѣсто ихъ назначаются другія, не пользующіяся довѣріемъ общества" [1]).

Такимъ образомъ, фактически земскіе начальники имѣютъ самое рѣшительное вліяніе на выборы должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, равняющееся часто прямому назначенію. О правѣ земскихъ начальниковъ утверждать и не утверждать волостныхъ старшинъ, при такихъ условіяхъ, можно говорить только какъ о лишнемъ козырѣ въ рукахъ земскаго начальника, такъ какъ, очевидно, фактически его власть переходитъ далеко за эти границы. Но, конечно, это право могло имѣть сильное вліяніе въ пользу того, чтобы установилась такая практика. Вполнѣ естественно, что крестьяне считаютъ излишнимъ избирать того, кто неугоденъ земскому начальнику и котораго онъ не утвердитъ.

Наконецъ, установившимися условіями крестьянской общественной жизни и кругъ лицъ, изъ которыхъ набираются должностныя лица, естественно, силой вещей, ограничивается худшими элементами крестьянства, что, въ свою очередь, оказываетъ свое дѣйствіе какъ при свободномъ, такъ и не свободномъ выборѣ.

Все это вмѣстѣ ведетъ къ тому, что составъ должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія и управленія получался крайне низкимъ и неудовлетворительнымъ и въ умственномъ и въ моральномъ отношеніи, напр., даже въ Тверской сравнительно культурной губерніи изъ 4104 старостъ, о которыхъ есть свѣдѣнія, относящіяся къ 1903 г., 1280 или 31%, совершенно не умѣли ни читать, ни писать и только 482 человѣка, или 12% окончили курсъ начальной школы и 20 человѣкъ получили образованіе выше начальнаго [2]). Такіе органы земскимъ начальникамъ уже не трудно было подчинить самому рѣшительному своему вліянію на

[1]) Ib., т. XIX, стр. 160.

[2]) Русскія вѣдомости, 1904 г., № 23.

основаніи одного права контроля за ними и руководства ими.

Но законъ даетъ имъ и уѣзднымъ съѣздамъ еще два средства для усиленія ихъ власти надъ крестьянскими органами, которыми земскіе начальники, согласно общему характеру своихъ полномочій, очень широко воспользовались, что уже и самостоятельно характеризуетъ отношенія земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ органамъ. Это—право удалять отъ должности безъ преданія суду и право налагать на всѣхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и суда административнымъ порядкомъ аресты и штрафы. Земскіе начальники частью законно, частью незаконно, широко воспользовались и пользуются этимъ правомъ вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ для установленія закономъ не указанныхъ, но выгодныхъ для нихъ отношеній полнаго подчиненія себѣ крестьянскихъ должностныхъ лицъ, подавленія въ нихъ всякой самостоятельности, превращенія ихъ въ послушныхъ и покорныхъ исполнителей своихъ приказаній. Остановимся, прежде всего, на удаленіяхъ крестьянскихъ органовъ отъ должности. Къ сожалѣнію, въ печати по этому вопросу почти нѣтъ свѣдѣній.

Удаленія отъ должности помогли земскимъ начальникамъ усилить свою власть надъ крестьянскими должностными лицами, прежде всего, тѣмъ, что должностныхъ лицъ, оказавшихся неподатливыми, они могли живо сплавлять. Это и наблюдается, особенно въ первое время послѣ введенія института земскихъ начальниковъ. Отчетъ о ревизіи земскихъ начальниковъ и крестьянскихъ учрежденій Смоленской губ., произведенной Смоленскимъ губернаторомъ вскорѣ послѣ введенія института, говоритъ, что земскіе начальники въ большинствѣ замѣнили прежнихъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія новыми менѣе самостоятельными и болѣе послушными [1]). Отчеты земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ Саратовской губ. ясно говорятъ о такомъ же процессѣ въ этой губерніи: въ первые $2^1/_2$ года по введеніи института

[1]) Юридическая газета, 1894 г., №№ 33, 35 и 41.

земскими начальниками удалено отъ должности 99 или болѣе $^1/_3$ состава волостныхъ старшинъ, 835 или около $^2/_5$ состава сельскихъ старостъ и 85 или немного менѣе $^1/_3$ состава волостныхъ писарей. Очевидно, то же самое было и по всей Россіи. Но и впослѣдствіи, вплоть до нашего времени, это основаніе для удаленій должностныхъ лицъ продолжаетъ оказывать свое дѣйствіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ удаленіе отъ должности, при нынѣшнемъ составѣ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, видящихъ въ своей службѣ не общественную пользу, а личную выгоду, является угрозой для этихъ лицъ лишиться выгоднаго занятія и этимъ сильно содѣйствуетъ приведенію ихъ въ послушаніе и повиновеніе земскимъ начальникамъ.

У насъ имѣются погодныя данныя о количествѣ должностныхъ лицъ, удаленныхъ отъ должности въ теченіе $12^1/_2$ лѣтъ съ введенія института по 1903 г. включительно по всѣмъ уѣздамъ Саратовской губ. Ниже мы приводимъ итоговыя и среднія данныя по уѣздамъ о количествѣ должностныхъ лицъ, удаленныхъ отъ должности земскими начальниками, слѣдовательно, старшинъ и старостъ не окончательно, такъ какъ ихъ окончательно устраняютъ отъ должности уѣздные съѣзды. Количество окончательныхъ удаленій уѣздными съѣздами мы приводимъ только въ приложеніи, такъ какъ эти данныя намъ кажутся неполными [1]). Но при всей своей неполнотѣ они съ очевидностью свидѣтельствуютъ о томъ, что въ общемъ уѣздные съѣзды одобряютъ удаленія земскихъ начальниковъ.

---

[1]) Данныя погодныя и о количествѣ должностныхъ лицъ, отстраненныхъ отъ должности уѣздными съѣздами, см. приложеніе II.

Удалено отъ должности земскими начальниками Саратовской губерніи должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія.

УѢЗДЫ.	Волостныхъ старшинъ.			Сельскихъ старостъ.			Волостныхъ писарей.			Сельскихъ писарей.			Всего удалено этихъ должностныхъ лицъ.		
	Всего за 12 лѣтъ 1892—1903.	Въ среднемъ въ 1 годъ.	На 10 волостей ежегодно	Всего за 12 лѣтъ.	Въ среднемъ въ 1 годъ.	На 10 сельскихъ общ. ежегодно.	За 12 лѣтъ.	Въ среднемъ въ 1 годъ.	На 10 волостей ежегодно	Всего за 12 лѣтъ.	Въ среднемъ въ 1 годъ.	На 100 сельскихъ общ. ежегодно.	За 12 лѣтъ.	Въ среднемъ въ 1 годъ.	на 10 волост. и сел. обществъ ежегодно.
Аткарскій . . .	66	5,5	1,4	366	30,5	1,0	51	4,25	1,1	172	14,3	4,7	660	55,0	1,6
Балашевскій . . .	47	3,9	0,9	464	38,7	1,4	37	3,1	0,7	195	16,25	5,8	745	62,1	1,9
Вольскій	33	2,75	1,0	173	14,4	0,9	22	1,8	0,7	83	6,9	4,4	321	26,7	1,5
Камышинскій . .	22	1,8	0,7	172	14,3	0,8	7	0,6	0,2	79	6,6	3,8	280	23,3	1,2
Кузнецкій	2	0,17	0,13	125	10,4	0,6	17	1,4	1,1	77	6,4	4,1	192	16,0	1,0
Петровскій . . .	35	2,9	1,0	265	22,1	0,7	26	2,2	0,7	151	12,6	4,1	477	39,75	1,3
Саратовскій . . .	19	1,6	0,6	235	19,6	0,8	24	2,0	0,7	129	10,75	4,3	438	36,5	1,3
Сердобскій . . .	43	3,6	1,0	436	36,3	1,0	40	3,3	1,0	160	13,3	3,6	647	53,9	1,4
Хвалынскій . . .	16	1,3	0,5	182	15,2	1,0	26	2,2	0,8	76	6,3	4,2	300	25,0	1,4
Царицынскій . .	4	0,3	0,3	103	8,6	1,3	10	0,8	0,8	61	5,1	7,8	178	14,8	2,0
По губерніи . . .	287	23,9	0,85	2501	208,4	0,95	260	21,7	0,8	1189	99,1	4,5	4238	353,2	1,4

Удаленія отъ должности, какъ одна изъ отдѣльныхъ чертъ отношенія земскихъ начальниковъ къ крестьянскимъ органамъ и какъ одно изъ средствъ для установленія ихъ общаго отношенія къ нимъ, совершенно не затрагивались въ нашей печати и мы остановимся нѣсколько на приведенной таблицѣ.

Въ среднемъ за 12 лѣтъ (полугодіе 1891 г. не принято во вниманіе) въ Саратовской губ. ежегодно удалялось отъ должности 24 старшины, 208 старостъ, 22 волостныхъ писаря, 99 сельскихъ писарей, всего 353 должностныхъ лица. Нельзя не признать этихъ чиселъ очень значительными. Больше всего въ общемъ по губерніи удаляются сельскіе старосты, приблизительно ежегодно 1 на 10 сельскихъ обществъ, за ними идутъ волостные старшины около 1 на 12 волостей, волостные писаря тоже около 1 на 12 волостей и сельскіе писаря—1 на 22 сельскихъ общества. По уѣздамъ, при сравнительно небольшомъ колебаніи общаго числа удаленныхъ должностныхъ лицъ, наибольше ихъ приходится на Царицынскій, Балашевскій, Аткарскій и Вольскій уѣзды, наименьшее на Кузнецкій и Камышинскій.

Удаленіе отдѣльныхъ должностныхъ лицъ по уѣздамъ сильно колеблется. Наибольшее колебаніе даютъ удаленія волостныхъ старшинъ. Число ихъ колеблется отъ 1,5% состава до 14% состава. По % ежегодно удаляемыхъ волостныхъ старшинъ уѣзды располагаются въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ, какъ видно изъ таблицы: Аткарскій 14%, Вольскій, Петровскій и Сердобскій 10%, Балашевскій 9%, Камышинскій 7%, Саратовскій 6%, Хвалынскій 5%, Царицынскій 3% и Кузнецкій 1,3%.

Значительно меньшее колебаніе даютъ удаленія отъ должности волостныхъ писарей. Они колеблются между 7 и 11%. Только въ одномъ Камышинскомъ въ среднемъ за 12 лѣтъ удалялось только 2% состава, что объясняется, можетъ быть, сравнительно высокой оплатой труда волостныхъ писарей въ въ этомъ уѣздѣ, обусловливающей лучшій составъ ихъ. Большинство—6 уѣздовъ даютъ 7—8% удаленныхъ писарей; два—Аткарскій и Кузнецкій 11% и Сердобскій 10%. Въ Куз-

нецкомъ у. относительно большій °/₀ ежегодно удаляемыхъ волостныхъ писарей, можетъ быть, обусловливается тѣмъ, что, благодаря татарскому населенію, волостные писаря, знающіе русскій и татарскій языки, имѣютъ особенно большое значеніе въ волостномъ управленіи и, слѣдовательно, чаще впадаютъ въ грѣхъ и самимъ приходится за то расплачиваться, по невозможности свалить вину на часто ничего не понимающаго по русски старшину.

Ежегодныя удаленія отъ должности сельскихъ старостъ даютъ нѣсколько большій °/₀, чѣмъ удаленія старшинъ и писарей и подвержены почти такимъ же колебаніямъ, какъ и удаленія волостныхъ старшинъ—между 5 и 14°/₀ состава. По относительному числу ежегодно удаляемыхъ отъ должности старостъ уѣзды Саратовской губ. располагаются въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: Балашевскій 14°/₀ состава, Царицынскій—13, Аткарскій, Сердобскій и Хвалынскій—10°/₀, Вольскій—9, Камышинскій и Саратовскій—8, Петровскій—7 и Кузнецкій—5°/₀.

По относительному числу удаленныхъ отъ должности сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ большинство уѣздовъ занимаютъ приблизительно одинаковое положеніе. Только въ Царицынскомъ и Петровскомъ у. у. находимъ большое несоотвѣтствіе: по числу ежегодно удаляемыхъ волостныхъ старшинъ Царицынскій у. занимаетъ предпослѣднее мѣсто, и по тому же числу старостъ—второе мѣсто сначала; Петровскій у., наоборотъ, перешелъ съ начала на конецъ.

Удаленія отъ должности сельскихъ писарей даютъ наименьшій °/₀ и подвержены сравнительно незначительнымъ колебаніямъ. Детальнѣе мы ихъ разсматривать не будемъ.

Измѣненіе во времени числа удаленныхъ должностныхъ лицъ мы разсмотримъ только въ общей суммѣ для всѣхъ должностныхъ лицъ: разсматривать отдѣльно измѣненіе числа удаленныхъ старшинъ, старостъ и проч. не будемъ, потому—что это заняло бы слишкомъ много мѣста и числа получаются незначительныя. Число удаленныхъ земскими начальниками волостныхъ старшинъ и писарей и сельскихъ ста-

ростъ и писарей по трехлѣтіямъ и шестилѣтіямъ измѣнялось слѣдующимъ образомъ:

Удалено волостныхъ старшинъ и писарей, сельскихъ старостъ и сельскихъ писарей:

УѢЗДЫ.	въ трехлѣтіе.				въ шестилѣтіе.	
	1892—94	1895—97	1898—900	1901—903	1892—97	1898—903
Аткарскій	207	159	146	148	366	294
Балашевскій	241	167	173	164	408	337
Вольскій	96	90	80	55	186	135
Камышинскій	110	72	53	45	182	98
Кузнецкій	63	54	58	48	117	106
Петровскій	114	96	133	134	210	267
Саратовскій	144	118	86	90	262	176
Сердобскій	242	133	124	148	375	272
Хвалынскій	112	78	53	57	190	110
Царицынскій	56	36	54	32	92	86
По губерніи	1385	1013	960	921	2357	1882

Такимъ образомъ, въ первое трехлѣтіе всѣхъ должностныхъ лицъ было удалено въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ среднемъ за 12 лѣтъ. Затѣмъ, въ общемъ по губерніи общее число удаленныхъ должностныхъ лицъ непрерывно падаетъ. Хотя если исключить первое трехлѣтіе, это паденіе оказывается довольно незначительнымъ. Также непрерывно падаетъ въ общемъ по Саратовской губ. и отдѣльно число удаляемыхъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ: по трехлѣтіямъ числа удаленныхъ отъ должности волостныхъ старшинъ были—88, 74, 63 и 61 и сельскихъ старостъ 853, 566, 564 и 509. По уѣздамъ вполнѣ такое же движеніе по трехлѣтіямъ общаго числа удаленныхъ должностныхъ лицъ наблюдается только въ Вольскомъ и Камышинскомъ у. Въ Аткарскомъ, Саратовскомъ, Сердобскомъ и Хвалынскомъ, при общемъ паденіи числа удаленныхъ отъ должности лицъ, наблюдается въ послѣднее трехлѣтіе нѣкоторое увеличеніе по сравненію съ предыдущимъ. Въ Балашевскомъ, Кузнецкомъ и Царицынскомъ незначительное поднятіе числа удаленныхъ

должностныхъ лицъ наблюдается въ трехлѣтіе 1898—1900 г.г. Только въ Петровскомъ у. число удаленныхъ должностныхъ лицъ въ общемъ растетъ. По шестилѣтіямъ число ихъ и по губерніи и по уѣздамъ, кромѣ Петровскаго, падаетъ. Въ Петровскомъ оно растетъ [1]).

Другой чертой отношеній земскихъ начальниковъ къ органамъ крестьянскаго управленія и суда и вмѣстѣ съ тѣмъ могучимъ средствомъ въ ихъ рукахъ для подчиненія себѣ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія являются аресты и штрафы за незначительные проступки, которыя, судя по даннымъ, относящимся къ Саратовской губ., земскіе начальники на практикѣ очень широко примѣняютъ. Вотъ итоговыя данныя о количествахъ арестовъ и штрафовъ, наложенныхъ на всѣхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія по уѣздамъ и по губерніи за 12 лѣтъ (безъ полугодія 1891 г. [2]).

---

[1]) Ниже, послѣ разсмотрѣнія тоже арестовъ и штрафовъ, примѣняемыхъ къ отдѣльнымъ крестьянамъ мы сдѣлаемъ попытку разсмотрѣть причины и условія колебанія этихъ наказаній по уѣздамъ и во времени въ связи съ общими условіями дѣятельности земскихъ начальниковъ.

[2]) Погодныя данныя см. приложеніе III.

Наложено земскими начальниками арестовъ и штрафовъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія на основаніи 62 ст. (58 ст. по изд. 1902 г.) полож. о земскихъ начал.

УѢЗДЫ.	Наложено арест.			Наложено штраф.			Вмѣстѣ штраф. и арест. наложено.		
	всего за 12 лѣтъ 1892—1903 г.г.	въ среднемъ въ 1 годъ.	на 10 сельскихъ и волостныхъ обществъ.	всего за тѣ же 12 лѣтъ.	въ среднемъ за 1 годъ.	на 10 сельскихъ и волостныхъ обществъ.	за 12 лѣтъ.	въ среднемъ въ 1 годъ.	на 10 сельскихъ и волостныхъ обществъ.
Аткарскій . . .	1370	114,1	3,4	1530	127,5	3,75	2900	241,7	7,1
Балашевскій . . .	1423	118,6	3,7	1266	105,5	3,3	2689	224,1	7,0
Вольскій	602	50,1	2,7	1846	153,8	8,4	2448	204,0	11,1
Камышинскій . .	762	63,5	3,1	1545	128,9	6,4	2307	192,25	9,5
Кузнецкій . . .	641	53,4	3,2	516	43,0	2,6	1157	96,4	5,7
Петровскій . . .	1697	141,4	4,2	1819	151,4	4,5	3516	293,0	8,6
Саратовскій . . .	1851	154,25	5,6	1594	132,8	4,65	3445	287,1	10,4
Сердобскій . . .	2269	189,1	4,6	2525	210,4	5,4	4794	399,5	10,2
Хвалынскій . . .	375	31,25	1,7	533	44,4	2,5	908	75,75	4,2
Царицынскій . .	299	24,9	3,3	630	52,5	7,0	929	77,4	10,3
По губерніи . . .	11389	949,1	3,8	13804	1150,3	4,6	25193	2099,4	8,5

Нужно признать, что цифры арестуемыхъ и штрафуемыхъ должностныхъ лицъ просто ужасны. За 12½ лѣтъ подверглось аресту по одной только губерніи 12087 должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и оштрафовано еще 14312, всего слѣдовательно 26389! Каждый годъ въ среднемъ за 12 лѣтъ было арестовано въ Саратовской губ. 949 должностныхъ лицъ и оштрафовано 1150, а всего наказывалось 2099 должностныхъ лицъ. На 100 сельскихъ и волостныхъ обществъ приходится 85 ежегодно наказанныхъ должностныхъ лицъ! Наказывалось ежегодно никакъ не менѣе половины всего состава!

По уѣздамъ наибольшее число вмѣстѣ арестовъ и штрафовъ налагается на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія въ Вольскомъ уѣздѣ—111 арестовъ и штрафовъ на

100 сельскихъ и волостныхъ обществъ; затѣмъ идутъ 3 уѣзда съ почти одинаковымъ относительнымъ числомъ этихъ наказаній—Саратовскій, Царицынскій и Сердобскій—104—102 ареста и штрафа на 100 обществъ, далѣе идутъ уѣзды—Камышинскій 95 и Петровскій 86 наказаній на 100 обществъ. Во всѣхъ этихъ уѣздахъ число арестовъ и штрафовъ выше средняго по губерніи. Въ остальныхъ оно ниже, именно, въ Аткарскомъ и Балашевскомъ 71 и 70, въ Кузнецкомъ—57 и въ Хвалынскомъ 42 ареста и штрафа на 100 сельскихъ и волостныхъ общества. Нельзя не обратить вниманія на значительную разницу по уѣздамъ въ относительномъ количествѣ налагаемыхъ арестовъ и штрафовъ: въ послѣднихъ уѣздахъ налагается вдвое меньше арестовъ и штрафовъ.

Въ общемъ по губерніи штрафы налагаются земскими начальниками чаще чѣмъ аресты, но по отдѣльнымъ уѣздамъ бываетъ и наоборотъ, именно, налагается больше штрафовъ, чѣмъ арестовъ въ трехъ уѣздахъ—Балашевскомъ, Кузнецкомъ и Саратовскомъ, въ остальныхъ больше штрафовъ.

Наибольшее число арестовъ по отношенію къ числу сельскихъ и волостныхъ обществъ налагается въ Саратовскомъ уѣздѣ, гдѣ приходится ежегодно 54 ареста на 100 обществъ; остальные уѣзды идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Сердобскій—46, Петровскій—42, Балашевскій—37, Аткарскій—34, Кузнецкій—32, Царицынскій—33, Камышинскій—31, Вольскій—27 и Хвалынскій—17 арестовъ на 100 сельскихъ и волостныхъ обществъ. Въ послѣднемъ уѣздѣ налагалось почти втрое меньше арестовъ, чѣмъ въ Саратовскомъ, Сердобскомъ и даже Петровскомъ уѣздахъ.

По относительному количеству наложенныхъ на должностныхъ лицъ штрафовъ уѣзды располагаются въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: Вольскій съ 84 штрафами на 100 сельскихъ и волостныхъ обществъ, Царицынскій съ 74, Камышинскій съ 64, Сердобскій—54, Саратовскій—46, Петровскій—45, Аткарскій—37, Балашевскій—33, Кузнецкій—26 и Хвалынскій съ 25 штрафами на 100 сельскихъ и волостныхъ обществъ. Особенно бросаются здѣсь въ глаза уѣзды Вольскій, Царицынскій и Камышинскій, перешедшіе съ по-

слѣднихъ мѣстъ по числу арестовъ на первые по числу штрафовъ.

Разсмотримъ, далѣе, измѣненіе числа арестовъ и штрафовъ, наложенныхъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія Саратовской губерніи во времени, по трехлѣтіямъ и шестилѣтіямъ. Начнемъ съ общаго числа арестовъ и штрафовъ. Вотъ таблица количества ихъ по уѣздамъ, трехлѣтіямъ и шестилѣтіямъ:

Уѣзды. — Періоды.	Трехлѣтія.				Шестилѣтія.	
	1892—94	1895—97	1898—900	1901—903	1892—97	1898—903
Аткарскій	850	645	603	803	1495	1405
Балашевскій . .	650	543	951	545	1193	1496
Вольскій	575	681	642	550	1256	1192
Камышинскій . .	756	602	522	427	1358	949
Кузнецкій . . .	272	205	337	343	477	680
Петровскій . . .	731	1054	971	860	1785	1831
Саратовскій. . .	788	789	992	876	1577	1868
Сердобскій . . .	1371	1125	1345	953	2496	2298
Хвалынскій. . .	248	203	333	124	451	357
Царицынскій . .	262	216	240	211	478	451
По губерніи. . .	6503	6063	6935	5691	12566	12626

Такимъ образомъ, по шестилѣтіямъ, въ общемъ, по губерніи общее число арестовъ и штрафовъ даже нѣсколько, хотя и весьма незначительно, увеличилось. Изъ уѣздовъ по тѣмъ же періодамъ оно увеличилось въ Балашевскомъ, Кузнецкомъ, Петровскомъ и Саратовскомъ, въ остальныхъ шести уменьшилось.

По трехлѣтіямъ наибольшее общее число арестовъ и штрафовъ въ общемъ по губерніи приходится на трехлѣтіе 1898—1900 г.г., за которымъ слѣдуетъ первое трехлѣтіе и послѣднее мѣсто занимаетъ послѣднее трехлѣтіе 1901—1903 г.г. Почти въ такомъ же порядкѣ слѣдуютъ трехлѣтія въ Хвалынскомъ и Балашевскомъ уѣздахъ. Въ Саратовскомъ уѣздѣ наибольшее число арестовъ и штрафовъ приходится также на трехлѣтіе 1898—1900 г., но затѣмъ слѣдуютъ трехлѣтія 1901—1903, 1895—1897 и 1892—1894 г.г.

Наибольшее число арестовъ и штрафовъ въ первое трехлѣтіе наложено въ Царицынскомъ, Сердобскомъ, Камышинскомъ и Аткарскомъ уѣздахъ; за нимъ въ первыхъ двухъ уѣздахъ слѣдуетъ трехлѣтіе 1898—1900 г., въ Камышинскомъ—второе (здѣсь число наказаній по трехлѣтіямъ непрерывно падаетъ), въ Аткарскомъ—послѣднее.

Движеніе числа арестовъ и штрафовъ отдѣльно по губерніи и по уѣздамъ болѣе или менѣе значительно отклоняется отъ движенія общаго числа ихъ. Движеніе арестовъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Уѣзды. — Періоды.	Трехлѣтія.				Шестилѣтія.	
	1892—94	1895—97	1898—900	1901—903	1892—97	1898—903
Аткарскій	425	298	303	344	723	647
Балашевскій	391	309	438	285	700	723
Вольскій	208	181	93	120	389	213
Камышинскій	181	235	218	128	416	346
Кузнецкій	158	149	150	184	307	334
Петровскій	392	458	512	435	850	947
Саратовскій	498	436	504	413	934	917
Сердобскій	684	559	559	467	1243	1026
Хвалынскій	88	92	144	51	180	95
Царицынскій	79	74	71	75	153	146
По губерніи	3104	2791	2991	2502	5895	5493

Число арестовъ, наложенныхъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, въ общемъ по губерніи по шестилѣтіямъ значительно упало. По трехлѣтіямъ общее паденіе прервалось только въ то же злосчастное трехлѣтіе 1898—1900 г., которое дало даже нѣкоторое увеличеніе числа арестовъ по сравненію съ предыдущимъ такимъ же періодомъ.

По уѣздамъ по шестилѣтіямъ дали увеличеніе во второй періодъ только 3 уѣзда—Петровскій, Кузнецкій и Балашевскій, въ остальныхъ наблюдается уменьшеніе. По трехлѣтіямъ въ 4 уѣздахъ—Аткарскомъ, Вольскомъ, Сердобскомъ и Царицынскомъ наибольшее число арестовъ, наложенныхъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, наблюдается въ первое трехлѣтіе. Въ слѣдующія трехлѣтія—въ Аткар-

скомъ уѣздѣ, послѣ сильнаго паденія во второе, въ остальныя число арестовъ незначительно растетъ, а въ остальныхъ число ихъ въ общемъ падаетъ. Въ 4 уѣздахъ—Балашевскомъ, Петровскомъ, Саратовскомъ и Хвалынскомъ—наибольшее число арестовъ приходится на то же трехлѣтіе 1898—1900 г. Въ остальныя трехлѣтія число ихъ колеблется. Въ Камышинскомъ уѣздѣ наибольшее число арестовъ приходится на второе трехлѣтіе и затѣмъ оно непрерывно падаетъ. Наконецъ, въ Кузнецкомъ уѣздѣ наблюдается увеличеніе числа арестовъ, наложенныхъ земскими начальниками на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія. Такимъ образомъ, въ общемъ, разсматриваемое число арестовъ несомнѣнно падаетъ, за исключеніемъ Кузнецкаго и Петровскаго уѣздовъ, но съ значительнымъ, нами, къ сожалѣнію, пока невыясненнымъ, перерывомъ этого паденія въ трехлѣтіе 1898—1900 г.г.

Число штрафовъ, наложенныхъ земскими начальниками на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія Саратовской губ., по разсматриваемымъ періодамъ времени измѣнялось слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды.—Періоды.	трехлѣтія.				шестилѣтія.	
	1892—1894.	1895—1897.	1898—1900.	1901—1903.	1892—1897.	1898—1903.
Аткарскій	425	347	300	458	772	758
Балашевскій	259	234	513	260	493	773
Вольскій	367	500	549	430	867	979
Камышинскій	575	367	304	299	942	603
Кузнецкій	114	56	187	159	170	346
Петровскій	339	596	459	425	935	884
Саратовскій	290	353	488	463	643	951
Сердобскій	687	566	786	486	1253	1272
Хвалынскій	160	111	189	73	271	262
Царицынскій	183	142	169	136	325	305
По губерніи	3399	3272	3944	3187	6671	7133

Въ противоположность числу арестовъ число штрафовъ, наложенныхъ земскими начальниками на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, въ общемъ по губерніи во второе шестилѣтіе значительно увеличилось. И это увеличеніе падаетъ исключительно на то же трехлѣтіе 1898—1900 г.г.; въ остальныя трехлѣтія число арестовъ, хотя и медленно, падаетъ.

По уѣздамъ въ 5—Балашовскомъ, Вольскомъ, Кузнецкомъ, Саратовскомъ и Сердобскомъ—числа штрафовъ также какъ и по губерніи по шестилѣтіямъ увеличилось. И по трехлѣтіямъ въ нихъ, также какъ и по губерніи, наибольшее число штрафовъ падаетъ на трехлѣтіе 1898—1900 г.г. По остальнымъ трехлѣтіямъ по этимъ уѣздамъ наблюдается значительное колебаніе числа штрафовъ. Въ другихъ 5 уѣздахъ число штрафовъ по шестилѣтіямъ уменьшилось. Изъ этихъ уѣздовъ въ двухъ—Камышинскомъ и Царицынскомъ наибольшее число штрафовъ падаетъ на первое трехлѣтіе; затѣмъ въ Камышинскомъ оно непрерывно падаетъ, а въ Царицынскомъ падаетъ съ перерывомъ въ трехлѣтіе 1898—1900 г.г. Въ остальныхъ уѣздахъ наблюдается значительное колебаніе числа штрафовъ по трехлѣтіямъ.

Таково въ общемъ колебаніе по уѣздамъ и движеніе во времени того огромнаго числа арестовъ и штрафовъ, которое ежегодно налагается земскими начальниками на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія. Ниже мы попытаемся хоть нѣсколько выяснить причины этихъ колебаній, а здѣсь достаточно отмѣтить, что въ общемъ нѣсколько упало только число арестовъ, число же штрафовъ, наоборотъ, значительно увеличилось и что по трехлѣтіямъ весьма замѣтное увеличеніе и числа арестовъ и числа штрафовъ даетъ періодъ 1898—1900 г.г.

Приведенныя цифры говорятъ, что земскіе начальники въ различныхъ уѣздахъ и въ разное время весьма различно, но вообще очень широко пользуются своимъ правомъ удалять отъ должности органовъ крестьянскаго самоуправленія и налагать на нихъ аресты и штрафы. Очевидно, эти мѣры должны очень сильно увеличивать вліяніе земскихъ начальниковъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и суда.

Обращаясь къ основаніямъ этихъ наказаній, къ провинностямъ, за которыя налагается на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и суда такая масса арестовъ и штрафовъ, приходится сознаться, что у насъ сравнительно очень мало данныхъ для того, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе полное представленіе о нихъ: печать и общество почему то сравнительно очень мало интересуются этимъ вопросомъ, точно десятки тысячъ арестовъ и штрафовъ, налагаемыхъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, заслуживаютъ меньше вниманія, чѣмъ тѣ же десятки тысячъ арестовъ и штрафовъ, налагаемыхъ тѣми же земскими начальниками на обыкновенныхъ крестьянъ, которымъ общество и печать удѣляютъ такое большое вниманіе.

Въ отчетахъ, изъ которыхъ мы взяли свѣдѣнія о количествѣ наказаній, не указаны причины ихъ. Поэтому наши свѣдѣнія ограничиваются немногими случаями, указанными въ отчетахъ объ упомянутыхъ ревизіяхъ учрежденій крестьянскаго управленія, произведенныхъ Саратовскими губернаторами вмѣстѣ съ непремѣнными членами. Въ ревизіи 1892 г. говорится, что земскій начальникъ 5 уч. Аткарскаго у. ,,по жалобѣ крестьянина К. на волостного судью за оскорбленіе его дѣйствіемъ поручилъ волостному старшинѣ произвести дознаніе, на основаніи котораго, не требуя отъ судьи объясненія, согласно ст. 62 полож. о земск. начальн., подвергъ его штрафу“, хотя „настоящее дѣло подлежало разсмотрѣнію въ судебномъ, а не въ административномъ порядкѣ“. Земскіе начальники 3, 7 и 5 участковъ Аткарскаго же уѣзда, по словамъ той же ревизіи, „очень часто подвергаютъ взысканію по 62 ст. сельскихъ старостъ только вслѣдствіе заявленія волостного старшины о томъ, что такой то сельскій староста неудовлетворителенъ, слабъ или не трезвъ, не указывая въ постановленіи, что такое сообщеніе волостного старшины согласно со свѣдѣніями, имѣющимися о должностномъ лицѣ у самаго земскаго начальника“. Земскій начальникъ 10 уч. Балашовскаго у., „за допущеніе сельскимъ старостою пьянства (очевидно на сходѣ К. К.) подвергъ его согласно 61 и 62 ст. штрафу въ размѣрѣ 6 руб.“. Ревизія при этомъ указы-

ваетъ, что „по 62 ст. высшій размѣръ штрафа опредѣленъ въ 5 р., статья же 61 „не можетъ быть примѣнена къ сельскому старостѣ“.

Въ ревизіи 1896 читаемъ: земскимъ начальникомъ 5 уч. Петровскаго у. „по жалобѣ Е. на сельскаго старосту за неправильныя дѣйствія его при составленіи описи, постановлено: подвергнуть старосту Ч. аресту на 5 сутокъ и взыскать съ него 6 р. 40 к. за купленную при описи рожь“. Земскій нач. 5 уч. Сердобскаго уѣзда постановилъ подвергнуть сельскаго старосту, признаннаго виновнымъ въ расходѣ общественныхъ суммъ на свои надобности, штрафу въ размѣрѣ 2 рублей. Тотъ же земскій начальникъ подвергъ аресту по 61 ст. (?) Подъячевскаго волостного старшину и сельскаго старосту за внесеніе въ списокъ погорѣльцевъ лицъ, не пострадавшихъ отъ пожара.

Въ ревизіи 1903 г. мы находимъ указаніе, что земскимъ начальникомъ 7 уч. Балашовскаго у. подвергнутъ аресту на 7 дней сельскій староста за неназначеніе опеки безъ истребованія отъ него объясненій. Земскій начальникъ 5 уч. Аткарскаго у. подвергъ аресту по 58 ст. полож. о земск. начальн. (изд. 1902 г.) за то, что послѣдній пропилъ часть общественныхъ денегъ совмѣстно съ нѣсколькими крестьянами того же общества. Земскій начальникъ 1 уч. Петровскаго у., не производя никакого дознанія и разслѣдованія, подвергъ штрафу по 58 ст. волостного писаря, который выдалъ крестьянамъ въ ссуду хлѣба вмѣсто разрѣшенныхъ 450 пуд. вдвое больше—900 пудовъ.

Въ печати мы нашли по этому вопросу только слѣдующія свѣдѣнія: ревизія Смоленскаго губернатора указываетъ, что аресту по 62 ст. полож. о земскихъ начальникахъ подвергнутъ волостной старшина за то, что явился въ уѣздный съѣздъ безъ знака. „Право“ въ 1902 г. указывало, что „земскій начальникъ Демянскаго у. 3 уч. оштрафовалъ 26 сельскихъ старостъ по 2 р. каждаго за неуспѣшное взысканіе податей“ [1]).

---

[1]) № 9, стр. 435.

Такимъ образомъ, аресты и штрафы налагаются на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, какъ за тяжкія преступленія, напр., растрата общественныхъ суммъ, такъ и незначительныя проступки и, наконецъ, за дѣянія, въ которыхъ ни въ коемъ случаѣ нельзя усмотрѣть никакого проступка. Все это, конечно, не мѣшаетъ имъ быть средствомъ для наведенія ужаса на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія.

Но самымъ главнымъ зломъ въ установленіи этихъ наказаній, по крайней мѣрѣ, во всей Саратовской губ. является установленіе ихъ канцелярскимъ путемъ, безъ соблюденія даже самыхъ необходимыхъ формальностей, даже безъ установленія факта провинности. Почти всѣ земскіе начальники Саратовской губ., получивъ жалобу на должностное лицо, обыкновенно или требуютъ письменнаго объясненія отъ обвиняемаго и затѣмъ постановляютъ рѣшеніе или поручаютъ волостному старшинѣ разслѣдовать дѣло и затѣмъ дѣлаютъ постановленіе о наказаніи на основаніи его донесеній, не выслушавъ даже обвиняемаго.

Всѣми указанными нами средствами—давленіемъ на выборы, доходящимъ до прямого указанія кандидатовъ, широкимъ удаленіемъ отъ должностей крестьянскихъ органовъ, арестами и штрафами, которыми земскіе начальники щедрой рукой угощаютъ ихъ,—въ связи съ тѣмъ, что въ сходахъ участвуютъ только худшіе крестьяне и должностныя лица набираются также изъ худшихъ элементовъ, достигнуто полное подавленіе самостоятельности и независимости органовъ крестьянскаго управленія. Установившіяся на практикѣ отношенія земскихъ начальниковъ къ органамъ крестьянскаго управленія оказываются, какъ мы сказали, не опредѣленными закономъ отношеніями одного правительственнаго органа къ другому, а какими то отношеніями частно-правового, личнаго подчиненія, центръ тяжести котораго въ страхѣ предъ земскимъ начальникомъ, который „все можетъ".

Уже изъ приведенныхъ выше примѣровъ вліянія земскихъ начальниковъ можно было видѣть, какъ должностныя лица подъ давленіемъ всемогущаго земскаго начальника выступаютъ

даже противъ избравшихъ ихъ крестьянъ. Мы видѣли, какъ они, по требованію начальства, побуждаютъ населеніе составлять нежелательные имъ приговоры, отдавать дѣтей противъ воли въ школы; мы видѣли, что волостные старшины наказывали даже арестами крестьянъ по требованію земскаго начальника. Въ добавокъ ко всему этому мы приведемъ еще только одно письмо умирающаго старшины къ своему земскому начальнику, недавно попавшее въ печать. Оно прекрасно рисуетъ не только злоупотребленія старшины и земскаго начальника, но и вообще положеніе старшины, его отношеніе къ міру и проч. Вотъ это письмо [1]:

„Ваше высокородіе! Ангелъ-хранитель мой и всей моей семьи Константинъ Павловичъ! А. М. З. сказалъ мнѣ откровенно, что я проживу не болѣе недѣли, ради истиннаго Христа побывайте къ намъ. Я надѣюсь на васъ и знаю, что вы успокоите меня на смерть. Жена и дѣти особенно мучатъ меня и толкуютъ, что разорятъ ихъ. Писарь не знаетъ, какъ вывести счетъ издержекъ по вашему приказу при слѣдствіи о попѣ А. На угощеніе мужиковъ въ два раза 10 руб. 50 коп., В. М. за показаніе и за выходку противъ попа въ церкви 5 р., тарасьевскому М. О. 4 р. 50 к. на муку, я проѣздилъ 18 р. 95 к., при слѣдствіи о кіуйскомъ попѣ о. Н. мужикамъ, чтобы ничего не показывали на полтора ведра водки и на крендели 10 руб. 20 к., чертежскому Я. К. 8 руб. на куль муки, Николаю Сухотину при мировой съ вами 10 р., на угощеніе о. благочиннаго Ѳ. съ о. М., когда они пріѣзжали на совѣтъ съ вами 2 р. 80 к., на посылку нарочнаго къ благочинному съ вашими письмами и моими бумагами о приговорѣ 6 р. 30 к., М. Т., чтобы онъ отказался отъ письма попу, я простилъ 3 р. долгу и далъ деньгами на водку 2 р. 40 к., вамъ мною передано подъ росписку на благодарности о. М., когда вы ѣздили, 45 руб. и благочинному о. Павлу 25 р., вамъ же передано мною для посыла въ Новгородъ ихъ высокопреподобію о. Павлу черезъ чиновника контроль-

[1]) Сынъ Отечества, 1905 г., № 92.

ной палаты О. 110 р., письмоводителю директора П. 15 руб., ихъ благородію чиновнику консисторіи С. 50 руб., Х. и Б. съ другими при пожарѣ за ломаніе поповыхъ вещей 3 руб., за провозку новаго попа С. за двѣ пары 8 р., а всего по вашему приказу издержано мною изъ мірского капитала *310 руб. 75 коп.* Я посылалъ къ Богдановичу и онъ мнѣ велѣлъ сказать, что онъ вамъ велѣлъ все сдѣлать. Квитанціи въ деньгахъ и ваши письма и росписки я передалъ женѣ своей на сбереженіе, если вы не будете до моей смерти. Ради истиннаго Христа будьте ангеломъ-хранителемъ послѣ меня моей семьи и не дайте взыскать съ нихъ хоть этихъ-то денегъ, а то имъ бѣда,—пойдутъ по міру. Вы все можете поправить, противъ васъ никто не посмѣетъ ничего сказать и сдѣлать; теперь врага нашего попа нѣтъ. Женѣ я заказалъ ни писемъ, ничего не показывать. Кланяюсь вамъ до земли въ послѣдній разъ и благодарю васъ, мой ангелъ-хранитель за себя. Писать самъ не могъ, писалъ сынъ мой Василій, который былъ вашимъ писаремъ. 12-го апрѣля 1895 г. Вашъ холопъ и рабъ монастырскій волостной старшина Н. Силютинъ".

Послѣ смерти старшины Силютина обнаружена растрата изъ мірскихъ суммъ около тысячи рублей, на пополненіе которой были проданы его домъ и имущество, а семья пошла по міру.

Не только подавленіе земскими начальниками самостоятельности въ дѣйствіяхъ органовъ крестьянскаго управленія, но и полное приниженіе ихъ личности, личнаго достоинства, доходитъ до того, что они всегда обращаются къ нимъ на „ты" и нерѣдко наносятъ имъ побои.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію результатовъ фактической дѣятельности земскихъ начальниковъ въ области крестьянскаго управленія и самоуправленія, попытаемся, насколько это возможно, выяснить, какъ выполняютъ земскіе начальники свои ближайшія прямыя обязанности, т. е., какъ наблюдаютъ они за тѣмъ, чтобы крестьянскія учрежденія правильно и акуратно выполняли свои обязанности, не зло-

употребляли властью и какъ руководятъ они крестьянскими органами въ выполненіи ими своихъ многочисленныхъ обязанностей. Судя по имѣющимся даннымъ ревизій Саратовскихъ губернаторовъ, земскіе начальники выполняютъ эти свои прямыя обязанности весьма неудовлетворительно.

Такъ, ревизіями Саратовскихъ губернаторовъ съ несомнѣнностью установлено, что земскіе начальники совсѣмъ не пользуются однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ и удобныхъ случаевъ провѣрки дѣятельности крестьянскихъ органовъ, именно, непосредственнымъ, личнымъ разслѣдованіемъ по жалобамъ на должностныхъ лицъ, а довольствуются канцелярской перепиской, какъ было и до введенія земскихъ начальниковъ. „По жалобамъ на должностныхъ лицъ, начинается отчетъ о ревизіи 1892 г., на ненадѣленіе землею, на неправильное взысканіе податей, на растраты должностныхъ лицъ и т. п. г.г. земскіе начальники, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, также какъ и въ дореформенномъ порядкѣ, поручаютъ волостнымъ старшинамъ производство дознаній, на основаніи которыхъ и рѣшаютъ дѣло. Очевидно, при такомъ порядкѣ, говоритъ отчетъ, земскій начальникъ вынужденъ смотрѣть на дѣло глазами волостного старшины... и не можетъ поставить иного рѣшенія, какъ согласнаго съ дознаніемъ и взглядомъ волостного старшины. Такимъ путемъ сохраняется тотъ же нежелательный канцелярскій порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, который практиковался и въ упраздненныхъ крестьянскихъ присутствіяхъ“.

Точно также и отчетъ о ревизіи 1903 г. заканчивается слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: „Результатъ ревизіи земскихъ начальниковъ 6 уѣздовъ даетъ возможность сдѣлать общія указанія, такъ какъ нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя въ отдѣльности для каждаго изъ нихъ, касаются большинства. Земскіе начальники далеко не обременены какъ административными, такъ и судебными дѣлами, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ такихъ дѣлъ очень немного, почему надлежитъ принять къ руководству, что по всѣмъ административнымъ дѣламъ, касающимся жалобъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго

управленія, земскому начальнику не слѣдуетъ довольствоваться однимъ объясненіемъ обвиняемаго должностного лица, донесеніемъ волостного правленія или старшины, а въ каждомъ случаѣ лично производить подробное разслѣдованіе и дознаніе".

Дѣйствительно отчетъ о ревизіи, заканчивающійся этимъ общимъ замѣчаніемъ, указываетъ массу случаевъ рѣшенія административныхъ дѣлъ по жалобамъ на должностныхъ лицъ безъ разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, лично: изъ 40 обревизованныхъ въ 1903 г. земскихъ начальниковъ относительно 15 есть прямыя указанія, что они рѣшаютъ дѣла по проступкамъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія указаннымъ канцелярскимъ путемъ: „личнаго дознанія никогда не производится". То же самое и въ другихъ ревизіяхъ. Вотъ нѣсколько случаевъ такихъ рѣшеній, констатированныхъ ревизіей 1903 г.: въ 1 уч. Царицынскаго у. жалоба на сельскаго старосту, который разрѣшилъ сельскому обществу гонять скотъ къ водопою черезъ бакчу жалобщика, разрѣшена отказомъ просителю только на основаніи объясненія сельскаго старосты. Жалоба на оскорбленіе сельскимъ старостой—дознаніе волостного старшины. Сельскій староста подвергъ крестьянку аресту за неплатежъ податей. Въ арестантской, по словамъ жалобщицы, она подверглась оскорбленію со стороны пьянаго арестанта. Разрѣшено дѣло отказомъ въ жалобѣ „на основаніи одного объясненія сельскаго старосты" и т. д. и т. д.

Въ частности въ ревизіяхъ много разъ указывается, что земскіе начальники не провѣряютъ лично, а довольствуются канцелярской отпиской, жалобъ на невыдачу паспортовъ, являющуюся однимъ изъ важныхъ ограниченій населенія. Такія указанія въ ревизіяхъ 1903 г. и 1904 г. имѣются о 7 земскихъ начальникахъ.

Если земскіе начальники не пользуются такими удобными и плодотворными случаями для провѣрки дѣятельности органовъ крестьянскаго управленія, то можно сказать навѣрное, что они очень плохо слѣдятъ за дѣятельностью должностныхъ

лицъ, за выполненіемъ ими своихъ обязанностей. И на это есть указанія въ отчетахъ о ревизіяхъ Саратовскаго губернатора. Такъ, относительно земскаго начальника 3 уч. Кузнецкаго у. ревизія 1903 г. говоритъ: „волостные суды и волостныя правленія ревизуются земскимъ начальникомъ очень рѣдко, такъ Кунчеровскій волостной судъ и волостное правленіе не ревизовались въ теченіе двухъ лѣтъ“. Отчетъ объ этой ревизіи заканчивается весьма характерными замѣчаніями, что „подробная и частая ревизія волостныхъ правленій и судовъ крайне необходима“ и что „ревизія не можетъ не обратить самаго серьезнаго вниманія на отношеніе почти всѣхъ земскихъ начальниковъ къ своей дѣятельности, которая, въ большинствѣ случаевъ, сводится къ стремленію аккуратно и точно выполнять свои канцелярскія обязанности“.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы видимъ постоянныя превышенія земскими начальниками своей власти, просто незаконныя дѣйствія и широкое пользованіе, по существу, исключительными мѣрами, превратившія ихъ законныя отношенія къ органамъ крестьянскаго управленія въ какія то фактическія отношенія самодержавнаго абсолютнаго господства. Съ другой, мы видимъ несомнѣнное бездѣйствіе тѣхъ же земскихъ начальниковъ, невыполненіе ими самыхъ существенныхъ и важныхъ своихъ обязанностей.

Оно и понятно. Положеніемъ о земскихъ начальникахъ имъ предоставлена широкая свобода дѣйствовать, бездѣйствовать, а также—въ одномъ отношеніи, направленіи дѣйствовать, въ другомъ бездѣйствовать. И земскіе начальники, какъ люди, естественно, пожелали дѣйствовать, главнымъ образомъ, въ направленіи расширенія и усиленія своей власти— власть—штука пріятная. Въ этомъ отношеніи они и проявили, главнымъ образомъ, свою дѣятельность и достигли, какъ мы видѣли, очень существенныхъ результатовъ.

Что же касается кропотливой, трудной и, можно сказать, грязной работы надзора за должностными лицами крестьянскаго управленія и руководства ими, то здѣсь они въ общемъ воспользовались своимъ правомъ бездѣйствовать, ограничи-

ваться самымъ необходимымъ, именно, канцелярской отпиской, посколько это не затрагивало ихъ культъ—власть. Естественно, что и результаты въ этой области, въ дѣлѣ упорядоченія крестьянскаго самоуправленія и управленія, оказались весьма плачевными, хотя это было однимъ изъ главныхъ основаній введенія института. Къ разсмотрѣнію этихъ результатовъ мы и перейдемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

К. Кожухаръ.

КЪ УЧЕНІЮ ОБЪ ОБЪЕКТАХЪ ПРАВЪ.

(Окончаніе).

IV.

Выводы.

До сихъ поръ при построеніи ученія объ объектахъ правъ доктрича исходила отъ абстрактныхъ типовъ. Пріемъ ненаучный: онъ приводитъ къ тому, что редакціи положеній, изъ которыхъ складываются соотвѣтствующіе абстрактные типы, техническимъ оборотамъ, преслѣдующимъ чисто практическія цѣли, созданнымъ примѣнительно къ сложившейся разговорной рѣчи, приписывается неподобающее имъ значеніе. Отъ нихъ отправляются въ своихъ разсужденіяхъ представители науки. „Вмѣсто того, чтобы обратиться къ подлежащимъ конкретнымъ отношеніямъ и путемъ анализа ихъ раскрыть истинный смыслъ техническихъ выраженій и оборотовъ, входящихъ въ составъ соотвѣтствующихъ абстрактныхъ типовъ, начинаютъ съ анализа этихъ выраженій и оборотовь, надѣясь такимъ путемъ добиться смысла прикрываемыхъ ими реальныхъ явленій. Это неизбѣжно должно было привести и дѣйствительно привело къ самой заправской схоластикѣ“ [1]).

Въ частности, мы выше отмѣтили уже двоякаго рода смѣшеніе, которое проникаетъ ходячее ученіе объ объектахъ

[1]) См. *мою* статью „Къ ученію о субъектахъ правъ“ въ журн. Вѣстникъ Права, декабрь 1904 г., стр. 224.

правъ: это во 1-хъ, смѣшеніе самыхъ (конкретныхъ) объектовъ правъ съ абстрактными типами таковыхъ, и во 2-хъ, смѣшеніе объекта въ смыслѣ элемента отношенія съ объектомъ въ смыслѣ результата, на который направлено отношеніе. Намъ предстоитъ теперь подробнѣе обосновать наши положенія.

Мы условились понимать подъ объектами правъ въ техническомъ смыслѣ только объекты конкретныхъ отношеній. Относительно нихъ нами было сказано: („субъекты и) объекты конкретныхъ жизненныхъ отношеній, конкретныхъ субъективныхъ правъ сами представляютъ извѣстныя *конкретныя, реальныя величины*, которыя могутъ оказывать извѣстное воздѣйствіе на окружающее ихъ, и на которыя можетъ быть оказано воздѣйствіе". Другими словами, объектами конкретныхъ субъективныхъ правъ, или, вообще, объектами конкретныхъ юридическихъ отношеній могутъ быть только явленія, доступныя внѣшнему воспріятію и внѣшнему воздѣйствію.

Это нашъ отправной пунктъ и вмѣстѣ съ тѣмъ thema probandum.

Объектами правъ, удовлетворяющими только что указаннымъ признакамъ, являются только *лица* и *предметы внѣшняго міра*, т. е. явленія, заключенныя въ извѣстныя пространственныя границы.

Что тѣ и другія, при наличности извѣстныхъ условій (указываемыхъ соотвѣтствующими абстрактными типами), могутъ служить объектомъ правъ, это внѣ спора. Мы на этомъ пунктѣ и не будемъ останавливаться.

Но вотъ возникаетъ вопросъ: какъ мирится съ нашимъ положеніемъ тотъ фактъ, что и въ законодательной практикѣ, и въ доктринѣ наряду съ указанными объектами упоминаются въ качествѣ самостоятельныхъ объектовъ правъ: 1) дѣйствія, 2) безтѣлесныя вещи, 3) „права", 4) совокупности вещей и правъ (имущественныя массы).

Разсмотримъ каждую изъ этихъ группъ въ отдѣльности.

1) Что касается *дѣйствій* въ качествѣ объектовъ правъ, то нами уже было указано [1]), что мы въ данномъ случаѣ

[1]) См. Вѣстникъ Права за Сентябрь 1905 г., стр. 158 и слѣд.

имѣемъ дѣло съ *смѣшеніемъ объекта въ смыслѣ элемента отношенія съ объектомъ въ смыслѣ результата, на достиженіе котораго направлено отношеніе.* Намъ тѣмъ менѣе необходимо вновь возвращаться къ этому пункту, что это смѣшеніе, какъ мы видѣли, уже выяснено въ литературѣ Унгеромъ [1]) и Регельсбергеромъ [2]), которые къ сожалѣнію не использовали своего вѣрнаго наблюденія въ другихъ направленіяхъ.

2) Не трудно убѣдиться, что аналогичное смѣшеніе привело къ созданію особой категоріи „*безтѣлесныхъ вещей*" или „*безтѣлесныхъ благъ*".

Самое это понятіе до крайности расплывчатое. Центральное мѣсто среди „безтѣлесныхъ вещей" занимаютъ несомнѣнно творенія человѣческаго духа (научныя, художественныя, техническія). Около нихъ группируется еще цѣлый рядъ другихъ „нематеріальныхъ благъ", какъ то: честь, имя, фирма и т. п.; нѣкоторые причисляютъ сюда же дѣйствія, другіе—разнаго рода регаліи, монополіи и т. п., до предіальныхъ сервитутовъ включительно, третьи сюда же относятъ электричество. Охватить такую разношерстную массу одной общей удобопонятной формулой оказывается совершенно невозможнымъ.

Мало того. Даже въ примѣненіи къ центральному пункту настоящаго ученія,—къ твореніямъ человѣческаго духа, нельзя считать установленнымъ, что̀ собственно составляетъ здѣсь „безтѣлесную вещь",—данное ли конкретное произведеніе, облекшееся въ извѣсную внѣшнюю форму (картины, книги, модели), или соотвѣтствующая „идея" (въ широкомъ смыслѣ), ближе данная комбинація мыслей, образовъ, тоновъ какъ таковая, независимо отъ внѣшней формы, въ которую она облеклась,—или наконецъ, нѣкоторая абстрактная „вытяжка", нѣкоторый genus. Мы встрѣчаемъ въ литературѣ представителей всѣхъ указанныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, въ первомъ смыслѣ высказывается, напр., въ примѣненіи къ авторскому

[1]) См. тамъ же, стр. 163.
[2]) См. тамъ же, стр. 172.

праву Гирке, когда онъ говоритъ [1]): „объектомъ (авторскаго права) является твореніе духа, которое благодаря своей индивидуализаціи имѣетъ отдѣльное содержаніе, *благодаря внѣшней фиксаціи независимое бытіе* и благодаря своему характеру какъ безтѣлесное благо самостоятельную цѣнность“. Но тотъ же Гирке въ примѣненіи къ праву изобрѣтателя примыкаетъ ко второй точкѣ зрѣнія, говоря [2]), что „твореніе духа, которое образуетъ предметъ права изобрѣтателя, не есть индивидуализированное путемъ соединенія идеи и формы духовное произведеніе, а *идея какъ таковая*“. Послѣдовательно проводитъ вторую точку зрѣнія Колеръ, который говоритъ прямо о „правахъ на идеи“ (Rechte an Ideen) [3]): „предметомъ права нематеріальныхъ благъ (Inmaterialgüterrecht) служитъ извѣстная *комбинація идей* эстетическаго или техническаго порядка (eine *Ideengestaltung* entweder ästhetischer oder technischer Art); ее слѣдуетъ строго отличать отъ тѣлесностей (Körperlichkeiten), которыя создаются одновременно съ сотвореніемъ этихъ комбинацій“. Наконецъ, третья точка зрѣнія находитъ представителя въ лицѣ А. А. Пиленко, который замѣчаетъ [4]): „всякое авторское право—въ области изящнаго ли творчества или техническаго—генерично, т. е. *имѣетъ объектомъ не конкретныя, а абстрактныя имущественныя блага*“.

Мы, разумѣется, въ данномъ случаѣ отнюдь не имѣемъ въ виду прослѣдить весь споръ о сущности авторскаго права и родственныхъ съ нимъ институтовъ. Наша задача состоитъ лишь въ провѣркѣ правильности утвержденія, будто объектами соотвѣтствующихъ правъ являются особыя безтѣлесныя вещи.

---

[1]) Deutsches Privatrecht, I, стр. 765.

[2]) Тамъ же, стр. 854.

[3]) Статья Bürgerliches Recht въ Holtzendorff's Encyclopädie der Rechtswissenschaft, 6 изд. Колера, стр. 621, 622.

[4]) Право изобрѣтателя, т. II, стр. 357. См. также стр. 355: „всякое патентное право генерично въ томъ смыслѣ, что оно *имѣетъ объектомъ нѣкоторый* genus, рядъ конкретныхъ рѣшеній даннаго типа. То же самое наблюдается и въ авторскомъ правѣ“.

Нетрудно убѣдиться въ несостоятельности этого утвержденія. Мы въ данномъ случаѣ опять таки имѣемъ дѣло съ смѣшеніемъ объекта въ смыслѣ элемента отношенія съ двумя другими понятіями, именно: съ одной стороны, объекта въ смыслѣ конкретнаго результата, на достиженіе котораго направлено данное отношеніе, съ другой стороны, и пожалуй въ бо̀льшей еще степени, съ объектомъ въ смыслѣ общей цѣли, которая имѣетъ быть достигнута при посредствѣ установленія даннаго абстрактнаго типа, даннаго юридическаго института.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ авторское право. Въ чемъ заключается суть его? въ исключительномъ правѣ творца произведенія распоряжаться его опубликованіемъ и воспроизведеніемъ [1]). Въ частности, возможно: 1) опубликованіе путемъ изданія даннаго произведенія, путемъ доклада (чтенія книги или статьи), путемъ представленія (пьесы), путемъ публичнаго выставленія (картины); 2) воспроизведеніе путемъ механическаго распространенія, (напр. перепечатки книги), путемъ перевода, путемъ публичнаго представленія (пьесы или музыкальнаго произведенія), путемъ имитаціи (художественныхъ произведеній), и т. п.—Если разобрать отдѣльные перечисленные моменты, то нетрудно убѣдиться, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣется въ виду достиженіе опредѣленнаго массоваго *результата*, который можетъ быть или психическимъ (достиженіе путемъ чтенія, выставки, представленія извѣстнаго впечатлѣнія, укорененіе извѣстныхъ убѣжденій, вызовъ извѣстныхъ чувствъ), или физическимъ (напр. напечатаніе данной книги въ извѣстномъ количествѣ, снятіе гравюры или фотографіи съ данной картины (опять таки въ большемъ или меньшемъ числѣ экземпляровъ).

Для достиженія in concreto того или иного изъ числа указанныхъ результатовъ, очевидно, необходима наличность тѣхъ или иныхъ лицъ, тѣхъ или иныхъ, не безтѣлесныхъ притомъ, а весьма реальныхъ, тѣлесныхъ вещей; напр., для напечатанія книги требуется наличность рукописи, печатнаго станка,

---

[1]) Ср. Gierke ук. соч., стр. 748; Kohler, ук. ст., стр. 626.

шрифта, наборщиковъ, корректоровъ и т. д. и т. д.; для представленія пьесы требуется наличность подмостковъ, декорацій, костюмовъ, труппы, зрителей; для устройства выставки картины—извѣстное помѣщеніе, служащіе при немъ, посѣтители; для снятія фотографіи съ даннаго художественнаго произведенія—фотографическій аппаратъ, лица, его обслуживающія, и т. д. и т. д.

Конкретныя отношенія, очевидно, возможны только между подлежащими лицами и предметами внѣшней природы, служащими въ своемъ сочетаніи *средствами* для достиженія даннаго конкретнаго результата—напечатанія книги, представленія пьесы и т. д., такъ какъ только эти лица и предметы въ данное время имѣются in rerum natura, подлежащій же результатъ при посредствѣ ихъ лишь имѣетъ быть достигнутъ in futuro, а слѣд. въ данное время элементомъ конкретнаго отношенія во всякомъ случаѣ, (даже если это результатъ физическій), служить не можетъ. Только эти лица и предметы внѣшней природы, а не какія то „безтѣлесныя" величины и могутъ быть поэтому служить *объектами* конкретныхъ отношеній по авторскому праву, никакихъ другихъ объектовъ здѣсь нѣтъ и быть не можетъ.

То же самое mutatis mutandis слѣдуетъ сказать относительно права изобрѣтателя. Объектами конкретныхъ отношеній по патентному праву тоже являются вполнѣ реальныя величины,—то, что нашло свое выраженіе, объективировано въ патентной формулѣ, соотвѣтствующее описаніе рисунка или модели, самый рисунокъ или модель и т. п., и засимъ все то, что по характеру даннаго техническаго производства требуется для достиженія соотвѣтствующаго конкретнаго результата, какъ то люди, машины и т. п. И здѣсь противоположный взглядъ покоится на смѣшеніи общей цѣли, ради которой создаются соотвѣтствующіе юридическіе институты, (охрана человѣческаго творчества въ области техники въ виду связанныхъ съ этимъ матеріальныхъ интересовъ изобрѣтателей), и конкретныхъ результатовъ, которые имѣютъ быть достигнуты въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, съ реальными элементами подлежащихъ конкретныхъ отношеній.

Сказанное примѣнимо конечно и къ разнаго рода регаліямъ и монополіямъ; такъ, напр., объектами карточной или винной монополіи являются всѣ тѣ техническія приспособленія, машины и люди, участіе которыхъ требуется для выдѣлки картъ или водки, и т. д.

Равнымъ образомъ сказанное примѣнимо и къ такимъ правамъ, какъ право на имя, на фирму и т. п. Въ чемъ заключается содержаніе этихъ правъ? въ исключительномъ употребленіи, въ сношеніяхъ съ другими лицами, извѣстныхъ внѣшнихъ (словесныхъ или фиксированныхъ письменно, или въ видѣ визитной карточки, дощечки у дверей, вывѣски и т. д.) знаковъ, имѣющихъ цѣлью въ первомъ случаѣ служить для обозначенія, для распознанія даннаго лица какъ индивида и вмѣстѣ съ тѣмъ эвентуально какъ лица, принадлежащаго къ данному кругу лицъ, къ данной семьѣ, къ данному роду,— во второмъ случаѣ, для обозначенія извѣстнаго хозяйственнаго предпріятія, участникомъ котораго является данное лицо или данныя лица.

Объектами права на имя или права на фирму являются въ первомъ случаѣ—*собственная личность* въ смыслѣ опредѣленной индивидуальности, отличающейся извѣстными чертами, извѣстными признаками, характеризующими ея происхожденіе, ея связь съ тѣмъ кругомъ лицъ, отъ котораго она происходитъ, и ея внутреннее содержаніе, тѣ качества и свойства, которыя опредѣляютъ ея соціальную роль и значеніе; во второмъ случаѣ—*извѣстная хозяйственная организація* въ смыслѣ извѣстной совокупности лицъ и предметовъ внѣшняго міра, которыя въ данномъ сочетаніи служатъ для достиженія тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ цѣлей. И здѣсь, слѣд., мы имѣемъ дѣло съ вполнѣ реальными величинами.

Что касается, наконецъ, электричества или точнѣе электрическаго тока, который тоже иногда причисляется къ „безтѣлеснымъ вещамъ“, то слѣдуетъ замѣтить, что это столь же мало самостоятельный объектъ правъ, какъ и дѣйствія лица; онъ, какъ и дѣйствіе, неотдѣлимъ отъ извѣстнаго матеріальнаго субстрата, внѣ котораго онъ не существуетъ: это не объектъ, а эффектъ, который можетъ быть достигнутъ, между

прочимъ, при помощи извѣстныхъ техническихъ приспособленій, и при помощи котораго, въ свою очередь, достигаются дальнѣйшіе (свѣтовые, двигательные и иные) результаты; объектами соотвѣтствующихъ конкретныхъ отношеній являются только вышеозначенныя техническія приспособленія, а не самый электрическій токъ.

Резумируя сказанное, мы приходимъ къ выводу, что никакихъ безтѣлесныхъ вещей или благъ въ качествѣ самостоятельныхъ объектовъ правъ не существуетъ: все ученіе о безтѣлесныхъ вещахъ составляетъ плодъ сплошного недоразумѣнія.

3) Мы переходимъ къ вопросу о „правахъ на права“, точнѣе, къ вопросу о томъ, могутъ ли одни права служить объектомъ другихъ правъ. Ближайшимъ поводомъ къ возбужденію этого вопроса послужили два института римскаго права, именно ususfructus nominum (узуфруктъ обязательственныхъ требованій) и pignus nominum (залогъ обязательственныхъ требованій); къ послѣднему примыкаютъ залогъ залога (pignus pignoris), залогъ узуфрукта и реальныхъ сервитутовъ, залогъ эмфитевтическаго и суперфиціарнаго права.

Въ доктринѣ вопросъ о правахъ на права одно время обсуждался очень оживленно. Одни признавали, другіе отрицали, чтобы права, въ свою очередь, могли служить объектами правъ [1]. Намъ нѣтъ необходимости подробно останавливаться на этомъ вопросѣ. Достаточно отмѣтить, что сторонники утвердительнаго рѣшенія вопроса implicite или expressis verbis неизбѣжно должны подводить права въ качествѣ возможныхъ объектовъ другихъ правъ подъ понятіе безтѣлесныхъ вещей или безтѣлесныхъ благъ [2]. Естественно, что всѣ возраженія, которыя были формулированы выше противъ допущенія подобной категоріи объектовъ правъ, сохраняютъ полную силу и для настоящаго случая. Нетрудно убѣдиться,

---

[1]) См. литературныя указанія у Регельсбергера, Pandekten I, стр. 359, пр. 8, стр. 360, пр. 9, Дернбургъ, Pandekten, 7 изд. I, стр, 603, пр. 8.

[2]) Ср. напр. Bremer, das Pfandrecht und die Pfandobjekte, стр. 37. kein körperliches, sondern ein unkörperliches Object, Stammler, der Niessbrauch an Forderungen. стр. 23—concret auftretende immaterielle Grösse.

что и въ данномъ случаѣ настоящими объектами соотвѣтствующихъ конкретныхъ отношеній являются весьма реальныя величины, именно соотвѣтствующія лица и вещи [1]). Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ установленія, напр., въ данномъ конкретномъ случаѣ со стороны первоначальнаго кредитора N въ пользу какого нибудь лица X ususfructus nominis, или pignus nominis, или pignus pignoris, тѣ лица, которыя состояли должниками по первоначальному обязательственному отношенію, и тѣ вещи, которыя имѣли быть доставлены ими, или которыя служили объектомъ залога, не исчезаютъ, какъ не исчезаютъ и первоначальные субъекты соотвѣтствующихъ правъ, кредиторы по обязательственному требованію или по залогу. Что же происходитъ?

На ряду съ первоначальнымъ отношеніемъ управомоченности, объектами котораго являются данныя лица или вещи, возникаетъ новое, *встрѣчное* отношеніе управомоченности въ лицѣ новаго кредитора, новое субъективное право *на тѣ же объекты*, конкуррирующее съ правомъ первоначальнаго кредитора и ограничивающее его въ томъ или иномъ смыслѣ.— Будучи устанавливаемы субъектами первоначальнаго права (требованія, залога и т. д.), эти новыя права по отношенію къ первоначальному праву носятъ деривативный, *производный* характеръ, представляя собою, согласно мѣткому замѣчанію Регельсбергера [2]), проявленія входящаго въ составъ соотвѣтствующихъ первоначальныхъ правъ специальнаго правомочія, дающаго возможность установленія своеобразныхъ вещныхъ или обязательственыхъ правъ; это правомочіе родственно съ правомочіемъ собственника устанавливать ограничивающія его право собственности на данный объектъ jura in re aliena.

4). Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ о томъ, являются ли совокупности вещей, образующія одно хозяйственное цѣлое, (universitates facti), и имущественныя массы (universitates juris) самостоятельными объектами правъ.

---

[1]) Ср. въ примѣненіи къ римскому праву блестящую критику ученія о правахъ на права Exner'a, Kritik des Pfandrechtsbegriffs, passim.

[2]) Pandekten, I, стр. 360.

Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ [1]). Наряду съ рѣшительными сторонниками и противниками утвердительнаго разрѣшенія его имѣется цѣлый рядъ посредствующихъ взглядовъ.

Намъ конечно въ настоящемъ случаѣ нѣтъ нужды воспроизвести всю эту контроверсу во всѣхъ ея деталяхъ. Достаточно отмѣтить, что изъ новѣйшихъ изслѣдователей за утвердительное рѣшеніе вопроса самымъ опредѣленнымъ образомъ высказывается Гирке,—за отрицательное рѣшеніе его стоитъ Регельсбергеръ, посредствующіе взгляды высказываютъ между прочимъ Виндшейдъ и Дернбургъ.

Гирке [2]) различаетъ *тѣлесныя и безтѣлесныя совокупныя вещи* (körperliche und unkörperliche Gesamtsachen). Первыя бываютъ на лицо, когда рядъ единичныхъ тѣлесныхъ вещей, не утрачивая свойства единичныхъ вещей (die Eigenschaft von Einzelsachen), соединены въ одно единое цѣлое, признанное въ качествѣ предмета правъ. Это бываетъ тогда, когда совокупность единичныхъ вещей благодаря *объективной взаимной связанности, вытекающей изъ длительной общности цѣли*, согласно общепринятому въ оборотѣ взгляду разсматривается какъ единый предметъ (insoweit, als ein Iubegriff von Einzelsachen vermöge ihrer durch dauernde Zweckgemeinschaft begründeten objektiwen Zusammengehörigkéit nach allgemeiner Verkehrsanschauung als einheitlicher Gegenstand gilt) [3]). Въ видѣ примѣра онъ указываетъ на стадо, инвентарь имѣнія, библіотеку, коллекціи разныхъ предметовъ, товарный складъ.

Изъ этой характеристики совокупныхъ вещей вытекаютъ два положенія. 1) Съ одной стороны, совокупная вещь, какъ *единое цѣлое* (als einheitliches Ganze) составляетъ самостоятельный объектъ правъ, который сохраняетъ свое значеніе независимо отъ перемѣнъ въ составѣ содержащихся въ немъ единичныхъ вещей. Всякое правоотношеніе, устанавливаемое

---

[1]) Ср. обзоръ литературы у Гирке, deutsches Privatrecht, т. II, § 104, пр. 1, стр. 49.

[2]) Ук. соч., II, стр. 52.

[3]) Тамъ же, стр. 53.

по отношенію къ такой совокупной вещи, обнимаетъ и всѣ входящія въ данное время въ составъ ея единичныя вещи, и охватываетъ поэтому само собою (ohne weiteres) и всѣ вещи, вновь включаемыя въ нее въ силу ли естественнаго прироста или въ силу раціональнаго акта пополненія (ordnungsmässige Zufügung). „Однако оно (т. е. соотвѣтствующее правоотношеніе, какъ, напр., право собственности, залога, узуфрукта), *охватываетъ единичныя вещи только въ качествѣ составныхъ частей и поэтому выпускаетъ всякую такую вещь съ того момента, когда она въ силу естественнаго теченія или въ силу раціональнаго акта извлеченія* (ordnungsmässige Ausscheidung) *выдѣляется* изъ совокупной вещи“ [1]). 2) Съ другой стороны, отдѣльныя единичныя вещи, несмотря на свою принадлежность къ совокупной вещи, остаются самостоятельными объектами правъ, причемъ „*разъ относительно единичной вещи установилось особое правоотношеніе, идущее въ разрѣзъ съ правоотношеніемъ, существующимъ относительно совокупной вещи, то ему отдается предпочтеніе*“ [2]).

Безтѣлесная совокупная вещь опредѣляется какъ признанное въ качествѣ единаго объекта правъ совокупное цѣлое, (Jnbegriff), въ составъ котораго могутъ входить не только тѣлесныя, но и безтѣлесныя вещи. Безтѣлесной совокупной вещью является во 1-хъ, *имущество* отдѣльныхъ лицъ въ цѣломъ (das Gesammt-vermögen einer Person), такъ какъ имущество въ качествѣ цѣлаго можетъ служить предметомъ права наслѣдованія, права узуфрукта и общности (Vergemeinschaftung); во 2-хъ, признанныя въ качествѣ объективныхъ единствъ *обособленныя имущественныя массы* (als objektive Einheiten anerkannte Sondervermögen), которыя образуются путемъ выдѣленія тѣхъ или иныхъ частей изъ состава одного или нѣсколькихъ цѣлыхъ имуществъ; правда, эти особенныя имущественныя массы отличаются другъ отъ друга большимъ разно-

[1]) Тамъ же, стр. 55.

[2]) Тамъ же, стр. 56. Это имѣетъ мѣсто, какъ поясняетъ Гирке, даже въ томъ случаѣ, если особое право на единичную вещь пріобрѣтено *послѣ* того, какъ она вошла въ составъ совокупной вещи, тамъ же, стр. 56 прим. 33.

образіемъ и поэтому трудно установить въ отношеніи ихъ какія либо общія руководящія нормы. „Все же понятіе безтѣлесной совокупной вещи не лишено значенія". Что касается взаимнаго соотношенія цѣлаго и входящихъ въ составъ его отдѣльныхъ вещей, то оно формулируется примѣнительно къ тому, что было установлено относительно тѣлесныхъ совокупныхъ вещей: именно, самостоятельными объектами правъ признаются какъ самыя безтѣлесныя совокупныя вещи въ качествѣ самостоятельныхъ цѣлыхъ, такъ и отдѣльныя, входящія въ составъ ихъ тѣлесныя и безтѣлесныя вещи, съ тѣмъ, что и здѣсь „въ случаѣ коллизіи особое юридическое отношеніе, въ которомъ состоитъ отдѣльная единичная тѣлесная или безтѣлесная вещь, всегда беретъ верхъ надъ юридическимъ отношеніемъ, существующимъ относительно совокупной вещи" [1]).

Такова суть теоріи Гирке. Не останавливаясь пока на принципіальныхъ возраженіяхъ противъ нея, мы лишь отмѣтимъ, что приведенными оговорками Гирке самъ лишаетъ свое утвержденіе, будто совокупныя вещи могутъ служить самостоятельными объектами правъ, всякаго практическаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, разъ *всякая* коллизія правъ, объектомъ которыхъ являются, съ одной стороны, отдѣльныя вещи, съ другой стороны—подлежащая „совокупная вещь", всегда безусловно рѣшается въ пользу того права, объектомъ котораго является единичная вещь, то, спрашивается, какой же смыслъ вообще говорить объ особыхъ правахъ относительно совокупныхъ вещей, какъ таковыхъ? Вѣдь практическій результатъ, который получается при этомъ, совершенно тождественный съ тѣмъ, который получается и въ случаѣ отрицанія за „совокупными" вещами значенія самостоятельныхъ объектовъ правъ.

Что можно обойтись безъ допущенія подобной категоріи объектовъ правъ, прекрасно выяснено Регельсбергеромъ. Этотъ ученый замѣчаетъ, прежде всего, въ отношеніи имуществъ, что имущество есть лишь правовое понятіе, а не объектъ правъ (nur ein Rechtsbegriff, kein Rechtsobjek) [2]). Правда, замѣчаетъ

[1]) Тамъ же, стр. 70.

[2]) Pandekten, I, стр. 360.

онъ (спеціально въ примѣненіи къ римскому праву), говорятъ объ ususfructus и hypotheca omnium bonorum, о томъ, что наслѣдникъ пріобрѣтаетъ, продаетъ, виндицируетъ наслѣдство, и т. п., однако, это не болѣе, какъ извѣстные удобные *техническіе обороты*: объектами соотвѣтствующихъ правъ все же являются лишь отдѣльныя вещи. „Правда, не безразлично, упоминается ли въ сдѣлкѣ или въ юридическомъ положеніи „имущество“ въ качествѣ предмета узуфрукта или залога, или же перечислены отдѣльныя вещи. Въ первомъ случаѣ въ противоположность къ индивидуальному обозначенію однѣ вещи, входящія въ составъ имущества, не подпадаютъ подъ дѣйствія права, а другія подпадаютъ подъ него, и дальше собственникъ сохраняетъ извѣстное право распоряженія надъ вещами, подпадшими подъ дѣйствіе права. Но *эти особенности какъ разъ не могутъ быть объяснены путемъ допущенія единой природы объекта правъ*“ [1]).—Равнымъ образомъ, онъ противъ признанія значенія самостоятельныхъ объектовъ правъ за такъ называемыми universitates rerum distantium, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія римскаго права. „Чувственное воспріятіе имѣетъ здѣсь дѣло съ множественностью, единство существуетъ лишь въ нашемъ представленіи. Эти совокупности вещей суть мысленныя цѣлыя (Begriffsganze)“ [2]).—Каково же ихъ юридическое положеніе? „Несомнѣнно, отдѣльныя вещи и въ теченіи того времени, пока онѣ входятъ въ составъ мысленнаго цѣлаго, суть самостоятельные объекты правъ. Весьма спорно однако, можно ли считать таковымъ и цѣлое. *Кто отвѣчаетъ утвердительно на это, тотъ долженъ допустить возможность различной юридической судьбы для цѣлаго и для отдѣльныхъ составныхъ частей его. Это вызываетъ значительныя затрудненія*“ [3]).—Въ приведенныхъ словахъ весьма мѣтко формулирована сущность и практическое значеніе всей проблемы.—Обращаясь къ разрѣшенію ея, Ре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 361. Aber gerade diese Eigenthümlichkeiten sind aus der einheitlichen Natur des Rechtsobjekts nicht zu erklären.

[2]) Тамъ же, стр. 370.

[3]) Тамъ же, стр. 371.

гельсбергъ замѣчаетъ, что эти мысленныя цѣлыя несомнѣнно имѣютъ самостоятельное *хозяйственное* значеніе, съ чѣмъ праву приходится считаться. Однако это возможно сдѣлать, не прибѣгая къ признанію мысленныхъ цѣлыхъ въ качествѣ самостоятельныхъ объектовъ правъ. „Такова именно, продолжаетъ Регельсбергеръ, точка зрѣнія общаго права: оно не считаетъ мысленныя единства едиными вещами (Sacheinheiten), но *своеобразная хозяйственная связь между отдѣльными вещами*, какъ она проявляется, напр., въ стадѣ, принадлежащемъ одному господину, *придаетъ извѣстнымъ юридическимъ отношеніямъ специфическое содержаніе*“ [1]). Главная особенность въ этомъ отношеніи вытекаетъ изъ того, что хозяйственная природа (точнѣе, хозяйственное назначеніе) такихъ мысленныхъ цѣлыхъ требуетъ отъ времени до времени извѣстныхъ перемѣнъ въ составѣ отдѣльныхъ объектовъ, входящихъ въ ихъ составъ, выключенія или продажи однихъ и пополненія убыли другими.

„Вслѣдствіе этого узуфруктъ или залоговое право, которыя устанавливаются относительно подобной совокупности вещей, а равно оговорка, дѣлаемая при отчужденіи совокупности относительно сохраненія права собственности (Eigenthumsvorbehalt), пріобрѣтаютъ нѣсколько отличное отъ обыкновеннаго права узуфрукта, залога или оговорки относительно права собственности содержаніе. Дабы не причинять въ хозяйственномъ отношеніи предмету права вреда, узуфруктуаръ, владѣющій кредиторъ по залогу, пріобрѣтатель, пріобрѣтшій sub pacto reservati dominii, съ одной стороны, имѣютъ право отчуждать отдѣльные объекты, входящіе въ составъ цѣлаго, въ предѣлахъ, въ которыхъ такое выдѣленіе (изъ общей массы) представляется допустимымъ съ точки зрѣнія подлежащихъ хозяйственныхъ правилъ, съ другой стороны—они обязаны пополнять убыль и заботиться о сохранности цѣлаго. Правильно отчужденные объекты выбываютъ изъ состава прежняго юридическаго отношенія, а вновь включенные тотчасъ же подпадаютъ подъ дѣйствіе права узуфрукта или залога

[1]) Тамъ же, стр. 371.

или оговорки относительно сохраненія права собственности"[1]). Приведенныя разсужденія Регельсбергера непосредственно касаются только римскаго права[2]). Однако по самому существу вопроса они одинаково примѣнимы и ко всякой другой правовой системѣ: разница можетъ заключаться лишь въ томъ, что въ зависимости отъ хода развитія хозяйственныхъ отношеній самое число universitates rerum distantium можетъ быть большее или меньшее, они могутъ играть въ хозяйственной жизни данной страны бо́льшую или меньшую роль: но *юридическая оцѣнка этихъ явленій отъ этого не мѣняется.* То же слѣдуетъ сказать и объ имуществахъ, какъ цѣлыхъ, такъ и выдѣленныхъ.

По существу приведенныхъ разсужденій слѣдуетъ замѣтить, что они, считаясь преимущественно съ практической стороной вопроса, не столько направлены на то, чтобы доказать *несостоятельность* предположенія о существованіи особой категоріи объектовъ правъ—совокупностей вещей и имущественныхъ массъ, сколько на то, чтобы доказать *ненужность* такого предположенія, возможность обойтись безъ него. Этого, однако, мало. Названное предположеніе представляется не только излишнимъ, оно въ корнѣ своемъ неправильное.

Этимъ устраняются не только построенія Гирке и другихъ прямолинейныхъ сторонниковъ критикуемой теоріи[3]), но также и всякія „посредствующія теоріи". Въ видѣ примѣра таковыхъ укажемъ на теоріи Виндшейда и Дернбурга о совокупности вещей.—Виндшейдъ признаетъ самостоятельными объектами правъ стада и другія „естественныя цѣлыя"

---

[1]) Тамъ же, стр. 373.

[2]) Подобно тому, какъ Гирке преимущественно имѣетъ въ виду германское право, см. ук. соч. II, стр. 49.

[3]) Едва ли не самымъ прямолинейнымъ сторонникомъ ея является Соколовскій, который въ Philosophie im Privatrecht, стр. 398, отрицаетъ, чтобы отдѣльныя единичныя вещи, пока онѣ продолжаютъ входить въ составъ совокупной вещи, сохраняли значеніе самостоятельныхъ объектовъ правъ. Достаточно сказать, что даже Гирке находитъ это страннымъ, см. ук. его соч., II, стр. 56, пр. 30.

(Naturganze); что же касается совокупностей другого рода, (напр., библіотекъ, товарныхъ складовъ и т. п.), то „преобладающія соображенія" говорятъ въ пользу отрицательнаго разрѣшенія вопроса [1]). Эти „преобладающія соображенія" заключаются въ томъ, что въ римскихъ источникахъ самостоятельное значеніе приписывается только стаду, и еще въ томъ, что если выйти за предѣлы „естественныхъ цѣлыхъ", то трудно найти опредѣленную границу [2]).

Не столь „прямолинейно", но зато и весьма неясно разсуждаетъ Дернбургъ [3]). Слѣдуетъ ли разсматривать universitas rerum distantium юридически какъ единство или только какъ множественность тѣлесныхъ вещей?—вопрошаетъ онъ, и даетъ такой отвѣтъ: „абсолютнымъ образомъ этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. *Съ одной стороны имѣется налицо множественность, съ другой стороны единство*". А именно: 1) съ одной стороны слѣдуетъ имѣть въ виду, что владѣніе и собственность существуютъ относительно отдѣльныхъ объектовъ, которые образуютъ данную совокупность; 2) съ другой стороны совокупность тѣмъ не менѣе разсматривается юридически какъ единство тамъ, гдѣ рѣшающая роль принадлежитъ хозяйственнымъ соображеніямъ; въ видѣ примѣра Дернбургъ указываетъ на положеніе узуфруктуара стада, который, будучи обязанъ вернуть собственнику стадо какъ таковое, пріобрѣтаетъ выбывающихъ животныхъ въ собственность, взамѣнъ чего онъ долженъ заботиться о пополненіи убыли изъ приплода... Является ли этотъ примѣръ исчерпывающимъ, есть ли еще другіе случаи, гдѣ рѣшающая роль принадлежитъ „хозяйственнымъ соображеніямъ", какіе это случаи и какія это соображенія, и въ какомъ именно смыслѣ слѣдуетъ говорить въ этихъ случаяхъ о единствѣ, все это остается открытымъ.

Обращаясь, съ своей стороны, къ разрѣшенію данной

---

[1]) Lehrbuch der Pandekten, I § 137, стр. 394.

[2]) Тамъ же, § 137, пр. 8.

[3]) Pandekten, 7 изд., I, § 68, стр. 157—158. Ср. также Петражицкій, die Lehre vom Einkommen, I, § 8, стр. 107 и сл.

проблемы, и останавливаясь прежде всего на universitates rerum distantium, мы должны констатировать, что мы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такого рода имѣемъ дѣло съ извѣстнымъ *цѣлевымъ единствомъ* (Zweckeinheit), *которое является результатомъ извѣстныхъ хозяйственныхъ операцій, совершаемыхъ надъ отдѣльными объектами, входящими въ составъ такого единства.* Связующимъ моментомъ въ этихъ случаяхъ является извѣстное, болѣе или менѣе *постоянное хозяйственное назначеніе*, объединяющее соотвѣтствующія отдѣльныя вещи: это назначеніе таково, что оно не связано съ данными индивидуальными объектами, а требуетъ только объектовъ извѣстнаго рода, но послѣднихъ зато въ болѣе или менѣе опредѣленномъ количествѣ: этимъ опредѣляется характеръ хозяйственныхъ операцій, совершаемыхъ надъ соотвѣтствующими отдѣльными объектами; онѣ выражаются въ набираніи и періодическомъ, по мѣрѣ убыли, пополненіи выбывающихъ объектовъ новыми. Конкретнымъ *результатомъ* означенныхъ операцій является то, что, несмотря на перемѣны въ составѣ отдѣльныхъ объектовъ, образующихъ данную совокупность, на выбытіе однихъ и вступленіе другихъ, все же общая сумма, общее количество этихъ объектовъ представляетъ болѣе или менѣе постоянную величину. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ общежитіи такимъ цѣлевымъ единствамъ начинаютъ придавать самостоятельное значеніе, а отсюда только шагъ до *объективаціи* ихъ. Неудивительно также, что юридическая терминологія отражаетъ въ себѣ соотвѣтствующіе ходячіе взгляды, что въ нее проникаютъ и начинаютъ пріобрѣтать техническое значеніе соотвѣтствующіе объективирующіе термины и выраженія. За всѣмъ тѣмъ слѣдуетъ, однако, постоянно помнить, что говорить о стадѣ, библіотекѣ и т. д. и т. д., какъ о самостоятельныхъ вещахъ, значитъ только прибѣгать къ извѣстной удобной façon de parler, не больше,— что реально существуютъ только отдѣльныя животныя, отдѣльныя книги и т. д., образующія въ своемъ соединеніи данную совокупность, самая же совокупность не есть самостоятельный объектъ, а представляетъ собою лишь *результатъ* извѣстныхъ хозяйственныхъ операцій, совершаемыхъ путемъ

того или иного воздѣйствія на соотвѣтствующія единичныя вещи, которыя однѣ только и являются объектами подлежащихъ конкретныхъ жизненныхъ отношеній и конкретныхъ субъективныхъ правъ.

То же самое mutatis mutandis слѣдуетъ сказать и объ имущественныхъ массахъ. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ извѣстными *цѣлевыми единствами*, складывающимися изъ ряда конкретныхъ объектовъ, объединяемыхъ общимъ назначеніемъ служить въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ производительнымъ и потребительнымъ фондомъ для даннаго субъекта или данной совокупности субъектовъ [1]).

Мы пришли къ концу. Мы полагаемъ, что намъ удалось доказать, что единственными возможными объектами правъ являются лица и такъ называемыя тѣлесныя вещи, т. е. предметы внѣшней природы, заключенные въ пространственныя границы.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Выше нами уже замѣчено, что основной причиной господствующихъ въ наукѣ по настоящему вопросу неправильныхъ взглядовъ является игнорированіе коренного различія между конкретными отношеніями и абстрактными типами и тѣсно связанный съ этимъ, неправильный въ методологическомъ отношеніи пріемъ начинать прямо съ анализа соотвѣтствующихъ абстрактныхъ типовъ, безъ предварительнаго выясненія соотношенія, существующаго между ними и подлежащими конкретными отношеніями. Послѣ всего сказаннаго нами мы въ настоящее время можемъ сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ и показать, какимъ образомъ, благодаря указаннымъ ошибкамъ, должна была получиться именно ходячая теорія объ объектахъ правъ со всѣми ея противорѣчіями, смѣшеніемъ понятій и схоластиче-

---

[1]) Нечего, конечно, говорить, что въ приведенныхъ словахъ не содержится исчерпывающаго опредѣленія понятія имущества. Таковое выходитъ за предѣлы настоящей нашей задачи.

скими категоріями безтѣлесныхъ вещей, правъ на права и т. п.

Дѣло въ томъ, что избирая исходнымъ пунктомъ для своихъ разсужденій подлежащія „постановленія источниковъ", иначе говоря, юридическія нормы, изъ которыхъ складываются абстрактные типы объектовъ правъ, доктрина сразу должна была натолкнуться на *массу объективирующихъ оборотовъ*, которые подъ вліяніемъ разговорной рѣчи пріобрѣли право гражданства и техническое значеніе въ законодательной и судебной практикѣ. Принимая эти обороты безъ тщательной критической провѣрки, немыслимой безъ анализа соотвѣтствующихъ конкретныхъ отношеній, имъ невольно стали приписывать реальное значеніе, а отсюда неизбѣжно должно было получиться ошибочное предположеніе, будто существуетъ столько различныхъ категорій объектовъ правъ, сколько встрѣчается объективирующихъ оборотовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, будто различіе въ объектѣ составляетъ principium individuationis для самихъ субъективныхъ правъ, иначе говоря, будто субъективныя права различаются другъ отъ друга прежде всего въ зависимости отъ различія въ объектѣ ихъ. На этой почвѣ формулируется знаменитое различіе между вещными и обязательственными правами, (первыя имѣютъ объектомъ вещи, вторыя—дѣйствія), и на этомъ же пути засимъ идутъ и дальше, создавая „права на права", приписывая самостоятельное реальное значеніе совокупностямъ вещей, имущественнымъ массамъ и т. д. Въ частности, неизбѣжно связанное съ такой постановкой вопроса смѣшеніе объекта въ смыслѣ элемента отношенія съ объектомъ въ смыслѣ результата, на которое направлено данное отношеніе, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что эти результаты могутъ быть не только физическими, но и психическими, привело къ утвержденію, что объектами правъ могутъ быть не только тѣлесныя, но и „безтѣлесныя" вещи или блага. Разъ же эта категорія была установлена, то дальше уже дѣло вкуса, включать ли въ нее все, что не есть тѣлесная вещь, т. е. дѣйствія, права какъ объекты правъ, universitates facti и juris, (какъ это дѣлаетъ напр. Гирке), или ограничить это понятіе болѣе узкими рамками и сохра-

нить за только что перечисленными категоріями самостоятельное значеніе.

На самомъ дѣлѣ число возможныхъ объектовъ правъ ограничено лицами и такъ называемыми тѣлесными вещами, никакихъ другихъ объектовъ правъ въ техническомъ смыслѣ нѣтъ и быть не можетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ, конечно, возможность смотрѣть на различіе въ объектахъ какъ на основаніе для различенія и классификаціи субъективныхъ правъ. *Субъективныя права отличаются другъ отъ друга не по объекту, а по содержанію своему*, ближе *по характеру и объему отдѣльныхъ правомочій и связанныхъ съ ними притязаній*, которыя признаются за заинтересованными лицами, и которыя, въ свою очередь, различествуютъ между собою въ зависимости отъ тѣхъ общихъ цѣлей, которыя имѣется въ виду достигнуть или обезпечить въ подлежащихъ случаяхъ. Такъ, участокъ одновременно можетъ служить, съ одной стороны, объектомъ права собственности или залога, съ другой стороны,—объектомъ независимаго отъ нихъ горнаго права въ смыслѣ права добыванія руды. Такъ, печатный станокъ опять-таки можетъ служить, съ одной стороны, объектомъ права собственности или залога и т. п., а съ другой стороны (въ числѣ другихъ необходимыхъ техническихъ приспособленій), объектомъ независимаго отъ нихъ, самостоятельнаго авторскаго права. Различіе въ томъ и въ другомъ случаѣ не въ объектѣ, а въ общемъ характерѣ соотвѣтствующихъ правъ: право собственности или залога и т. д. преслѣдуютъ иныя цѣли, нежели право горное или авторское: первыя имѣютъ въ виду обезпечить въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ *утилизацію* (въ широкомъ смыслѣ) существующихъ объектовъ, существующихъ цѣнностей, вторыя—*созданіе* (добываніе, производство, твореніе) новыхъ объектовъ, новыхъ цѣнностей. Это различіе въ общей цѣли, конечно, опредѣляетъ *характеръ отдѣльныхъ правомочій*, изъ которыхъ складывается содержаніе подлежащихъ правъ.

Съ другой стороны, однородныя по общему характеру субъективныя права отличаются другъ отъ друга *по объему*

правомочій: достаточно указать въ этомъ отношеніи на различіе, существующее между правомъ собственности и правомъ залога или узуфрукта съ одной стороны, между правомъ авторскимъ и издательскимъ съ другой стороны.

Различіе же объектовъ въ томъ и въ другомъ случаѣ не при чемъ.

Д. Гриммъ.

О СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМѢРНОСТИ.

(Изъ лекцій, читанныхъ въ Русской Высшей Школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ).

Всякій, кто превзошелъ азбуку общественныхъ наукъ, знаетъ, что статистика снабжаетъ эти науки цѣннѣйшимъ фактическимъ матеріаломъ. Многимъ, кромѣ того, извѣстно, что статистика немало способствовала обоснованію и укрѣпленію нѣкоторыхъ общихъ идей, которыя имѣютъ значеніе руководящихъ началъ для современнаго обществовѣдѣнія, и въ ряду которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ идея закономѣрности соціальныхъ явленій.

Но лишь весьма незначительное меньшинство даже въ средѣ образованнѣйшихъ соціологовъ и экономистовъ знакомо въ точности съ тѣмъ, какъ современная теорія статистики освѣщаетъ и комментируетъ ту закономѣрность, которая можетъ быть установлена статистическимъ путемъ.

Этому вопросу будетъ посвящено все дальнѣйшее изложеніе, причемъ, однако, нельзя будетъ остановиться исключительно на взглядахъ современныхъ теоретиковъ, но придется для того, чтобы правильно оцѣнить эти взгляды, дать бѣглый очеркъ историческаго развитія идеи статистической закономѣрности.

Все изложеніе удобно будетъ разбить на двѣ части, изъ которыхъ одна будетъ имѣть своимъ предметомъ простѣйшую форму, а другая болѣе сложныя формы статистической закономѣрности.

I. *Устойчивость числовыхъ результатовъ статистики.*

Простѣйшей формой статистистической закономѣрности я называю то постоянство или ту устойчивость, которую во многихъ случаяхъ обнаруживаютъ показанія статистики. Извѣстно, что, напр., числа рожденій, браковъ, смертей, самоубійствъ, преступленій, приходящихся на каждую тысячу населенія въ опредѣленной странѣ, подвержены изъ года въ годъ, вообще говоря, лишь незначительнымъ колебаніямъ. Также точно мало измѣняются тѣ процентныя отношенія, которыя выражаютъ распредѣленіе данной группы явленія, напр., тѣхъ же браковъ или преступленій, по опредѣленному признаку, браковъ, напр., по возрасту и гражданскому состоянію брачущихся, преступленій по роду ихъ или по тяжести.

Съ яснымъ представленіемъ о постоянствѣ извѣстныхъ статистическихъ величинъ мы встрѣчаемся уже во 2-ой половинѣ 17-го столѣтія, у той группы голландскихъ и англійскихъ писателей, которые называли себя политическими ариѳметиками и отъ которыхъ, въ извѣстномъ смыслѣ, ведетъ начало современная статистика.

Въ частности при изученіи смертности была подмѣчена правильность въ порядкѣ вымиранія человѣческихъ поколѣній. Стали составлять такъ называемыя таблицы смертности, показывающія, сколько лицъ изъ 1000 родившихся доживаетъ до возраста 1 года, 2 года, 3 года и т. д. Эти таблицы смертности, изъ которыхъ первая заслуживающая вниманія составлена была англійскимъ астрономомъ Галлеемъ въ 1693 году на основаніи смертныхъ списковъ города Бреславля, примѣнялись къ финансовымъ вычисленіямъ. Дѣло въ томъ, что въ то время очень распространенной формой государственнаго кредита была продажа государствомъ пожизненныхъ пенсій (~~роир~~). Стоимость такихъ пенсій въ моментъ ихъ пріобрѣтенія кредиторами, очевидно, зависитъ отъ того, быстрѣе ли или медленнѣе происходитъ вымираніе тѣхъ лицъ, которымъ онѣ будутъ выплачиваться. Ясно, что опредѣленіе искомой стоимости пенсіи на основаніи таблицы смертности, вычисленной по статистическимъ показаніямъ за прошлое

время, предполагаетъ, что въ будущемъ люди будутъ вымирать приблизительно съ тою же быстротою, какъ они умирали раньше. Иначе говоря, въ основаніи самаго способа вычисленія лежитъ предположеніе, что число доживающихъ до опредѣленныхъ возрастовъ изъ 1000 родившихся, суть величины, если не въ строгомъ смыслѣ слова постоянныя, то, во всякомъ случаѣ, въ достаточной мѣрѣ устойчивыя, чтобы на практикѣ можно было считать ихъ постоянными.

Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что при указаннаго рода вычисленіяхъ мало заботились о томъ, чтобы подлежащая таблица смертности относилась именно къ населенію той страны, правительство которой заключало заемъ. Вычислители расчитывали, слѣдовательно, на то, что статистическія числа, которыя имъ были нужны, обладаютъ постоянствомъ не только во времени, но и въ пространствѣ. Впрочемъ, этому послѣднему допущенію не слѣдуетъ придавать слишкомъ абсолютнаго значенія. Политическіе ариѳметики съ самаго начала останавливаются, напр., на томъ фактѣ, что смертность въ городскомъ населеніи выше, чѣмъ въ сельскомъ.

Интересно также, что всѣми писателями указанной категоріи болѣе или менѣе отчетливо сознается, что постоянство статистическихъ чиселъ, прежде всего, обусловлено *большимъ* количествомъ наблюденія. Правильность получается лишь для статистическихъ группъ не слишкомъ малочисленныхъ. Одинъ голландскій писатель 18-го вѣка Керсебомъ замѣчаетъ по этому поводу, ссылаясь на своего современника, голландскаго же писателя философа Гравесанда: „Saepe vero regularitas quae paucis consideratis effectious nos fugit, ubi plures ad examen vocantur detegitur“ и далѣе: „Quot non sunt causae a quibus hominis vitae terminus pendeat. Regularis tamen in majori numero est morientium series“. Тутъ, какъ будто, выражается удивленіе по поводу констатируемой статистикой смертностной правильности, какъ бы контрастирующей съ многообразіемъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ каждый отдѣльный случай смерти. Но вообще говоря, писатели 17 и 18 вѣка не находили ничего удивительнаго въ постоянствѣ статистическихъ результатовъ и не задавались по поводу этого постоянства никакими философскими вопросами и сомнѣніями.

Единственное въ своемъ родѣ исключеніе представляетъ въ этомъ отношеніи нѣмецкій писатель Зюссмильхъ, авторъ очень извѣстнаго сочиненія, вышедшаго первымъ изданіемъ въ 1742 г., подъ заглавіемъ „Die Göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, dem Tod und der Fortpflanzunge desselben erwiesen“. Зюссмильхъ пытался свести статистическія правильности, относящіяся до такъ называемаго естественнаго движенія населенія, на божескія велѣнія, объяснить эти правильности активнымъ участіемъ провидѣнія въ человѣческихъ дѣлахъ. При всей неточности этой богословской точки зрѣнія, Зюссмильху нельзя отказать въ томъ, что онъ съумѣлъ привести фактъ постоянства статистическихъ результатовъ въ связь съ извѣстными концепціями самаго общаго характера и значенія.

Ту-же задачу поставилъ себѣ гораздо позднѣе Кетле и рѣшилъ ее въ смыслѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, совершенно противоположномъ. Но общая Зюссмильху и Кетле черта заключается въ томъ, что для обоихъ постоянство статистическихъ результатовъ является исходнымъ и центральнымъ пунктомъ цѣлей доктрины.

На Кетле намъ слѣдуетъ подробнѣе остановиться.

Литературная его дѣятельность относится ко 2-ой трети 19-го столѣтія. Онъ опубликовалъ цѣлый рядъ работъ по математикѣ, астрономіи, метеорологіи, климатологіи и по статистикѣ. Насъ интересуютъ только тѣ его сочиненія, которыя относятся къ послѣдней изъ названныхъ областей. Но, въ цѣляхъ правильнаго пониманія статистическихъ ученій Кетле, не слѣдуетъ опускать изъ виду, что онъ по спеціальности былъ, прежде всего, астрономомъ. Я лично думаю, впрочемъ, что этому обстоятельству приписывается нѣсколько преувеличенное значеніе, хотя и не отрицаю, что Кетле въ сферѣ науки о человѣкѣ и обществѣ, до извѣстной степени, поддался вліянію астрономіи.

Онъ задался цѣлію поднять науку о человѣкѣ и человѣческомъ обществѣ (главнѣйшее его сочиненіе носитъ заглавіе „Sur l'homme et le développement de ses facultés ou essai de physique sociale“) на высоту точной науки. Онъ заимство-

валъ отъ Конта выраженіе physique sociale, придавъ ему, однако, нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ тотъ, который оно имѣло у Конта. „Соціальная физика“ —въ этомъ словѣ заключалась для Кетле цѣлая программа. И единственнымъ средствомъ пригоднымъ для ея выполненія Кетле признавалъ систематическое массовое наблюденіе, иначе: статистику, такъ какъ, по его мнѣнію, статистическіе результаты доказываютъ, что явленія общественной жизни, подобно явленіямъ внѣшней природы, подчинены неизмѣннымъ и непреложнымъ законамъ. Это воззрѣніе основывается у Кетле на томъ, что явленія, изучаемыя статистикой, въ частности статистикой населенія и нравственной статистикой, повторяются изъ года въ годъ съ удивительной правильностью. Числа этихъ явленій, какъ то браковъ, рожденій, смертей, преступленій вообще и отдѣльныхъ деликтовъ въ особенности, отнесенныя къ той средѣ, въ которой они происходятъ, приведенныя къ нормѣ 100 или 1000 человѣкъ, показываютъ, въ общемъ лишь незначительныя колебанія. Постоянство ихъ, по мнѣнію Кетле, должно поражать того, кто привыкъ думать, что въ этой области многое зависитъ отъ произвола людей.

Въ числѣ фактовъ человѣческой жизни, говоритъ Кетле въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, Du Systeme Sosial et les lori qui le réjissen, вышедшемъ въ 1848 г., нѣтъ другого, въ большей мѣрѣ зависящаго отъ его свободной воли, какъ бракъ. Это одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ жизни, и человѣкъ, вообще говоря, рѣшается на него лишь по зрѣломъ размышленіи (avec la plus grande circonspection). Между тѣмъ, на основаніи бельгійскихъ статистическихъ данныхъ о числахъ заключенныхъ ежегодно браковъ, данныхъ, собираемыхъ съ большою тщательностью, оказывается, что числа браковъ повторяются изъ года въ годъ почти безъ измѣненій. Степень постоянства, замѣчаемаго въ нихъ выше чѣмъ въ числахъ смертей, и можно сказать, замѣчаетъ Кетле, что бельгійское населеніе уплачивало—дань браку исправнѣе чѣмъ смерти. Кромѣ того, Кетле обращаетъ вниманіе на то, что такое-же постоянство наблюдается не только въ общемъ числѣ браковъ въ Бельгіи, а также въ числахъ браковъ, приходящихся, напр.,

на сельское и городское населеніе въ отдѣльности, на различныя провинціи, государства, наконецъ, даже на опредѣленныя возрастныя группы населенія.

Большой извѣстностью пользуется слѣдующее изрѣченіе Кетле: „Есть бюджетъ, который выплачивается съ ужасающей правильностью—это бюджетъ, платимый тюрьмамъ, галерамъ и эшафоту. Мы можемъ напередъ выяснить, сколько лицъ запятнаетъ свои руки кровью своихъ ближнихъ, сколько будетъ совершено подлоговъ и отравленій, точно также, какъ заранѣе можно сказать, сколько родится и умретъ. Общество носитъ въ себѣ зародыши всѣхъ преступленій, которыя должны совершиться. Оно подготовляетъ ихъ; виновникъ есть только орудіе ихъ выполненія. Всякое состояніе общества предполагаетъ извѣстное количество преступленій и извѣстное распредѣленіе ихъ по различнымъ категоріямъ“.

Но браки и преступленія—это для Кетле только примѣры, на которыхъ наглядно обнаруживается закономѣрность въ жизни человѣка, какъ соціальнаго существа. Эта закономѣрность простираетъ свое дѣйствіе на все, переживаемое человѣческимъ родомъ. „Ce qui le raffache à l'espèce humaine considérée en masse, est de l'ordre des faits physiques“, замѣчаетъ Кетле, желая выразить этой формулой, что соціальный міръ, какъ членъ вселенной, подчиненъ законамъ, по логической своей сущности и по своей незыблемости ничѣмъ не уступающимъ законамъ міра физическаго. Характернымъ для Кетле является не то, что онъ убѣжденъ въ закономѣрности общественныхъ явленій (это убѣжденіе раздѣляютъ съ нимъ представители совсѣмъ другихъ научныхъ направленій), а то, что онъ эту закономѣрность понимаетъ въ специфически статистическомъ смыслѣ. Онъ находитъ выраженіе закономѣрности ни въ чемъ иномъ, какъ въ числовыхъ показаніяхъ, къ которымъ приводитъ массовое наблюденіе. Въ связи съ этимъ онъ и искалъ опоры и аналогіи для своихъ ученій объ обществѣ и человѣкѣ не въ наукахъ объ органическомъ мірѣ, не въ біологіи, а именно въ физикѣ, гдѣ количественная характеристика явленій играетъ преобладающую роль. По этому поводу можно привести слова Роберта Мейера: „In der

Physik ist sie fast alles, in der Physiologie ist sie wenig, in der Metaphysik ist sie nichts".

Кетле не даромъ обладалъ рѣдкимъ талантомъ популяризатора. Онъ сумѣлъ заинтересовать своими работами, какъ широкіе круги образованныхъ людей вообще, такъ и представителей различныхъ научныхъ спеціальностей. Такъ, въ сферѣ исторической науки Кетле нашелъ горячаго приверженца въ лицѣ Бокля, который, какъ извѣстно, стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что процессъ историческаго развитія совершается въ силу причинъ общаго, безличнаго характера и что роль героевъ въ исторіи есть только кажущаяся. Связь этой точки зрѣнія съ ученіемъ Кетле очевидна, такъ какъ и Кетле сводилъ на нѣтъ вліяніе личности, индивидуальности и видѣлъ въ числовыхъ показаніяхъ статистики продуктъ надъиндивидуальныхъ,—или внѣиндивидуальныхъ факторовъ. Бокль самъ подчеркиваетъ свою зависимость отъ Кетле или общѣе отъ выводовъ нравственной статистики. Онъ заявляетъ, что изъ этой, тогда еще очень молодой, науки можно узнать больше о нравственной природѣ человѣка, чѣмъ изъ опыта всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ. И это опять-таки фактъ постоянства статистическихъ результатовъ, который у Бокля, какъ и у Кетле, составляетъ краеугольный камень цѣлой системы. Бокль немало поражается этимъ постоянствомъ, какъ оно замѣчается, напр., въ статистикѣ самоубійствъ. „Въ опредѣленныхъ общественныхъ условіяхъ", читаемъ мы на одной изъ первыхъ страницъ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи", извѣстное число людей, которое можно опредѣлить напередъ, должны покончить съ собой. Въ этомъ заключается общій „законъ. Какія именно лица совершатъ самоубійство, это уже частный вопросъ, зависящій, конечно, отъ частныхъ законовъ, которые, однако, находятся въ подчиненіи у великаго общаго закона. И сила этого высшаго закона такова, что на его дѣйствіе ни любовь къ жизни, ни страхъ передъ загробной жизнью не въ состояніи оказать ни малѣйшаго вліянія".

Во Франціи Дюфо, въ Германіи Адольфъ Вагнеръ способствовали распространенію идей Кетле. Впрочемъ, относительно Вагнера слѣдуетъ замѣтить, что онъ нынѣ признаетъ

увлеченіемъ взгляды, которые приводились имъ въ его „Gesetzmäßigkeit in den scheinbar menschlichen Handlungen“ сочиненіи, вышедшемъ въ 1864 г.

Но кетлеризмъ не замѣдлилъ вызвать, на ряду съ подражаніемъ, отпоръ. Во 2-ой половинѣ 60-хъ годовъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ писателей, представителей общественныхъ наукъ и философіи, каковы Дробишъ, Кнаппъ, Рюмелинъ, Шмоллеръ, Ренишъ, выступили съ рѣзкой критикой противъ того, по ихъ терминологіи, механическаго взгляда на явленія общественной жизни, котораго придерживались Кетле и его послѣдователи. Это литературное движеніе интересно особенно потому, что на почвѣ полемики противъ Кетле сложились тѣ взгляды, которые являются господствующими и въ современной теоріи статистики.

Приглядимся же къ аргументаціи противниковъ Кетле. Нельзя отрицать, замѣчаетъ Кнаппъ, что если бы такіе внѣшніе принудительные законы, какіе допускаетъ Кетле, существовали дѣйствительно, то отсюда должна была бы вытекать та правильность, которая замѣчается въ числахъ браковъ, самоубійствъ и т. д. Но невѣрно утвержденіе, будто эта правильность не можетъ быть объяснена иначе, какъ допущеніемъ подобнаго рода законовъ, астрономически опредѣляющихъ дѣянія человѣка. Правда, такое допущеніе очень удобно, продолжаетъ Кнаппъ, такъ какъ оно подкупаетъ насъ своимъ радикализмомъ. Но оно, съ другой стороны, такъ неестественно, что врядъ ли способно будетъ на долго удержаться. Притомъ простота этой гипотезы обманчива, такъ какъ въ дѣйствительности правильность каждой отдѣльной группы явленій иная. Если, вмѣсто преступленій вообще, взять отдѣльные виды ихъ, какъ то: убійство, кражу, подлогъ, то оказывается, что одни изъ этихъ преступныхъ дѣяній встрѣчаются чаще, другія рѣже. Соотвѣтствующія имъ относительныя числа принимаютъ различныя значенія. Такимъ образомъ, для каждой группы преступныхъ дѣяній получается свой законъ, и, въ общемъ, имѣешь дѣло съ весьма сложнымъ комплексомъ законовъ, такъ что разбираемая гипотеза уже совершенно теряетъ характеръ простоты.

Къ тому же, этотъ комплексъ законовъ имѣетъ поразительное сходство съ тѣмъ, что мы получаемъ, представляя себѣ человѣка дѣйствующимъ въ силу сознаваемыхъ имъ побужденій. Какая странная своего рода предустановленная гармонія сказывается въ томъ фактѣ, иронизируетъ Кнаппъ, что внѣшніе статистическіе законы заставляютъ человѣка красть дрова по преимуществу въ морозъ и усиленно воровать хлѣбъ въ годы недорода и дороговизны. Изъ такихъ конфликтовъ съ здравымъ разсудкомъ, которые собственно-то и сообщаютъ особую привлекательность ученіямъ Бокля и Кетле, есть весьма простой выходъ. Стоитъ только проникнуться тѣмъ представленіемъ, что человѣкъ дѣйствуетъ не изъ подъ внѣшняго давленія какихъ-то загадочныхъ силъ, но подъ вліяніемъ опредѣленныхъ мотивовъ. Съ этой точки зрѣнія, число поступковъ извѣстнаго рода, зарегистрированныхъ статистикой за тотъ или другой промежутокъ времени, не будетъ уже чѣмъ то независящимъ отъ воль лицъ, совершившихъ эти поступки, но окажется просто суммой, иначе говоря, слѣдствіемъ мотивированныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣяній. Утвержденіе Бокля, что рѣшеніе отдѣльнаго лица поступить такъ или иначе не имѣетъ никакого значенія для цѣлаго и мнѣніе Кетле, что индивидуальная воля есть лишь несущественный факторъ, заслоняющій дѣйствіе закона по существу своему не причастнаго человѣческой волѣ, основываются просто на недоразумѣніи. Если эти слова имѣютъ смыслъ, то они выражаютъ трупзмъ. Неоспоримо, конечно, что отдѣльное лицо составляетъ тѣмъ меньшую часть цѣлаго, чѣмъ больше лицъ входитъ въ составъ этого цѣлаго. Въ этомъ смыслѣ и только въ этомъ смыслѣ можетъ быть рѣчь о независимости статистическихъ результатовъ отъ личности.

А если, заключаетъ Кнаппъ, число поступковъ извѣстнаго рода, совершаемыхъ въ опредѣленной странѣ или области, въ равныхъ промежуткахъ времени мало измѣняется, то это происходитъ отъ того, что, во-первыхъ, люди, вообще говоря, обнаруживаютъ большое сходство другъ съ другомъ въ отношеніи мотивовъ, опредѣляющихъ ихъ поступки, и что, во-вторыхъ, важныя условія, изъ которыхъ вытекаетъ бо̀льшая

часть мотивовъ, остаются въ различные промежутки времени приблизительно одинаковыми.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказываются по поводу постоянства статистическихъ результатовъ Дробишъ, Шмоллеръ и др. По мнѣнію всѣхъ этихъ авторовъ фактъ такого постоянства отнюдь не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для радикальной ломки обычныхъ взглядовъ на причинность человѣческихъ поступковъ. Мало того: эти обычные взгляды, какъ нельзя лучше и какъ нельзя проще, объясняютъ устойчивость чиселъ. По правдѣ, она—эта устойчивость—собственно и не нуждается вовсе въ особомъ объясненіи. Напрасно Кетле и его адепты окружили ее не идущею къ дѣлу таинственностью. Въ сущности къ данному случаю находитъ себѣ непосредственное примѣненіе принципъ причинности. Логическая связь между общими условіями, въ которыхъ совершаются извѣстные поступки, и между статистическимъ результатомъ съ свойственнымъ ему характеромъ устойчивости—эта логическая связь есть чисто причинная, говоритъ, напр., Мейтценъ. Общія условія это причина, которая остается постоянной и потому производитъ одно и то же слѣдствіе. Кетле и его послѣдователи не имѣли, поэтому, собственно никакого основанія поражаться постоянствомъ чиселъ. Не такъ давно одинъ философъ сказалъ по этому поводу, что скорѣе слѣдуетъ дивиться тому, какъ можно было изумляться устойчивости статистическихъ результатовъ. А извѣстный статистикъ Георгъ фонъ-Майръ не преминулъ подхватить это, по его мнѣнію, весьма удачное изреченіе.

Прежде чѣмъ перейти къ критической оцѣнкѣ по существу означеннаго новаго взгляда на постоянство статистическихъ результатовъ я позволю себѣ указать на два обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, заставляютъ усомниться въ состоятельности этого взгляда.

Прежде всего, долженъ возбудить нѣкоторое сомнѣніе тотъ фактъ, что явленіе, которое прежде считалось, до извѣстной степени, неожиданнымъ и требующимъ объясненія, нынѣ выдается за нѣчто само собою понятное, заурядное.

Вѣдь, тѣ соображенія, которыя приводятся Кнаппомъ,

Шмоллеромъ, Дробишемъ и другими, не могли не быть извѣстны Кетле и его адептамъ. Однако эти послѣдніе, очевидно, не считали такого рода соображенія достаточными для того, чтобы вполнѣ удовлетворительно объяснить постоянство статистическихъ результатовъ. Такимъ оразомъ, болѣе новые писатели, какъ будто стали менѣе требовательны, чѣмъ ихъ предшественники, по части объясняющихъ извѣстное явленіе причинъ. Если такъ, то невольно спрашиваешь себя, знаменуетъ ли точка зрѣнія противниковъ Кетле прогрессъ по сравненію со взглядами самого Кетле. Вѣдь, вообще говоря, научный прогрессъ выражается въ томъ, что начинаютъ доискиваться причинъ явленія въ такихъ случаяхъ, надъ которыми предшественники вовсе не задумывались. Это разъ. Другое обстоятельство, которое, по моему мнѣнію, подрываетъ довѣріе къ аргументаціи, направленной противъ Кетле, заключается въ томъ, что вся эта полемика происходила на полѣ нравственной статистики. Въ этой области считали нужнымъ протестовать противъ подчиненія единичныхъ случаевъ, изъ которыхъ слагается массовое явленіе, внѣшнимъ законамъ. Выдвигалось значеніе факторовъ, дѣйствіе которыхъ проявляется на этихъ единичныхъ явленіяхъ, разсматриваемыхъ независимо отъ другихъ однородныхъ фактовъ. Никто не думалъ о протестѣ противъ подчиненія подобнымъ же внѣшнимъ законамъ явленій въ родѣ, напр., смертныхъ случаевъ, вовсе или мало зависящихъ отъ человѣческой воли явленій, которыя если разсматривать каждый единичный случай отдѣльно, очевидно, совершаются по законамъ физіологіи. Мало того. Между этими двумя категоріями явленій, т. е. между зависящими и не зависящими отъ человѣческой воли, усматривали даже прямую противоположность по отношенію къ вопросу о статистической закономѣрности. Если, восклицаетъ Рюмелинъ, статистика говоритъ мнѣ, что я въ теченіе будущаго года съ вѣроятностью 1 къ 49 долженъ ожидать своей смерти, что съ еще большею вѣроятностью мнѣ предстоитъ испытать потерю близкихъ мнѣ людей, то мнѣ ничего не остается какъ смиренно преклониться передъ этимъ суровымъ приговоромъ науки. Но если та же статистика, опира-

ясь на аналогичныя среднія числа, вздумаетъ объявить мнѣ, что она съ вѣроятностью такою то ожидаетъ отъ меня совершенія преступнаго дѣянія, то я безъ всякаго колебанія отвѣчу ей: ne sutor ultra crepidam. Шмоллеръ, съ своей стороны, приводитъ это мѣсто изъ статьи Рюмелина и прибавляетъ отъ себя, что съ психологической точки зрѣнія представляется чѣмъ то чудовищнымъ, когда благороднѣйшему изъ сыновъ народа бросаютъ въ лицо утвержденіе, что его склонность къ преступленію (penchant au crime) съ математической точностью выражается дробью $\frac{21}{100000}$. Должно, говоритъ Шмоллеръ, подумать о спасеніи и защитѣ понятія и сущности человѣческой личности противъ статистическаго детерминизма, безецремонно нивеллирующаго глубочайшія индивидуальныя различія.

По поводу этихъ негодующихъ протестовъ Рюмелина и Шмоллера слѣдуетъ сказать, что они не затрогиваютъ существа предмета. Принципіальный вопросъ, съ которымъ мы тутъ имѣемъ дѣло, не мѣняется отъ того, идетъ ли рѣчь о преступности или о смертности или о другомъ какомъ нибудь массовомъ явленіи.

Поскольку вѣрно то, что человѣкъ въ своихъ поступкахъ не подчиненъ вліянію числовыхъ показаній нравственной статистики, постольку же нельзя признавать и за показаніями статистики смертности вліянія на жизнь и смерть человѣка. И съ тѣмъ же правомъ добродѣтельнаго человѣка у Шмоллера, здоровый и цвѣтущій, конечно, могъ бы протестовать противъ статистики, которая стала бы предсказывать ему смерть на основаніи установленныхъ ею среднихъ величинъ. Такое предсказаніе слѣдовало бы также признать чудовищнымъ, съ точки зрѣнія уже не психологіи, конечно, но физіологіи.

Слѣдовательно, вопросъ о согласованіи принципа причинности въ его примѣненіи къ каждому отдѣльному, изъ тѣхъ случаевъ, которые статистика собираетъ въ группы, съ принципомъ статистической закономѣрности, по необходимости, абстрагирующихъ отъ особенностей отдѣльнаго случая— этотъ вопросъ не ограничивается предѣлами такъ называемой

нравственной статистики, но возникаетъ на почвѣ всякаго статистическаго изслѣдованія. И тотъ фактъ, что противники тоже исключительное вниманіе обратили на нравственную татистику, не мало способствовали затемненію вопроса. Объясняется же этотъ фактъ тѣмъ, что въ области наукъ общественныхъ очень часто требуется наличность какого-нибудь дѣйствительнаго или воображаемаго только моральнаго интереса для того, чтобы тотъ или другой вопросъ всплылъ наружу. Въ данномъ случаѣ авторы, полемизировавшіе противъ Кетле, полагали, что его ученіями задѣтъ принципъ юридической и нравственной отвѣтственности человѣка и считали себя призванными встать на защиту этого принципа. Въ этомъ побочномъ обстоятельствѣ лежала опасность, что проблема статистической закономѣрности получитъ неправильное освѣщеніе. Тѣмъ не менѣе возможно, что аргументація противниковъ Кетле, по очищеніи ея отъ этическихъ примѣсей, окажется по существу состоятельной. Это намъ и предстоитъ разсмотрѣть. Мы видѣли, что послѣднее слово новой школы статистическихъ теоретиковъ заключалось въ сведеніи статистической закономѣрности къ принципу причинности. Если бы этимъ объясненіемъ можно было дѣйствительно удовлетвориться, то фактъ устойчивости статистическихъ результатовъ не имѣлъ бы вовсе особеннаго значенія, такъ какъ принципъ причинности лежитъ въ основаніи всякаго научнаго мышленія, и ироническое отношеніе новой школы къ старой, которая изумлялась устойчивости чиселъ, было бы умѣстно. Но я думаю, что простая ссылка на принципъ причинности еще не объясняетъ дѣла. Если вмѣстѣ съ Мейтценомъ считать общія условія, въ которыхъ происходитъ извѣстное массовое явленіе, причиной, а статистическій результатъ слѣдствіемъ, то не получается полнаго согласія съ тѣмъ требованіемъ, чтобы одна и та-же причина вызывала всегда одно и то-же слѣдствіе. Вѣдь, по заданію, общія условія предполагаются неизмѣнными, между тѣмъ какъ статистическій результатъ отнюдь не обладаетъ характеромъ неизмѣнности въ строгомъ смыслѣ. Числа устойчивы, но они не тожественны.

Но, быть можетъ, къ данному случаю скорѣе приложима

такая формула: сходныя причины производятъ сходныя слѣдствія. Нетрудно видѣть, однако, что эта формула, прежде всего, страдаетъ *неопредѣленностью*, которая въ данномъ случаѣ, особенно чувствительно даетъ себя знать. Понятіе сходства обнимаетъ всевозможные оттѣнки. Примѣняя это понятіе къ статистическимъ результатамъ, т. е. къ численнымъ показаніямъ, естественно, спрашиваешь себя, гдѣ тутъ начинается и гдѣ кончается сходство. Числа, какъ числа, конечно, между собой сходны. Весь вопросъ заключается въ величинѣ измѣненій или колебаній чиселъ. Что сказать о предѣльномъ случаѣ сходства, т. е. о полномъ равенствѣ чиселъ? Я нахожу, напр., что по даннымъ уголовной статистики въ Германіи число лицъ, осужденныхъ за противозаконное лишеніе свободы, въ 1896, 97 и 98 годахъ составляло 218, 218, 218. Если-бы это число въ статистическихъ таблицахъ повторилось не 3 раза, а 15 или 20 разъ сряду, то я думаю, что не нашлось бы того человѣка, который бы успокоился на томъ, что сходныя де причины вызываютъ сходныя послѣдствія. Скорѣе возникло бы предположеніе въ подложности статистики, т. е. въ томъ, что статистическое бюро, въ которомъ составляются подлежащія таблицы, сочиняютъ числа, или же можно было бы задаться мыслью, что между германскими судами существуетъ соглашеніе ежегодно признавать виновными въ противозаконномъ лишеніи свободы ровно 218 человѣкъ. Если-бы же ни первое, ни второе наше предположеніе не оправдались бы, пришлось бы поневолѣ допустить существованіе какой то невѣдомой намъ нормы, правила, принудительнаго закона, которымъ объяснялось бы такое постоянство статистическаго результата. Но съ точки зрѣнія новой школы, и подобный результатъ не долженъ былъ бы вызывать изумленія. Во всякомъ случаѣ, изъ круга понятій, которыми оперируетъ эта школа, невозможно извлечь достаточнаго основанія для изумленія.

Переходя отъ этого частнаго (гипотетическаго) случая къ общему случаю, мы можемъ сказать, что слабость теоретической позиціи противниковъ Кетле заключается въ томъ, что у нихъ нѣтъ рѣшительно никакой точки опоры для установленія той

степени устойчивости статистическихъ результатовъ, которой слѣдуетъ ожидать.

Независимо отъ этого, можно еще съ другой точки зрѣнія показать, что ссылка на то, что сходныя причины вызываютъ сходныя слѣдствія, въ настоящемъ случаѣ мало умѣстна. Стоитъ только остановиться на логической природѣ тѣхъ явленій, которыми занимается нравственная статистика или статистика населенія. Эти явленія, какъ, напр., преступленія, самоубійства и т. д., если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія причинъ, ихъ производящихъ, представляются не только въ высшей степени сложными, но, если можно такъ выразиться, чрезвычайно капризными. Немало найдется примѣровъ тому, что два явленія, вполнѣ аналогичныя, вполнѣ похожія одно на другое, принимаютъ совершенно различный оборотъ въ зависимости отъ какого нибудь, по существу, малозначущаго, ничтожнаго обстоятельства. Нерѣдко такого обстоятельства оказывается достаточно, чтобы вывести человѣка изъ равновѣсія и заставить его, напр., совершить самоубійство или преступленіе. Поскольку это такъ, можно, казалось бы, вмѣсто формулы „сходныя причины вызываютъ сходныя слѣдствія“ взять за исходную точку другую формулу, гласящую, что сходныя причины производятъ несходныя, подчасъ прямо противоположныя слѣдствія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что соотношеніе между причиной и слѣдствіемъ, разсматриваемое съ точки зрѣнія сходства причинъ и сходства послѣдствій, одинаково годится для объясненія, какъ устойчивости, такъ и измѣнчивости статистическихъ результатовъ. Да, съ указанной точки зрѣнія, можно было бы примириться съ сильнѣйшими колебаніями чиселъ, исходя изъ того, вѣдь самое ничтожное различіе въ производящихъ причинахъ способно подчасъ вызвать коренное измѣненіе въ послѣдствіяхъ.

Но тутъ приходится считаться съ такимъ возраженіемъ: подобное своеобразное соотношеніе между причинами и слѣдствіемъ замѣчается лишь при наблюденіи единичнаго случая. Если же взять достаточно большую группу однородныхъ случаевъ, то представляется весьма невѣроятнымъ, что въ

одномъ году, напр., извѣстное ничтожное само по себѣ обстоятельство, имѣющее для исхода даннаго явленія рѣшающее значеніе, наступитъ во всѣхъ или въ большей части случаевъ, а въ другомъ году не наступитъ ни въ одномъ случаѣ или наступитъ лишь въ очень немногихъ единичныхъ случаяхъ, составляющихъ группу. Слѣдуетъ скорѣе допустить, что въ группахъ случаевъ, соотвѣтствующихъ двумъ различнымъ годамъ, производящія причины будутъ взаимно сочетаться приблизительно одинаковымъ образомъ. Нетрудно видѣть, однако, что такое разсужденіе, при всей его естественности и основательности, нисколько не подвигаетъ насъ впередъ въ рѣшеніи интересующаго насъ вопроса. Собственно говоря, это разсужденіе сводится къ тому, что для объясненія устойчивости статистическихъ результатовъ мы ссылаемся на устойчивость причинъ, производящихъ эти результаты. Но вѣдь эти причины, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть, какъ внѣшнія обстоятельства самаго различнаго рода, такъ и (при явленіяхъ, зависящихъ отъ воли человѣка), прежде всего, мотивы поступковъ, представляютъ собой необъятный и необозримый комплексъ элементовъ, по своей логической структурѣ ничѣмъ не отличающихся отъ той группы или массы единичныхъ случаевъ, которые, вытекая изъ означенныхъ причинъ, находятъ себѣ количественное выраженіе въ данномъ статистическомъ результатѣ. Поэтому ссылка на причины или мотивы могла бы послужить къ объясненію постоянства результатовъ лишь при томъ условіи, чтобы относительно причинъ могло бы быть принято за данное нѣчто такое, что въ примѣненіи къ послѣдствіямъ мы именно то и считаемъ требующимъ объясненія.

Это нѣчто ничего не имѣетъ общаго съ причиннымъ объясненіемъ единичныхъ случаевъ, составляющихъ статистическія группы. Оно касается взаимнаго соотношенія этихъ единичныхъ случаевъ, способа ихъ сочетанія, который характеризуется тѣмъ, что единичные случаи взаимно уравновѣшиваются, компенсируются. Подобнаго рода соображенія вводятъ насъ въ кругъ понятій, на которыя опирается математическое ученіе о случаѣ, или иначе теорія вѣроятностей.

Отношеніе представителей теоретической статистики къ теоріи вѣроятностей очень различно. Нѣкоторые отрицаютъ всякую связь между этими двумя областями. Интересно, что выразителемъ такого отрицательнаго отношенія является, напр., *Кнаппъ*, который въ опредѣленной части статистики, именно въ статистикѣ смертности, извѣстенъ тѣмъ, что пользовался методами математическяго анализа для обоснованія и усовершенствованія подлежащихъ пріемовъ вычисленія. Я указываю на этотъ фактъ въ виду того, что вообще принято отожествлять употребленіе въ статистикѣ математическихъ методовъ съ примѣненіемъ къ статистикѣ теоріи вѣроятностей. Еще неправильнѣе относить къ сторонникамъ примѣненія теоріи вѣроятностей въ статистикѣ тѣхъ писателей, которые прибѣгаютъ къ графическимъ и символическимъ изображеніямъ, какъ напр. *Герри*, одного изъ основателей нравственной статистики. Герри, во введеніи къ своей Statistique morale de l'Angleterre comparée avec la statistique morale de la France сочиненіи, изобилующемъ оригинальными символами, (1860), высказывается вполнѣ опредѣленно въ томъ смыслѣ, что теорія вѣроятностей, по существу, не примѣнима къ статистикѣ.

Другіе статистики относятся къ теоріи вѣроятностей не только не враждебно, но пользуются ею, въ большей или меньшей мѣрѣ, для цѣлей статистическаго изслѣдованія и для обоснованія своихъ теоретическихъ взглядовъ. Къ такимъ писателямъ относится прежде всего *Кетле*, но также, напр., и представитель противоположнаго лагеря *Дробишъ*. Но никто не съумѣлъ такъ основательно и успѣшно использовать представленій и ученій теоріи вѣроятностей для теоретической статистики, какъ *Лексисъ*. Онъ, можно сказать, первый установилъ органическую связь между этими двумя научными областями. Важнѣйшія сочиненія Лексиса, сюда относящіяся, появились во 2-й половинѣ семидесятыхъ годовъ. Это его небольшая вещь „Zur Theorie der Massenerscheinungen in der menschlichen Gesellschaft“ и затѣмъ статьи „Das Gesellschaftsverhältniss der Geborenen und die Wahrscheinlichkeitsrechnung“ „Zur Theorie der Stabilität der Statistischen Reihen“. Обѣ эти статьи напечатаны въ Hildebrand's jahrbücher für Nationalökonomie u. Stati-

stik. Въ позапрошломъ (1903) году Лексисъ выпустилъ отдѣльными изданіями 10 статей, посвященныхъ вопросамъ теоретической статистики, подъ общимъ заглавіемъ „Zur Teorie der Bevölkerungs—und Moralstatistik". Въ этотъ сборникъ вошли, между прочимъ, и обѣ только что названныя статьи, имѣющія для насъ первостепенное значеніе.

Я сказалъ, что эти статьи, какъ и упомянутыя брошюры относятся къ 70-ымъ годамъ. Такимъ образомъ, по времени, Лексисъ примыкаетъ къ полемической литературѣ противъ Кетле. И по существу, работы Лексиса связаны съ этой литературой постольку, поскольку и онъ возстаетъ противъ механическаго воззрѣнія Кетле, противъ внѣшнихъ законовъ, якобы открываемыхъ статистикой. Но дальше этого солидарность Лексиса съ Кнаппомъ, Шмоллеромъ, Рюмелиномъ и прочими не идетъ. Онъ занимаетъ въ теоріи статистики совершенно самостоятельное положеніе и до настоящаго времени нашелъ, въ особенности въ Германіи, мало приверженцевъ. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ его послѣдователей является Эджевортъ профессоръ Оксфордскаго университета.

Въ отличіе какъ отъ самого Кетле, такъ и отъ его противниковъ, Лексисъ, прежде всего, озаботился установленіемъ опредѣленнаго *мѣрила* для сужденія объ устойчивости статистическихъ результатовъ. Онъ заимствуетъ это мѣрило изъ теоріи вѣроятностей.

Я постараюсь въ популярной формѣ изложить существо дѣла и для этой цѣли остановлюсь на классическомъ примѣрѣ урны, наполненной шарами различнаго цвѣта. Изъ урны наудачу вынимаютъ шаръ, отмѣчаютъ его цвѣтъ, затѣмъ кладутъ его обратно въ урну, шары въ урнѣ встряхиваютъ, опять вынимаютъ шаръ наудачу и т. д. Предположимъ, что въ урнѣ заключается 10 черныхъ и 30 бѣлыхъ шаровъ. Черные шары составляютъ, такимъ образомъ, $^1/_4$ всѣхъ шаровъ. При послѣдовательныхъ выниманіяхъ шаровъ изъ урны, будутъ получаться то бѣлые, то черные шары: эти цвѣта будутъ чередоваться неправильно, случайно, но чѣмъ больше будетъ произведено выниманій, тѣмъ отношеніе числа вынутыхъ черныхъ шаровъ къ общему числу вынутыхъ ша-

ровъ, будетъ меньше отличаться отъ того отношенія, въ которомъ число черныхъ шаровъ въ урнѣ находится, къ общему числу шаровъ въ урнѣ. Это послѣднее отношеніе есть $^1/_4$. Слѣдовательно, послѣ 1000 выниманій, отношеніе числа вынутыхъ черныхъ шаровъ къ 1000 будетъ приблизительно равняться $^1/_4$, иначе говоря, число вынутыхъ черныхъ шаровъ будетъ мало отличаться отъ 25%. Отношеніе числа черныхъ шаровъ въ урнѣ къ общему числу заключающихся въ ней шаровъ, т. е. дробь $^1/_4$, называютъ математической вѣроятностью вынутія чернаго шара и говорятъ, что, при большомъ числѣ испытаній (испытаніемъ называется каждое отдѣльное выниманіе), число случаевъ повторенія извѣстнаго событія приблизительно пропорціонально вѣроятности этого событія.

Равнымъ образомъ, какъ въ примѣрѣ съ шарами при игрѣ въ кости вопросъ заключался бы въ томъ, сколько разъ, напр., при 6000 бросаній появится опредѣленное число очковъ, т. е. сколько разъ кость упадетъ опредѣленною гранью, обращенною къ верху. Въ силу указаннаго принципа пропорціональности, слѣдуетъ ожидать, что искомое число будетъ мало отличаться отъ 1000, т. е. опять-таки отношеніе между числомъ повтореній событія и общимъ числомъ „испытаній" будетъ приблизительно равно $^1/_6$, такъ какъ $^1/_6$ есть именно математическая вѣроятность появленія опредѣленнаго числа очковъ.

При игрѣ въ орелъ или рѣшетку вѣроятность появленія орла есть $^1/_2$, точно также и вѣроятность появленія рѣшетки равняется $^1/_2$. Слѣдовательно, напр. при 1000 бросаній отношеніе случаевъ, когда появится орелъ, къ 1000 будетъ приблизительно $^1/_2$.

Такимъ образомъ, математическія вѣроятности, т. е. опредѣленной величины правильныя дроби, какъ бы реализуются, проявляютъ себя при достаточно большомъ числѣ случаевъ или испытаній. Въ этомъ заключается такъ называемый *законъ большихъ чиселъ.* Строго говоря, законъ большихъ чиселъ, какъ теорема математики гласитъ такъ: вѣроятность того, что при извѣстномъ числѣ испытаній отношеніе чиселъ

повторенія опредѣленнаго событія къ общему числу испытаній будетъ отличаться отъ вѣроятности этого событія не болѣе какъ на малую величину, произвольно взятую, съ увеличеніемъ числа испытаній приближается къ 1, т. е. къ достовѣрности. Такимъ образомъ, лишь для неосуществимаго предѣльнаго случая *безконечно* большаго числа испытаній получается равенство между отношеніемъ числа повтореній событій къ общему числу испытаній и подлежащею вѣроятностью. При очень большомъ, но не безконечномъ числѣ испытаній существуетъ только очень большая вѣроятность тому, что обѣ величины будутъ весьма мало одна отъ другой отличаться и слѣдуетъ вмѣсто этой очень большой вѣроятности, напр. 0,99999 мысленно подставить 1, чтобы придти къ обычной нѣсколько неточной формулировкѣ закона большихъ чиселъ, которую я привелъ раньше и по которой при соотвѣтственно большомъ числѣ испытаній отношенія числа повтореній извѣстнаго событія къ числу испытаній приближенно равняется вѣроятности, которая существуетъ для наступленія этого событія при одномъ испытаніи.

Изъ этого положенія слѣдуетъ, что, если произведено, напр., 1000 испытаній, потомъ опять 1000, опять 1000 и т. д. аналогичныхъ испытаній и на основаніи каждой тысячи испытаній опредѣлено отношеніе числа повторенія событій къ 1000, то получится рядъ правильныхъ дробей, которыя одна отъ другой будутъ мало отличаться—по аксіомѣ: двѣ величины, порознь равныя третьей, равны между собою. Дѣйствительно, каждое изъ этихъ ариѳметическихъ отношеній приближенно равно подлежащей вѣроятности, слѣдовательно, эти отношенія приближенно равны между собою. Пуассонъ, который ввелъ выраженіе „законъ большихъ чиселъ“ разумѣлъ подъ нимъ именно приближенное равенство этихъ отношеній. Это есть слѣдствіе, вытекающее изъ равенства между отношеніемъ числа повтореній событія къ числу испытаній и соотвѣтствующей вѣроятности. А это приближенно равенство установлено Яковомъ Бернулли и извѣстно подъ именемъ теоремы Бернулли. Но въ настоящее время принято и къ теоремѣ Бернулли примѣнять названіе закона большихъ чиселъ.

Болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о соотношеніи между теоремой Бернулли и закономъ большихъ чиселъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Итакъ, мы знаемъ, что по закону большихъ чиселъ результаты случайныхъ или азартныхъ игръ обладаютъ извѣстною правильностью. Исключающіе другъ друга случаи, съ которымъ по условіямъ игры связаны извѣстныя послѣдствія для игроковъ (выигрыши или проигрыши), повторяются при большихъ числахъ испытаній приблизительно столько разъ, сколько предуказывается подлежащими вѣроятностями. Этотъ фактъ, ожидаемый на основаніи теоріи, подтверждается на практикѣ, какъ доказано опытами, производившимися съ бросаніемъ монетъ и выниманіемъ шаровъ Бюффономъ, Кетле, Вольфомъ и др.

При этомъ, требуется, чтобы число такъ называемыхъ „испытаній" было достаточно великимъ. При маломъ числѣ испытаній правильность исчезаетъ. Но это отнюдь не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто тутъ господствуетъ случай въ абсолютномъ (метафизическомъ) смыслѣ. Напротивъ того, каждое отдѣльное испытаніе происходитъ по закону причинности. Возьмемъ, напримѣръ, игру въ кости. Результатъ каждаго отдѣльнаго бросанія кости, выражающійся въ томъ, какою гранью кость упадетъ на столъ, очевидно, вытекаетъ съ необходимостью изъ положенія кости въ моментъ бросанія, по отношенію къ столу, изъ сообщенной ей скорости, изъ направленія, въ которомъ кость подбросили и т. д. Такимъ образомъ, исходъ каждаго единичнаго случая полностью зависитъ отъ вполнѣ опредѣленныхъ причинъ. Но когда мы имѣемъ въ виду численный результатъ цѣлаго ряда испытаній, мы абстрагируемъ отъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая, не считаемся съ этими особенностями и объясняемъ означенный численный результатъ нѣкоторыми общими условіями, въ которыхъ происходятъ испытанія. При игрѣ въ кости эти общія условія заключаются, прежде всего, въ симметричности кости и въ однородности ея, какъ физическаго тѣла. Если бы всѣ 6 граней не были вполнѣ одинаковы и если бы центръ тяжести кости не совпадалъ съ

ея геометрическимъ центромъ, то и вѣроятность появленія опредѣленной грани не равнялась бы для всѣхъ граней $^1/_6$.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ двумя различными точками зрѣнія, смотря по тому, желаемъ ли мы объяснить каузально исходъ отдѣльнаго единичнаго случая, въ его, такъ сказать, конкретной непосредственно данной обстановкѣ, или же мы обращаемъ вниманіе на общій результатъ цѣлаго ряда аналогичныхъ случаевъ. Эти двѣ точки зрѣнія какъ бы независимы одна отъ другой, и именно отъ смѣшенія ихъ проистекаютъ грубѣйшія недоразумѣнія и заблужденія. Случалось, напр., что законъ большихъ чиселъ толковали, какъ норму, опредѣляющую исходъ отдѣльнаго случая. Если, скажемъ, при 300 бросаніяхъ кости число очковъ 4 получилось всего 40 разъ, то полагали, что при слѣдующихъ 300 бросаніяхъ оно непремѣнно появится около 60 разъ, чтобы въ общемъ для всего ряда, состоящаго изъ 600 бросаній, число очковъ 4 получилось около 100 разъ. Говоря общѣе, результату предшествующихъ испытаній приписывали вліяніе на исходъ послѣдующихъ испытаній. Предшествующій числовой результатъ являлся какъ бы одной изъ причинъ, играющихъ роль въ каждомъ единичномъ послѣдующемъ случаѣ. Нечего и говорить, что подобнаго рода представленія прямо противорѣчатъ той логической схемѣ, съ которою оперируетъ теорія вѣроятностей. По этой схемѣ единичные случаи, изъ которыхъ образуются большія числа, совершенно одинъ отъ другаго независимы. Если при бросаніи монеты нѣсколько разъ сряду получился орелъ, то нѣтъ никакого основанія ожидать, что для возстановленія равновѣсія при слѣдующемъ бросаніи скорѣе получится рѣшетка, чѣмъ орелъ. Эта взаимная независимость отдѣльныхъ испытаній есть одно изъ основныхъ понятій математической теоріи игръ, зависящихъ отъ случая.

Спрашивается теперь, въ какомъ смыслѣ и въ какой формѣ эти логическія конструкціи, связанныя съ теоріей вѣроятностей и расчитанныя, прежде всего, на явленія игры, допускаютъ примѣненіе къ тѣмъ явленіямъ, которыми зани-

мается статистика—въ частности статистика населенія и нравственная статистика.

На извѣстный параллелизмъ между обѣими областями указываетъ уже тотъ фактъ, что и тамъ, и тутъ правильность числовыхъ результатовъ оказывается обусловленной тѣмъ, чтобы число испытаній или наблюденій было большое. Какъ мы знаемъ, въ сферѣ статистики значеніе этого условія было ясно сознано уже древнѣйшими писателями. Но даетъ ли эта общность условій, при которыхъ получается однообразіе числовыхъ результатовъ, право утверждать, что явленія, составляющія предметъ статистическаго изученія, происходятъ по той же схемѣ, что и азартныя игры? Можно ли сказать, что на статистическихъ данныхъ осуществляется законъ большихъ чиселъ? Многіе отвѣчали утвердительно на этотъ вопросъ, довольствуясь общимъ впечатлѣніемъ устойчивости статистическихъ рядовъ.

Болѣе строгимъ оказался въ этомъ отношеніи Лексисъ, онъ разсуждалъ такимъ образомъ: если статистическія явленія происходятъ по схемѣ теоріи вѣроятностей, то, при большихъ числахъ наблюденій, числовые результаты, получающіеся, напр., для цѣлаго ряда лѣтъ, должны не только мало отличаться одинъ отъ другаго, но они должны по величинѣ уклоненій отъ средней, получающейся для всего ряда, взятаго въ цѣломъ, удовлетворять извѣстной нормѣ. Такая точная норма заключается въ той формулѣ, которая ближайшимъ образомъ опредѣляетъ содержаніе закона большихъ чиселъ. Мы знаемъ, что отношеніе числа повтореній извѣстнаго событія къ числу испытаній, при большомъ числѣ ихъ приблизительно равно соотвѣтствующей вѣроятности. Говорятъ, поэтому, что это отношеніе есть приближенное (эмпирическое) значеніе данной вѣроятности. Притомъ степень приближенія будетъ тѣмъ выше чѣмъ число испытаній больше. Вотъ эта-то зависимость между степенью приближенія и числомъ испытаній и выражается опредѣленной математической формулой. На основаніи послѣдней нельзя, конечно, предсказать, какъ велика будетъ разность между однимъ какимъ-нибудь эмпирическимъ значеніемъ вѣроятности и точнымъ значеніемъ той же вѣроят-

ности, но, если мы имѣемъ цѣлый рядъ аналогичныхъ значеній вѣроятности, то будемъ въ состояніи опять-таки приближенно опредѣлить, какъ велики будутъ эти разности или уклоненія *въ среднемъ*. И тутъ возможна, слѣдовательно, опытная провѣрка: придется теоретически вычисленное среднее уклоненіе сравнить съ дѣйствительнымъ среднимъ уклоненіемъ. При статистическихъ рядахъ опытная провѣрка нѣсколько затрудняется тѣмъ, что истинное значеніе соотвѣтствующей вѣроятности намъ неизвѣстно. Вслѣдствіе этого оказывается невозможнымъ опредѣлять требуемыя уклоненія отъ этого истиннаго значенія. Вмѣсто нихъ берутъ уклоненія отдѣльныхъ эмпирическихъ значеній отъ средняго эмпирическаго значенія вѣроятности, причемъ математическій анализъ даетъ возможность учесть проистекающую отсюда погрѣшность благодаря одному пріему, введенному Гауссомъ.

Вопросъ ставится, слѣдовательно, такимъ образомъ: мы имѣемъ рядъ относительныхъ чиселъ, показывающій, напр., сколько приходилось самоубійствъ на милліонъ человѣкъ въ какой-нибудь странѣ въ каждомъ году въ теченіе, напр., 30 лѣтъ.

Пусть эти числа будутъ 199, 210, 210, 213 и т. д., и пусть въ среднемъ получается 206. Теперь мы предполагаемъ, что въ основаніи этихъ чиселъ лежитъ нѣкоторая опредѣленная математическая вѣроятность совершить самоубійство. Тогда отношенія $\frac{299}{1,000,000}$, $\frac{210}{1,000,000}$ и т. д. были бы ни чѣмъ инымъ, какъ приближенными значеніями этой вѣроятности. Затѣмъ мы опредѣляемъ по формуламъ, какъ велики должны быть въ среднемъ уклоненія отъ средняго (за 30 лѣтъ) значенія этой вѣроятности. Найденное теоретическое значеніе этого средняго уклоненія сравниваемъ съ тѣмъ эмпирическимъ значеніемъ этого же средняго уклоненія, которое получается непосредственно изъ даннаго ряда чиселъ. A priori слѣдуетъ различать три случая. Во-первыхъ, дѣйствительное значеніе средняго уклоненія, можетъ оказаться приблизительно равнымъ теоретическому значенію того же уклоненія. Это значитъ, что степень устойчивости статистическаго ряда соотвѣтствуетъ ожиданіямъ теоріи вѣроятностей. Лексисъ называетъ этотъ

случай случаемъ *нормальной* устойчивости. Во-вторыхъ, дѣйствительное среднее уклоненіе можетъ оказаться меньше теоретическаго. Въ этомъ случаѣ мы имѣли бы дѣло, по Лексису, съ *наднормальной* устойчивостью. Наконецъ, въ третьихъ, слѣдуетъ считаться съ случаемъ *поднормальной* устойчивости, который характеризуется тѣмъ, что дѣйствительныя уклоненія, въ среднемъ, выше ожидаемыхъ.

Съ этой точки зрѣнія Лексисъ изслѣдовалъ движеніе различныхъ статистическихъ величинъ, начиная съ отношенія числа рождающихся мальчиковъ къ числу рождающихся дѣвочекъ и кончая отношеніемъ числа оправданій къ числу производившихся уголовныхъ дѣлъ. Результаты, къ которымъ пришелъ Лексисъ, были слѣдующіе: ни въ одномъ случаѣ не получилось наднормальной устойчивости. Иначе говоря, та степень устойчивости, которая предуказывается теоріей вѣроятностей, имѣетъ для статистики значеніе максимальной. Нормальную устойчивость удалось установить для статистики рядовъ, изображающихъ распредѣленіе рождающихся по полу.

Въ этомъ примѣрѣ, уже давно занимающемъ статистиковъ, получается замѣчательное совпаденіе между результатомъ массоваго наблюденія и предсказаніями теоріи. Совпадаютъ не только среднее значеніе уклоненія, съ одной стороны, вычисленное на формулѣ, съ другой, опредѣленное прямо изъ наблюденій, но совпадаетъ еще и дѣйствительное распредѣленіе уклоненій по ихъ величинѣ съ распредѣленіемъ теоретическимъ.

Хорошіе результаты въ смыслѣ совпаденія опыта съ теоріей дала еще одна демографическая величина; а именно величина, показывающая, въ какомъ численномъ отношеніи находятся умершіе въ теченіе года или иного промежутка времени мальчики съ умершими дѣвочками. И тутъ почти во всей строгости получается нормальная устойчивость.

Но во всѣхъ остальныхъ изслѣдованныхъ Лексисомъ примѣрахъ устойчивость оказалась поднормальной. Дѣйствительныя уклоненія или колебанія превосходятъ въ среднемъ теоретическія колебанія въ 5, 10, 20 разъ.

Отсюда казалось бы, можно заключить, что движеніе ста-

тистическихъ чиселъ лишь въ одномъ, много двухъ примѣрахъ подчиняется математическимъ законамъ случая, а что помимо этихъ примѣровъ ничего общаго между статистикой и теоріей вѣроятностей нѣтъ.

Однако позднѣйшія работы отчасти самого Лексиса, отчасти другихъ авторовъ, перенявшихъ отъ него пріемы изслѣдованія степени устойчивости статистическихъ рядовъ, показали, что результаты статистики всетаки могутъ быть подведены подъ извѣстныя схемы теоріи вѣроятностей. Пришлось только замѣнить схему постоянной, неизмѣняющейся во времени вѣроятности схемой вѣроятности перемѣнной. Въ конечномъ счетѣ, опытъ подтвердилъ приложимость теоріи вѣроятностей къ статистикѣ.

Благодаря этому, устойчивость статистическихъ результатовъ представляется въ другомъ видѣ, чѣмъ какой придавался ей въ трудахъ Кетле, Бокля и др. Нѣтъ никакого основанія предполагать существованіе какихъ то особыхъ силъ или вліяній, производящихъ устойчивость чиселъ. Неправильно говорить съ Боклемъ, что единичный случай совершается по законамъ, подчиненнымъ общему закону, въ силу котораго должно быть совершено опредѣленное число самоубійствъ, преступленій и т. под. Напротивъ того, какъ показываетъ эмпирическое изученіе движенія статистическихъ чиселъ, каждый отдѣльный случай, т. е. случай смерти, самоубійства, преступленій и т. д., обнаруживаетъ по отношенію къ массовому явленію, взятому въ цѣломъ, такого-же рода независимость, какая присуща и отдѣльному случаю бросанія игральной кости по отношенію къ общему результату ста или тысячи бросаній.

Другое дѣло, если бы въ статистикѣ получалась наднормальная устойчивость, т. е. если бы колебанія чиселъ были меньше, чѣмъ слѣдовало бы ожидать по теоріи. Тогда пришлось бы признать, что независимость единичнаго случая, являющагося элементомъ статистической массы, есть только кажущаяся, и Бокль былъ бы правъ. Но въ томъ то и дѣло, что наднормальная устойчивость никогда въ дѣйствительности не встрѣчается.

Замѣчу по этому поводу, что принципіальная ошибка Бокля, котерую я тутъ имѣю въ виду, была отмѣчена уже его современниками. Такъ въ Edinburgh Review за 1858 годъ анонимный критикъ исторіи цивилизаціи въ Англіи уподобляетъ Бокля тѣми игрокамъ, которые въ Баденъ-Баденѣ (гдѣ тогда существовала рулетка) „слѣдятъ за ходомъ счастья" и ставятъ деньги на то или другое поле, смотря по тому, сколько разъ до того выигрышъ пришелся на черный или на красный цвѣтъ. Критикъ ставитъ Боклю, такимъ образомъ, въ упрекъ, что онъ игнорируетъ принципъ независимости отдѣльнаго случая отъ ряда однородныхъ случаевъ.

Но въ другомъ отношеніи точка зрѣнія Бокля находитъ себѣ подтвержденіе въ результатахъ методическаго изученія колебаній статистическихъ рядовъ. Бокль сводилъ спеціальныя явленія на общія, безгласныя причины. Онъ полагалъ, что человѣческая индивидуальность, въ конечномъ счетѣ, роли не играетъ. И поскольку дѣло касается тѣхъ спеціальныхъ явленій, которыя подлежатъ статистическому учету, это дѣйствительно такъ. Совпаденіе статистическихъ результатовъ съ ожиданіями теоріи вѣроятностей даетъ, на самомъ дѣлѣ, право, видѣть въ этихъ результатахъ выраженіе нѣкоторыхъ общихъ, такъ сказать, надъ индивидуальныхъ или внѣиндивидуальныхъ условій, совершенно подобно тому, какъ мы относительное число вынутыхъ изъ урны шаровъ даннаго цвѣта сводили на тотъ фактъ, что въ урнѣ, изъ которой вынимались шары, шары даннаго цвѣта находились въ опредѣленной пропорціи. Мы при этомъ абстрагируемъ отъ тѣхъ особыхъ индивидуальныхъ условій, въ которыхъ происходитъ выниманіе каждаго отдѣльнаго шара. Такъ же точно и въ сферѣ явленій статистическихъ мы не считаемся съ конкретной обстановкой каждаго отдѣльнаго случая, но конструируемъ *общія причины или условія*. Такая конструкція напрашивается, правда, сама собой. Ею пользуются и тѣ, которые вовсе не знакомы съ теоріей вѣроятностей. Но теорія вѣроятностей даетъ ей, такъ сказать, высшую санкцію и оправданіе.

Постоянство общихъ условій вызываетъ нормальную устойчивость статистическихъ результатовъ—отнюдь непостоянство

этихъ результатовъ въ настоящемъ (строгомъ) смыслѣ слова. Измѣненія въ общихъ условіяхъ отражаются на колебаніяхъ чиселъ въ смыслѣ увеличенія амплитуды этихъ колебаній. Получается поднормальная устойчивость результатовъ, которая для статистики является общимъ правиломъ почти не терпящимъ исключеній.

Въ ряду этихъ общихъ условій, разумѣется, не послѣднее мѣсто занимаетъ природа человѣка, а поскольку идетъ рѣчь о нравственной статистикѣ, его психика. Но это психика не отдѣльнаго лица, икса или игрека, а психика человѣка вообще, отвлеченнаго человѣка, какъ говоритъ Лексисъ, подверженнаго вліянію опредѣленной естественной и культурной среды.

И если, какъ показываетъ совпаденіе статистическихъ результатовъ съ ожиданіями теоріи вѣроятностей, мы дѣйствительно имѣемъ право ставить статистическіе результаты въ счетъ этому отвлеченному человѣку, абстрагируя отъ индивидуальныхъ особенностей лицъ, совершающихъ тѣ или другіе поступки, то это, по Лексису, объясняется „замѣнимостью“ этихъ лицъ. Этимъ терминомъ, заимствованнымъ изъ гражданскаго права, Лексисъ хочетъ выразить, что лица, входящія въ составъ одной какой-нибудь статистической группы, относящейся, скажемъ, къ опредѣленному календарному году, такъ *похожи* на лицъ аналогичной группы, относящейся къ слѣдующему календарному году, что тѣ и другія реагируютъ одинаково на извѣстныя внѣшнія условія.

Съ этимъ представленіемъ о замѣнимости индивидовъ вполнѣ совмѣстимо другое представленіе, состоящее въ томъ, что та группа, къ которой относится опредѣленный статистическій результатъ, напр., группа людей, населяющихъ ту или другую страну, составляется изъ частичныхъ группъ, которыя даютъ различные статистическіе результаты. Какъ извѣстно, статистическіе показатели преступности, напр., представляютъ существенныя различія въ зависимости отъ пола, возраста, мѣстожительства, профессіи лицъ, составляющихъ тѣ группы, къ которымъ эти показатели относятся. Поэтому о замѣнимости индивидовъ, вообще говоря, можетъ быть рѣчь

лишь въ примѣненiи къ лицамъ, входящимъ въ составъ аналогичныхъ простыхъ (однородныхъ) группъ, т. е. такихъ группъ, дальнѣйшее разложенiе которыхъ на части уже не дифференцируетъ статистическаго результата.

При этомъ нечего смущаться тѣмъ, что статистика никогда не въ состоянiи на самомъ дѣлѣ, практически произвести разложенiе на простыя группы, и что она, напротивъ того, принуждена всегда оперировать надъ группами болѣе или менѣе сложнаго состава. Это практическое несовершенство статистики не препятствуетъ тому, чтобы въ теорiи пользоваться понятiемъ простыхъ группъ. И когда дѣло касается примѣненiя извѣстныхъ формулъ теорiи вѣроятностей къ даннымъ статистики, слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что эти данныя относятся къ сложнымъ группамъ. Это нѣсколько усложняетъ вопросъ, но не затрогиваетъ существа всей конструкцiи.

Я постарался въ самыхъ общихъ чертахъ освѣтить вопросъ объ устойчивости статистическихъ результатовъ съ той точки зрѣнiя, которую я считаю единственно правильной,— съ точки зрѣнiя теорiи вѣроятностей. При этомъ я ссылался на Лексиса. Его заслуга заключается въ томъ, что онъ подвергъ степень устойчивости статистическихъ рядовъ методическому изученiю, установивъ для этихъ изученiй опредѣленное мѣрило. Но было бы несправедливо обойти молчанiемъ тѣхъ ученыхъ, которые въ этомъ отношенiи являются прямыми предшественниками Лексиса. Я имѣю въ виду французскихъ математиковъ Bienaymê, Augustin Cournot и Emile Dormoy. При этомъ математикъ-философъ Курно, которому, кстати сказать, не такъ давно Тардъ посвятилъ нѣсколько восторженныхъ словъ въ одномъ изъ засѣданiй международнаго соцiологическаго института, не ограничился, подобно Bienaymé и Dormoy, чисто математической стороной вопроса, но коснулся и болѣе общей логической и, если угодно, философской его стороны. Однако не кто иной, какъ Лексисъ, настоящимъ образомъ аппрофондировалъ вопросъ и выработалъ тѣ логическiя и математическiя схемы, къ которымъ сводится фактъ устойчивости статистическихъ результатовъ.

Но тутъ умѣстно будетъ спросить себя, можно ли видѣть въ схемахъ высшее удовлетворительное объясненіе этой устойчивости, которою такъ поражались Кетле, Боколь и ихъ послѣдователи.

Нельзя отрицать, что въ сущности мы имѣемъ тутъ дѣло съ аналогіей: аналогіей между массовыми явленіями общественной жизни изучаемыми статистикой, и явленіями игры, на которыя расчитана теорія вѣроятностей, и на которыхъ иллюстрируются ея положенія. Само по себѣ, это еще не должно приводить насъ въ смущеніе, такъ какъ и въ другихъ областяхъ многое, что принимается нами за объясненіе явленій, сводится въ сущности къ аналогіи. Правда, что въ данномъ случаѣ аналогія имѣетъ одну слабую сторону. Въ явленіяхъ игры тому, что мы называемъ *общими условіями опыта*, соотвѣтствуютъ вполнѣ конкретныя представленія, какъ то: симметричная форма игральной кости и однородность ея массы, опредѣленное численное соотношеніе шаровъ разнаго цвѣта въ урнѣ и т. под. Въ сферѣ же статистическихъ явленій то, что мы называемъ общими условіями, не поддается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ни вполнѣ строгому опредѣленію, ни исчерпывающему описанію. Я думаю, однако, что различіе это не имѣетъ принципіальнаго характера.

Важнѣе, мнѣ кажется, то обстоятельство, что совпаденіе извѣстныхъ результатовъ съ ожиданіемъ теоріи вѣроятностей и въ сферѣ игръ, зависящихъ только отъ случаевъ, хотя это совпаденіе и представляется большинству чѣмъ то вполнѣ понятнымъ, въ дѣйствительности представляетъ собой опять-таки проблему. Дѣло въ томъ, что теорія вѣроятностей исходитъ изъ понятія равновозможныхъ случаевъ—понятія, которому, повидимому, въ сферѣ дѣйствительности, внѣ насъ, ничего опредѣленнаго не соотвѣтствуетъ. Равновозможность случаевъ, а съ ней вмѣстѣ и понятіе математической вѣроятности служитъ, по мнѣнію многихъ, лишь для характеристики нашего знанія или вѣрнѣе незнанія объ извѣстныхъ предметахъ. Если принять эту субъективистическую точку зрѣнія, представителемъ которой, прежде всего, является Лап-

ласъ, то вопросъ о томъ, какимъ образомъ формулы теорiи вѣроятности допускаютъ опытную провѣрку, становится неразрѣшимой загадкой.

Удовлетворительнѣе объясняютъ дѣло объективисты, для которыхъ математическая вѣроятность служитъ выраженiемъ чего то реальнаго, внѣ насъ находящагося. Укажу здѣсь, какъ на представителей этого направленiя, того же Курно, который отказывался сводить теорiю вѣроятностей къ ограниченности познавательныхъ способностей человѣка, какъ это дѣлаютъ субъективисты, и который формулировалъ свою точку зрѣнiя, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ: „Pour une intelligence supérieure à l'homme la science des chances subsisterait encore". Рядомъ съ Курно, не могу не назвать Криса (Johannes von Kries), профессора физiологiи Фрейбургскаго университета, который въ своемъ сочиненiи „Die Prinzipien der Wahrscheinlichkeisrechnung" далъ, на мой взглядъ, наиболѣе цѣльную и законченную логическую теорiю тѣхъ концепцiй, ихъ которыхъ исходитъ математическая теорiя вѣроятностей. При этомъ Крисъ съумѣлъ использовать для своихъ цѣлей статистическiя изслѣдованiя Лексиса. Но здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣнiе этихъ вопросовъ по существу, такъ какъ они лежатъ уже внѣ предѣловъ теоретической статистики.

Проф. В. I. Борткевичъ.

ПОВИННОСТЬ РАЗВРАТА.

„Распоряженія врачебно-полицейскихъ комитетовъ и обще-полицейскихъ органовъ во всякомъ случаѣ не уничтожаютъ и не ограничиваютъ охраненныхъ законами правъ частныхъ лицъ, такъ какъ никакое распоряженіе органовъ власти подчиненной не можетъ отмѣнить или ограничить закона, отъ власти Верховной исходящаго".

(Рѣшеніе общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ отъ 3 февраля 1892 года за № 7).

Запись.

Проституція—необходима, но развѣ необходимъ произволъ, съ которымъ часто вталкиваютъ на проституцію?

(С.-Пет. Вѣд., 1867 г., № 1114).

Принудительная запись.

Въ Европѣ оффиціальною проституткою можно стать двумя путями: добровольно и принудительно. Принудительная запись въ число публичныхъ—это своего рода чудище, на которомъ слѣдуетъ остановиться подробно.

Принудительная запись существуетъ въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы: во Франціи, въ Германіи и еще недавно существовала въ Англіи—однимъ словомъ тамъ, гдѣ о неприкосновенности личности и обузданіи правительственнаго произвола исписаны цѣлые томы, гдѣ зародились громкія теоріи о раздѣленіи властей и т. п.

Уже въ древнемъ Римѣ уличенную въ прелюбодѣяніи насильственно записывали въ разрядъ публичныхъ, нерѣдко отдавая ее на потѣху черни. Тоже было въ средніе вѣка. Нѣчто въ этомъ родѣ существуетъ и въ современной Европѣ.

Во Франціи полиція зачисляетъ въ списки публичныхъ всѣхъ, кто по ея подозрѣнію (!!!) занимается развратомъ по ремеслу. (Die Polizei fürt dort eine Dirnenliste, in welche sie ave *zwangsweise* alle jene einträgt, die ihr, auch wenn sie es nicht zu gestehen, den Verdacht erregen, dass sie gewerbsmässig Unzucht tragen. Handw. d. Staatswiss., Prostitution).

Въ одномъ Парижѣ въ 1885 году было 1208 принудительныхъ записей. Въ Пруссіи съ 1850 года записываются принудительно: 1) наказанныя за тайную проституцію 2) лѣчившіяся отъ сифилиса—als notorische Winkelhuren.

Тоже и въ Россіи. По словамъ знатока этого дѣла проф. Тарновскаго „на 5 добровольныхъ записей въ число „публичныхъ въ большихъ городахъ приходится одно за- „численіе по настоянію полиціи *противъ* желанія самой „женщины“ (Регл. и Абол., 229).

И дѣйствительно, правила М. В. Д. совсѣмъ не церемонятся ни съ личною неприкосновенностью женщины, ни съ законами. Такъ: „всѣ безъ исключенія бродящія женщины развратнаго поведенія тотчасъ по отысканіи ихъ подвергаются медицинскому осмотру (§ 5 Инструкціи врачебно-полицейскому комитету въ С.-Петербургѣ)“, „независимо отъ сего поручается полиціи, если ею усмотрѣны будутъ бродячія непотребныя женщины, немедленно отсылать ихъ для освидѣтельствованія въ калинкинскую больницу“ (§ 6, ibid). „Комитетъ, извѣстясь о женщинахъ, промышляющихъ развратомъ, *снабжаетъ* ихъ установленными медицинскими билетами (§ 13 положенія врачебно-полиц. комитета въ СПб.), „медицинскими билетами комитетъ *снабжаетъ* тѣхъ, которыя окажутся *поведенія сомнительнаго* (§ 16, ibid.). Въ число проститутокъ записываются женщины .... б) на основаніи свѣдѣній, добытыхъ отдѣльно полиціей или совмѣстно съ санитарнымъ комитетомъ, причемъ записываемыя *подлежатъ немедленному* надзору (§ 4 обязательнаго постановл. Минской городск. думы, разсмотр. мед. совѣтомъ 6 ноября 1891 г.). Въ Ригѣ записываютъ въ число публичныхъ .... 5) которыя часто замѣчаются полиціей въ нетрезвомъ состояніи, 6) которыя окажутся зараженными или противъ которыхъ являются *иныя подозрѣнія въ занятіи проституціей* (§ 148).

Даже анонимнаго доноса, простого указанія перваго встрѣчнаго достаточно, чтобы рядъ женщинъ (разъ, конечно, онѣ не богаты и безъ связей) подвергнуть медицинскому осмотру; такъ „съ 1866 г. производились осмотры мастерицъ „въ модныхъ магазинахъ и другого рода заведеніяхъ, гдѣ „работаетъ много женщинъ. Осмотры такого рода были про„изводимы исключительно по заявленіямъ частныхъ лицъ о „полученіи ими зараженія отъ какой либо изъ женщинъ „заведенія" (Кузнецовъ, Прост. и сифилисъ въ Россіи, 123).

Незаконность всѣхъ этихъ правилъ очевидна. Но тѣмъ не менѣе они примѣнялись и примѣняются на практикѣ. Слѣдствіемъ такого примѣненія были вопіющія злоупотребленія во всѣхъ государствахъ Европы. Правда, они рѣдко достигаютъ гласности, какъ и все, что происходитъ въ мірѣ проститутокъ, но и то, что дошло—способно вызвать негодованіе и ужасъ во всякомъ. „Не разъ я видѣлъ—пишетъ D-r Spatzioni— „въ Римѣ и другихъ городахъ молодыхъ дѣвушекъ, насильно „приведенныхъ въ полицейское санитарное бюро и по осмотрѣ „оказавшихся дѣвственницами".

„У насъ, въ Одессѣ въ комнату молодой и красивой „дѣвушки Амфановой, рано утромъ, когда она еще была въ „постели, ворвался полицейскій чиновникъ и потребовалъ „обмѣна ея паспорта на профессіональный билетъ проститутки. „Глубоко оскорбленная дѣвушка не могла найти себѣ право„судія нигдѣ и съ ножемъ въ рукѣ была принуждена мстить „за свое оскорбленіе. Другая дѣвушка при подобныхъ обстоя„тельствахъ выбросилась въ окно, третья—отравилась опіумомъ „и т. п." (Тарновскій).

Громкіе процессы Казанскаго полицмейстера, приказавшаго выдать „желтые билеты" ни въ чемъ неповиннымъ женщинамъ и Симферопольскаго Матвѣева, приказавшаго не только выдать желтый билетъ замужней, но и отдавшаго приказъ избить какъ эту женщину, такъ и ея протестовавшаго мужа (съ переломомъ реберъ)—обратили наконецъ вниманіе Сената. Въ общемъ собраніи 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ въ 1892 году послѣдовало разъясненіе 44 ст. устава, которымъ полувѣковая административная практика признана незаконной.

Это разъясненіе Сената представляетъ свѣтлую страницу въ мрачной регламентаціи отечественной проституціи. Въ этомъ рѣшеніи высказаны вѣчно-юныя принципы о свободѣ и неприкосновенности личности, этимъ рѣшеніемъ положенъ предѣлъ дикому произволу полицейскаго усмотрѣнія и повсемѣстная практика хватанія и тащенія „на смотры“ заклеймена названіемъ „незаконной“; кто же по прежнему будетъ подвергать женщинъ—вопреки ихъ волѣ—медицинскимъ осмотрамъ—тѣ, по словамъ Сенатскаго рѣшенія—„будутъ привлекаться къ законной отвѣтственности“. И въ то же время по § 146 Рижскихъ правилъ „Комитетъ по первому разу даетъ жен„щинѣ предостереженія, а по второму разу подвергаетъ ее *въ видѣ наказанія* врачебному осмотру“. Развѣ это неприсвоеніе власти судебной? (289 ст. Улож. о наказаніяхъ.). Такимъ образомъ выходитъ, что у насъ въ теченіе полустолѣтія сплошь по всей Россіи примѣнялись незаконныя административныя распоряженія и только благодаря простой случайности Сенатъ, узнавъ о практикѣ административныхъ чиновъ, поспѣшилъ указать на ихъ противозаконность. Этотъ случай даетъ право надѣяться, что многое другое изъ административной регламентаціи Сенатъ призналъ бы также противозаконнымъ и что многое существующее—какъ бы оно долго ни существовало—когда нибудь будетъ признано незаконнымъ. Такую надежду питаетъ въ насъ то же свѣтлое рѣшеніе Сената, авторитетно разъяснившее, что административныя правила, регулирующія проституцію „во всякомъ случаѣ не уничтожаютъ и не огра„ничиваютъ охраненныхъ законами правъ частныхъ лицъ, такъ „какъ никакое распоряженіе органовъ власти подчиненной не „можетъ отмѣнить или ограничить закона, отъ Власти Вер„ховной исходящаго“. По разъясненію Сената путь стать оффиціальной проституткой въ Россіи одинъ—добрая воля женщины. Разъ женщина не хочетъ стать оффиціальною проституткою—заставить ее стать таковою никто и ничто не можетъ; ни насильственныхъ приводовъ, ни насильственныхъ осмотровъ быть не можетъ; если полиція подозрѣваетъ какую либо женщину въ тайномъ развратѣ по ремеслу—полиція обязана возбудить передъ судьей преслѣдованіе *за тайную*

проституцію; обвинительный приговоръ судьи ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить—какъ въ Пруссіи—основаніемъ *насильственнаго* зачисленія въ число публичныхъ.

Таково идеальное рѣшеніе нашего Сената. Къ сожалѣнію оно неизвѣстно не только низшимъ органамъ полиціи, но и представителямъ мидицинскаго персонала... по крайней мѣрѣ многіе авторы санитарно-медицинскихъ статей обнаруживаютъ полное незнаніе этого разъясненія (напр. Граціановъ—изъ Минска).

И не только отдѣльные авторы высказываютъ незнаніе свѣтлаго рѣшенія общаго собранія 1892 г., № 7: игнорируетъ это рѣшеніе и подчиненное Правительствующему Сенату мѣсто—Медицинскій Совѣтъ, одобрившій 6 мая 1894 г. 4 п. проэкта обяз. постановленій Пермской городской думы, по коему зачисленіе можетъ „послѣдовать по постановленіи „Комитета 1) вслѣдствіе желанія самой женщины и 2) на „основаніи собранныхъ полиціей и тщательно провѣренныхъ „Комитетомъ свѣдѣній о занятіи распутствомъ данной жен-„щины".

D-r Majkowski (Medycyna, 1895 г., № 2) объясняетъ большое количество поднадзорныхъ проститутокъ въ Варшавѣ тѣмъ, что онѣ не знаютъ означеннаго рѣшенія, чѣмъ, вѣроятно, ловко умѣетъ пользоваться комитетъ (z czego prawdopodobnie umie zręcznie korzystać Komitet).

Принудительное внесеніе въ проституціонные списки имѣетъ своихъ защитниковъ и сторонниковъ, которые вовсе не видятъ его безсмысленности и всего его безобразія. Такъ, напримѣръ, тотъ же проф. Тарновскій—сторонникъ насильственнаго внесенія женщинъ въ списки проститутокъ; онъ требуетъ только, чтобы внесеніе въ эти списки зависѣло не отъ органовъ полиціи, а отъ суда; и выставляя такое требованіе—Тарновскій ссылается на примѣръ Англіи [1]) и отчасти Пруссіи. А потому остановимся на этомъ подробнѣе.

---

[1]) „Безпристрастіе судьи, а не произволъ администратора должны руководить дѣломъ зачисленія въ число проститутокъ (Регл. и аб., 245)". Вслѣдъ за Тарновскимъ того же мнѣнія держится большинство врачей, писавшихъ по этому вопросу.

Что же значитъ насильственное внесеніе въ списки публичныхъ женщины, хотя бы приговоренной къ наказанію за тайную проституцію судебною властью?. Это значитъ, что общество *заставляетъ* нѣкоторыхъ своихъ членовъ, совершившихъ полицейское правонарушеніе, сверхъ *отбытія* наказанія за это правонарушеніе *стать* въ будущемъ *публичною женщиною на безсрочное время*. Это тоже, что римская отдача прелюбодѣйной женщины на потѣху черни. Нарушительницу мелкаго полицейскаго запрещенія—*лишить* возможности всякаго честнаго труда и обречь вопреки ея волѣ на безсрочное принудительное занятіе развратомъ—вотъ что значитъ „принудительная запись"! Не обратить тайную проститутку въ явную,—какъ обыкновенно называютъ эту возмутительную насильственную выдачу желтыхъ билетовъ, а именно лишеніе разъ провинившейся женщины впредь на будущее время безсрочно возможности честной работы и альтернатива, либо голодная смерть, либо безсрочный развратъ—вотъ что значитъ принудительная запись!... Нѣтъ ничего удивительнаго, если отъ такой альтернативы женщины отравляются, выбрасываются въ окно, съ ножемъ въ рукахъ кидаются на полицейскихъ...

Всѣмъ извѣстно печальное положеніе рабочей женщины: малая заработная плата, неувѣренность, будетъ ли работа завтра, „колебанія рынка" и ужасы безработицы. Очевидно, что при торговыхъ кризисахъ, когда на рабочіе руки падаетъ, у молодой женщины одинъ исходъ: временная проституція—иначе—голодная смерть; многія женщины нашихъ большихъ центровъ принуждены бываютъ, такимъ образомъ, хотя на короткое время стать временными проститутками; наконецъ не мало женщинъ и такихъ, для которыхъ проституція является лишь подспорьемъ къ ихъ скудному заработку. Всѣ эти женщины какъ огня боятся „желтыхъ билетовъ" и всячески его избѣгаютъ. Выдать желтый билетъ работницѣ, временно ставшей проституткою—это значитъ лишить ее всякой честной работы и насильственно обречь ее на безсрочный развратъ, это значитъ—толкнуть ее въ омутъ и захлопнуть крышку. Prof. D-r Renck, говоря о 1208 женщи-

нахъ, въ 1886 году вопреки ихъ волѣ насильственно внесенныхъ въ проституціонные списки г. Парижа, прибавляетъ: „если только половина изъ зачисленныхъ лицъ была насильственно втоптана къ болѣе глубокому паденію (изъ полупроститутокъ, случайныхъ и временныхъ проститутокъ—стали исключительно проститутками)—то это возмутительно и безчеловѣчно (Handw. der staatsw)“. Безсмысленность насильственнаго внесенія женщины въ число публичныхъ очевидна уже изъ того, что, строго проводя этотъ принципъ, пришлось бы обречь на проституцію почти всѣхъ работницъ—горожанокъ и фабричныхъ—т. е. оторвать отъ работы нѣсколько милліоновъ женщинъ, а обратить нѣсколько милліоновъ труженицъ въ оффиціальныя проститутки и обречь ихъ на бездѣлье—*экономически невозможно*.

Внесеніе въ списки публичныхъ—если вообще необходимы эти списки—должно быть, какъ разъяснилъ Сенатъ, лишь по истинному желанію женщины. Обречь же женщину, вопреки ея волѣ, на публичный развратъ—какъ это практикуется въ З. Европѣ, а de facto и въ Россіи—это новый и оригинальный видъ наказанія, до сихъ поръ неизвѣстный ни одному уголовному кодексу. Я думаю, что этотъ родъ наказанія незачѣмъ ни вводить въ кодексы, ни примѣнять его втихомолку путемъ административныхъ распоряженій.

Внесеніе въ списки несовершеннолѣтнихъ.

Мы старались показать, что внесеніе женщины вопреки ея воли въ списки публичныхъ—есть полуварварскій институтъ, невыдерживающій и самой поверхностной критики. Внесеніе въ списки—разъ эти списки необходимы, чего мы здѣсь не беремся рѣшать—можетъ быть только добровольнымъ, по желанію женщины. Но можетъ ли быть достаточнымъ основаніемъ внесенія въ списки желаніе душевно-больной? Конечно нѣтъ. Ну, а несовершеннолѣтней? На этотъ вопросъ практика отвѣчаетъ утвердительно. По XIII т. Статистики Россійской Имперіи 80,5% вносятся въ списки до истеченія гражданскаго несовершеннолѣтія. Администрація нахо-

дить возможнымъ въ видѣ правила вносить въ свои списки дѣвушекъ-подростковъ съ 16 лѣтъ, и въ видѣ исключенія и моложе этого возраста: 15-ти лѣтнихъ, 14-ти лѣтнихъ и даже .... моложе 14 лѣтъ! [1]) Такъ по тому же XIII т. Статистики Россійской Имперіи 3,2% были внесены раньше 14 лѣтъ въ эти списки...

Мы уже видѣли, что административная практика въ теченіе полувѣка находила возможнымъ насильственно выдавать женщинамъ, по ея мнѣнію подозрительнымъ, „билеты“ и если бы не процессы Казанскаго и Симферопольскаго полицеймейстеровъ, давшіе поводъ высказаться Сенату и разъяснить истинный смыслъ закона—то подобная практика продолжалась бы, можетъ быть, еще полвѣка. Въ такомъ же положеніи находится—по нашему глубокому убѣжденію—вопросъ о внесеніи въ списки несовершеннолѣтнихъ. Къ сожалѣнію этотъ вопросъ не восходилъ на разсмотрѣніе Сената и для рѣшенія этого вопроса приходится обратиться непосредственно къ законамъ.

Нашъ законъ всячески оберегаетъ несовершеннолѣтнихъ отъ какихъ бы то ни было убытковъ и ущерба. Для охраненія интересовъ несовершеннолѣтнихъ учреждены институтъ опеки до 17 лѣтъ и попечительства до 21 года; при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ необходимо заключеніе прокурора, заботливости коего ввѣрены интересы всѣхъ лицъ, не могущихъ лично защищать себя; до 17 лѣтъ несовершеннолѣтніе абсолютно не могутъ распоряжаться имуществомъ, а съ 17 лѣтъ они распоряжаются только доходами съ своего капитала, но дѣлать долги, распоряжаться капиталами и т. п.—они могутъ не иначе, какъ съ согласія попечителя.

Нашъ законъ идетъ такъ далеко въ защитѣ несовершеннолѣтнихъ отъ эксплоатаціи ихъ неопытности, что угрожаетъ контрагентамъ несовершеннолѣтняго даже тюремнымъ заключеніемъ. Такъ, 1689 ст. улож. караетъ тюрьмою до 8 мѣсяцевъ за обманное вовлеченіе несовершеннолѣтняго

---

[1]) Вопреки 1524 ст. улож. о нак.

въ сдѣлки по имуществу или за принятіе отъ него обязательства. А 1703 ст. караетъ тюрьмою фактъ покупки у несовершеннолѣтняго „безъ надлежащаго на то разрѣшенія", не требуя для наличности преступленія даже обмана; такъ что покупка у несовершеннолѣтняго, недостигшаго 17 лѣтъ, всякой движимости—карается тюрьмою [1]). По 5 п. 175 ст. уст. обманъ несовершеннолѣтняго—есть основаніе къ увеличенію наказанія.

Таковы средства защиты несовершеннолѣтнихъ отъ имущественной ихъ эксплоатаціи, а отчасти и отъ личной. Но только отчасти. Какъ ни парадоксально—однако имущество несовершеннолѣтнихъ сильнѣе охраняется, чѣмъ ихъ личность. И дѣйствительно, торговля тѣломъ несовершеннолѣтнихъ обыкновенно подводится, если только подводится—подъ 44 ст. уст., т. е. подъ статью полицейскаго характера. Мы уже раньше видѣли, что администрація сама зачисляетъ несовершеннолѣтнихъ въ списки публичныхъ и выдаетъ имъ разрѣшеніе на публичный развратъ.

По моему глубокому убѣжденію санкціонировать и даже терпѣть развратъ несовершеннолѣтнихъ государство не можетъ—иначе оно само подрываетъ элементарныя понятія справедливости.

Всѣ доводы, доказывающіе необходимость терпимости общественнаго разврата не имѣютъ никакого значенія въ вопросѣ о развратѣ несовершеннолѣтнихъ. Потому то всѣ негласныя распоряженія администраціи не могутъ относиться къ несовершеннолѣтнимъ.

Между тѣмъ только въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы несовершеннолѣтнія не могутъ быть записаны въ списки публичныхъ (такова Голландія); въ Берлинѣ съ 1886 г. для записи несовершеннолѣтней въ списки необходимо удостовѣреніе родителей ея или опекуновъ въ томъ, что они отказываются отъ всякихъ съ своей стороны мѣръ исправленія. Въ Россіи—какъ мы видѣли—вносятъ въ списки по преимуществу (80,5%) несовершеннолѣтнихъ. Эту практику я счи-

[1]) См. Неклюдовъ, Руков. къ особ. ч. русск. уголовн. права, II, 481.

таю незаконной и сверхъ раньше приведенныхъ основаній остановлюсь на слѣдующихъ еще юридическихъ соображеніяхъ.

Родительская власть есть не столько институтъ гражданскаго права, сколько публичнаго права. Для массы народа, конечно, гораздо чаще приходится вѣдаться съ правами и обязанностями, вытекающими изъ института власти родительской, чѣмъ, напр., власти судебной въ тѣсномъ смыслѣ. Можно даже сказать, что власть родительская—власть нормальная, власть судебно-экстраординарныя. Стало быть, значеніе власти родительской въ жизни государства во всякомъ случаѣ не менѣе важно, чѣмъ, напр., власти обще-судебной. Извѣстно, съ какою щепетильностью принято относиться къ нарушеніямъ подсудности. Съ подобной же щепетильностью слѣдуетъ относиться и при опредѣленіи предѣловъ власти родительской. Къ сожалѣнію на практикѣ рѣдко случается строгое разграниченіе между правами и обязанностями, вытекающими изъ власти семейной...

Всякій человѣкъ, пока живы его родители, находится подъ властью родительской: всякій человѣкъ при живыхъ родителяхъ есть homo alieni juris въ нѣкоторомъ родѣ... Родители имѣютъ право (безотносительно къ возрасту своихъ дѣтей) заботиться о нихъ, воспитывать ихъ и отклонять отъ всякаго порока... 1592 статья даетъ родителямъ право просить судъ за явные пороки, развратную жизнь и упорное неповиновеніе родительской власти о наказаніи дѣтей даже тюремнымъ заключеніемъ. Родителямъ принадлежитъ право иска за обиду дѣтей безотносительно къ возрасту дѣтей. Безъ разрѣшенія родителей дѣти—опять таки безотносительно къ возрасту—не могутъ вступать въ бракъ.

Таковы права родителей по отношеніи къ дѣтямъ. Но всѣ эти права, пока дѣти несовершеннолѣтнія, не только права, но и обязанности, обязанности не только общегражданскаго характера, но обязанности, неисполненіе коихъ карается въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ порядкѣ уголовномъ.

Такова обязанность родителей строго блюсти за нравственностью дѣтей.

Сводничество дѣтей родителями, т. е. активное развращеніе дѣтей, предусмотрѣно 998 ст. улож. и карается поселеніемъ. Но и одно непрепятствованіе разврату своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей—есть уже уголовное преступленіе, предусмотрѣнное 993 ст. ул. и караемое тюрьмою. Съ достиженіемъ дѣтьми совершеннолѣтія—родители уже не обязаны болѣе отвращать ихъ отъ развратной жизни и отъ другихъ пороковъ, но тѣмъ не менѣе родители имѣютъ на это право, разъ имъ вздумается исправлять порочныхъ дѣтей своихъ, хотя бы дѣти были и въ солидныхъ лѣтахъ. Такимъ образомъ при обвиненіи несовершеннолѣтней въ тайномъ развратѣ необходимо извѣщать объ этомъ ея родителей (опекуновъ), къ прямой обязанности коихъ относится наблюденіе за нравственностью несовершеннолѣтней и недопущеніе ея къ разврату. Во всякомъ случаѣ изъ факта тайнаго проституированія несовершеннолѣтней вытекаетъ наличность двухъ преступленій: тайнаго разврата несовершеннолѣтней, предусмотрѣннаго 44 ст. уст. о нак., и потворства ея родителей (опекуновъ), предусмотрѣннаго 993 ст. улож.; послѣднее преступленіе гораздо серьезнѣе перваго; оба возбуждаются ex officio—а между тѣмъ первое преступленіе довольно часто доходитъ до суда, второе—никогда. Могутъ возразить, что иногда родители и не подозрѣваютъ о развратѣ своей дочери; бываетъ, конечно, и это; но разъ дочь уличается въ развратѣ—то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ объ этомъ довести до свѣдѣнія родителей, дабы они могли принять соотвѣтствующія мѣры исправленія; и буде они тѣхъ мѣръ не примутъ—то привлекать родителей по 993 ст. улож.

Мѣра, предпринятая въ Берлинѣ относительно записи несовершеннолѣтнихъ, обязательно должна примѣняться въ Россіи при записи совершеннолѣтнихъ [1]). Записи же несовершеннолѣтнихъ ни въ коемъ случаѣ быть не можетъ: отреченія родителей (опекуновъ и попечителей) отъ исправ-

---

[1]) Въ Ригѣ по § 52 правилъ комитетъ обязанъ при поступленіи дѣвушки въ публичный домъ увѣдомить о томъ ея родителей или опекуновъ, коль скоро сіи послѣдніе проживаютъ на мѣстѣ или въ сосѣднихъ губерніяхъ.

ленія своихъ несовершеннолѣтняхъ дѣтей—незаконны и ничтожны, ибо исправлять несовершеннолѣтнихъ—не только право родителей, но и обязанность, неисполненіе коей карается уголовнымъ закономъ.

Новый регламентъ отъ 14 марта 1887 г. въ Брюсселѣ совершенно не допускаетъ внесенія въ списки несовершеннолѣтнихъ; совершеннолѣтнія же вносятся въ списки только послѣ полученія оффиціальнаго извѣщенія отъ родителей или мужа вносимой о томъ, что они отказываются отъ своего права (а не обязанности) исправленія совершеннолѣтнихъ дѣтей или женъ.

Наши правила Мин. Вн. Д. были списаны съ французскихъ и Брюссельскихъ постановленій полъ-столѣтія тому назадъ; если нашли возможнымъ ввести у насъ прежній регламентъ, полный драконовой строгости и исполненный произволомъ и презрѣніемъ къ правамъ личности, по Западно-Европейскому образцу, то отчего же медлятъ измѣнить эти правила по примѣру Запада, тѣмъ болѣе, что подобное измѣненіе соотвѣтствуетъ нашему закону—какъ мы и показали.

Внесеніе въ списки замужнихъ.

Современная административная практика такъ же легко вноситъ въ публичные списки замужнихъ женщинъ, какъ и несовершеннолѣтнихъ. Показалась женщина полицейскому чиновнику „поведенія сомнительнаго“—онъ и вноситъ ее въ число публичныхъ. Такая практика опять таки *незаконна до очевидности.*

Бракъ признается таинствомъ. Расторженіе брака сопряжено съ огромными трудностями и обставлено весьма существенными гарантіями. У католиковъ расторженіе брака зависитъ отъ папы, у насъ—отъ Святѣйшаго Синода. Гражданскіе законы всячески стараются поддержать значеніе брака; всякія сдѣлки, клонящіяся къ расторженію брака (какъ напр. о раздѣльномъ житіи) признаются ничтожными. Замужняя не можетъ выѣхать въ сосѣдній городъ безъ письменно выра-

женнаго согласія своего мужа—безъ этого согласія ей не выдадутъ паспорта; безъ согласія мужа жена не можетъ заключить договора личнаго найма...*И въ то же время* достаточно полицейскаго распоряженія и бракъ, основа всѣхъ основъ, фактически расторгается. Симферопольскій полицеймейстеръ распорядился выдать желтый билетъ женщинѣ оттого только, что нашелъ ее въ пивной ея же мужа. Симферопольскій полицеймейстеръ вовсе не исключеніе. Среди нашей оффиціальной проституціи въ 1889 году было 9,3% замужнихъ [1])...

Во всякомъ случаѣ дарованіе права публичнаго разврата замужней—есть въ то же время нарушеніе правъ мужа, а потому прежде чѣмъ даровать такое право замужней, слѣдуетъ предварительно извѣстить мужа; быть можетъ мужъ пожелаетъ отвратить свою жену отъ подобной жизни... вѣдь законъ даетъ право мужу заключать прелюбодѣйную жену даже въ монастырь (1585 ст. ул.). Зачисленіе же замужней въ списки публичныхъ безъ предварительнаго извѣщенія мужа—незаконно до очевидности.

Весьма любопытно было бы рѣшить, по какой статьѣ прокуроры могутъ возбудить дѣло о преданіи суду тѣхъ лицъ администраціи, которые выдаютъ разрѣшенія на развратъ несовершеннолѣтнимъ и замужнимъ... есть ли это преступленіе должности, или это обыкновенное сводничество, или это участіе въ 1585 ст. ул. или 1524 ст. ул. (если дѣвушкѣ менѣе 14 лѣтъ)....

Первичная запись.

Въ предисловіи къ нашей работѣ мы сказали, что цѣль наша—не предрѣшать такъ или иначе вопросъ о регламен-

---

[1]) § 7 Варшавскихъ правилъ 1874 г. предписываетъ предварительно сообщать мужу, если мѣсто жительство его извѣстно и если жена его извѣстна своею развратною жизнью.

§ 16 С.-Петербургскаго Комитета предписываетъ женщинъ замужнихъ, если онѣ живутъ съ мужьями, ни въ какомъ случаѣ не подчинять врачебному надзору, но если онѣ живутъ отдѣльно, то поступатъ съ ними на общемъ основаніи.

таціи или аболиціонизмѣ—а лишь указать безусловно вредныя стороны современной регламентаціи. Стало быть, мы вовсе не рекомендуемъ сохранять существующій порядокъ веденія особыхъ списковъ проститутокъ—мы утверждаемъ лишь, что разъ такіе списки существуютъ и *разъ внесеніе въ нихъ влечетъ за собою рядъ ограниченій свободы для внесенныхъ въ эти списки*—то во всякомъ случаѣ внесеніе въ эти списки должно быть обусловлено соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій, гарантій правильности внесенія въ эти списки. И чѣмъ ограниченія свободы вносимыхъ въ эти списки значительнѣе, тѣмъ значительнѣе должны быть и гарантіи правильности внесенія въ эти списки.

При современныхъ условіяхъ внесеніе въ списки влечетъ рядъ весьма ощутительныхъ ограниченій для вносимыхъ и въ то же время гарантій правильности внесенія въ эти списки, можно сказать, не существуетъ совершенно. Въ этомъ и заключается одинъ изъ многихъ недостатковъ современной системы регламентаціи проститутокъ, и недостатокъ весьма существенный.

По нашимъ законамъ никто не можетъ подлежать наказанію иначе, какъ только по приговору суда, вошедшему въ законную силу... Прежде чѣмъ посадить кого либо на нѣсколько дней подъ арестъ или оштрафовать нѣсколькими рублями—нерѣдко дѣло разбирается въ двухъ инстанціяхъ и даже переходитъ въ Сенатъ... И въ то же время столь важный актъ, какъ запись женщины (часто несовершеннолѣтней) въ число публичныхъ, превращеніе ея оффиціально „въ безчестную"—столь важный актъ не обставленъ никакими гарантіями. Очень часто первичная запись совершается въ публичномъ домѣ: хозяйка запросто заявляетъ доктору, что это—„новенькая", докторъ тутъ же приступаетъ къ медицинскому осмотру—а формальности совершаются потомъ, даже безъ присутствія вносимой въ списки, такъ что „новенькая" и не замѣтитъ, какъ изъ полноправныхъ она обратилась въ поднадзорную, оффиціально признанную безчестной. Введенное у насъ съ 1892 года требованіе, дабы при внесеніи въ списки поднадзорныхъ требовать отъ вносимой письменнаго заявленія о томъ,

что внесеніе въ списки произошло по ея согласію—хотя и кладетъ нѣкоторый предѣлъ произволу при внесеніи въ списки, но не въ достаточной степени; за неграмотныхъ (а такихъ по XIII т. статистики Россійской имперіи—77,6%!) часто подписываются ея грамотныя подруги будто бы „по ея личной просьбѣ" (это подлогъ, но кто же докажетъ, разъ дѣло происходило въ семейной обстановкѣ публичнаго дома). Правда, даже административныя правила требуютъ первичной записки въ комитетѣ—но это правило, охраняющее женщину хоть немного отъ произвола, не имѣетъ лицъ, прямо заинтересованныхъ въ его соблюденіи, и потому остается мертвымъ. Даже такой сторонникъ регламентаціи, расплодившій цѣлую армію врачей-регламентаторовъ, какъ проф. Тарновскій, котораго никто уже не заподозритъ въ извращеніи фактовъ изъ за аболиціонистическихъ симпатій—даже онъ находитъ, что въ современной регламентаціи „произволъ стоитъ на первомъ мѣстѣ" (Прост. и аболиц., 232).

„Общество обязано съ тою же осторожностью и осмотри„тельностью относиться къ внесенію женщинъ въ списки пуб„личныхъ, съ какою оно относится ко всякому осужденію за „преступленіе" (Тарновскій, 1 в., 244). А потому запись въ число публичныхъ должна происходить въ засѣданіи комитета, и качества членовъ комитета должны быть не ниже качествъ судьи. Комитетъ обязанъ удостовѣриться, дѣйствительно ли женщина идетъ въ ряды проституціи по собственному желанію, дѣйствительно ли она понимаетъ, куда она идетъ и нѣтъ ли средствъ отклонить ее отъ печальнаго пути. И теперь, впрочемъ, § 13 „положенія врачебно-полиц. комитета въ С.-П—гѣ" требуетъ, чтобы вновь поступающія распрашивались, „добровольно ли онѣ поступаютъ и не завлечены ли онѣ содеражтельницами къ сей жизни насиліемъ или обманомъ". По § 51 рижскихъ правилъ комитетъ обязанъ объяснить женщинѣ, представляемой ему содержательницей, что, находясь подъ особымъ покровиттльствомъ комитета, представляемая ему женщина не должна поступать въ заведеніе подъ вліяніемъ угрозъ, долговъ или обмана. Во всякомъ случаѣ къ этой обязанности комитетъ долженъ от-

нестись не формально, а дѣйствительно выяснить себѣ тѣ побужденія, которыя толкаютъ женщину почти на вѣрную гибель. А такъ какъ самая частая причина поступленія женщинъ въ ряды проститутокъ—это бѣдность (по XIII т. Статистики Россійской Имперіи—83,5%!) и даже нищета, то отсюда понятна необходимость тѣсной связи между комитетомъ и всякими благотворительными обществами и учрежденіями: какъ государственными, такъ и частными. Само собой разумѣется, что ни несовершеннолѣтнихъ безусловно, ни замужнихъ и имѣющихъ родителей безъ формальнаго отреченія послѣднихъ отъ права исправленія порочныхъ женъ и дочерей комитетъ въ списки зачислять не можетъ. Не мѣшало бы, конечно, при первичныхъ освидѣтельствованіяхъ обращать вниманіе не только на отсутствіе у вносимой венерическихъ заболѣваній, но и на душевную ея нормальность, а потому при освидѣтельствованіяхъ не будетъ излишенъ и психіатръ; вѣдь мысль о ненормальности психики у проститутокъ въ послѣднее время получаетъ все болѣе и болѣе обоснованій (см. Тарновская въ Трудахъ съѣздовъ русскихъ психіатровъ въ Москвѣ, 885—893 и изслѣдованія Ламброзо). Наконецъ и своевременная подача юридической помощи тоже будетъ не излишня, а потому комитетъ долженъ и это имѣть въ виду.

Однимъ словомъ комитетъ обязанъ—особенно при первичной записи, когда такъ много надежды не допустить женщину до публичнаго разврата—стараться насколько это въ его силахъ дѣйствительно отвращать женщинъ отъ рокового шага и только, испытавъ нищету всѣхъ средствъ, онъ можетъ внести женщину въ свои списки—конечно при ея на то согласіи, согласіи не мнимомъ, а вполнѣ сознательномъ.

Исключеніе изъ подъ надзора.

Пребываніе въ публичномъ домѣ не есть ни юридическая, ни нравственная обязанность: обязательства разврата не существуетъ.

(Неклюдовъ, Курсъ, I, 366).

Оставленіе публичнаго дома можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ разрѣшенія комитета (§ 129 Прав. Рижск. Врач. Комит.) . . . . . дѣвушки не имѣютъ *права*, подъ опасеніемъ взысканія оставлять заведеніе безъ разрѣшенія комитета (ibid., § 140).

Такъ какъ поступленіе въ число поднадзорныхъ проститутокъ можетъ быть согласно разъясненію Общаго Собранія Сената 1902 г. № 7 только добровольное, съ добраго и ничѣмъ не принужденнаго согласія женщины, то и пребываніе ея въ числѣ поднадзорныхъ должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока она согласна подчиняться этому надзору и состоять въ спискахъ. Разъ женщина заявила, что она не желаетъ болѣе числиться въ спискахъ—ее должны тотчасъ же исключить изъ списковъ. Къ такому выводу приводитъ насъ то соображеніе, что если личный наемъ не можетъ быть заключенъ безсрочно, то тѣмъ болѣе ничтожно согласіе женщины пребывать въ спискахъ публичныхъ даже и тогда, когда она раздумала заниматься развратомъ. Состояніе въ спискахъ и соблюденіе медицинскихъ правилъ даетъ то преимущество женщинѣ, что она можетъ безнаказанно заниматься проституціей; разъ она исключена изъ списковъ, она потеряла эту привилегію и если вздумаетъ продолжать свой прежній промыселъ, то рискуетъ быть наказанной за тайную проституцію по 44 ст. уст. о нак.; таковы отношенія женщинъ къ поднадзорнымъ спискамъ—такъ отношенія эти опредѣляются законами, разъясненными вышеупомянутымъ сенатскимъ рѣшеніемъ.

Но не то говорятъ административныя правила; они не только допускаютъ и рекомендуютъ насильственное внесеніе въ списки, но, будучи послѣдовательны, и насильственное задержаніе женщины въ этихъ спискахъ, и исключеніе изъ

списковъ обусловливаютъ такими трудностями, которыя дѣлаютъ выходъ изъ подъ надзора почти недостижимымъ.

По этимъ административнымъ правиламъ выходъ изъ подъ надзора и исключеніе изъ позорныхъ списковъ въ настоящее время обставлено бо̀льшими формальностями, чѣмъ поступленіе подъ надзоръ. При дѣйствіи этихъ правилъ проституція является настоящимъ капканомъ: попасть туда легко, а освободиться почти невозможно; современная регламентація только облегчаетъ пути къ этому капкану и всячески затрудняетъ выходъ изъ него.

Представимъ себѣ, что женщина рѣшила прекратить свое ремесло. Она заявляетъ о своей рѣшимости полиціи. Но ей все таки не выдадутъ на руки ея паспорта. Только по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ей „могутъ“ выдать ея паспортъ. По § 22 полож. врач.-пол. комит. въ С.-Петербургѣ „публичныя женщины, пожелавшія оставить промыселъ разврата, могутъ быть исключаемы изъ списковъ комитета, по точномъ удостовѣреніи, что они дѣйствительно оставляютъ этотъ промыселъ“. Тоже 8 п. обязательн. постановлен. Пермской городской думы, одобрен. медицинскимъ совѣтомъ 6 мая 1894 г., § 6 обязательн. постановлен. Минской городской думы, § 132 Рижскихъ правилъ и т. п. Итакъ, пока будетъ производиться „точное удостовѣреніе“, женщина будетъ находиться подъ давленіемъ страшной неизвѣстности: дадутъ ли ей паспортъ, или нѣтъ—вѣдь выдача паспорта не обязательна, а только факультативна. Между тѣмъ никакой честной работы, никакого труда она нигдѣ не можетъ найти, потому—что у нея нѣтъ паспорта. Стало быть, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ женщина должна проживать готовыя деньги, а много ли такихъ женщинъ среди проститутокъ, кои могли бы жить нѣсколько мѣсяцевъ на готовыя деньги?.....

Правда, есть еще другой способъ выйти изъ этого капкана—поднадзорной проституціи: быть взятой на поруки какимъ либо мужчиной, внушающимъ полиціи довѣріе въ своей состоятельности; къ этому средству прибѣгаютъ проститутки, переходя въ любовницы къ небогатому человѣку. Но для перехода не въ любовницы это средство не годится—и женщинѣ

остается прибѣгнуть только къ первому средству, явно неисполнимому, или . . . . примириться съ своею участью.

Выходъ изъ публичнаго дома обставленъ еще большими формальностями, исполнить кои прямо таки нѣтъ возможности. Правила современой регламентаціи точно имѣютъ въ виду закабалить женщину и не выпускать ее изъ публичнаго дома. *Невѣроятно—но вѣрно.* Правила не только признаютъ юридическое значеніе за условіями, по коимъ поступаютъ въ публичные домы женщины, но и придаютъ этимъ условіямъ такую силу, какой по X т. не имѣютъ самые нравственные и добродѣтельные договоры гражданскаго оборота. По § 57 денежныя претензіи хозяекъ публичныхъ домовъ не могутъ служить препятствіемъ къ оставленію публичными женщинами дома во всякое время лишь въ томъ случаѣ, „когда не были ведены между ними расчетныя книжки"; стало быть, „разъ ведены были расчетныя книжки", то „денежныя претензіи содержательницъ могутъ служить препятствіемъ къ оставленію публичнаго дома". По Рижскимъ правиламъ при имѣніи долговъ проститутка не можетъ выйти изъ публичнаго дома, развѣ переведетъ свой долгъ на новую хозяйку (§ 131). Въ Варшавѣ (§ 95) женщина должна быть возвращена въ прежній публичный домъ, если доказано, что она предается *тайно* распутству или живетъ въ другомъ публичномъ домѣ. Развѣ это не прикрѣпленіе къ разврату и даже къ опредѣленнымъ хозяйкамъ-своднямъ точь въ точь, какъ были прикрѣплены крестьяне къ помѣщикамъ??! По тѣмъ же любопытнымъ Варшавскимъ правиламъ женщина, оставившая публичный домъ вслѣдствіе своего зараженія—освобождается отъ обязательствъ пребывать въ публичномъ домѣ: „это имѣетъ быть почитаемо наказаніемъ для содержа„тельницъ публичныхъ домовъ за слабое смотрѣніе къ предо„храненію состоящихъ у нихъ женщинъ отъ зараженія".

Развѣ это не Геркулесовы столбы поруганія элементарнѣйшихъ понятій всякаго права и правопорядка? Развѣ это не поруганіе и религіи, и совѣсти, и закона, поруганіе, совершаемое явно и систематически?

Пусть наши государствовѣды отвѣтятъ, какъ возможны подобныя правила при дѣйствіи 47 ст. зак. осн.

§ 54 дозволяетъ женщинѣ „оставить публичный домъ, „не заплативъ долга хозяйкѣ, если женщина пожелаетъ обра„титься къ честной жизни, но . . . . не иначе, какъ доказавъ „свое желаніе исправиться, пробывъ положенное время въ „общинѣ сестеръ милосердія или въ другомъ подобнаго рода „учрежденіи“.

Для того, чтобы попасть въ общину сестеръ милосердія и въ „подобнаго рода учрежденіе“, нужно сперва оставить публичный домъ, а не наоборотъ—какъ требуетъ § 57. Но если и толковать этотъ параграфъ не буквально, а по смыслу, то и въ этомъ случаѣ женщинѣ, пожелавшей оставить публичный домъ—не многимъ легче. Дѣло въ томъ, что публичныя женщины не принимаются общинами сестеръ милосердія, а „подобнаго рода учрежденій“ въ Россіи почти нѣтъ.

Мы уже видѣли, что, по правиламъ, на обязанности полиціи лежитъ насильственное водвореніе женщинъ, кои, не уплативъ долговъ хозяйкамъ, бѣжали изъ ихъ публичнаго дома.

И дѣйствительно въ литературѣ имѣются указанія на то, что полиція насильственно водворяетъ въ публичные дома женщинъ, бѣжавшихъ оттуда.

О связяхъ, существующихъ между хозяевами публичныхъ домовъ и полиціей—хотя достаточно извѣстно изъ тѣхъ процессовъ, кои разбирались въ судахъ: Кронштадтскій полицеймейстеръ Головачевъ, Николаевскій—Берклевъ, Уральскій—Саратовцевъ даже сами эксплоатировали публичные дома, хотя и подъ чужимъ именемъ. Обыкновенно, когда необходимо представить залогъ за полицейскаго чиновника, привлеченнаго къ слѣдствію, то это дѣлаютъ содержатели публичныхъ домовъ (Гогель, О торговлѣ бѣлыми женщинами). Секретарь управленія одесскаго полицеймейстера коллежскій регистраторъ Болотовъ признанъ былъ виновнымъ въ томъ, что 1) принуждая Павловскую поступить въ публичный домъ, арестовалъ ее болѣе чѣмъ на недѣлю и 2) принудилъ мѣщанку Орлову къ поступленію въ публичный домъ Гольдовой, угрожая выслать по этапу и заключить подъ стражу (Рѣш. уг. касс. деп. 1874, № 83).

То же и за границей. Членъ общества возвращенія къ честной жизни падшихъ Chamington въ печати заявилъ, что ему въ его дѣятельности постоянно мѣшала полиція и что однажды съ ея вѣдома онъ чуть не былъ убитъ (Окороковъ, Международная торговля, 47 стр.). Генуезскій конгрессъ аболиціонистовъ открыто заявилъ, что полиція нравственности нерѣдко сильно способствуетъ торговлѣ женщинами.

Проф. Янжулъ еще въ 1881 году познакомилъ русское общество съ громкими процессами торговцевъ Англіи и Голландіи и выяснилъ намъ ту роль, которую играла полиція въ этой торговлѣ. 400 дѣвушекъ завезенныхъ обманомъ въ публичныя дома крошечной Голландіи краснорѣчиво указываютъ на полицейское содѣйствіе въ этомъ обманномъ ввозѣ.

Такъ ведетъ себя полиція нравственности на Западѣ. Что же сказать о той полиціи, одно пребываніе въ рядахъ коей является какъ бы infamièn immediata?

Итакъ, въ Россіи существуетъ, вопреки закону, и насильственное подчиненіе надзору и насильственное удержаніе женщины въ спискахъ поднадзорныхъ даже и тогда, когда она настоятельно заявляетъ, что пользоваться разрѣшеніемъ на развратъ она не желаетъ вовсе.

Противозаконность распространенія надзора надъ тѣми женщинами, кои не желаютъ воспользоваться прелестями разрѣшеннаго разврата—внѣ сомнѣній: свѣтлое рѣшеніе общ. собр. 1892, № 7, обезпечиваетъ женщинѣ свободу не подчиняться требованіямъ комитета, разъ женщина находитъ для себя удобнымъ не брать разрѣшенія на развратъ.

Столь же несомнѣнна для меня и нецѣлесообразность насильственнаго внесенія и удержанія въ спискахъ тѣхъ, кто числиться въ нихъ не желаетъ.

Какой смыслъ навязывать женщинѣ право на развратъ, разъ она не желаетъ этого права?

Безцѣльно навязывать право на развратъ, но еще безцѣльнѣе и преступнѣе навязывать кому либо обязанность

разврата—а это именно и дѣлаютъ дѣйствующія вопреки закону административныя правила.

Если недостаточны кары за тайный развратъ—увеличьте эти кары, но не вводите въ уголовное право наказанія повинностью разврата.

Если женщина (или мущина) развратничаютъ безъ полицейскаго разрѣшенія, карайте ихъ за это какъ угодно строго, хотя бы годами тюрьмы, но не принуждайте ихъ заниматься и впредь развратомъ и черпать средства къ жизни исключительно въ промыслѣ развратомъ.

Если такъ опасенъ тайный развратъ, то всегда можно найти столь жестокія кары въ общей лѣстницѣ наказаній за рецидивы тайнаго разврата, что женщина занимающаяся развратнымъ промысломъ предпочтетъ заниматься имъ съ разрѣшенія власти и не рисковать уголовными карами за тайный развратъ.

Если необходимъ спеціальный надзоръ за промысломъ разврата—то онъ долженъ быть организованъ такъ, что подъ надзоромъ тѣмъ будутъ состоять только тѣ, кто находитъ для себя выгоднѣе явную проституцію, чѣмъ тайную.

Итакъ, въ оффиціальныхъ спискахъ проститутокъ должны числиться только тѣ женщины, кои желаютъ этого и только то время, пока онѣ желаютъ этого; разъ такое желаніе исчезло, исчезнуть должна и фамилія женщины изъ проституціонныхъ списковъ. Нельзя навязывать кому бы то ни было разрѣшенія на то или иное занятіе. Въ признаніи добровольности внесенія и пребыванія въ оффиціальныхъ спискахъ заключается высочайшее благо: такое признаніе уничтожаетъ повинность разврата, одну изъ самыхъ ужасныхъ повинностей XX вѣка.

До тѣхъ же поръ, пока полиція нравственности будетъ считать подъ своимъ надзоромъ тѣхъ, кои этого не хотятъ, до тѣхъ поръ въ той или иной формѣ будетъ скрываться повинность разврата, не совмѣстимая ни съ Божескими, ни даже съ самыми скромными человѣческими законами, и почти безразлично: свободный ли англійскій судья или даже сонмъ судей или зависимый и склонный къ превышенію власти и

произволу префектъ полиціи или сонмъ такихъ администраторовъ будетъ завѣдывать насильственнымъ подчиненіемъ надзору: вездѣ будетъ, пока будетъ насильственное подчиненіе, повинность разврата, ни теоретически ни практически не допустимая.

А между тѣмъ эта простая и ясная какъ солнце истина о томъ, что всякое *насильственное* подчиненіе и удержаніе женщины въ числѣ оффиціально признанныхъ публичныхъ женщинъ въ сущности является *принужденіемъ ея къ разврату*—эта простая истина, какъ много и другихъ простыхъ истинъ, такъ трудна для пониманія нашихъ ученыхъ врачей и регламентаторовъ, исписавшихъ цѣлые томы о проституціи и не уяснившихъ себѣ этой ясной, какъ солнце, истины, что они, вопреки здравому смыслу, вопреки требованіямъ совѣсти, вопреки требованіямъ логики, вопреки требованіямъ цѣлесообразности и основныхъ законовъ государства, не могутъ написать нѣсколькихъ словъ безъ того, чтобы не нарисовать намъ идеальнаго надзора въ видѣ насильственнаго подчиненія и удержанія женщины въ числѣ оффиціально безчестныхъ.

Licentia Stupri, разъ она касается тѣхъ, кто ея благами пользоваться не желаетъ, всегда и вездѣ превращается въ страшное obligatio stupri.

Это положеніе слѣдуетъ помнить всякому, кто рѣшается говорить о регламентаціи проституціоннаго промысла. Столѣтняя исторія европейской регламентаціи только подтверждаетъ высказываемое нами положеніе.

А. Л. Рубиновскій.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ АРЕСТЪ ДЛЯ ЦѢЛЕЙ ПРАВОСУДІЯ.

IX.

Предварительный арестъ обвиняемаго.

Приступая къ разсмотрѣнію полицейскаго предварительнаго ареста по дѣйствующему русскому праву, мы собственно должны будемъ говорить объ институтѣ, въ законѣ несуществующемъ. Какъ это ни странно и какъ ни неожиданно для многихъ, но Россія не знаетъ этого института, являющагося одной изъ опоръ правового порядка на западѣ. Русскому праву извѣстны только отдѣльныя слѣдственныя дѣйствія полиціи, къ числу которыхъ относится и равносильная съ судомъ власть принятія „мѣръ пресѣченія“, извѣстна дѣятельность полиціи по арестованію въ порядкѣ предупрежденія и пресѣченія преступленій и, наконецъ, слабый, невыясненный зародышъ полицейскаго ареста въ дѣлахъ мировой юстиціи. Правовое начало полицейскаго ареста, какъ предварительной мѣры, стоящей подъ строгимъ контролемъ судьи, и принимаемой въ случаяхъ крайней необходимости обезпечить возможность правосудія, хотя и признанное въ основныхъ положеніяхъ 1862 г., совершенно подавлено громадной массой пережитковъ дореформенной эпохи, сохранившихся въ этой области. Какъ хлѣбное зерно оно заглушено плевелами, отчасти оставшимися невырванными съ нивы правосудія въ періодъ жатвы народной—шестидесятые годы, отчасти обильно выросшими подъ покровомъ безпробуднаго полицейскаго мрака и политической вьюги послѣднихъ десятилѣтій. Юристу теоретику, разрѣзывающему пласты законодательныхъ наслоеній,

болѣе всего будутъ видны наслоенія отдѣльныхъ политическихъ эпохъ въ правосудіи, и поэтому, разсматривая вопросъ съ такой точки зрѣнія, можно смѣло сказать, что нигдѣ не проявилось съ такою яркостью и наглядностью безправіе и угнетенность населенія, допускавшаго рядъ возмутительныхъ нарушеній коренныхъ правъ личности, какъ въ области полицейскаго ареста. Неясность закона и власть, которую по нему имѣютъ полицейскіе органы, могутъ быть характерны лишь для эпохи полнаго подчиненія личности правительству. Можно еще удивляться, какъ практика, не нуждаясь въ тѣхъ широкихъ границахъ полицейской власти, которыя предоставлены ей закономъ, установила существующій modus vivendi, а не свела свободу личности къ одному только призрачному понятію, снаружи какъ бы живому, но внутри представляющему сгнившій трупъ.

Анализируя нормы дѣйствующаго права по этому вопросу, мы будемъ имѣть въ виду правовыя начала полицейскаго ареста, выработанныя на Западѣ, и будемъ указывать на устарѣлость и противорѣчивость соотвѣтственныхъ постановленій у насъ, выдвигая цѣль критическую на первый планъ предъ систематической. Намъ кажется, что стремленіе примѣнить систематическое толкованіе можетъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ основныя начала являются достаточно прочными, и потребны только частичныя улучшенія, въ тѣхъ же случаяхъ, когда зданіе должно быть перестроено, начиная съ фундамента, единственно цѣлесообразной является дѣятельность разрушительная, имѣющая въ виду расчистить ту площадь, на которой будетъ выстроено новое зданіе. Къ толкованію мы будемъ прибѣгать только тогда, когда оно будетъ признано непосредственно вытекающимъ изъ закона, а не создаваемымъ искусственно, съ натяжкой въ цѣляхъ конкретной справедливости. Укажу также, что практики судебнаго толкованія въ этой области почти совершенно не имѣется, ибо находясь въ крайнемъ отдаленіи отъ суда, да притомъ будучи огражденной китайской стѣной безотвѣтственности, дѣятельность полиціи по арестованію очень рѣдко становилась темой для обсужденія въ кассаціонномъ судѣ, и потому толкованіе на практикѣ

было предоставлено полицейскому начальству, менѣе всего заинтересованному въ толкованіи in favorem libertatis.

Еслибы изслѣдователь русскаго права захотѣлъ освѣдомиться въ уставѣ уголовнаго судопроизводства о *правахъ частныхъ лицъ на производство ареста*, онъ не нашелъ бы намека на отвѣтъ. Вопросъ этотъ, по мнѣнію законодателя, какъ бы не относится къ числу тѣхъ, которые опредѣляютъ права гражданъ въ процессѣ. И только въ т. XIV, въ уставѣ о пресѣченіи и предупрежденіи преступленій, т. е. въ сборникѣ предписаній, относящихся спеціально къ полицейской власти, существующемъ болѣе семидесяти лѣтъ въ видѣ, незатронутомъ „вѣяніемъ реформъ", онъ нашелъ бы слѣдующія двѣ архаическія статьи: ст. 242: „Если учинится ссора или драка, то постороннія, случившіяся при томъ или слышавшія крикъ „караулъ", должны ссорящихся развести и стараться примирить, и отнюдь на ссору и драку не обращать; въ случаяхъ же причиненія кому либо побоевъ, обиженному чинить воспоможеніе и тѣхъ людей, на которыхъ будутъ кричать караулъ, ловить и приводить въ полицію", и ст. 310: „Кто откроетъ зажигателя, тотъ обязанъ по возможности, задержавъ его, представить мѣстному полицейскому начальству, а, если задержать будетъ невозможно, то извѣстить о томъ полицію для принятія нужныхъ мѣръ къ поимкѣ". Кромѣ этихъ, совершенно казуистичныхъ случаевъ, никакихъ другихъ законодательныхъ нормъ по этому предмету не имѣется. Но въ качествѣ пережитковъ обѣ эти нормы столь любопытны, что интересно поближе разсмотрѣть ихъ. На обѣихъ ихъ лежитъ слишкомъ ясная печать полицейскаго строя: задержаніе разсматривается какъ полицейская обязанность, возложенная на гражданъ, а не какъ ихъ право (о принципіальномъ значеніи этого см. выше), притомъ въ первомъ случаѣ эта обязанность граничитъ съ запрещеніемъ самимъ ввязываться въ драку или ссору (впрочемъ „чинить воспоможеніе обиженному" не запрещается) и рекомендованіемъ примиренія (едва ли допустимаго въ дѣлахъ публичнаго характера), а вторая—съ обязанностью доносительства.

Такое соединеніе обязанностей лишній разъ подчеркиваетъ полицейское ихъ значеніе. Далѣе, если излагаемый въ ст. 242 т. XIV случай можетъ быть подведенъ подъ понятіе flagrant délit и clameur publique, то въ ст. 310 выраженіе „откроетъ“ ничего не говоритъ сознанію юриста по полной своей неопредѣленности. Задержаніе преступниковъ происходитъ исключительно въ интересахъ полицейскихъ, а не въ интересахъ правосудія, а потому задержавшій долженъ передать арестованнаго въ руки полиціи, не требуя отъ нея никакихъ формальныхъ гарантій дѣйствительнаго представленія задержаннаго въ судъ. Неопредѣленность возложенной на гражданъ полицейской обязанности крайне велика (напр., какимъ образомъ, обязанный ловить тѣхъ, на кого кричатъ „караулъ“ въ дракѣ, можетъ быть убѣжденъ, что каждый отдѣльный „караулъ“ относится именно къ дракѣ, а не къ другому преступленію?) Но на дѣлѣ не было и интереса въ болѣе точномъ опредѣленіи этой обязанности, такъ какъ полиція все равно не имѣетъ легальныхъ средствъ добиться ея исполненія, а дѣятельность полицейскаго усмотрѣнія можетъ проявляться свободнѣе и при неопредѣленности закона.

Сопоставляя эти двѣ статьи съ западнымъ законодательствомъ, можно замѣтить опасный пробѣлъ, оставленный составителями устава угол. суд. Сторонникъ „законности и только законности въ жизни“ изумленно спросилъ бы, чѣмъ же на дѣлѣ руководилась жизнь? И здѣсь, къ счастью, мы отыскали бы старое сенатское рѣшеніе (1870 г. № 520), „разъясняющее“, что „потерпѣвшій отъ преступленія всегда вправѣ остановить подозрѣваемаго имъ въ совершеніи преступнаго дѣянія и представить въ полицію или мировому судьѣ“. Это рѣшеніе, помимо полной своей голословности, представляетъ также нѣкоторыя любопытныя стороны. Въ немъ говорится только о потерпѣвшемъ, но не о каждомъ гражданинѣ, и потому оно можетъ имѣть лишь примѣненіе въ значительно болѣе тѣсной области. Потерпѣвшему предоставлено право всегда, слѣдовательно, и по одному подозрѣнію задерживать и приводить всякаго. Это право формулировано столь безусловно, что равносильно полному про-

изволу. Не регулирована ни продолжительность задержанія, ни отвѣтственность за него, ни достовѣрность подозрѣнія, ни, наконецъ, величина преступленія, за которое можетъ производиться задержаніе. Излишне вдаваться въ подробное толкованіе этого разъясненія, недостаточность котораго бросается въ глаза. Мы можемъ только въ заключеніе сказать, что права гражданъ отъ произвольныхъ посягательствъ, со стороны окружающихъ, совершенно неограждены, что законъ не поставилъ даже себѣ этого вопроса, а практика предоставила все усмотрѣнію полиціи, къ которой приводится задержанный и которая является, такимъ образомъ судьей правильности задержанія. Къ счастью, произволъ по арестованію „въ униженной духомъ“ средѣ обывателей по отношенію другъ къ другу довольно рѣдокъ.

Вопросъ о спеціально полицейскомъ арестѣ является значительно болѣе сложнымъ, вслѣдствіе того, что законодатель не создавъ спеціальнаго института, ввелъ въ законъ нѣсколько противорѣчивыхъ и отрывочныхъ постановленій, изъ разсмотрѣнія которыхъ трудно вывести какое либо ясное заключеніе.

Если бы кто либо захотѣлъ познакомиться съ русскимъ правомъ полицейскаго ареста только на основаніи тѣхъ предположеній и мотивовъ, которые имѣлъ въ виду законодатель въ общихъ положеніяхъ 1862 г., онъ бы пришелъ къ пріятному заключенію, что въ основу рѣшенія вопроса положены правовыя начала западно - европейскаго права. Большинство авторовъ, даже наиболѣе авторитетныхъ, пребываетъ въ такой увѣренности, излагая, какъ дѣйствующее право предположенія законодателя, а не осуществленныя въ законѣ нормы.

Ст. 45 общихъ правилъ, Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 г., устанавливаетъ, что „обвиняемый, подвергнутый задержанію, долженъ быть допрошенъ непремѣнно въ теченіе сутокъ“; ст. 33 тѣхъ-же правилъ гласитъ: „полиція производитъ только дознанія о преступленіяхъ и можетъ, при производствѣ дознаній, задерживать подозрѣваемыхъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, немедленно увѣдомляя судебнаго слѣдователя и прокурора о задержаніи“. Болѣе подробнымъ образомъ эти случаи опредѣ-

лены не были. Составители устава угол. суд. въ объяснительной запискѣ, поэтому, занялись этимъ вопросомъ и пришли къ заключенію, которое такъ выражено въ объяснительной запискѣ (1863 г. стр. 133): „чтобы оградить личную свободу частныхъ лицъ, право задержанія полиціей ограничено случаями, когда съ вѣроятностью можно предположить виновность подозрѣваемаго лица“. Такими случаями были признаны случаи, указанные въ шести пунктахъ ст. 257 уст. угол. суд. Однако, разсуждая такъ, составители устава впали въ губительное заблужденіе, смѣшавъ вновь создаваемый институтъ *полицейскаго ареста* со *слѣдственными* дѣйствіями, которыя полиція принимаетъ въ отсутствіе судебной власти. Такъ, непосредственно передъ приведенной выдержкой въ объяснительной запискѣ 1863 г. мы находимъ: „Безъ ущерба для справедливости и дѣлу, въ виду могущаго послѣдовать сокрытія преступника или слѣдовъ преступленія, нельзя устранить полицію отъ принятія первоначальныхъ мѣръ изслѣдованія и потому необходимо возложить на нее обязанность, за отсутствіемъ слѣдователя, принимать нѣкоторыя слѣдственныя дѣйствія, не терпящія никакого отлагательства (ст. 256). Къ числу такихъ дѣйствій принадлежитъ и *задержаніе* подозрѣваемыхъ“. Въ этомъ отрывкѣ, какъ мы видимъ, задержаніе уже относится не къ дознанію, какъ указано въ основныхъ положеніяхъ 1862 г., а къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ слѣдователь, органъ судебный, замѣняется полиціей. На причинахъ и послѣдствіяхъ такой роковой ошибки мы подробно остановимся, пока же въ двухъ словахъ охарактеризуемъ ту систему, которую имѣлъ въ виду ввести въ уставъ законодатель. Судя по выставленнымъ принципамъ, это была система, весьма приближающаяся къ французской, времени первой республики. Если придерживаться только предположеній законодателя, то можно думать, что эта система дѣйствительно осуществлена въ нашемъ уставѣ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи намъ предстоитъ большое разочарованіе [1]).

[1]) Изъ русскихъ процессуалистовъ только проф. И. Я. Фойницкій, кромѣ обычной въ нашей литературѣ буквальной передачи содержанія ст. 257 уст.

Предположенія законодателя ни для кого не обязательны. Граждане считаются лишь съ тѣмъ, что нашло выраженіе въ изданномъ и обнародованномъ законѣ. Они должны повиноваться нормамъ, выраженнымъ въ установленной формѣ, а желанія, хотя и занесенныя на бумагѣ, могутъ имѣть значеніе лишь для будущихъ законодателей, которые сумѣютъ оцѣнить мотивы, руководившіе прежнимъ законодателемъ, и судить о ихъ примѣнимости въ будущемъ. Разбираемый нами случай представляетъ любопытнѣйшій примѣръ полнаго разногласія мыслей законодателя съ ихъ осуществленіемъ, явившагося результатомъ слѣпого слѣдованія старымъ укоренившимся общимъ взглядамъ.

Въ уставѣ угол. суд. къ полицейскому аресту относятъ 2 статьи: ст. 51—для мировой юстиціи и ст. 257—для дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ установленіямъ. Съ перваго взгляда обѣ статьи могутъ показаться неотносящимися къ данному вопросу: въ первой изъ нихъ говорится *о приводѣ* полиціей, во второй *о мѣрахъ пресѣченія*, слово „задержаніе" и не упоминается въ нихъ. Термины эти имѣютъ опредѣленное значеніе въ законѣ: первый примѣняется для обозначенія особаго вида судебнаго приказа о представленіи въ судъ (ст. 399), второй—для обозначенія принимаемыхъ по суду мѣръ обезпеченія неуклоненія обвиняемаго [1].

угол. суд., высказываетъ взглядъ на общую постановку полицейскаго ареста: „Для предупрежденія опасности побѣга полиціи, какъ нормальному органу дознанія, принадлежитъ право привода обвиняемаго и задержанія его, если слѣдователь отсутствуетъ. Во всякомъ случаѣ подозрѣваемый, полиціей задержанный, долженъ быть подвергнутъ первоначальному допросу въ теченіе не свыше 24 час. слѣдователемъ или, при отсутствіи его, полиціею и слѣдователю принадлежитъ повѣрка распоряженія полиціи о личномъ задержаніи". (Курсъ. т. II. стр. 403). Не трудно видѣть, что изложенное есть почти точное воспроизведеніе предположеній законодателя, насколько оно соотвѣтствуетъ дѣйствующему праву, мы увидимъ ниже.

[1]) Принятое въ уставѣ 1864 г. и сохраненное въ проектѣ 1900 г. названіе „мѣръ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда" (онѣ перечислены въ ст. 416) совершенно не соотвѣтствуетъ сущности и современной постановкѣ этихъ мѣръ. Прежде всего „пресѣченіе" совсѣмъ не отвѣчаетъ цѣли обезпеченія личности. Какъ опредѣляетъ угол. уложеніе (Объяснит. записка, 1897 г., глава о злоупотребленіяхъ службою, стр. 148), „выраженіе пресѣченіе имѣетъ въ виду покушеніе на совершеніе вплоть до выполненія преступникомъ послѣдняго дѣйствія или до прекращенія имъ его длящейся пре-

Отсутствіе спеціальнаго названія для этого института и обо-

ступной дѣятельности"; оно имѣетъ въ виду прекращеніе уже начавшейся попытки, а не вообще предупрежденіе. Затѣмъ мѣры обезпеченія въ настоящемъ ихъ видѣ совсѣмъ не „пресѣкаютъ" обвиняемому способы уклоненія. Напр. находящійся на порукахъ или давшій подписку о невыѣздѣ имѣетъ всевозможные способы для уклоненія. Даже взятый подъ стражу не лишенъ ихъ. Съ другой стороны понятіе способовъ уклоненія весьма широко; его не обнимаютъ мѣры обезпеченія. Подъ понятіе способовъ пресѣченія неуклоненія подойдутъ и организація тюремъ и постановка защиты на предварительномъ слѣдствіи, и тайна предварительнаго слѣдствія, и организація полиціи, и постановка розысканія преступниковъ, и сыскная полиція, и много другихъ самыхъ разнообразнѣйшихъ условій—все это мѣры, направленныя къ пресѣченію способовъ уклоненія отъ суда. Вообще, даже „мѣры пресѣченія", приспособленныя къ отдѣльнымъ случаямъ, не допускаютъ строгаго опредѣленія. Въ томъ же проектѣ о злоупотребленіяхъ службою, въ объясн. зап. къ уложенію 1903 г. указывается: „что же касается до общихъ мѣръ предупрежденія и *пресѣченія*, то подъ ними слѣдуетъ понимать не только мѣры, указанныя въ законѣ (т. П. уст. о пред. и пресѣч. преступл.), *но вообще всѣ тѣ мѣры, употребленіе коихъ не возбраняется служащему*, какъ вытекающихъ изъ самихъ условій его служебной дѣятельности и обстоятельствъ даннаго случая" (затѣмъ идетъ длинное примѣрное перечисленіе). Какъ видно, понятіе мѣръ пресѣченія настолько широко, что не поддается частному опредѣленію, примѣненіе ихъ допускаетъ весьма значительный произволъ, дозволяя дѣлать все, незапрещенное закономъ. Пресѣченіе способовъ уклоненія также допускаетъ такой широкій произволъ дѣятельности. Съ одной стороны это понятіе слишкомъ широко, включая множество различныхъ, ссыскныхъ мѣръ, которыя можетъ принимать полиція (но не судья, занимающійся дѣятельностью рѣшенія, но не полицейскими функціями пресѣченія), съ другой стороны оно слишкомъ узко, оставляя внѣ себя мѣры психологическаго характера. Причиной принятія такого названія въ Сводѣ 1833 года была тогдашняя постановка этихъ мѣръ. Эти мѣры *вѣдались полиціей* и были *исключительно принудительнаго* характера, имѣя цѣлью—с о д е р ж а н і е обвиняемаго въ полиціи или тюрьмѣ, за поручителемъ. Общая же дѣятельность полиціи есть предупрежденіе и пресѣченіе. Подслѣдственное содержаніе подъ стражей и разсматривалось какъ видъ общей дѣятельности пресѣченія, на томъ основаніи, что при арестованіи играла главную роль полицейская цѣль безопасности—пресѣченіе всякой дѣятельности обвиняемаго посредствомъ принудительнаго содержанія; а при господствѣ общей презумпціи, что „свойство обвиняемыхъ есть бѣгать отъ суда", такое содержаніе являлось „пресѣченіемъ способовъ". Такимъ образомъ названіе „мѣры пресѣченія способовъ уклоненія" имѣетъ чисто историческій характеръ и сохраняется отъ эпохи смѣшенія юстиціи и полиціи. Теперь мѣры воспрепятствованія уклоненію носятъ во многомъ иной характеръ, изъ полицейскихъ онѣ стали судебными, изъ чисто принудительныхъ—и психологическими. Отъ самого названія вѣетъ архаизмомъ и непріятнымъ воспоминаніемъ дореформенной эпохи. Не мѣшало бы и въ проектѣ, составленномъ въ XX столѣтіи, выбросить этотъ пережитокъ полицейской эпохи. Это обозначеніе имѣетъ далеко не одно только словесное значеніе. Какъ мы увидимъ, такое названіе оказало существенное вліяніе, незамѣтно для самихъ составителей, на

значеніе его двумя различными именами сразу вызвало рядъ ошибокъ [1]).

постановку полицейскаго ареста и мѣръ обезпеченія. Самое названіе внушаетъ мысль не о скрывающихся за нимъ важныхъ правахъ на свободу, а о полицейской дѣятельности въ интересахъ безопасности.

Эти соображенія заставили насъ отказаться отъ употребленія этого устарѣвшаго термина. Въ самомъ законѣ, а еще болѣе у отдѣльныхъ процессуалистовъ, видно стараніе отказаться отъ этого термина. Кистяковскій постоянно называетъ мѣры пресѣченія—*мѣрами предупрежденія*; однако это названіе позволяетъ ихъ смѣшивать съ полицейскими мѣрами предупрежденія преступленій Случевскій называетъ ихъ *„мѣрами обезпеченія исполненія обязанностей лицами, вызываемыми къ суду"*—однако это названіе болѣе широко, притомъ неуклоненіе нельзя разсматривать только какъ обязанность обвиняемыхъ. Западные ученые, а также И. Я. Фойницкій называютъ ихъ мѣрами судебнаго принужденія (Zwangsmittel), очевидно подъ вліяніемъ теоріи о мѣрахъ обезпеченія, какъ о подслѣдственномъ заключеніи и его суррогатѣ поручительствѣ и залогѣ. Допустивъ самостоятельное положеніе мѣръ психологическаго характера, мы должны признать, что названіе—„принудительныя мѣры" не покрываетъ всего содержанія этихъ мѣръ, а также оно захватываетъ и другія принудительныя мѣры (обыскъ, выемку и пр.). Неудобно назвать ихъ и *мѣрами обезпеченія явки*, потому что нѣкоторыя мѣры не обезпечиваютъ явки, какъ активнаго поступка обвиняемаго (напр., отобраніе подписки о невыѣздѣ или полицейскій надзоръ), но лишь неуклоненіе, какъ воздержаніе отъ совершенія извѣстныхъ дѣйствій. Обезпеченіемъ явки являются штрафъ, приводъ, угроза арестомъ. *Въ самомъ законѣ* мѣры пресѣченія называются различно. Въ ст. 417, 418, 419 онѣ названы мѣрами обезпеченія; въ ст. 893 п. 3 онѣ названы мѣрами для воспрепятствованія подсудимому уклоняться отъ слѣдствія и суда. И въ проектѣ есть отступленія отъ общаго обозначенія. Такъ въ примѣчаніи къ ст. 343 эти мѣры названы мѣрами обезпеченія неуклоненія отъ слѣдствія и суда—названіемъ, которое намъ кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ. Мы только замѣнили бы слова отъ слѣдствія и суда однимъ словомъ—отъ правосудія. Въ обозначеніи—слѣдствія и суда—находится и нѣкоторый плеоназмъ. Слѣдствіе можетъ включать какъ предварительное, такъ и судебное слѣдствіе. Съ другой стороны при расширеніи дознанія и ограниченіи слѣдствія, такое обозначеніе будетъ слишкомъ узкимъ; то же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно мировой юстиціи. Удобнѣе, не разбивая на отдѣльныя стадіи, обозначить цѣль этихъ мѣръ, какъ неуклоненіе отъ единаго акта—правосудія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаемое нами названіе—*мѣры, обезпечивающія неуклоненіе обвиняемаго отъ правосудія*,—менѣе громоздко, чѣмъ старое.

Мы, можетъ быть, слишкомъ долго остановились на вопросѣ о наименованіи, но намъ казался онъ важнымъ для точнаго опредѣленія различныхъ видовъ ареста и другихъ мѣръ, въ виду господствующаго въ судебныхъ уставахъ и нисколько не исправленнаго въ проектѣ смѣшенія дѣятельности полиціи и юстиціи въ этой области.

[1]) Такъ ст. 51 дала поводъ И. Тарасову (Полицейскій арестъ, какъ мѣра безопасности, т. II, вып. 2, стр. 259) считать приводъ мѣрой пресѣченія

Наша первая обязанность—доказать, что подъ приводомъ ст. 51 слѣдуетъ разумѣть предварительный арестъ. Статья эта гласитъ: „При сообщеніи мировому судьѣ о преступномъ дѣйствіи, обвиняемый можетъ быть приводимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда застигнутый при совершеніи проступка неизвѣстенъ полиціи и не представитъ удостовѣренія о своемъ имени, фамиліи и мѣстѣ жительства, и 2) когда по дѣламъ о преступныхъ дѣйствіяхъ, за которыя въ законѣ положено заключеніе въ тюрьмѣ или наказаніе болѣе строгое [1]) есть поводъ опасаться, что обвиняемый скроется или уничтожитъ слѣды преступнаго дѣйствія". Ст. 62 категорически указываетъ, что приводъ долженъ совершаться не иначе, какъ по формальной повѣсткѣ. Въ данномъ случаѣ совершенно невозможно предположить наличности ея, при неизвѣстности имени, фамиліи и мѣстожительства обвиняемаго; кромѣ того этотъ приводъ происходитъ *при* сообщеніи мировому судьѣ о преступномъ дѣйствіи, слѣдовательно до того мировой судья, не зная о совершившемся, не могъ и издать соотвѣтственной повѣстки. Хотя въ ст. 51 и не обозначенъ органъ, которому предоставляется право привода, но изъ контекста статей и изъ содержанія п. 1 этой статьи легко заключить, что таковымъ является полиція. Ясно, такимъ образомъ, что ст. 51 говоритъ не о приводѣ, а о какомъ-то другомъ институтѣ (полицейскомъ арестѣ), не получившемъ спеціальнаго обозначенія въ уставѣ [2]). Въ дальнѣйшемъ мы

и рекомендовать внести его въ ст. 416 уст. угол. суд. Съ другой стороны въ приведенномъ отрывкѣ „Курса" проф. Фойницкаго право полиціи по ст. 257 называется приводомъ. Практика также слѣдуетъ постоянно этой путаницѣ.

[1]) Несмотря на то, что вѣдѣнію мирового судьи подлежатъ дѣла, по которымъ высшимъ наказаніемъ является тюрьма, однако нѣкоторые проступки, караемые и высшимъ наказаніемъ, передаются ему въ видахъ склоненія сторонъ къ миру. Этого не принимаютъ во вниманіе нѣкоторые, напр., Павловскій (Мѣры пресѣченія Жур. Мин. Юст. 1897 г.).

[2]) Подъ ст. 51 въ уст. угол. суд., изданномъ госуд. канцеляріей приведены слѣдующіе мотивы: „Для предупрежденія уклоненія отъ суда обвиняемыхъ въ важныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, мировому судьѣ дозволено распорядиться о приводѣ его безъ предварительнаго вызова (объясн. зап. 1863 г. стр. 55)". Это очевидная ошибка. Данное мѣсто относится къ ст. 61, гласящей о приводѣ по

разсмотримъ, насколько правильно опредѣленъ въ этой статьѣ объемъ власти полиціи по арестованію безъ предварительнаго приказа судьи.

Въ дѣлахъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ установленіямъ, по которымъ производится предварительное слѣдствіе, власть полиціи опредѣлена ст. 256 и 257. Въ виду важности подробнаго разбора этихъ статей, приведу дословно каждую. „До прибытія судебнаго слѣдователя полиція принимаетъ мѣры, необходимыя для того, чтобы предупредить уничтоженіе слѣдовъ преступленія и пресѣчь подозрѣваемому способы уклоняться отъ слѣдствія“ (ст. 256). „Полиція принимаетъ мѣры къ пресѣченію подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія; 2) когда потерпѣвшіе отъ преступленія или очевидцы укажутъ прямо на подозрѣваемое лицо; 3) когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ найдены будутъ явные слѣды преступленія; 4) когда вещи, служащія доказательствомъ преступнаго дѣянія, принадлежатъ подозрѣваемому или оказались при немъ; 5) когда онъ сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ или пойманъ во время или послѣ побѣга и 6) когда подозрѣваемый не имѣетъ постояннаго жительства или осѣдлости (ст. 257)“. Къ этому законъ добавляетъ (ст. 259), что „въ случаяхъ, означенныхъ въ ст. 257, полиція соблюдаетъ во всей точности правила, постановленныя для предварительнаго слѣдствія“. Тѣ же права предоставлены волостнымъ и сельскимъ начальникамъ и другимъ должностнымъ лицамъ, исполняющимъ въ кругу ихъ вѣдомства полицейскія обязанности (ст. 261). Положеніемъ 19 мая 1871 г. списокъ этотъ пополнился чинами дополнительнаго штата жандармскихъ управленій и чинами уѣзныхъ жандармскихъ управленій (ст. 261[2]), которые могутъ принимать эти мѣры

повѣсткѣ мирового судьи, а не о приводѣ полиціей по ст. 51. Ошибка эта характерна, указывая на то, что смѣшеніе понятій съ самаго начала породило спутанность. Эта же ошибка повторена и во второмъ изданіи уставовъ, изд. государственной канцеляріи (ч. 2 стр. 54).

лишь до прибытія полиціи. По дѣламъ же, совершающимся въ районѣ желѣзныхъ дорогъ, жандармскіе чины имѣютъ всѣ права общей полиціи (ст. 261[9]). Закономъ 7 іюня 1904 г. ст. 1035[11] эти же права предоставлены лицамъ, производящимъ дознаніе по государственнымъ преступленіямъ (т. е. военному и морскому начальству и офицерамъ корпуса жандармовъ).

Сравнивая приведенные нами выше мотивы съ изложенными постановленіями, можно замѣтить слѣдующее, противорѣчащее мотивамъ нововведеніе: вмѣсто *права задержанія*, полиціи дано *право принимать мѣры пресѣченія*, т. е. тѣ мѣры, которыя перечислены въ ст. 416. Такое расширеніе, не вполнѣ, можетъ быть, даже сознательное, явилось прямымъ результатомъ взгляда на арестъ, какъ на слѣдственное дѣйствіе, а не какъ на особый институтъ. Составителямъ устава пришлось оперировать съ понятіями и привычками дореформенной эпохи, когда мѣры пресѣченія принимались полиціей и имѣли въ виду принудительное содержаніе подъ стражей. Полиція являлась также слѣдственнымъ органомъ, а потому не существовало никакого законодательнаго различія между мѣрами предварительными и мѣрами слѣдственными. Какъ извѣстно, предварительное слѣдствіе было реформировано раньше измѣненія всего судебнаго строя наказомъ судебнымъ слѣдователямъ 8 іюня 1860 г. Существеннымъ измѣненіемъ послѣдняго была замѣна полиціи судебными слѣдователями, однако съ сохраненіемъ всего дореформеннаго построенія и съ сохраненіемъ за полиціей довольно значительной сферы слѣдственной дѣятельности. Общія начала 1862 г., отрѣшившись отъ стараго, указали и правовыя основанія построенія судебной системы, однимъ изъ которыхъ было положеніе, приведенное выше (ст. 33), предоставлявшее полиціи право *задержанія* только во время *дознанія*. Однако составители устава уг. суд., исходя изъ соображеній о неудобствѣ полной передѣлки закона, изданнаго два года тому назадъ, несмотря на его противорѣчіе съ новымъ судебнымъ строемъ, внесли изъ наказа въ уставъ большую часть существовавшихъ тамъ постановленій. Вслѣд-

ствіе этого, какъ выражается А. Соколовъ [1]), „постановленія о предварительномъ слѣдствіи оказались вшитыми бѣлыми нитками въ уставъ и противорѣчащими его общимъ началамъ". Вшита была также и ст. 257, вполнѣ относящаяся къ дореформенному процессу. Предположенія и мотивы законодателя такъ и остались предположеніями, а въ дѣйствительности сохранилось полицейское самовластье.

Взглядъ на принятіе полиціей „мѣръ пресѣченія", какъ на слѣдственное дѣйствіе, очень сильно подчеркнутъ въ уставѣ: сами мѣры названы „мѣрами противъ уклоненія отъ *слѣдствія*", при принятіи ихъ полиція должна соблюдать всѣ правила предварительнаго слѣдствія, самая статья 257 помѣщена въ отдѣленіи объ участіи полиціи въ производствѣ предварительнаго слѣдствія и т. д. (общія начала говорили, наоборотъ, о дознаніи) [2]). Насколько этотъ рѣзко противорѣчивый взглядъ можетъ быть проведенъ послѣдовательно, это мы увидимъ далѣе, здѣсь же укажемъ, что вслѣдствіе этого полиція поставлена на пьедесталъ судебной власти. Правило, по которому судебно-слѣдственныя дѣйствія могутъ быть предпринимаемы только судьей (и даже не прокуратурой), служитъ однимъ изъ главнѣйшихъ основаній судебнаго строя. Влагая въ грубую руку исполнительной власти нѣжные вѣсы судейской оцѣнки, мы должны заранѣе отказаться отъ всякаго довѣрія къ указаніямъ этихъ вѣсовъ. Тамъ, гдѣ внутреннія качества судьи регулируютъ процессъ, тамъ менѣе всего пригодна подчиненная дѣятельность полицейскаго.

Если законъ предоставилъ полиціи право принимать всѣ мѣры пресѣченія (а это право не предоставлено даже мировому судьѣ), то практика обнаруживала тенденцію огра-

---

[1]) А. Соколовъ. Основные принципы предварительнаго слѣдствія. 1897, стр. 176.

[2]) Этотъ взглядъ прочно утвердился и на практикѣ. Такъ Мордухай-Болтовской. Руководство чиновъ полиціи и жандармовъ 1875 стр. 122: „Въ случаяхъ ст. 257 при задержаніи подозрѣваемыхъ полицейскіе и жандармскіе чины должны руководиться тѣми же правилами, которыя установлены для слѣдователей, потому что они какъ бы замѣняютъ слѣдователя въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ при дознаніи арестовъ не производится".

ничиться одною, собственно только и допустимою мѣрою — взятіемъ подъ стражу или задержаніемъ. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ рѣшеній Общее Собраніе департаментовъ Сената указало: „изъ ст. 415 и 416 видно, что всѣ исчисленныя въ нихъ мѣры могутъ быть примѣняемы только относительно лицъ, привлеченныхъ установленнымъ порядкомъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, и то не иначе, какъ по снятіи допроса (ст. 398), такъ какъ до этого можетъ быть только приводъ или призывъ“ (О. С. 1872). Понимая подъ приводомъ и полицейскій арестъ, какъ въ ст. 51, мы можемъ заключить, что Сенатъ совершенно отвергъ право полиціи по ст. 257 на принятіе другихъ мѣръ пресѣченія. Однако такое толкованіе явно противорѣчитъ этой статьѣ, хотя и покоится на соображеніяхъ, правильно извлеченныхъ изъ другихъ статей. Очевидно, это—слѣдствіе неразрѣшимаго противорѣчія. Въ другомъ рѣшеніи (84/22) Сенатомъ разъяснено, что „полицейскіе чиновники, по свойству своихъ обязанностей получая отъ потерпѣвшихъ или отъ очевидцевъ первыя свѣдѣнія о совершеніи преступленія, нерѣдко и застигая совершителя при самомъ совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ же послѣ его совершенія (ст. 256, 257), обязаны озаботиться пресѣченіемъ лицу, совершившему преступленіе, способовъ уклоняться отъ отвѣтственности, а для того представляется необходимымъ хотя временно задержать его для составленія протокола и для удостовѣренія его личности и мѣста жительства, если таковыя неизвѣстны; когда же виновный скрывается, то полиція обязана розыскать его и передать въ руки правосудія“. И въ этомъ рѣшеніи указывается лишь на право временнаго задержанія полиціей, хотя основаній для такого стѣснительнаго толкованія не приводится.

Практика, имѣя за собой ясное постановленіе закона, не отказывается отъ примѣненія, правда, въ довольно рѣдкихъ случаяхъ, различныхъ мѣръ обезпеченія [1]). Въ боль-

---

[1]) Въ Трудахъ Высочайше учрежденной коммисіи 1897 г. (т. II. Свода ревизіонныхъ отчетовъ. стр. 117) указывается, что кромѣ ареста и отобранія подписки и вида на жительство, полиція примѣняетъ рѣдко залогъ и поручитель-

шинствѣ случаевъ примѣняется взятіе подъ стражу въ томъ или иномъ видѣ и отобраніе подписки въ неотлучкѣ или вида на жительство. Частое примѣненіе двухъ послѣднихъ мѣръ объясняется тѣмъ, что для полиціи ст. 256, 257 установлена обязательность принятія какой либо мѣры („полиція принимаетъ" въ проектѣ 1900 г. ст. 117—„полиція можетъ принимать"). Поэтому въ случаяхъ болѣе важныхъ она всегда заключаетъ подъ стражу, а когда не представляется опасеній къ побѣгу и подозрѣваемый могъ бы быть оставленъ на свободѣ безъ всякой мѣры обезпеченія, она прибѣгаетъ къ другимъ мѣрамъ [1]), создавая этимъ излишнія стѣсненія [2]). Предоставленіе полиціи права на отобраніе подписки и вида на жительство можетъ весьма стѣснять свободу гражданъ такъ какъ въ зависимость отъ усмотрѣнія полиціи ставится свобода передвиженія, а во второмъ случаѣ полиція можетъ лишать лицъ несостоятельныхъ возможности пріискать себѣ работу. Въ ст. 117 проекта нов. ред. 1900 г. „мѣры пресѣченія" фигурируютъ по прежнему, но съ оговоркою, что полиціи предоставлено лишь право заключенія подъ стражу и отобранія подписки о невыѣздѣ. Однако, при установленіи необязательности принятія мѣръ обезпеченія, вторая мѣра почти равна по своему значенію простому обязанію явкою къ правосудію, и слѣдовательно *вся дѣятельность полиціи сводится къ аресту,* который, однако, долженъ быть построенъ на совершенно другихъ началахъ, нежели то сдѣлали составители проекта 1900 г.

ство; домашній арестъ не примѣняется никогда. Такимъ образомъ принимаются наиболѣе стѣснительныя мѣры обезпеченія, льготныя же отсутствуютъ. Но кромѣ того полицейское задержаніе проявляется въ рядѣ особыхъ мѣръ, какъ „присмотръ надлежащаго общества, нахожденіе безотлучно на полицейскомъ дворѣ или на глазахъ у полицейскаго служителя и др." Ставить эти формы на ряду съ судебными мѣрами обезпеченія не приходится, онѣ, наоборотъ, показываютъ, что, несмотря на законъ, дѣятельность полиціи фактически сводится къ задержанію.

[1]) Мордухай-Болтовской. Руководство. стр. 227.

[2]) Сводъ ревизіонныхъ отчетовъ (т. II, стр. 113) указываетъ, что арестъ является общимъ правиломъ. Въ отчетахъ судовъ (стр. 117) указывается, что замѣтна излишняя строгость чиновъ полиціи при избраніи мѣръ пресѣченія.

Другимъ результатомъ взгляда на предварительный арестъ, какъ на слѣдственную мѣру, явилась ст. 259, предписывающая *соблюденіе полиціей всѣхъ правилъ предварительнаго слѣдствія* при принятіи мѣръ обезпеченія. Столь общая обязанность едва ли выполнима для полиціи: полиція по существу своей дѣятельности не можетъ принимать во вниманіе обстоятельства, указанныя въ ст. 421, или требовать согласія прокурора для назначенія содержанія подъ стражей и т. д. Ст. 259 имѣла въ виду только указать: 1) на необходимость принимать мѣры обезпеченія въ соотвѣтствіи съ тяжестью преступнаго дѣянія (ст. 418 — 420), 2) на обязательность составленія постановленія о заключеніи подъ стражу (ст. 340) и 3) на тѣ виды мѣръ, которыя можетъ принимать полиція для обезпеченія неуклоненія съ соблюденіемъ соотвѣтственныхъ формальностей (ст. 416 сл.).

Всѣ процессуалисты единогласно признаютъ обязательнымъ для полиціи соблюденіе правилъ ст. 418—420 о запрещеніи принять мѣры обезпеченія, сопряженныя съ лишеніемъ свободы, въ случаяхъ, когда грозитъ наказаніе, не достигающее извѣстной тяжести. Дѣйствительно, ст. 259 ясно указываетъ на это [1]). Однако нѣкоторое сомнѣніе возникаетъ при сопоставленіи ст. 257 съ ст. 51. Послѣдняя статья предоставляетъ полиціи право ареста за всякое преступное дѣ-

---

[1]) Лица, производящія дознаніе по государственнымъ преступленіямъ, могутъ заключать подъ стражу обвиняемыхъ и въ менѣе тяжкихъ, чѣмъ указанныя въ ст. 419, дѣяніяхъ, однако подъ условіемъ необходимости этой мѣры для предупрежденія сношеній и немедленнаго извѣщенія о томъ прокурора, который можетъ письменно предложить объ отмѣнѣ ея (до закона 1904 г. требовалось, чтобы предложеніе исходило отъ прокурора палаты и было изложено въ письменной формѣ) Это постановленіе можетъ служить образцомъ предоставленной полиціи власти. Съ правовой точки зрѣнія въ немъ можно замѣтить слѣдующія несообразности: 1) право полиціи на арестъ должно быть обусловлено опасностью промедленія и затруднительностью получить судебный приказъ; въ данномъ случаѣ оно разсматривается какъ нормальная дѣятельность полиціи; 2) извѣщеніе прокурора о принятіи мѣръ составляетъ общую обязанность полиціи (ст. 250_3 483), прокуроръ всегда можетъ отмѣнить принятую полиціи мѣру, здѣсь же право его ограничено: онъ можетъ только *письменно предложить* объ отмѣнѣ; 3) совершенно не указано срока дѣйствія этой мѣры; она разсматривается скорѣе не какъ мѣра представленія въ судъ, а какъ мѣра, обезпечивающая неуклоненіе.

яніе (даже проступокъ) при неизвѣстности личности подозрѣваемаго и при опасеніи побѣга или сокрытія слѣдовъ,— за преступныя дѣянія, обложенныя наказаніемъ не ниже тюрьмы. Между тѣмъ по ст. 257 полиція уполномочена на арестованіе только при преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Это различіе въ объемѣ права полиціи на арестъ въ зависимости отъ подсудности преступленія не можетъ не вызвать большихъ недоумѣній. Если дѣятельность полиціи поставлена въ надлежащія границы, то ограничивать арестъ только случаями, указанными въ ст. 419, нѣтъ основаній. Нигдѣ на Западѣ дѣятельность полиціи не поставлена въ такія тѣсныя рамки. Практика, хотя формально и ссылается на ст. 419, однако фактически совершенно не слѣдуетъ ей. Ревизіонные отчеты [1]) указываютъ, что въ полицейскихъ постановленіяхъ о взятіи подъ стражу „очень часто встрѣчается неправильная квалификація преступленій", вслѣдствіе чего часты недопустимые по закону случаи заключенія подъ стражу. Да и трудно требовать отъ современной полиціи такого знанія уголовнаго уложенія, которое допускало бы легкое подведеніе какого либо преступнаго дѣянія подъ опредѣленную статью. Глухо проникавшіе въ печать случаи рисуютъ картину полнаго произвола въ этой области [2]). Наличность ст. 51 легко позволяетъ подводить подъ нее всѣ случаи, выходящіе за предѣлы ст. 257. Проектъ 1900 г. пытается согласить право ареста въ участковой и въ общей юстиціи, предоставляя въ первомъ случаѣ полиціи право подвергнуть задер-

---

[1]) Труды Высоч. учр. Коммисіи 1897 г. т. II стр. 7.

[2]) Павловскій (Мѣры пресѣченія, Ж. М. Ю. 1897) сообщаетъ, что полиція задержала одного потому, что тотъ во время пожара „стоялъ задумчиво и не принималъ участія въ общемъ тушеніи". 27 іюня 1902 г. Иркутскій судъ разсматривалъ дѣло о становомъ приставѣ Антиповѣ, заключившемъ подъ стражу „для обезпеченія явки" крестьянина Казакова, воспротивившагося назначенію 2000 руб. на жалованіе полиціи (Право, 1902). Приставъ Воробьевъ, „для пресѣченія способовъ уклоненія" арестовалъ на нѣсколько дней всѣхъ жителей сел. Зурнападъ (Русское Богатство, 1902 кн. II). Эти случаи приведены для примѣра; большинство же остается незамѣченнымъ, такъ какъ почти невозможно отличить законное отъ беззаконнаго.

жанію и приводу къ судьѣ лицо, заподозрѣнное въ совершеніи преступнаго дѣянія, въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 117 (соотвѣтствуетъ ст. 257), а также, когда застигнутый при совершеніи преступнаго дѣянія не представитъ удостовѣренія о своемъ имени, мѣстѣ жительства и фамиліи (ст. 1052 пр.). Изъ соединенія ст. 117 и 1052 проекта мы можемъ только вывести то заключеніе, что полиція можетъ арестовывать всегда и за всякія преступныя дѣянія при наличности достаточнаго подозрѣнія! Результатъ далеко не утѣшительный. Разсмотрѣніе законодательствъ запада насъ склоняетъ къ убѣжденію въ необходимости полнаго объединенія права полицейскаго ареста, какъ въ дѣлахъ мировой подсудности, такъ и общей, при полномъ выясненіи (хотя бы по примѣру германскаго права) основаній ареста и тяжести преступныхъ дѣяній, при которыхъ онъ можетъ предприниматься (при грозящемъ наказаніи не ниже тюрьмы). Ссылка на ст. 418—420 такимъ образомъ должна быть признана неудачной и неопредѣленной.

Другимъ основаніемъ для появленія ст. 259 было требованіе составленія полиціей постановленія о принятой ею мѣрѣ. Статьями 430 и 431 предписывается составленіе постановленія о взятіи подъ стражу, а ст. 426—о принятіи залога или поручительства. Въ виду рѣдкости освобожденія полиціей подъ денежное обезпеченіе и безспорной необходимости извѣстнаго постановленія для закрѣпленія вытекающаго отсюда денежнаго отношенія, мы остановимся только на первомъ. Непосредственно на обязательность для полиціи ст. 430 въ уставѣ не указывается, и потому практика, сознавая эту необходимость, выводитъ ее косвеннымъ толкованіемъ. Такъ, Макалинскій [1]) основываетъ обязательность на предписаніи ст. 9, по которой для принятія задержаннаго подъ стражу требуется постановленіе соотвѣтственнаго органа. Кистяковскій [2]) разсуждаетъ лишь съ правно-политической точки зрѣ-

---

[1]) Макалинскій. Руководство для суд. слѣдователей т. 2, стр. 46.
[2]) Кистяковскій. О мѣрахъ пресѣченія 1869.

нія, видя въ этомъ постановленіи необходимую гарантію. Намъ кажется возможнымъ вывести эту обязательность изъ текста самой ст. 430, требующей основаній, по которымъ кто-либо обвиняется или подозрѣвается. Какъ извѣстно, „подозрѣваемымъ“ считается лицо, арестуемое полиціей (ст. 257). Практика признаетъ обязательность особаго постановленія о взятіи полиціей подъ стражу [1]), однако, вмѣсто того, чтобы представлять дѣйствительную гарантію, оно сводится часто къ простой припискѣ къ протоколу о томъ, что „при семъ дѣлѣ препровождается задержанный такой-то“. Несмотря на то, что постановленіе полиціи не есть судебное постановленіе, но лишь мотивировка и законное оправданіе принятой полиціею мѣры (а не формальный документъ для отправленія въ мѣсто заключенія), оно все же имѣетъ существенное значеніе для жалобы на полицію въ случаяхъ неправильности, для провѣрки со стороны слѣдователя или прокурора правильности принятой мѣры и для оцѣнки основаній ея отмѣны или сохраненія. Дѣйствіе этого постановленія у насъ не ограничено срокомъ, и потому имъ устанавливается часто довольно продолжительное задержаніе. Несмотря, однако, на всѣ приведенныя соображенія нельзя признать правильнымъ требованіе отъ полиціи составленія постановленія посредствомъ простой ссылки на ст. 430, т. е. приравненіе его къ постановле-

---

[1]) Мордухай-Болтовской (Руководство чинамъ полиціи, стр. 126) приводитъ образцы формъ постановленій полиціи объ арестѣ: „Дата. Сего числа мною, приставомъ такимъ то, задержанъ такой-то по причинѣ такой-то. Имѣя въ виду, что на основаніи ст. 257 уст. угол. суд. означенное лицо подлежитъ задержанію, приставъ за отсутствіемъ судебнаго слѣдователя и руководствуясь 258 и 259 ст. уст. угол. суд. постановилъ на основаніи ст. 419 и 430 подвергнуть упомянутое лицо предварительному аресту въ полицейскомъ домѣ; настоящее постановленіе согласно съ 431 ст. уст. угол. суд. предъявить обвиняемому и копію съ него препроводить смотрителю полицейскаго дома“. Въ этомъ полицейскомъ „образцовомъ“ постановленіи обращаетъ вниманіе на себя слѣдующее: по ст. 257 признается обязательнымъ задержаніе, а не принятіе вообще какой-либо мѣры пресѣченія, какъ то требуетъ законъ (приставъ вовсе не долженъ былъ именно задержать); затѣмъ для принятія означенной мѣры признается достаточнымъ одно отсутствіе судебнаго слѣдователя безъ дальнѣйшихъ основаній; постановленію полиціи о взятіи подъ стражу придается значеніе одинаковое съ постановленіемъ власти судебной.

нію судебному. Запись въ особую книгу основаній и условій каждаго полицейскаго ареста признается и на Западѣ обязательнымъ (см. выше примѣръ Англіи). И у насъ полицейское постановленіе не предшествуетъ аресту, а слѣдуетъ за нимъ уже послѣ задержанія и привода въ участокъ. Постановленіе становится необходимымъ (согласно ст. 431) только тогда, когда задержанный не приводится къ судьѣ, а оставляется подъ стражей на продолжительное время въ силу полицейскаго распоряженія или, иначе говоря, поскольку полицейская власть переходитъ въ судебную, превращая задержаніе въ подслѣдственное заключеніе. Отсутствіемъ строгаго разграниченія между этими двумя институтами и объясняется требованіе отъ полиціи составленія постановленія, которому совершенно неосновательно присвоены свойства постановленія судебнаго. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, мы должны будемъ признать, что прокуроръ или судья не будутъ имѣть права освободить заарестованнаго полиціей и находящагося тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ силу права, даннаго имъ ст. 10, такъ какъ для задержанія „имѣется постановленіе уполномоченнаго мѣста или лица". Постановленіе полиціи—совершенно особаго рода актъ, имѣющій особое значеніе для контроля, но отнюдь не постановленіе, обладающее силой судебнаго [1]). Поэтому приравненіе къ слѣдственному дѣйствію ареста полиціей и съ этой точки зрѣнія является совершенно неправильнымъ.

Вопросъ относительно примѣнимости ст. 416 (примѣненіе отдѣльныхъ мѣръ обезпеченія) къ полицейскому аресту нами уже разсмотрѣнъ, и мы пришли къ заключенію, что указаніе на нее—плодъ недосмотра составителей, имѣвшихъ въ виду только одно задержаніе, но поставившихъ вообще мѣры пресѣченія.

Подробнымъ анализомъ ст. 259 мы показали полную ея искусственность, вслѣдствіе совершенно произвольнаго взгляда на полицейскій арестъ, какъ на слѣдственную мѣру. Однако мы должны оговориться, что фактически онъ во многомъ сталъ

---

[1]) При приводѣ по ст. 51 законъ совершенно не упоминаетъ о необходимости постановленія.

таковымъ. Какъ извѣстно, самымъ слабымъ мѣстомъ устава уголовнаго судопроизводства является смѣшеніе розыска, дознанія и предварительнаго слѣдствія [1]). Въ значительномъ большинствѣ случаевъ полиція производитъ сама предварительное слѣдствіе, а слѣдователь только провѣряетъ ея дѣйствія; иногда онъ ограничивается только просмотромъ основаній, по которымъ полиція заключила кого либо подъ стражу, и санкціонируетъ ихъ своимъ авторитетомъ. Понятно, поэтому, что ст. 257 при такихъ условіяхъ сдѣлала изъ полиціи органъ, назначающій подслѣдственное заключеніе, совершенно приравняла ее къ власти судебной, предоставивъ заключенному даже меньше способовъ обжалованія, чѣмъ по

---

[1]) Мы лишены возможности вдаваться въ подробное обсужденіе этого вопроса, приведемъ поэтому лишь компетентные отзывы нѣкоторыхъ лицъ: Квачевскій. (Объ уголовномъ преслѣдованіи т. II, стр. 127). „Хотя наказомъ полиціи и учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей дознаніе и слѣдствіе переданы въ различныя руки, но между ними не сдѣлано строгаго разграниченія, отъ чего и весь трудъ изслѣдованія преступленія переходилъ къ одному слѣдователю или становился ему не по силамъ, или же полиція вмѣсто дознанія производила слѣдствіе, нарушала предѣлы, ей принадлежащіе"... Н. Обнинскій: (Спорныя границы полицейскаго дознанія и предв. слѣдствія. Юрид. Вѣстн. 1884, стр. 512) „Все, что можетъ быть съ успѣхомъ въ настоящее время предпринято—это точное и ясное разграниченіе тѣхъ функцій, которыя могутъ быть по указаннымъ выше основаніямъ возложены на существующее полицейское дознаніе, отъ тѣхъ, отправленіе коихъ въ силу присущаго имъ характера должно подлежать лишь судебнымъ слѣдователямъ, какъ единственно компетентнымъ въ дѣлѣ лицамъ". *Коммисія 1894—99 г.* хотя и съ большею точностью намѣтила границы розыска, дознанія и предварительнаго слѣдствія, однако сохранила въ рукахъ полиціи большую слѣдственную власть (Объяснит. Записка 1900 г., т. II, стр. 200). Какъ показываютъ *ревизіонные отчеты* (т. II, стр. 7 сл.), практика не проводитъ различія между дѣйствіями по ст. 258 (т. е. слѣдственными, въ отсутствіе слѣдователя) и дѣйствіями внѣ этой статьи. Самая же дѣятельность полиціи характеризуется ими слѣдующимъ образомъ: „Малоопытные и необладающіе необходимыми познаніями низшіе чины осложняютъ дознаніе выясненіемъ ненужныхъ для дѣла свѣдѣній, а существенныя обстоятельства очень часто упускаютъ изъ вида. При такихъ условіяхъ въ связи съ часто встрѣчающейся неправильной квалификаціей преступленій и не всегда основательнымъ привлеченіемъ подозрѣваемыхъ лицъ къ отвѣтственности, полицейское дознаніе отражается неблагопріятно и на предварительномъ слѣдствіи". (Тамъ-же). *Въ совѣщаніи предсѣдателей и прокуроровъ 1895 г.* было признано невозможнымъ нормальное веденіе дознанія безъ полной реорганизаціи полиціи и созданія особой судебной полиціи (см. Труды Выс. учр. коммисіи 1897, т. I).

отношенію къ дѣйствіямъ суда. Полицейскій арестъ всецѣло былъ поглощенъ дѣятельностью полиціи, какъ слѣдственнаго органа, могущаго назначать подслѣдственное заключеніе. Не приходится доказывать, что такая анормальность можетъ существовать только въ томъ государственномъ строѣ, въ которомъ правосознаніе еще всецѣло подавлено полицейскимъ режимомъ, но совершенно не совмѣстима съ элементарными гарантіями личной свободы.

X.

Основанія примѣненія предварительнаго ареста.

Другимъ признакомъ, характеризующимъ объемъ правъ полиціи по задержанію, является указаніе случаевъ, въ которыхъ она является къ тому уполномоченной. Сторона эта особенно выдвигается германскимъ типомъ законодательствъ, перечисляющимъ подробно тѣ основанія, по которымъ можетъ быть производимъ арестъ. Русское законодательство во многомъ примыкаетъ къ французской системѣ, покоящейся на нерасчлененіи основаній задержанія, и лишь указывающей формальныя условія его. Изъ шести перечисленныхъ въ ст. 257 случаевъ, допускающихъ принятіе полиціей мѣръ пресѣченія, первые четыре касаются силы уликъ. Законодатель вполнѣ правильно не предоставилъ полиціи права свободной оцѣнки уликъ, какъ органу, внутреннее убѣжденіе котораго недостаточно гарантируетъ гражданъ отъ произвола. П. 1 указанной статьи соотвѣтствуетъ понятію flagrant délit, второй, по предположеніямъ законодателя—clameur publique, п. 3 и 4 случаямъ понятію quasi-flagrant délit (ou crime). Случаи п. 5 и 6 присоединены нѣсколько искусственно: они не могутъ составлять самостоятельнаго основанія для принятія мѣръ пресѣченія, такъ какъ безъ достаточно основательныхъ уликъ ни опасеніе побѣга, ни отсутствіе мѣста жительства не могутъ служить основаніями лишенія свободы. Эти два случая могутъ служить лишь обстоятельствами, которыя принимаются во вниманіе въ томъ случаѣ, когда имѣется

достаточно обоснованное подозрѣніе виновности. Если считать опасеніе побѣга общимъ условіемъ, съ которымъ приходится соображаться въ каждомъ случаѣ, а отсутствію мѣста жительства придать то значеніе, какое этотъ признакъ имѣетъ въ ст. 421, то съ точки зрѣнія основаній можно наблюсти полную аналогію съ французскимъ правомъ. Совершенно произвольнымъ и крайне опаснымъ поэтому должно быть признано расширеніе, вводимое проектомъ 1900 г., предлагающимъ замѣнить случаи п. 1—4 общимъ выраженіемъ „если обвиняемый навлекаетъ на себя достаточное подозрѣніе“. Исходя изъ взглядовъ практики, вышедшей совершенно за предѣлы flagrant délit, составители проекта не думали, что они вносятъ серьезное измѣненіе; это можно заключить хотя бы изъ того, что они оправдывали свое измѣненіе чисто техническою цѣлью, между тѣмъ изъ рѣдкаго исключенія, обусловленнаго необходимостью въ непосредственно-быстромъ принятіи мѣры обезпеченія, они сдѣлали полицейскій арестъ общимъ правиломъ, не поставленнымъ даже въ зависимость отъ отсутствія слѣдователя. Дѣйствительно, практика показываетъ, что полиція не придерживается указаннаго нами, единственно правильнаго пониманія ст. 257, производя вслѣдствіе этого неосновательные аресты. Очень умѣренные по критикѣ дѣйствій полиціи ревизіонные отчеты [1]) указываютъ, что „хотя и бываютъ случаи злоупотребленія задержаніями по ст. 257 п. 2 и 4, но рѣдко“. И тутъ же въ оправданіе этихъ случаевъ приводится такое объясненіе: „Лица потерпѣвшія неосновательно заявляютъ подозрѣніе, а полиція, основываясь на законѣ, заключаетъ подозрѣваемыхъ подъ стражу. Такіе заключенные обыкновенно освобождаются слѣдователемъ“ [2]).

---

[1]) Труды Выс. учр. коммисіи, т. II, стр. 117.

[2]) Нельзя въ такой практикѣ не видѣть извращенія предположеній законодателя. Законъ разумѣетъ въ п. 2 непосредственное преслѣдованіе потерпѣвшими и очевидцами преступника (clameur publique). Это подтверждается поставленіемъ рядомъ этихъ двухъ категорій, а также выраженіемъ „прямо укажутъ“. Полиція не входитъ въ оцѣнку уликъ только тогда, когда потерпѣвшіе и очевидцы безусловно подтверждаютъ виновность какого-либо лица, какъ имъ непосредственно, прямо извѣстную, и только въ такихъ случаяхъ она обязана принять мѣ-

Особенно легко, по словамъ отчетовъ, даже безъ законныхъ основаній, полиція подвергаетъ заключенію по подозрѣнію профессіональныхъ воровъ.—По дѣламъ мировой юстиціи законъ ограничивается указаніемъ: „если застигнутый при совершеніи проступка...“, т. е. вмѣсто перечисленія отдѣльныхъ случаевъ ставитъ понятіе flagrant délit (ст. 51 п. 1).

Другимъ основаніемъ для ареста по ст. 257 является покушеніе на побѣгъ или поимка во время побѣга (п. 5). Одного только подозрѣнія въ побѣгѣ недостаточно, необходимо покушеніе и даже покушеніе оконченное. Конечно, побѣгъ въ данномъ случаѣ не долженъ пониматься, какъ стремленіе увильнуть отъ протокола, а лишь какъ убѣганіе отъ полицейской власти съ цѣлью сдѣлать для нея невозможнымъ представленіе виновнаго къ правосудію. Необходимой предпосылкой для этого основанія является достаточность уликъ, такъ какъ самое дѣйствіе обвиняемаго (убѣганіе) не можетъ быть разсматриваемо какъ побѣгъ, если не существуетъ противъ него подозрѣнія. Арестъ при совершеніи преступленія также производится изъ опасенія побѣга, но въ этомъ случаѣ достовѣрность уликъ оправдываетъ опасеніе вѣроятности его. Значительно меньше гарантій представляетъ постановленіе п. 2 ст. 51, по которому арестъ можетъ быть производимъ въ случаяхъ, когда грозитъ тюрьма или наказаніе болѣе строгое, если есть *поводъ* опасаться, что обвиняемый скроется... Здѣсь уже не требуется покушенія, считается излишнимъ даже обоснованное фактами предположеніе, какъ то принято въ Германіи, а достаточенъ одинъ только поводъ, т. е. основаніе крайне неопредѣленное. Не указана также сила уликъ, какъ основное условіе.

Отсутствіе мѣста жительства, какъ для мировой, такъ и

ру пресѣченія. При иномъ пониманіи каждый гражданинъ могъ бы стать жертвой всякой интриги, такъ какъ простое заявленіе кого либо съ указаніемъ подозрѣнія служило бы достаточнымъ основаніемъ для продолжительнаго лишенія свободы. Англичане говорятъ: „Gold rule of the liberty, that shall be written, that no one can be arrested on mere suspicion of the crime (Paterson). Отъ этого золотого правила давно уже отступила наша практика; проектъ 1900 г. предполагаетъ окончательно отъ него отказаться.

для общей юстиціи служитъ основаніемъ для ареста. Ст. 51 говоритъ еще о невозможности удостовѣрить свою личность, (это въ ст. 257 пропущено, можетъ быть, потому, что первое понятіе включаетъ въ себя и второе). Отсутствіе мѣста жительства не само по себѣ, а какъ косвенный признакъ возможности побѣга, вполнѣ можетъ служить причиной взятія подъ стражу, но оно не должно быть выставляемо какъ самостоятельное основаніе (какъ то мы видимъ въ ст. 257), а лишь какъ одно изъ основаній для мотивировки. Германскій уставъ гласитъ; „подозрѣніе побѣга не требуетъ дальнѣйшей мотивировки, когда подозрѣваемый... не имѣетъ постояннаго мѣста жительства". Подобная редакція и является, по нашему мнѣнію, болѣе правильной.

Опасеніе уничтоженія слѣдовъ преступнаго дѣянія (безъ ближайшаго опредѣленія, въ чемъ оно можетъ состоять) можетъ служить основаніемъ привода—ареста по ст. 51; въ ст. 257 о немъ не упоминается. Правда, въ ст. 256 указано, что полиція въ отсутствіе слѣдователя принимаетъ всѣ мѣры, чтобы предупредить уничтоженіе слѣдовъ преступленія; но неизвѣстно, входитъ ли въ это понятіе „всѣхъ мѣръ" арестъ; сомнѣніе это поддерживается тѣмъ, что право на принятіе мѣръ пресѣченія поставлено рядомъ съ указанной обязанностью, чѣмъ одно какъ бы противополагается другому. При томъ, еслибы допустить возможность такого основанія, то остался бы ничѣмъ необъяснимый пробѣлъ въ регулировкѣ его примѣненія. Изъ буквы закона мы должны заключить, слѣдовательно, что для предупрежденія уничтоженія слѣдовъ по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, принятіе мѣръ пресѣченія не допускается, а полиція должна достигать этой цѣли другими мѣрами: удаленіемъ свидѣтеля, охраной вещей, охраной мѣста преступленія, вещественныхъ доказательствъ, быстрымъ констатированіемъ скоро уничтожающихся слѣдовъ и пр. Въ странахъ, признавшихъ германскій типъ законодательства, это основаніе для ареста признается. Для мировой юстиціи законодатель здѣсь, такъ же, какъ и при опасеніи побѣга, довольствуется однимъ только „поводомъ", а не серьезными предположеніями.

Мы разсмотрѣли всѣ основанія допущенія у насъ полицейскаго ареста и можемъ замѣтить, что они тѣ же, какъ и на Западѣ, но лишь значеніе каждаго изъ нихъ невыяснено, а порою прямо извращено практикой. Необходима большая опредѣленность, въ созданіи которой могутъ оказаться полезными постановленія германскаго права [1]).

Въ заключеніе этой главы укажемъ на отношеніе нашего законодательства къ правилу, по которому право полиціи на арестъ ограничено только случаями непосредственной опасности промедленія или случаями невозможности предварительнаго полученія приказа судьи.

Хотя полиція не обязана по нашему праву прибѣгать сначала къ слѣдователю съ просьбой объ изданіи повѣстки о приводѣ, но все же право ея обусловлено отсутствіемъ слѣдователя [2]). Тамъ, гдѣ возможно, она должна прибѣгать къ судебной власти. Полиція сама не можетъ издавать приказовъ объ арестѣ, какъ то предоставлено во Франціи префектамъ по ст. 10 (ст. 21 полож. объ усил. охранѣ стоитъ отдѣльно). Проектъ 1900 г., основываясь на правильной практикѣ, выбросилъ указаніе объ отсутствіи слѣдователя, предоставилъ полиціи право на принятіе мѣръ обезпеченія (т. е. ареста) во всѣхъ случаяхъ. Это измѣненіе, имѣющее принципіально весьма существенное значеніе, лишній разъ подчеркиваетъ ту мысль, что, удѣливъ практикѣ черезчуръ большое вліяніе, почти игнорируя законодательство, составители проекта принесли въ жертву тѣ начала, которыя представляли изъ себя нѣчто

---

[1]) Никакого права на личную свободу не признано за ссыльными, подозрѣваемыми въ учиненіи какого либо преступнаго дѣянія. Ст. 855 уст. о ссыльныхъ указываетъ „что начальство по отношенію къ арестованію ссыльныхъ *не стѣсняется* общими правилами, въ уголовныхъ законахъ изложенными, и что ссыльный можетъ быть арестованъ при всякомъ подозрѣніи“. На Сахалинѣ ссыльные мѣсяцами содержатся въ предварительномъ заключеніи безъ всякаго постановленія. А. *Пановъ*. Сахалинъ какъ колонія. 1905, стр. 48.

[2]) Это нужно понимать такъ, что полиція можетъ сама производить слѣдственныя дѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится признать, что отсрочка принятія какой либо мѣры до времени прибытія или полученія приказа слѣдователя могла бы помѣшать успѣшному выполненію этой необходимой мѣры. Опасность эта должна быть мотивирована.

въ родѣ печальныхъ тѣней правовыхъ гарантій прошлаго, упраздненныхъ на дѣлѣ произволомъ практики, выросшей на почвѣ неопредѣленности и противорѣчивости законодательства.

XI.

Краткосрочность предварительнаго ареста.

Весьма существеннымъ признакомъ, характеризующимъ предварительный арестъ, является его краткосрочность. Только подъ условіемъ немедленнаго представленія къ судьѣ, органамъ, постороннимъ правосудію, предоставлено право ареста гражданъ, и только вслѣдствіе краткосрочности въ немъ отсутствуютъ многія гарантіи, присущія подслѣдственному заключенію. Основной догматъ, по которому требованія порядка и даже правосудія не могутъ осуществляться безъ вниманія къ правамъ личности, дѣлаетъ необходимымъ разсмотрѣніе этого вопроса судомъ, оцѣнивающимъ мотивы различныхъ видовъ поведенія. Оставшееся же у полиціи право ареста, при ограниченіи его краткимъ срокомъ и состояніемъ дѣйствительной необходимости, является не наказаніемъ, не произвольнымъ стѣсненіемъ личности, а обращеніемъ къ судьѣ, сопровождаемымъ приводомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одно только задержаніе можетъ обезпечить фактическое привлеченіе къ суду. Ограниченіе дѣйствительности полицейскаго задержанія извѣстнымъ срокомъ ставитъ его въ одинъ рядъ съ мѣрами представленія въ судъ, а не съ мѣрами, обезпечивающими неуклоненіе. Допустимость его ограничивается временемъ, необходимымъ для передачи задержаннаго въ руки судьи, но не періодомъ предварительнаго разслѣдованія дѣла. Это правило, однако, у насъ совершенно еще не осуществлено, и, какъ мы видѣли, полицейскій арестъ подъ прикрытіемъ „мѣръ пресѣченія“ фигурируетъ среди второй категоріи указанныхъ мѣръ.

О срокахъ допроса, предписанныхъ для слѣдователя при приводѣ, мы уже говорили. Теперь спеціально мы разсмотримъ вопросъ о примѣнимости ихъ къ полицейскому аресту.

Ст. 398 говоритъ только о допросѣ въ случаяхъ привода по приказу судьи. На полиціи вовсе не лежитъ обязанности представить задержаннаго къ судьѣ въ 24 часа; только слѣдователь (относительно мирового судьи законъ не говоритъ ни слова) обязанъ не затягивать допроса лица, къ нему приведеннаго. Ст. 400—402, возлагающія на полицію обязанность объясненія основаній задержанія, насколько то ей извѣстно, и удостовѣреніе въ тожествѣ личности задержаннаго, конечно, не могутъ имѣть никакого примѣненія къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ задержаніе произведено самою полиціей. Послѣдняя, очевидно, сама себя провѣрять не можетъ. Къ тому же терминъ „приводъ" примѣняется для обозначенія ареста лишь въ дѣлахъ мѣстной юстиціи, между тѣмъ какъ ст. 398 говоритъ о слѣдователѣ, къ которому такой приводъ совершаемъ быть не можетъ. Слѣдовательно, изъ разсмотрѣнія закона мы приходимъ къ тому выводу, что право задержанія полиціей не ограничено срокомъ. Однако этому совершенно противорѣчитъ ст. 45 основныхъ положеній 1862 г., по которой „обвиняемый, подвергнутый задержанію, долженъ быть допрошенъ въ теченіе сутокъ". Что составители при этомъ имѣли въ виду именно ст. 398, доказывается ссылкой на нее, стоящей подъ этимъ положеніемъ (суд. уст. изд. Гос. Канц. т. II, стр. X). Единственный исходъ—это признать, что законодатель, не считая полицейскій арестъ мѣрой представленія, въ противоположность общимъ положеніямъ, упустилъ изъ виду распространить правила допроса и на задержанныхъ безъ приказа судьи, вслѣдствіе чего образовался незаполнимый толкованіемъ пробѣлъ. Но, даже совершенно искусствено толкуя ст. 398 распространительно, мы должны будемъ признать полную призрачность установленной гарантіи. По этой статьѣ теченіе суточнаго срока начинается не съ момента задержанія, а съ момента привода къ слѣдователю. Ст. 250 лишь предписываетъ полиціи немедленно и никакъ не позже сутокъ по полученіи о томъ свѣдѣнія доносить судебному слѣдователю и прокурору о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія или проступка, а ст. 255 предпи-

сываетъ передачу слѣдователю дознанія, произведеннаго полиціей, не указывая срока. Практика выработала такой порядокъ, что въ концѣ полицейскаго протокола, представляемаго слѣдователю, полиція присоединяетъ сообщеніе объ арестованіи, замѣняющее ей постановленіе о взятіи подъ стражу. Пока слѣдователь получитъ протоколъ и издастъ приказъ о приводѣ [1]), пройдетъ не мало времени. Иногда полиція, надѣясь разслѣдовать дѣло „своими мѣрами" и разыскать отсутствующія улики противъ „подозрѣваемаго", можетъ попросить слѣдователя нѣсколько „повременить съ приказомъ о приводѣ", и слѣдователь, не преступая закона, можетъ предоставить ей эту возможность, такъ какъ время изданія такого приказа для него не опредѣлено. И задержанный содержится нѣсколько долгихъ дней, а иногда и недѣль, безъ допроса судьей, при полиціи, гдѣ у него часто вымогается сознаніе или производится своеобразное возмездіе за учиненное имъ дѣяніе [2]). Существующія постановленія позволяютъ полиціи временемъ нисколько не стѣсняться. Пред-

---

[1]) Если слово „задержаніе" въ ст. 395 понимать въ смыслѣ полицейскаго задержанія, а не въ смыслѣ спеціальнаго взятія подъ стражу по постановленію судьи, то должно признать за нормальный порядокъ, что получивъ акты дознанія и сообщеніе объ арестѣ заподозрѣннаго, слѣдователь особой повѣсткой вызываетъ его черезъ начальника мѣста заключенія.

[2]) Случаи задержанія въ участкѣ больше сутокъ нужно считать общимъ правиломъ. Насколько же тамъ обезпечена личность задержаннаго отъ расправы и допроса „съ пристрастіемъ", можно судить даже по скуднымъ свѣдѣніямъ, проникавшимъ въ печать. Просмотрѣвъ хронику и судебные отчеты газ. „Право" за 1903 и 1904 г.г., за полною невозможностью представить безбрежное море полицейскаго произвола въ этой области, укажемъ только страницы, на которыхъ говорится о побояхъ, увѣчьяхъ и пыткахъ, производимыхъ полиціей при задержаніи и содержаніи въ участкѣ подслѣдственныхъ. За каждою цифрою будетъ скрываться картина жестокого насилія, творимаго буквально по всѣмъ уголкамъ Россіи (это доказываетъ перечисленіе мѣстъ, въ которыхъ они совершались). За 1903 годъ.—стр. 41, 173, 258, 319, 320, 408, 408, 587, 724, 805, 806, 806, 1325, 1326, 1606, 1648, 1844, 1876, 2142, 2182, 2183, 2183, 2184, 2230, 2230, 2286, 2434, 2606, 2607, 2672, 2852, 2285, 2286. За 1904 г.—202, 204, 261, 261, 262, 346, 347, 585, 586, 882, 938, 985, 984, 1250, 1328, 1411, 1460, 1486, 1722, 1983, 2030, 2095, 2207, 3138, 3139, 3139, 3206, 3275, 3274, 3644, 3480, и др. Итого 64 случая за два года, проникшихъ въ печать сквозь щели въ желѣзныхъ ставняхъ цензуры и пелену бюрократическаго мрака.

варительный арестъ превращается въ подслѣдственное заключеніе, лишенное почти всякихъ гарантій [1]). Необходимость допроса въ теченіе сутокъ, хотя и не выраженная въ законѣ, но смутно сознаваемая подъ вліяніемъ ст. 45 общихъ положеній, понимается въ томъ смыслѣ, что допросъ долженъ быть произведенъ въ теченіе сутокъ, но безразлично кѣмъ, судьей или полиціей (см. Мордухай-Болтовской. Цит. соч.). Отсутствіе суточнаго срока, признаваемаго въ настоящее время наиважнѣйшей гарантіей, точное соблюденіе которой въ настоящее время, послѣ закона 1897 г. во Франціи, обезпечивается самыми рѣшительными мѣрами, является столь существеннымъ пробѣломъ, что при наличности его дѣятельность полиціи вытѣсняетъ дѣятельность юстиціи и, при отсутствіи контроля со стороны послѣдней, становится грознымъ орудіемъ угнетенія личной свободы.

Проектъ 1900 г. вводитъ спеціальное постановленіе о необходимости немедленнаго извѣщенія полиціей слѣдственнаго судьи и прокурора о взятіи ею кого-либо подъ стражу. Наибольшимъ срокомъ для этого сообщенія могутъ быть сутки (ст. 118). Самый предварительный арестъ отнесенъ проектомъ къ главѣ о дознаніи, такъ какъ предѣлы послѣдняго по проекту значительно шире тѣхъ, которые ему присущи по дѣйствующему праву. Но этимъ не создается выхода изъ отмѣченнаго нами положенія. Только установленіемъ немедленнаго привода арестованнаго къ судьѣ или слѣдователю

[1]) Тарасовъ (Цит. соч., II, вып. 2, стр. 269) пытается установить ограниченіе полицейскаго ареста семидневнымъ срокомъ. Вотъ ходъ его мыслей. Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи охраны, полиціи и жандармамъ предоставлено право задержанія на срокъ не болѣе двухъ недѣль лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. По ст. 29 того же положенія, въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи, тѣмъ же лицамъ и въ тѣхъ же случаяхъ предоставлено право задержанія на срокъ въ 7 дней. Отсюда Тарасовъ пытается сдѣлать заключенія о распространеніи этого правила на всѣ преступленія. Основаній къ тому онъ не приводитъ никакихъ. Кромѣ того, законъ, появившійся въ 1871 г., имѣющій исключительный характеръ и не стоящій въ связи съ уставомъ уголовнаго судопроизводства, не можетъ служить основаніемъ для истолкованія послѣдняго. Впрочемъ и самъ Тарасовъ не слишкомъ вѣритъ въ основательность своего „толкованія“.

или за отсутствіемъ ихъ къ какому либо лицу изъ судебнаго персонала, по назначенію предсѣдателя суда или прокурора, съ предупрежденіемъ о необходимости освобожденія задержаннаго въ случаѣ, если суточный срокъ не можетъ быть соблюденъ, можно достигнуть правовой постановки полицейскаго ареста. Отъ административной власти, завѣдующей юстиціей, будетъ зависѣть уже практически организовать дѣло такъ, чтобы къ такой крайней мѣрѣ на практикѣ не приходилось прибѣгать, дѣло законодателя—указать, что права личной свободы въ этой области не допускаютъ большаго ограниченія. Значительность разстояній, на которую такъ любятъ ссылаться, указывая отличительныя качества Россіи, можетъ служить основаніемъ для начисленія соотвѣтственнаго промежутка времени (хотя бы вычисляемаго по количеству верстъ) къ суточному сроку, но отнюдь не для отмѣны его. Ничего уставъ не говоритъ относительно помѣщенія, въ которомъ должны находиться задержанные, ни о регистраціи ихъ въ участкѣ, ни, наконецъ, о примѣненіи къ нимъ физическаго принужденія при задержаніи [1]).

Въ теченіе всего изложенія мы старательно пытались извлекать изъ разныхъ частей нашего законодательства отдѣльныя части, изъ соединенія которыхъ мы должны были получить нѣкоторое подобіе полицейскаго ареста. Напомнимъ положеніе, уже высказанное, и, надѣюсь, теперь уже доказанное, что въ русскомъ законодательствѣ нѣтъ еще полицейскаго ареста, какъ самостоятельнаго института: его предстоитъ создать, очистивъ общія положенія 1862 г. отъ того дореформеннаго мха, сѣмена котораго были посажены составителями устава, перенявшими ихъ изъ наказа 8 іюля 1860 г., и который обильно разросся въ хмурую эпоху восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ.

---

[1]) Ст. 391, 392, 393, 396, 397 могли бы имѣть соотвѣтственное примѣненіе къ случаямъ полицейскаго ареста, но за неправильностью и узкостью редакціи закона такого примѣненія въ дѣйствующемъ правѣ сдѣлать нельзя.

XII.

Надзоръ за предварительнымъ полицейскимъ арестомъ.

Къ числу существенныхъ мѣръ противъ произвола полиціи при арестованіи принадлежитъ *надзоръ за дѣйствіями ея*, принимаемыми въ цѣляхъ правосудія, *со стороны органовъ судебной власти*. Сущность надзора и состоитъ въ томъ, что какой-либо органъ, обладающій правомъ взысканія и наказанія, провѣряетъ законность, цѣлесообразность и необходимость принятыхъ мѣръ. Установленіе такого надзора способствуетъ, съ одной стороны, скорому прекращенію неудовлетворяющей одному изъ трехъ вышеприведенныхъ основаній ареста мѣры, съ другой стороны—преданію законной отвѣтственности лицъ, злоупотребившихъ своею властью. Основными принципами организаціи надзора являются: 1) зависимость лица, дѣятельность котораго контролируется, отъ органа надзирающаго; 2) близкое знакомство надзирающаго съ дѣломъ, что представляетъ гарантію дѣйствительности надзора, и 3) безпристрастіе органа надзирающаго. Въ Англіи право надзора надъ дѣйствіями полиціи по арестованію принадлежитъ сначала полицейскому инспектору, провѣряющему при приводѣ въ участокъ правильность ареста, а затѣмъ самому мировому судьѣ, который можетъ дѣлать замѣчанія и судить констэблей. Во Франціи и заимствовавшей французское законодательство Россіи это право принадлежитъ прокурору. Согласно 47 ст. основныхъ положеній устава уголовнаго судопроизводства постоянный надзоръ за производствомъ слѣдствій принадлежитъ исключительно прокурору (см. также ст. 278). Полицейскіе чины, производящіе слѣдственныя дѣйствія, стоятъ въ непосредственной зависимости отъ прокуроровъ и ихъ товарищей (ст. 279). Какъ разъяснено Сенатомъ, прокуроры, а не служебное начальство, даютъ имъ инструкціи для производства дознаній и порученій слѣдственной власти (ст. 71 и 143). Прокурору приносятся и жалобы на дѣйствія полиціи (ст. 493), несмотря даже на то, что дѣло еще не поступило въ судъ (ст. 494). Жалоба

о лишеніи свободы должна быть направлена полиціей по принадлежности въ теченіе сутокъ (ст. 499). Для дѣйствительности надзора, полиція обязана во всякомъ случаѣ не позже сутокъ сообщать прокурору о всякомъ преступленіи или проступкѣ (ст. 250). Произведенное дознаніе препровождается полиціей прокурору, который или прекращаетъ его или передаетъ слѣдователю (ст. 253). Передавая дознаніе слѣдователю, полиція доноситъ о томъ прокурору (ст. 255). Вообще прокуроръ слѣдитъ, чтобы полиція не допускала ни медленности, ни превышенія или бездѣйствія власти (ст. 483) [1].

Прокуроръ, такимъ образомъ, имѣетъ право провѣрять и отмѣнять мѣры, принятыя полиціей, а въ томъ числѣ „мѣры пресѣченія“ (т. е. задержаніе). Имѣя постоянный надзоръ за дѣломъ благодаря сообщеніямъ полиціи и слѣдователя, онъ

---

[1]) По германскому уставу прокуратура является центральнымъ активнымъ органомъ въ производствѣ дознаній, и потому надзоръ является значительно болѣе дѣйствительнымъ. Прокуратура по полученіи объявленій о преступленіи изслѣдуетъ обстоятельства дѣла, прокуратура приводитъ въ извѣстность какъ обвиняющія, такъ и оправдывающія обстоятельства, прокуратура предпринимаетъ мѣры дознанія, кромѣ допросовъ подъ присягою (ст. 158, 159 ст. герм. уст. угол. суд.). Дѣятельность низшихъ органовъ (полиціи и стражи) разсматривается какъ подчиненная. Эти органы производятъ то, что имъ поручаетъ прокуратура, а также производятъ разслѣдованіе дѣла и предпринимаютъ распоряженія, чтобы предупредить сокрытіе слѣдовъ въ исключительныхъ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. О каждомъ такомъ дѣйствіи они даютъ непосредственный отчетъ прокуратурѣ (ст. 159—161 герм. уст.). Какъ можно замѣтить, органомъ дознанія является прокуратура, замѣняемая полиціей въ исключительныхъ случаяхъ.

Иной характеръ получило отношеніе прокуратуры къ полиціи на стадіи дознанія въ проектѣ 1900 г. Органомъ дознанія является полиція, прокуратурѣ же принадлежитъ пассивная роль органа контроля и надзора, а не руководства. Стоитъ, напр., указать на ст. 114 проекта: „*полиція* приступаетъ къ производству дознанія по жалобамъ и т. д.“, ст. 115: „При производствѣ розысковъ и дознанія *полиція*“ .... ст. 121, 122, 123 и проч. Пассивная роль прокуратуры при производствѣ дознаній видна изъ ст. 135 и 136 проекта, въ которыхъ ясно указано на то, что въ исключительныхъ случаяхъ по распоряженію прокурора судебной палаты прокуроры окружныхъ судовъ и ихъ товарищи производятъ дознанія непосредственно при содѣйствіи полиціи, и что прокуроры могутъ контролировать полицію, отмѣняя ея дѣйствія и распоряженія (т. е. являются какъ бы апелляціонной инстанціей) и поручать полиція производство розысковъ и дознанія. Ясно указывается, что заключенія о прекращеніи и направленіи дѣлъ будутъ представляться прокуратурѣ полиціей. Такимъ образомъ прокуратура по прежнему сохраняетъ свою пассивную роль по отношенію къ дознанію.

можетъ судить о правильности дѣйствій полиціи по принятію мѣръ пресѣченія [1]).

На ряду съ прокуроромъ контроль полицейскихъ дѣйствій, а въ томъ числѣ полицейскаго арестованія, принадлежитъ и *судебному слѣдователю*. Судебный слѣдователь имѣетъ право провѣрять, дополнять и отмѣнять дѣйствія полиціи по произведенному ею первоначальному изслѣдованію (ст. 269). Этимъ ему предоставлена бóльшая власть, нежели прокурору, потому что слѣдователь, отмѣнивъ принятую полиціей мѣру обезпеченія, можетъ самъ назначить новую, въ то время какъ прокуроръ не имѣетъ на то права, а ограничивается только наблюденіемъ. Однако, по дѣйствующему законодательству, такая провѣрка, производимая слѣдователемъ, составляетъ его право, а не обязанность (72/1326).

Наконецъ, органомъ надзора можетъ служить *судъ*, если принесена въ него жалоба на прокурора или слѣдователя за ихъ дѣйствія по отношенію къ полиціи, а также при отвѣтственности чиновъ полиціи (485, 493 ст.). Надзоръ состоитъ и въ томъ, что въ случаѣ недоумѣній по исполненію порученій, разрѣшеніе ихъ дается прокуроромъ или слѣдователемъ, смотря по тому, кто далъ порученіе (484 ст.).

Дѣйствующая система надзора надъ слѣдственными дѣйствіями полиціи далеко не удовлетворительна. Условія, кроющіяся въ общей постановкѣ полицейской дѣятельности у насъ, дѣлали надзоръ часто невозможнымъ или недѣйствительнымъ и мало стѣснительнымъ для полиціи. Въ проектѣ, расширившемъ дѣятельность полиціи при дознаніи, явилась потребность расширить и предѣлы этого надзора. Въ немъ сохранены существующія постановленія объ обязательности извѣ-

[1]) Еще бóльшая власть надзора предоставлена закономъ 7 іюня 1904 г. Ст. 1035[16] обязываетъ органы дознанія по государственнымъ преступленіямъ представлять о возникшихъ затрудненіяхъ по вопросу объ избраніи мѣры обезпеченія на рѣшеніе прокурора судебной палаты, а если дознаніе производится Высочайше назначеннымъ лицомъ, то на рѣшеніе министра юстиціи по соглашенію съ министромъ внутр. дѣлъ. Въ обоихъ случаяхъ сдѣланное распоряженіе о личномъ задержаніи или о взятіи съ него залога сохраняетъ силу до разрѣшенія возникшаго затрудненія. Здѣсь прокуратурѣ явно предоставлена функція судебнаго характера.

щенія прокурора (ст. 110, 134 и 163 проекта). Вмѣстѣ съ тѣмъ чинамъ полиціи, не уполномоченнымъ на производство розысковъ и дознаній, предписано немедленное извѣщеніе ближайшаго полицейскаго начальства о всякомъ преступномъ дѣяніи (ст. 111 проекта). Предписаніе ст. 269 устава сохранено, но для большаго огражденія правильности слѣдователю предписано составлять особое постановленіе, если онъ призналъ произведенные полиціей допросы, освидѣтельствованія, осмотры *или иныя дѣйствія* не требующими провѣрки (ст. 155 пр.) Н. С. Таганцевъ предлагалъ при этомъ требовать составленія особаго мотивированнаго постановленія въ случаѣ отказа частному лицу провѣрить какое либо дѣйствіе полиціи (см. прил. IV). Существеннымъ расширеніемъ правъ прокуратуры явилось предоставленное ей право отмѣнять каждое дѣйствіе и распоряженіе полиціи или чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, относящееся къ дознанію, а также „отмѣнять или замѣнять принятыя полиціей мѣры пресѣченія заподозрѣнному способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда“, равно какъ и поручать полиціи производство розысковъ и дознанія (ст. 135 пр.) [1]. Система обжалованія дѣйствій

[1]) Попытаемся выяснить предѣлы надзора за арестомъ по ст. 135 проекта. Допустимъ, что мѣра пресѣченія принята полиціей по дѣлу, не требующему производства предварительнаго слѣдствія. Полиція о принятой ею мѣрѣ доноситъ только прокурору, который можетъ, когда ему вздумается (срока не установлено никакого), отмѣнить ее или замѣнить другою. Долженъ ли прокуроръ въ данномъ случаѣ обращаться къ слѣдственному судьѣ? Въ проектѣ мы не находимъ установленія подобной обязанности. По нѣкоторымъ основаніямъ мы можемъ даже вывести обратное заключеніе. Въ ст. 334 и 335 указывается, что судья, производящій слѣдствіе, можетъ принимать мѣры пресѣченія противъ привлеченныхъ къ слѣдствію обвиняемыхъ и нигдѣ не указывается на то, что онъ можетъ назначать ихъ противъ заподозрѣнныхъ, не начиная противъ нихъ слѣдствія (въ постановленіяхъ объ участковыхъ судьяхъ мы находимъ только ссылку на правила о предварительномъ слѣдствіи). Непонятно также, на основаніи какихъ соображеній, кромѣ требованія прокурора, судья, не обладающій актами дознанія и незнакомый съ заподозрѣннымъ, могъ предпринимать противъ него мѣру обезпеченія. Законъ такимъ образомъ не имѣлъ въ виду того, что прокуроръ будетъ обращаться къ слѣдственному судьѣ за подтвержденіемъ назначенной имъ мѣры, какъ то существуетъ на Западѣ. Проектъ 1900 г. предусматриваетъ, правда, возможность обращенія прокуратуры къ подлежащему судьѣ для производства имъ нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣйствій (ст. 163), но лишь такихъ, „*которыя необходимы для разъясненія обстоятельствъ дѣла*“. Мѣры обезпеченія,

полиціи сохранена существующая—именно жалоба направляется прокурору; однако, сдѣлано важное исключеніе, по

слѣдовательно, сюда не подходятъ (этотъ взглядъ подтверждается ст. 200, 201 и 202 пр.). Да и странно было бы это потому, что прокурору была бы предоставлена власть и контроль надъ дѣйствіями слѣдственнаго судьи по этому предмету (ст. 167, 168 проекта). Составители придерживались взгляда, по которому прокуратура явится пассивнымъ органомъ, исключительно надзирающимъ, между тѣмъ какъ въ данномъ вопросѣ имъ пришлось допустить участіе прокуратуры, какъ органа рѣшающаго. Отсюда крайняя запутанность положенія прокуратуры. Полицейскія и судебныя функціи по принятію мѣръ обезпеченія здѣсь смѣшаны въ одну кучу, въ которой трудно разобраться на основаніи однихъ только имѣющихся въ проектѣ постановленій.

Прежде всего наше вниманіе останавливаетъ указаніе ст. 135 на право прокуратуры только отмѣнять или замѣнять, но не назначать мѣры пресѣченія. Трудно сказать, чѣмъ обусловливается такое ограниченіе. Вѣроятно, оно принято по аналогіи съ властью прокурора по отношенію къ слѣдователю, когда прокуроръ можетъ требовать только замѣны заключенія подъ стражу. Но безусловное право замѣны и отмѣны почти равносильно праву самостоятельнаго назначенія. Въ объяснительной запискѣ по этому поводу мы не находимъ никакихъ указаній. Вѣроятнѣе всего, это объясняется происхожденіемъ статьи 135: ею имѣлось въ виду не опредѣлять правъ прокуратуры, а установить *гарантію* для обвиняемаго, для чего нужно было указать только на право отмѣны и замѣны.

Но затѣмъ появляется другой, не менѣе важный вопросъ: какими мѣрами можетъ прокуратура замѣнять мѣры пресѣченія, принятыя полиціей? По ст. 117 полиція уполномочена только на 2 мѣры: подписку о неотлучкѣ и заключеніе подъ стражу. Ограничивается ли право прокуратуры только этими двумя мѣрами, указанными для полиціи, или же всѣми мѣрами, указанными для судьи въ ст. 335? И на этотъ вопросъ нѣтъ никакого рѣшенія въ законѣ. Въ объяснительной запискѣ (т. II стр. 233) мы находимъ лишь указаніе, что „при замѣнѣ означенныхъ мѣръ пресѣченія прокурорскій надзоръ долженъ, само собою разумѣется, сообразовываться съ правилами, опредѣленными по этому предмету для чиновъ полиціи". Слѣдовательно, выходитъ какъ будто, что прокуроръ можетъ принимать только двѣ вышеуказанныя мѣры пресѣченія. Такое рѣшеніе крайне нецѣлесообразно. Прежде всего, если прокуратура будетъ замѣнять подписку о неотлучкѣ заключеніемъ подъ стражею, то такая замѣна будетъ гораздо затруднительнѣе вслѣдствіе отсутствія цѣлаго ряда промежуточныхъ мѣръ (залога поручительства, отобранія вида на жительство, домашняго ареста и пр.) и часто поэтому не будетъ происходить. И наконецъ, почему, предоставивъ прокурору право заключенія подъ стражу, лишать его права назначенія залога и поручительства и вообще отказывать въ возможности примѣненія этихъ мѣръ на стадіи дознанія,—намъ совершенно непонятно. Это—вторая крупная несообразность закона. Прокуратура здѣсь поставлена внѣ закона: право ея повидимому ничѣмъ не ограничено. Предполагается, что здѣсь она не устанавливаетъ ничего новаго, а только исправляетъ предпринятое полиціей, приноровляясь къ требованіямъ закона. Но этотъ взглядъ ошибоченъ: въ вопросѣ о назначеніи мѣръ пресѣченія господствуетъ усмотрѣніе, и прокуратура лишь замѣняетъ усмотрѣніе полицей-

которому жалобы на принятіе полиціей мѣръ пресѣченія приносятся окружному суду (ст. 420) [1]). Въ совѣщаніи старшихъ прокуроровъ и предсѣдателей судебныхъ палатъ въ 1895 г. это

скихъ органовъ своимъ усмотрѣніемъ, для котораго однако не установлено никакихъ гарантій. Отсутствіе гарантій также порождено старымъ взглядомъ на прокуратуру, какъ на исключительную блюстительницу закона, лишенную права самостоятельнаго принятія различныхъ мѣръ по отношенію къ обвиняемымъ. Очень ярко этотъ взглядъ отразился на постановленіяхъ объ обжалованіи. Право обжалованія—право, предоставленное заинтересованному лицу противъ дѣйствій всякой власти. Между тѣмъ мы въ уставѣ не находимъ указаній на возможность обжалованія дѣйствій прокуратуры по замѣнѣ мѣръ пресѣченія. Въ ст. 420 проекта указывается, что жалобы на распоряженія полиціи по принятію мѣръ пресѣченія приносятся окружному суду. Объ обжалованіи таковыхъ дѣйствій прокуратуры ни слова. Это явный недосмотръ, порожденный признаніемъ полной пассивности прокуратуры въ этомъ отношеніи. Здѣсь не принято во вниманіе измѣненіе положенія прокуратуры по сравненію съ тѣмъ, которое она занимала по судебнымъ уставамъ 1864 г. Сознательно составители проекта никогда не рѣшились бы на освобожденіе дѣйствій прокуратуры отъ возможности обжалованія; они, вѣроятно просто смотрѣли на дѣятельность прокуратуры, какъ на дѣятельность провѣряющую. Между тѣмъ могутъ произойти такіе случаи, когда заподозрѣнный подаетъ жалобу въ судъ на принятіе противъ него подписки о неотлучкѣ со стороны полиціи, прокуратура же, пока жалоба разсматривается, замѣняетъ эту мѣру заключеніемъ подъ стражу. Судъ постановляетъ освободить заподозрѣннаго. Здѣсь возникаетъ конфликтъ между прокуроромъ и судомъ, рѣшенія котораго законъ не даетъ.

Кромѣ указанныхъ несообразностей при такомъ догматическомъ толкованіи закона, получаются и другія: напр., продолжительное задержаніе при отсутствіи постановленія судьи, освобожденіе прокуратуры отъ правилъ, обязательныхъ для производства предварительнаго слѣдствія, и пр. Все это указываетъ на то, что законодатель упустилъ изъ виду необходимость регулировать власть прокуратуры въ этомъ отношеніи. Право прокурора должно быть приравнено къ праву полиціи въ отношеніи срока, возможности обжалованія въ судъ и исключительности обстоятельствъ, при которыхъ оно допускается. Такъ какъ въ русскомъ правѣ имѣется рядъ мѣръ, не сопряженныхъ съ лишеніемъ свободы, то можно предоставить прокуратурѣ право замѣнять полицейское задержаніе одною изъ такихъ мѣръ. Въ случаѣ же необходимости заключить подъ стражу слѣдуетъ требовать внесенія предложенія участковому судьѣ. Въ первомъ случаѣ дѣло поступаетъ въ судъ лишь посредствомъ обжалованія.

[1]) Въ этомъ измѣненіи можно замѣтить принципіальную перемѣну взгляда на полицію, вмѣсто „жалобъ на неправильныя дѣйствія", теперь имѣется „обжалованіе мѣръ, принятыхъ полиціей, въ судъ". Этимъ какъ бы указывается, что по принятію мѣръ обезпеченія полиція разсматривается какъ самостоятельная инстанція, а не какъ предварительный органъ, по отношенію къ которому существуетъ безусловное право замѣны мѣры предварительной мѣрою судебной, а не „обжалованіе".

предложеніе также было полезнымъ. Таковы измѣненія проекта. При разсмотрѣніи всей системы надзора и контроля слѣдуетъ обратить вниманіе на скупость законодательства при установленіи сроковъ для дѣйствій по контролю. Быстрота является однимъ изъ существенныхъ условій контроля, между тѣмъ въ законѣ установленъ только суточный срокъ передачи жалобы на назначеніе мѣры пресѣченія, а сроковъ непосредственной провѣрки правильности назначенія этихъ мѣръ не установлено.

XIII.

Отвѣтственность полиціи за неправильныя дѣйствія при арестѣ.

Другимъ, еще болѣе существеннымъ коррективомъ правильности дѣйствій полиціи является цѣлесообразно установленная *система отвѣтственности полицейскихъ и жандармскихъ чиновъ.* Вліяніе отвѣтственности на правильность дѣйствій можетъ быть двоякое. Прежде всего она возстановляетъ справедливость, нарушенную кѣмъ либо, удовлетворяя чувство возмездія, затѣмъ она является предупредительнымъ средствомъ, заставляющимъ лицъ, могущихъ подвергнуться ей, дѣйствовать осторожно, строго придерживаясь основаній закона, не позволяя себѣ произвольныхъ нарушеній чужихъ правъ. Вторая функція еще важнѣе первой. Кромѣ этихъ основныхъ послѣдствій установленія цѣлесообразной отвѣтственности, существуютъ и другія, болѣе отдаленныя. Такъ, при существованіи ея происходитъ естественный подборъ надлежащихъ органовъ власти. Лица, подвергавшіеся нѣсколько разъ отвѣтственности, естественно отпадаютъ, будучи увольняемы какъ неприспособленныя; въ каждомъ гражданинѣ развивается сильнѣе чувство законности и сознанія своихъ правъ.

Принципами организаціи отвѣтственности служатъ: 1) предоставленіе потерпѣвшему активнаго права преслѣдованія. Это требованіе основывается на томъ соображеніи, что потерпѣвшій, какъ наиболѣе заинтересованное лицо, зорче наблюдаетъ за за-

конностью по отношенію къ своимъ правамъ. Такимъ потерпѣвшимъ въ дѣлахъ, касающихся государственнаго интереса, является государство, замѣняемое прокуроромъ; 2) назначеніе наказанія судомъ, способнымъ оцѣнивать законность и правильность дѣйствій, и 3) соотвѣтствіе величины отвѣтственности личной винѣ обвиняемаго. Процессуальная постановка отвѣтственности имѣетъ еще больше значенія, чѣмъ карательная. Назначеніе какой угодно сильной кары, безъ опредѣленія способовъ, какими возможно добиться ея примѣненія, остается пустымъ звукомъ. Способъ осуществленія правъ гражданина, выражающійся въ порядкѣ судопроизводства, является самымъ важнымъ условіемъ дѣйствительности предоставленныхъ ему правъ. Насъ и интересуетъ теперь главнымъ образомъ эта сторона.

Отстраняясь отъ общаго вопроса о постановкѣ правъ полиціи у насъ вообще, мы укажемъ на существующую и на желательную постановку отвѣтственности за неправильное назначеніе мѣръ пресѣченія.

Типичныхъ системъ отвѣтственности полиціи считаютъ двѣ: англійскую и французскую. Первая, возникнувъ главнымъ образомъ изъ предписаній Великой Хартіи 1216 г., устанавливаетъ одинаковую отвѣтственность полицейскихъ чиновъ съ отвѣтственностью всѣхъ гражданъ. Каждый, считая права свои нарушенными должностнымъ лицомъ, имѣетъ право, безъ предварительнаго разрѣшенія начальства полицейскаго чиновника, привлечь послѣдняго къ отвѣтственности въ гражданскомъ или уголовномъ порядкѣ. При отвѣтственности полиціи за неосновательный арестъ въ Англіи лишь нѣсколько сужены предѣлы по сравненію съ отвѣтственностью гражданъ. Такъ, полиція можетъ арестовывать по *основательному подозрѣнію, независимо даже отъ того, было ли совершено преступленіе*, за которое произведенъ арестъ, частное лицо — лишь тогда, когда преступленіе было дѣйствительно совершено, въ противномъ случаѣ оно отвѣтственно за незаконный арестъ. Жалоба на констебля подается мировому судьѣ, который строго относится къ нарушеніямъ закона. Система французская основана на ошибочномъ положеніи о строгомъ

обособленіи между судомъ и администраціей. Въ основѣ ея лежитъ мысль, что судъ, разрѣшающій частные споры, неспособенъ правильно оцѣнивать случаи полицейской опасности, подъ вліяніемъ которыхъ полиція, можетъ быть, и совершила отступленія отъ закона. Правильно оцѣнить такую необходимость можетъ только административный органъ, въ частности начальство должностнаго лица, которое одно только должно рѣшать вопросъ о преданіи суду. Вмѣшательство суда въ административныя дѣйствія влечетъ задержку и неудобное стѣсненіе дѣятельности полиціи. Даже постановленія революцій санкціонировали такую систему отвѣтственности. Нельзя не признать, что французская система смотритъ неправильно на судъ, какъ на проводникъ какихъ то стремленій, вредныхъ для администраціи. Судъ есть только органъ законности, которой прежде всѣхъ другихъ должна быть подчинена и полиція; усмотрѣніе послѣдней не можетъ выйти за предѣлы закона и, несмотря ни на какія „спеціальныя основанія", административный органъ, нарушившій законъ, долженъ быть преданъ суду, отъ котораго зависитъ признать или не признать „крайнюю необходимость" нарушенія закона.

По отношенію къ нашему вопросу дѣло упрощается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ случаѣ полиція дѣйствуетъ по уполномочію, въ цѣляхъ судебной власти и въ порядкѣ, предписанномъ ею. Оцѣнка опасности здѣсь можетъ быть произведена, слѣдовательно, исключительно судебною властью. Полиція дѣйствуетъ въ качествѣ органа судебной власти и подлежитъ отвѣтственности по суду. Такую постановку, вполнѣ послѣдовательно вытекающую изъ положенія полиціи на предварительномъ слѣдствіи, и предполагали придать отвѣтственности полиціи составители устава уголовнаго судопроизводства. Въ объяснительной запискѣ 1863 г. [1]) предоставлялось прокурору, смотря по важности преступленій, упущеній или безпорядковъ, или самому предостерегать неисправныхъ или предлагать суду о наложеніи на нихъ дисциплинарныхъ взысканій и преданіи ихъ суду. Относительно чиновниковъ полиціи,

---

[1]) Объясн. зап. 1863 г., стр. 221—223.

обвиняемыхъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, прокуроръ долженъ былъ предлагать на усмотрѣніе прокурора мѣстной судебной палаты.

Однако министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ представилъ на это предположеніе коммисіи замѣчанія [1]), сущность которыхъ сводилась къ тому, что съ подчиненіемъ чиновъ полиціи двумъ вѣдомствамъ могутъ получиться столкновенія. Напр., администрація прикажетъ совершить что-либо своему чиновнику и въ то же время ему дастъ приказаніе судебный органъ. Кого ему слушаться? Оставивъ безъ вниманія чье либо предписаніе, онъ можетъ подвергнуться отвѣтственности.—Однако на такое заявленіе можно возразить прежде всего, что нѣкоторое промедленіе въ исполненіи порученія одного изъ вѣдомствъ еще не служитъ поводомъ къ отвѣтственности. Затѣмъ почему слѣдуетъ отдавать предпочтеніе предписаніямъ административнаго характера въ данномъ случаѣ? Наоборотъ, законъ въ ст. 270 указываетъ, что законныя требованія судебнаго слѣдователя исполняются какъ полиціею, такъ и присутственными мѣстами, должностными и частными лицами безъ замедленія. Цѣлымъ рядомъ другихъ предписаній полиціи предписывается немедленно исполнять предписанія слѣдоваля и предпринимать различныя слѣдственныя дѣйствія. Здѣсь ясно, посредствомъ подчеркиванія немедленности, отдается предпочтеніе требованію судебной власти. Административная власть обладаетъ достаточнымъ количествомъ чиновниковъ, чтобы въ случаѣ, если одинъ занятъ судебнымъ порученіемъ, предписать исполненіе своего порученія другому.

Такое предпочтеніе административнымъ порученіямъ, какое предложилъ министръ внутреннихъ дѣлъ и какое внесено въ уставъ, является поэтому неправильнымъ. Затѣмъ ограниченіе отвѣтственности по данному мотиву могло бы имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція дѣйствуетъ по порученію судебной власти, но непримѣнимо къ случаямъ, когда она приступаетъ самостоятельно къ различнымъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, безъ прямого порученія, напр. къ случаямъ при-

---

[1]) Суд. Уст. изд. Госуд. Канцел. примѣч. къ ст. 480, т. II, стр. 177.

нятія мѣръ пресѣченія. Коллизія въ отвѣтственности могла бы произойти только тогда, когда требованія судебной и административной власти были бы по существу противоположны и полиція не знала бы, кого слушаться; но по закону требованія суда, какъ органа законности, стоятъ всегда выше требованій администраціи; послѣднія только тогда и законны, когда согласны съ тѣми положеніями, которыя проводятся судомъ; слѣдовательно, при законности дѣйствій полиціи такого столкновенія произойти не могло бы. Оппозиція министерства внутреннихъ дѣлъ объясняется трусливостью внесенія контроля законности въ сферу административной дѣятельности или, правильнѣе, въ ту же сферу судебной дѣятельности, но по отношенію къ административнымъ органамъ. Такое основаніе едва-ли можетъ быть признано уважительнымъ съ правовой точки зрѣнія. Полиція, вмѣсто немедленнаго представленія задержаннаго слѣдователю, по распоряженію полицейскаго чиновника можетъ передать его въ руки сыскной полиціи, гдѣ часто въ теченіе нѣсколькихъ дней отъ него вымогается сознаніе. Прокуроръ желаетъ привлечь полицейскаго къ отвѣтственности, администрація же отказываетъ въ преданіи суду. Здѣсь отказъ основывается на отступленіи отъ законности полицейскаго органа, оправдываемаго въ этомъ его начальствомъ, хотя и осуждаемаго судомъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ порядокъ отвѣтственности, окончательно принятый въ уставѣ и сохраненный въ проектѣ, страдаетъ существеннымъ недостаткомъ—сохраненіемъ права преданія суду за начальствомъ полиціи. Въ общихъ чертахъ этотъ порядокъ сводится къ слѣдующему.

Полицейскіе чины, волостные и сельскіе начальники за упущенія и безпорядки по слѣдственной части привлекаются къ отвѣтственности прокуроромъ, подъ наблюденіемъ котораго слѣдствіе производилось. Прокуроръ только предостерегаетъ, неисправныя лица или предлагаетъ дѣйствія ихъ на разсмотрѣніе суда, при коемъ онъ состоитъ. (ст. 485). Это право сохраняется за прокуроромъ до поступленія дѣла въ судъ (общ. собр. 1883 г. № 10). Судъ, разсмотрѣвъ объясненія указанныхъ административныхъ лицъ, можетъ назна-

чить имъ *выговоръ* болѣе или менѣе строгій за неумышленныя упущенія или безпорядки, не имѣвшіе важныхъ послѣдствій [1]). О постановленномъ выговорѣ извѣщается непосредственное начальство виновнаго (ст. 486). Такимъ образомъ суду предоставлена власть назначать только выговоры—легчайшее наказаніе, почти не имѣющее значенія. По проекту 1900 г. компетенція прокурора ограничена такими упущеніями, которыя не влекутъ взысканія свыше замѣчанія или выговора безъ внесенія въ послужной списокъ. Въ остальныхъ случаяхъ онъ долженъ предоставлять на распоряженіе начальства привлекаемаго полицейскаго органа (ст. 412 пр.), т. е. въ сущности не введено почти ничего новаго.

Въ случаяхъ важныхъ безпорядковъ и злоупотребленій полиціи, судъ предоставляетъ прокурору войти въ сношеніе съ начальствомъ, отъ коего зависитъ назначеніе даннаго органа на должность, о преданіи законной отвѣтственности согласно заключенію суда (ст. 487). Такимъ органомъ обыкновенно бываетъ губернское правленіе. Въ случаѣ разногласія прокурора и начальства дѣло переходитъ на разрѣшеніе Перваго Департамента Правительствующаго Сената (488—5). Само губернское правленіе, какъ разъяснено Сенатомъ (общ. собр. пр. 1875 г. № 9101), вправѣ производить предварительное разслѣдованіе по сообщенію о преданіи полицейскаго чиновника суду за упущенія по слѣдственной части. Обыкновенно практика Сената принимаетъ во вниманіе только новыя обстоятельства, представляемыя начальствомъ, а въ остальныхъ случаяхъ признаетъ квалификацію суда [2]). Прокуроръ, стѣсненный въ сферѣ надзора, часто избѣгаетъ подачи жалобъ. Въ противность закону губернскія правленія часто принимаютъ жалобы прокурора и постановляютъ по нимъ свои рѣшенія. „Намъ неизвѣстно случая—говоритъ Лозина-Лозинскій—чтобы Правительствующій Сенатъ, куда на осн. ст. 586 общ. губ. уст. приносятся жалобы на постановленія губернскаго

[1]) Нельзя не обратить вниманія на крайнюю неопредѣленность этого правила, допускающаго полное усмотрѣніе судьи.

[2]) Лозина-Лозинскій. Надзоръ за слѣдственными дѣйствіями полиц. чиновъ. Журн. мин. юст. 1899 г. кн. 6 стр. 172.

правленія, отмѣнилъ постановленіе губернскаго правленія, состоявшееся по жалобѣ на слѣдственныя дѣйствія, какъ незаконное". Между тѣмъ незаконность постановленія губернскаго правленія, замѣняющаго здѣсь судъ, очевидна. Такой судъ, творимый административнымъ органомъ, почти совершенно лишаетъ потерпѣвшаго возможности добиться отвѣтственности, развѣ только данный случай представляетъ возмутительное нарушеніе самихъ полицейскихъ предписаній.

Относительно отвѣтственности жандармскихъ чиновъ положеніемъ отъ 19 мая 1871 года установлены особыя правила. Право прокурора здѣсь ограничивается сообщеніемъ непосредственному начальству виновнаго, которое обязано увѣдомить прокурора о послѣдствіяхъ его сообщенія. Если прокуроръ признаетъ недостаточнымъ наложенное взысканіе или неправильнымъ освобожденіе отъ взысканія, онъ можетъ увѣдомить прокурора палаты, который входитъ въ сношеніе съ высшимъ жандармскимъ начальствомъ. При нарушеніяхъ чинами жандармскихъ полицейскихъ управленій жел. дор. правилъ закона, не умышленныхъ и не имѣвшихъ важныхъ послѣдствій, прокуроръ представляетъ непосредственно на усмотрѣніе начальства, а о важныхъ входитъ въ сношенія съ послѣднимъ о преданіи суду (ст. 9, 10, 16, 17 полож. 1871 г.) [1]).

Крайне рѣдкіе случаи отвѣтственности полиціи, при весьма частомъ нарушеніи законныхъ правилъ на практикѣ, даютъ наглядное доказательство несостоятельности существующей системы отвѣтственности полиціи за неправильныя слѣдственныя дѣйствія. Въ связи съ неопредѣленностью законодательства эта сравнительная свобода отъ отвѣтственности дѣлаетъ изъ полиціи носительницу ограниченій свободы личности, еще болѣе страшныхъ, чѣмъ принимаемыя судомъ. Вслѣдствіе этого вокругъ имени полиція образовалась атмосфера недоброжелательности, которая заставляетъ часто избѣгать порою необходимаго ея содѣйствія.

---

[1]) См. Мордухай-Болтовскій. Руководство. 1875 г.

XIV.

Особыя права административныхъ органовъ по назначенію ареста.

Право полицейскаго ареста лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступнаго дѣянія (а свобода только такихъ лицъ и можетъ быть стѣсняема), во всѣхъ культурныхъ странахъ исчерпывается тѣми случаями, которые указаны въ уставѣ уголовнаго судопроизводства каждой страны. Внѣ предписаній этого устава никто не можетъ быть арестованъ. На такую точку зрѣнія стали и составители устава, создавъ правило, „что никто не можетъ быть задержанъ иначе, какъ въ случаяхъ, указанныхъ въ семъ уставѣ и въ установленномъ имъ порядкѣ“. (Объясн. зап. 1863 г. стр. 200). Но Государственный Совѣтъ, вслѣдствіе неопредѣленности въ то время правъ полиціи, внесъ значительное расширеніе, сведя установленный принципъ, по которому каждое арестованіе имѣло въ виду возбужденіе обвиненія—т. е. имѣло правовое основаніе, къ простому требованію законности (ст. 8 уст. угол. суд.). Каждое судебное дѣйствіе должно производиться только въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, и подчеркивать это элементарное правило для ареста не представлялось бы необходимымъ. Указанное расширеніе права ареста было мотивировано слѣдующимъ образомъ (журн. 23 и 25 сентября 1864 г.). „Такъ какъ кромѣ преступленій и проступковъ, преслѣдуемыхъ опредѣленнымъ въ настоящемъ уставѣ судебнымъ порядкомъ, могутъ быть случаи, въ которыхъ административная власть вынуждена будетъ прибѣгать къ задержанію неповинующихся ея распоряженіямъ и вообще такихъ лицъ, которыхъ невозможно оставить на свободѣ въ видахъ предупрежденія и пресѣченія нарушеній установленнаго порядка и общаго спокойствія, то осторожность требуетъ, не ограничивать задержаніе подъ стражей случаями, въ семъ уставѣ указанными, но выразить ту мысль, что никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе какъ въ случаяхъ законами опредѣленныхъ“. Приведенная мотивировка не выдерживаетъ критики: первое приведенное ею основаніе составляетъ преступленіе сопро-

тивленія законнымъ распоряженіямъ власти и можетъ служить основаніемъ задержанія, по общему правилу; что касается предупрежденія и пресѣченія, то, какъ мы видѣли въ англійскомъ, австрійскомъ и венгерскомъ правѣ, дѣятельность эта точно опредѣляется также въ уставѣ уголовнаго судопроизводства и подчинена контролю суда на общихъ основаніяхъ. Предоставлять ее всецѣло усмотрѣнію администраціи—значитъ подчинять полиціи дѣятельность гражданъ во многихъ областяхъ общественной жизни или же отдѣльныя категоріи лицъ (проститутокъ, нищихъ, и др.) [1]).

Дѣйствительность сильно расширила рамки административнаго ареста. Многочисленные случаи, разсѣянные въ архаическомъ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, предоставляютъ полиціи безконтрольное, формулированное въ самыхъ общихъ выраженіяхъ право ареста лицъ, уличенныхъ въ бродяжествѣ, прошеніи милостыни, безпаспортныхъ, бѣглыхъ и пр. Мы не станемъ разсматривать этихъ случаевъ, такъ какъ они относятся болѣе къ праву административному, но отмѣтимъ все-же, что арестованіе такихъ лицъ допустимо лишь постольку, поскольку оно необходимо для указанныхъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства цѣлей правосудія [2]).

Съ другой стороны, право административной власти на арестованіе гражданъ получило въ 1871 г. еще большее расширеніе, такъ какъ администраціи было предоставлено арестовывать въ предположеніи виновности кого либо въ государственномъ преступленіи, т. е. ей отведена была широкая власть въ области, гдѣ распорядительницей должна являться всецѣло судебная власть. Право это возникло вмѣстѣ съ возможностью административной высылки въ отдаленныя мѣстности.

---

[1]) Относительно правой постановки задержанія этихъ послѣднихъ см. Bertelemy. Cours de droit administratif 1902. p. 341.

[2]) Существуютъ также правила о предварительномъ задержаніи преступниковъ при выдачѣ иностраннымъ государствамъ: Въ русскомъ законодательствѣ эти правила находятся въ хаотическомъ состояніи, они опредѣляются лишь конвенціями, содержащими по этому вопросу часто противорѣчивыя начала. Въ общемъ у насъ принятъ порядокъ административный. Подробное разсмотрѣніе этихъ конвенцій см. А. К. фонъ-Резонъ. Выдача по русскому праву. Ж. М. Ю. 1903. № 9 стр. 187—191, 193—197.

Получивъ судебныя функціи, администрація простерла свою власть и на подслѣдственное заключеніе, необходимое въ качествѣ предварительной мѣры. Положеніе объ охранѣ въ ст. 21 и 29 предоставляетъ въ мѣстахъ, объявленныхъ въ положеніи охраны, начальникамъ полиціи, начальникамъ жандармовъ и ихъ помощникамъ право дѣлать распоряженія о предварительномъ задержаніи, не долѣе однако двухъ недѣль всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно и въ принадлежности къ противозаконнымъ обществамъ. Ст. 29 устанавливаетъ этотъ срокъ въ 7 дней для мѣстностей, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи. Однако тутъ же добавлено, что двухнедѣльный срокъ можетъ быть продолженъ до 1 мѣсяца по распоряженію градоначальника или губернатора, послѣ чего онъ опять можетъ быть возстановленъ. Но если и этого оказывается недостаточно, то на основаніи прим. къ ст. 33 зак. 1881 г. предварительный арестъ лицъ, предназначенныхъ къ высылкѣ въ опредѣленную мѣстность, можетъ быть, по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, продолженъ до разрѣшенія вопроса о высылкѣ ихъ. Вслѣдствіе этого двухнедѣльный срокъ становится пустымъ звукомъ, а „предварительное задержаніе“ продолжается долгіе мѣсяцы и годы. Уже самъ по себѣ, даже независимо отъ грозящей административной кары, этотъ арестъ является серьознымъ наказаніемъ, отбываемымъ въ одиночномъ заключеніи (ст. 1043 уст. угол. суд.) и сопровождаемымъ особыми мѣрами для прегражденія всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ (ст. 1035^7 прим.). „Основательное подозрѣніе въ совершеніи государственнаго преступленія“ на практикѣ давно замѣнилось широкимъ полицейскимъ терминомъ „неблагонадежности“ или даже „неудобности“. Вмѣсто какихъ либо гарантій установленъ полный произволъ. Ст. 21 полож. 1881 г. никакъ нельзя сравнивать со ст. 10 франц. устава: послѣдняя предоставляетъ префектамъ лишь право кратковременнаго задержанія для разслѣдованія дѣла и создана для случаевъ крайней необходимости, независимо отъ опредѣленной категоріи преступныхъ дѣяній. Такъ какъ

права заключеннаго поставлены въ полную зависимость отъ власти, заключившей его подъ стражу, то тѣмъ самымъ онъ лишенъ свободы приносить на это жалобу. Притомъ жалоба, подаваемая начальству, тенденціи котораго вполнѣ однородны съ тенденціями лица арестовавшаго, равносильна обращенію къ глухому и слѣпому [1]). Надзоръ судебныхъ органовъ и прокуратуры не можетъ простираться дальше формальной провѣрки наличности постановленія (ст. 10 у. у. с.). Срока допроса не установлено никакого, да едва ли можно назвать допросомъ то вымогательство показаній, чинимое полицейской властью, которое происходитъ въ такихъ случаяхъ. Единственной „гарантіей" должно являться постановленіе о взятіи подъ стражу. Необходимость его вытекаетъ изъ ст. 9 у. у. с., по которой требованіе о взятіи подъ стражу подлежитъ исполненію только въ томъ случаѣ, если оно послѣдовало въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами уст. уг. суд. т. е. по ст. 430 и 431 [2]). Первой изъ этихъ статей требуется указаніе „основаній задержанія и преступленія, въ которомъ задержанный подозрѣвается". Это требованіе, въ которомъ собственно и заключается сущность всей гарантіи, стало мертвою буквой на практикѣ въ примѣненіи ареста по ст. 21 полож. охр. Вмѣсто этихъ данныхъ фигурируетъ или простая ссылка на ст. 21, какъ на „основаніе", или же мотивъ: „впредь до выясненія причинъ задержанія". Указаніе преступленія отсутствуетъ совершенно. Несмотря на полную незаконность такой практики, задерживаемые лишены всякой возможности обжалованія этихъ постановленій. Сообщаемыя въ видѣ печатнаго бланка, на которомъ проставлены лишь имя и фамилія [3]),

---

[1]) Ст. 1035^{22} закона 7 іюня 1904 года при дознаніи обязываетъ предъявлять обвиняемому, заключенному подъ стражу, всѣ добытыя дознаніемъ данныя, относящіяся къ предъявленному къ нему обвиненію; при этомъ указанія обвиняемаго на новыя обстоятельства подлежатъ дальнѣйшему разслѣдованію. Это право даетъ возможность оказать нѣкоторое вліяніе на процессъ, но не служитъ средствомъ для большаго огражденія законности такого задержанія.

[2]) Какъ разъяснено цирк. М. Ю. 1870 г. (Сборникъ цирк. стр. 169) составленіе постановленія обязательно и при арестѣ, производимомъ на основаніи уст. пред. и пресѣч. преступл.

[3]) См. Вѣстн. Права, 1904, X, стр. 265.

эти постановленія вполнѣ аналогичны французскимъ lettres de cachet, отмѣненнымъ конституціей 3 сентября 1791 г. [1]), съ тою лишь разницей, что они принимаются по приказу административныхъ органовъ, а не по повелѣнію верховной власти. По количеству случаевъ за послѣдніе годы административные аресты вполнѣ могутъ конкурировать съ числомъ случаевъ подслѣдственнаго заключенія, если только не превосходятъ ихъ [2]). И создавая непроглядную атмосферу произвола и грубаго насилія надъ личностью, этотъ видъ ареста больше всего способствовалъ разложенію того строя, въ защиту котораго онъ примѣнялся. Будущее оцѣнитъ достойнымъ образомъ и съ большей свободой эту дѣятельность; наша задача—задача юриста—ограничивается указаніемъ того произвола, который допущенъ законодателемъ. Сохранить право административнаго заключенія подъ стражу въ будущемъ строѣ значитъ въ корнѣ подорвать всякую свободную дѣятельность партій и ошибочно предполагать, что находящійся въ положеніи раба можетъ представительствовать въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Если бы мы хотѣли подвести итоги добытому нами, то мы могли бы ограничиться слѣдующимъ замѣчаніемъ: фундаментъ полицейской власти, на которомъ покоится русское законодательство о мѣрахъ предварительнаго задержанія, совершенно подгнилъ, онъ не соотвѣтствуетъ прочнымъ устоямъ су-

[1]) Эта практика отчасти была возстановлена при первой имперіи: по ст. 46 конституціи VIII г. правительство получило право подвергать заключенію лицъ, подозрѣваемыхъ въ виновности или прикосновенности къ государственнымъ заговорамъ. Актъ 3 марта 1800 г. регламентировалъ это право, поручивъ осуществленіе его Conseil privé, состоявшему изъ великаго судьи, 2-хъ министровъ и 2-хъ членовъ кассаціоннаго суда. Задержаніе это не было совершенно ограничено срокомъ. Хартія 1814 г. навсегда отмѣнила это ненавистное правило. Подробную исторію этой мѣры см. Mirabeau Lettres de cachet et prison d'Etat 1781.

[2]) Заимствуемъ нѣкоторыя статистическія данныя (Набоковъ, Уголовная хроника. Вѣстн. Пр., 1904, № 7, стр. 186). Въ 1894, было 158 формальныхъ дознаній, по которымъ было привлечено 919 лицъ; въ 1903 г. было дознаніи—1988, по которымъ было привлечено 5590 лицъ. Всѣ эти лица содержались: подъ стражей, но это число еще не выражаетъ полностью количества административно задержанныхъ по ст. 21, такъ какъ противъ многихъ полиція не находила даже возможнымъ начинать дознаніе.

дебнаго зданія, посредствомъ которыхъ реформа шестидесятыхъ годовъ хотѣла укрѣпить правосудіе на правовой почвѣ. Пока не будутъ положены и здѣсь въ основу начала законности и возможности лишенія свободы не иначе, какъ по суду, если противное не вызывается только крайней необходимостью, до тѣхъ поръ будетъ грозить опасность всему зданію, до тѣхъ поръ произволъ въ этой стадіи будетъ отражаться на ходѣ всего правосудія. Независимая отъ суда власть полиціи несовмѣстима съ свободой. Желанія и стремленія составителей общихъ положеній 1862 г. были значительно выше и либеральнѣе тѣхъ, которыя осуществлены въ уставѣ. Составители, привыкнувъ къ дореформенному строю, не сумѣли сбросить тѣсно сжившіяся съ ихъ привычками и взглядами начала. Но этого вполнѣ можно было ожидать отъ Коммисіи, пересматривавшей судебные уставы 35 лѣтъ спустя. Однако Коммисія еще болѣе расширила власть полиціи, а рядъ указанныхъ нами противорѣчій она постаралась устранить безцеремоннымъ сглаживаніемъ правовыхъ началъ судебныхъ уставовъ. Наше законодательство въ основныхъ своихъ чертахъ заимствовано изъ французскаго, въ томъ его видѣ, въ какомъ оно было до законовъ 1865 и 1897 гг. А это послѣднее такъ было охарактеризовано К. Миттермайеромъ [1]). „Исторія намъ показываетъ, какъ развивалась полицейская власть, какъ особенно во Франціи она получила большую власть и какъ она дѣлалась въ одно и то же время благодѣтельнымъ орудіемъ открытія преступленій и грознымъ орудіемъ угнетенія свободы и стѣсненія индивидуальной безопасности. Подобное развитіе власти явилось слѣдствіемъ того, что полиціи были предоставлены весьма обширныя права, въ пользованіи которыми она не должна была давать никакого отчета суду, и вслѣдствіе безопасности полицейскихъ чиновъ отъ всякаго преслѣдованія за злоупотребленія властью. Вообще благодаря этимъ французскимъ взглядамъ одна отрасль администраціи, именно полиція, сдѣлалась какъ бы сама юстиціею, тогда какъ сама администрація получила до нельзя обширныя

[1]) Участіе полиціи на предварительномъ слѣдствіи. Ж. М. Ю. 1865, стр. 519.

права, мало была ограничена законами и освобождена была отъ отвѣтственности предъ судомъ за дѣйствія, учиненныя по долгу службы. Французскій порядокъ не правосудный, а скорѣе полицейскій". Для современной эпохи эта характеристика является еще очень скромной. Слѣпая боязнь общественныхъ силъ тормозитъ развитіе всѣхъ необходимыхъ правовыхъ гарантій. Существеннѣйшей изъ нихъ для обезпеченія свободы личности является „золотое правило" англійской и французской революцій: „никто не можетъ быть арестованъ иначе, чѣмъ по приказу компетентнаго судьи". Необходимо возможно полнѣе осуществить его, ограничивъ предѣлы полицейскаго предварительнаго ареста случаями крайней необходимости

П. И. Люблинскій.

НЕОБХОДИМЫЯ ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Въ статьѣ „Распоряженія комитета министровъ объ уничтоженіи произведеній печати за 1872—1904 годы“, помѣщенной въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Права“, мною былъ данъ списокъ сожженныхъ въ Россіи книгъ въ указанный періодъ времени. Новые поиски позволяютъ добавить еще и слѣдующія произведенія:

Верморель, Жанъ Мара, другъ народа. Перев. съ франц.

Вольтеръ, Ф. Философія исторіи. Перев. съ франц. В. Зайцева.

Гарридо. Современная Испанія, ея умственный и матеріальный прогрессъ. Спб. 1869.

Гоббзъ, Т. Левіаѳанъ, или о сущности, формѣ и власти государства. Перев. съ англ. С. Автократова и В. Зайцева, изд. Полякова, Спб. 1868.

Дѣло капитана Лукина. Спб. 1877.

„*Лучъ*“. Учено-литературный сборникъ, т. 2. Изд. П. Ткачева, Спб. 1866.

Лассаль, Ф. Сочиненія. Перев. съ нѣм. В. Зайцева. Спб. 1870.

Мейзенбургъ, М. Записки идеалистки между двумя революціями, 1838—1848 гг. Перев. съ франц. М. К. Цебриковой.

Страуссъ, Д. Вольтеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. съ нѣмец. подъ ред. Н. Н. Страхова. Спб. 1872.

Шерръ, I. Историческія характеристики и этюды. Перев. съ нѣм. М. А. Антоновича. Томъ I, изд. Полякова. Спб. 1871.

Съ этими дополненіями списокъ нашъ уже очень близокъ къ безусловной полнотѣ.

II.

Къ списку циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ, данному въ статьѣ „Въ мірѣ усмотрѣнія“, помѣщенной въ сентябрьской книгѣ „Вѣстника Права“, слѣдуетъ добавить еще и слѣдующіе:

№ 269₂. *19 марта 1901 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о сходкахъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга.

№ 331₂. *26 февраля 1902 г.* „Въ Москвѣ, 19 сего февраля, въ Кремлѣ происходило у памятника императора Александра II торжественное молитвословіе, на коемъ присутствовали рабочіе нѣкоторыхъ московскихъ фабрикъ. Этому совершенно мѣстному торжеству, обусловленному именно тѣмъ, что въ московскомъ Кремлѣ сооруженъ памятникъ почившему монарху, нѣкоторые ограны печати пытаются придать характеръ знаменательнаго событія, имѣющаго очень значительную общественную цѣнность, служащаго выраженіемъ пробудившагося общественнаго сознанія въ трудящихся массахъ и какъ бы указывающаго на офиціальное признаніе существованія у насъ особаго класса рабочихъ. Такое объясненіе упомянутаго событія, представляясь по существу невѣрнымъ и крайне тенденціознымъ, отнюдь не должно быть допускаемо въ печати. Не слѣдуетъ обобщать этотъ отдѣльный фактъ и сообщать ему характеръ всероссійскаго событія“ [1]).

№ 355. *11 февраля 1901 г.* Не перепечатывать изъ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ телеграмму, посланную гр. Л. Н. Толстому изъ Вятки [2]).

№ 420₂. *10 марта 1901 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о выстрѣлахъ въ окна квартиры оберъ-прокурора св. синода, кромѣ офиціальныхъ свѣдѣній.

---

[1]) Этотъ крайне характерный для русской бюрократіи циркуляръ любопытенъ еще и потому, что въ немъ сказалось желаніе министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, не принять инспирированнаго торжества такъ, какъ того хотѣла высшая московская администрація, много усилій потратившая на организацію празднества.

[2]) Этотъ циркуляръ долженъ занять указанный номеръ вмѣсто всего того, что относится къ нему на стр. 137 сентябрьской книжки.

№ 423₂. *22 марта 1902 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о покушеніи на жизнь московскаго оберъ-полицеймейстера, Трепова.

№ 423₃. *3 апрѣля 1902 г.* Не сообщать фамиліи убійцы министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, и вообще ограничиться лишь свѣдѣніями телеграфнаго агентства.

№ 476. *25 января 1901 г.* Не помѣщать ничего о происшествіи съ управляющимъ московскими императорскими театрами, Теляковскимъ.

Мих. Лемке.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Josef von Kan. „*Экономическія причины преступности*“ (*Les causes économiques de la criminalité, étude historique et critique d'étiologie criminelle, avec préface de prof. G. A. von Hamel, ouvrage couronné par l'Université d'Amsterdam*. 1903).

Книга, разборъ которой предлагается вниманію читателя, принадлежитъ перу молодого голландскаго автора и была представлена имъ по окончаніи университетскаго курса юридическому факультету Амстердамскаго университета для соисканія преміи. Тема, предложенная факультетомъ въ 1899—1900 учебномъ году, требовала отъ аспирантовъ „систематическаго и критическаго обзора литературы, посвященной выясненію вопроса о вліяніи экономическихъ условій на преступность“. Авторъ получилъ первую премію и три года спустя, отдѣлавъ и дополнивъ свой трудъ, выпустилъ его въ свѣтъ на французскомъ языкѣ, чтобы сдѣлать его доступнымъ болѣе широкому кругу читателей.

Въ очень тепло и внимательно написанномъ предисловіи профессоръ фонъ-Гамель, останавливаясь на основныхъ раздѣлахъ книги, подчеркиваетъ серьезную важность выводовъ автора и правильность сдѣланной послѣднимъ оцѣнки различныхъ методовъ изслѣдованія. Онъ говоритъ, что лишь по просьбѣ своего ученика-автора онъ даетъ его книгѣ это предисловіе, ибо по существу столь серьезная и интересная книга въ рекомендаціи не нуждается.

Мы съ своей стороны находимъ совершенно правильной такую характеристику. Книга фонъ-Кана относится къ категоріи новыхъ замѣтныхъ и полезныхъ для науки трудовъ, хотя уже по самому характеру поставленной задачи болѣе стремится къ уясненію и

освѣщенію идей и фактовъ, уже находящихся въ оборотѣ, чѣмъ къ самостоятельному открытію новыхъ горизонтовъ. Молодой авторъ выступаетъ передъ нами какъ зрѣлый и умѣлый работникъ и даетъ много цѣннаго и интереснаго. Его эрудиція весьма внушительна, причемъ богатое знакомство съ языками даетъ ему возможность, кромѣ голландскихъ писателей, свободно по первоисточникамъ цитировать не только греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ авторовъ, но также авторовъ итальянскихъ, испанскихъ и португальскихъ, вышедшихъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ (таковъ, напримѣръ, интересный отзывъ о работѣ M. Dellepiane: „Las causas del delito“, 1892, Buenos-Ayres и мн. др.).

Для насъ книга фанъ-Кана имѣетъ особенное значеніе еще и потому, что въ то время, какъ заграницей не только въ Германіи и Франціи, но и въ Италіи уголовная этіологія получила полное признаніе и разрабатывается въ цѣломъ рядѣ трудовъ, у насъ эта важная отрасль науки уголовнаго права пользуется сравнительно малымъ вниманіемъ и даже то, что уже сдѣлано, недостаточно эксплоатируется криминалистами. Такъ, напримѣръ, въ 1899 году появилась совершенно неотмѣченная нашей спеціальной литературой книга S. Antonini: „Предшественники Ломброзо“ (Iprecursori di Lombroso), гдѣ тщательно и съ сочувствіемъ сдѣлано обозрѣніе прогрессивнаго роста научной мысли, поскольку она еще до Ломброзо изучала различныя данныя біологическаго порядка, находящіяся въ связи съ преступностью. Появляются, слѣдовательно, уже труды синтетическаго характера, указывающіе на широко развившуюся литературу.

Такимъ же синтетическимъ трудомъ является и интересующая насъ книга фонъ-Кана, также входящая въ сферу уголовной этіологіи, но не со стороны біологической, а со стороны соціальной.

При чтеніи ея сразу же бросается въ глаза, что разработка темы выходитъ за предѣлы скромнаго заглавія, говорящаго лишь объ экономическихъ факторахъ преступности. Правда, каждому писателю авторъ удѣляетъ вниманіе главнымъ образомъ постольку, поскольку онъ занимался экономическими факторами, но мы встрѣчаемъ также нерѣдко и общую оцѣнку не только отдѣльныхъ авторовъ, но и цѣлыхъ научныхъ направленій.

Въ краткомъ введеніи (p. 1—14) авторъ ставитъ въ заслугу новой позитивной школѣ уголовнаго права научную и серьезную постановку уголовно-этіологическихъ проблемъ; въ то же время

онъ признаетъ преувеличеніемъ утвержденіе Ферри и другихъ его единомышленниковъ, будто классическая школа совершенно игнорировала все, кромѣ чисто юридической стороны; она мало занималась и интересовалась изученіемъ генезиса, природы и элементовъ преступности, но никогда не оставляла ихъ безъ всякаго вниманія.

Самъ авторъ, примыкая къ новой школѣ, ставитъ основной своей задачей изслѣдованіе той роли, которую разные авторы приписываютъ экономическимъ факторамъ преступности. Самые факторы нужно брать широко и считаться при этомъ съ общими принципіальными взглядами отдѣльныхъ изслѣдователей.

Отсюда вытекаетъ необходимость группировать матерьялъ въ зависимости отъ существованія цѣлаго ряда направленій въ криминальной наукѣ. Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, необходимо ознакомится съ сущностью этихъ направленій, ибо только тогда мы поймемъ преемственный ходъ развитія интересующихъ насъ идей и отправныя точки новѣйшихъ научныхъ изысканій. Поэтому далѣе авторъ даетъ свою группировку различныхъ школъ и направленій, хотя и оговаривается, что его классификація „n'a aucune prétention à être definitive et exclusive".

Внѣ своего разсмотрѣнія онъ оставляетъ лишь тѣ концепціи, которыя совершенно не удѣляютъ вниманія экономическимъ вліяніямъ въ области преступнаго. Такова, напримѣръ, теорія профессора Альбрехта, гораздо болѣе являющаяся блестящимъ парадоксомъ, чѣмъ научной теоріей, возводящая преступность въ рангъ нормальныхъ явленій природы и объявляющая непреступныхъ людей дегенератами. Такова и теорія Дюркгейма (M. Durkheim: „Règles de la méthode sociologique", Par., 1895), разсматривающая преступность, какъ необходимый и полезный элементъ въ правильно развивающемся обществѣ, какъ экскрементъ здороваго организма и условіе его здоровья.

Обращаясь къ существу своей темы, авторъ вѣрно указываетъ, что вопросъ о вліяніи на преступность экономическихъ факторовъ трактовался въ литературѣ весьма разнообразно въ зависимости отъ различныхъ руководящихъ основъ, методовъ и т. д. Въ то время какъ одни, вслѣдъ за Turati и Colajanni, усматриваютъ въ экономическомъ строѣ единственную причину преступленій, другіе, какъ Garofalo и Morrison, наоборотъ, почти совершенно не признаютъ роли экономическихъ факторовъ, причемъ оба противорѣчивыя мнѣнія претендуютъ на позитивную основу, на то, что ихъ выводы вытекаютъ изъ строгаго изученія фактовъ.

Какъ вѣрно объясняетъ нашъ авторъ, разногласіе произошло отъ примѣненія разныхъ методовъ, ибо вліяніе экономическаго фактора будетъ освѣщено въ одну сторону, если мы примѣнимъ методъ статическій, и въ другую, если къ дѣлу привлеченъ будетъ методъ динамическій.

Анализируя статически, т. е. изучая преступность извѣстной страны или области въ данный моментъ, безъ виниминія къ прошлому и будущему, безъ разсмотрѣнія движенія преступности, мы, хотя и получимъ подтвержденіе безспорнаго характера зависимости между преступностью съ одной стороны и экономическими условіями—съ другой, но въ то же время откроемъ очевидные слѣды вліянія на преступность явленій другой природы, иного порядка.

Напротивъ, изученіе динамическое, сравненіе движенія преступленій (особенно преступленій противъ собственности) съ измѣненіями экономическаго строя, открываетъ существованіе *поразительнаго параллелизма*, почти всегда и повсюду постояннаго.

Поэтому, какъ справедливо заключаетъ фонъ-Канъ, становится яснымъ, что между результатами примѣненія указанныхъ двухъ методовъ не существуетъ реальнаго противорѣчія, причина же ошибокъ кроется не въ противныхъ данныхъ, а въ ихъ произвольномъ истолкованіи. „Въ дѣйствительности кривая преступности съ поразительной регулярностью слѣдуетъ за кривой экономическихъ колебаній и это не потому, что преступленіе является исключительнымъ продуктомъ экономическихъ факторовъ, а потому, что въ дѣйствительности между всѣми факторами преступности экономическій факторъ наиболѣе подвиженъ, наиболѣе измѣнчивъ, наиболѣе подверженъ ежегоднымъ колебаніямъ, и что онъ повсюду оказываетъ наиболѣе очевидное и быстрое вліяніе на явленія, съ нимъ связанныя. Другіе же факторы, порождающіе преступленія, органическія, космическія и соціальныя (но не экономическія) по самой природѣ своей измѣняются медленно, въ ограниченныхъ предѣлахъ, а поэтому не столь наглядно. Ихъ кривая близка къ прямой.

Авторъ, такимъ образомъ, даетъ еще одно обоснованіе тому уже установившемуся въ нашей наукѣ мнѣнію, что *преступность творятъ всѣ ея факторы*, но что *движеніе и измѣненіе преступности* главнымъ образомъ *происходитъ подъ вліяніемъ экономическаго фактора;* благодаря этому онъ счастливо избѣгаетъ односторонняго монистическаго взгляда на факторы преступности, а равно и преувеличеній по адресу прямого предмета своего изслѣдованія.

Даетъ авторъ и опредѣленіе понятія „экономическій“ въ духѣ исторической школы экономистовъ. Недостаточно точное и опредѣленное, оно скорѣе является узкимъ, чѣмъ широкимъ, но ошибки въ себѣ не заключаетъ и проходитъ безвредно для успѣшной разработки темы. Экономическими феноменами авторъ именуетъ „всѣ тѣ, которые въ жизни общества (а слѣдовательно косвенно и въ жизни индивида) относятся къ матеріальному благосостоянію“.

Отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній авторъ переходитъ къ исторической разработкѣ вопроса (р. 14—51 и мн. др.). Только девятнадцатому вѣку авторъ справедливо приписываетъ честь научной постановки уголовно - этіологическихъ проблемъ на почвѣ уголовной антропологіи и уголовной соціологіи; но онъ не желаетъ проходить молчаніемъ прежнія попытки, уже начиная съ древности касавшіяся вопроса, хотя бы на почвѣ исключительно апріорной, на почвѣ метафизическихъ сужденій о природѣ человѣка и т. п.

Но мы не можемъ согласиться съ авторомъ, поскольку онъ не видитъ въ изучаемомъ имъ матеріалѣ ничего точнаго и математическаго и даже находитъ, что въ большинствѣ случаевъ здѣсь передъ нами лишь мимолетныя замѣчанія, иногда даже мало обоснованныя и малосознательныя. Это слишкомъ пессимистическая характеристика, которой противорѣчатъ многія данныя, приведенныя у самого же автора; для 17-го же и 18-го в.в. мы съ этой характеристикой совершенно согласиться не можемъ въ виду наличности богатой уголовно-политической литературы, выяснившей многое и по вопросу о вліяніи экономическаго фактора.

Иногда фонъ-Капъ отвлекается въ сторону безъ пользы для дѣла. Разбирая вкладъ, внесенный греко-римской мыслью, онъ подробно останавливается на рѣшеніи вопроса о томъ, являлась ли бѣдность по взгляду древнимъ несчастіемъ, а вопросъ о вліяніи бѣдности на преступность остается въ тѣни. Далѣе мы встрѣчаемъ рядъ мѣстъ изъ Ксенофонта, Діогена, Платона, Аристотеля, Теренція, Саллюстія, Виргилія, Квинтиліана, Ювенала, Горація и мн. др. Выдержки здѣсь часто имѣютъ случайный характеръ и прямо къ темѣ не относятся; наоборотъ, иногда отсутствуютъ данныя, имѣющія важность (напримѣръ, не упоминается такой факторъ преступности, какъ „auri sacra fames“, „amor sceleratus habendi“, о которомъ говорятъ Плавтъ, Луцилій, Овидій, Виргилій и Горацій, а между тѣмъ два послѣдніе автора подчеркнули серьезность этого фактора: онъ „ducit in omne nefas“, отсюда „ferae scelerum cau-

sae“. Далѣе упущено указаніе Лукреція на ужасающую бѣдность массы населенія („horrida paupertas“), какъ на важнѣйшій источникъ преступленій и т. п. [1]). Въ общемъ очеркъ составленъ удовлетворительно.

Нѣкоторымъ вкладомъ затѣмъ является изложеніе и разборъ относящихся къ интересующему насъ вопросу мѣстъ изъ церковныхъ писателей; хотя автору и не удалось найти здѣсь особо цѣнные матеріалы, но онъ много и самостоятельно потрудился надъ изученіемъ источниковъ (p. 27—37) и не его вина, если эти источники дали мало. Послѣ указаній на отрывки изъ ветхаго завѣта авторъ переходитъ къ канонистамъ и здѣсь опять подробно разбираетъ, какъ они смотрѣли на бѣдность, хотя самъ же справедливо замѣчаетъ, что связь этого вопроса съ вопросомъ о преступности указывалась лишь случайно и отрывочно.

Такъ, господствовалъ взглядъ на нужду и бѣдность, какъ на благо; занимались главнымъ образомъ развитіемъ и обоснованіемъ этого взгляда, хотя встрѣчались и исключенія. Напримѣръ, Св. Іоаннъ допускалъ, что бѣдность можетъ служить извиняющимъ обстоятельствомъ при воровствѣ, и что она часто является причиной послѣдняго; менѣе снисходителенъ взглядъ бл. Августина, хотя и онъ признаетъ нужду причиной преступленій („propter famem, propter necessitatem“); наконецъ, въ дальнѣйшей схоластической литературѣ оказывается мало новаго и интереснаго: Петръ Даміенскій высказывается сходно съ Августиномъ, Бонивентура сходно съ св. Іоанномъ и т. д.

Покончивъ съ этимъ матеріаломъ, фонъ-Канъ обращается къ дальнѣйшему періоду, рамокъ котораго онъ точно не намѣчаетъ, но который, судя по содержанію и именамъ авторовъ охватываетъ періодъ отъ реформаціи до начала XIX вѣка. Этотъ отдѣлъ приходится признать самымъ слабымъ изъ всей книги, какъ по сравнительной недостаточности матеріала, такъ и благодаря несовсѣмъ правильнымъ обобщеніямъ.

Въ литературѣ XVI и XVII в.в. авторъ усматриваетъ меньше сознательнаго отношенія къ вопросу о значеніи экономическихъ факторовъ, чѣмъ даже въ предыдущія эпохи. По отношенію къ

---

[1]) Подробныя данныя см. у Henrio („Moeurs juridiques et judiciaires de l'ancienné Rome“, t. II, p. 107—109, 120 ff.), книгой котораго фонъ-Канъ не пользовался. См. также М. Чубинскій: „Очерки уголовной политики“, стр. 125 сл.

громадному большинству писателей это вѣрно, но обобщенія, сдѣланнаго авторомъ, все же допустить нельзя, ибо у нѣкоторыхъ писателей, изъ которыхъ на первый планъ нужно поставить Томаса Мора, вопросъ о значеніи экономики для преступности поставленъ неизмѣримо глубже, чѣмъ во всей предыдущей литературѣ. Самъ авторъ приводитъ весьма нелишенныя интереса и относящіяся къ вопросу данныя изъ Лютера, Кальвина, Концея, Эразма, Давида Юма и мн. др., но число этихъ данныхъ можно было бы значительно увеличить. Пессимистическое обобщеніе автора является тѣмъ болѣе непонятнымъ, что ученіе Томаса Мора имъ изложено весьма обстоятельно: жадность и эгоизмъ небольшой привиллегированной группы, неравенство и эксплоатація въ основѣ общественныхъ отношеній, бѣдность, часто переходящая въ нищету и бродяжество,—все это указано было Моромъ и признано причиной преступленій; тотъ же Моръ потребовалъ вниманія къ этимъ причинамъ и впервые высказалъ положеніе, что, дѣйствуя лишь карами, мы причины оставляемъ нетронутыми, что жестокость каръ безполезна для борьбы съ преступностью и подавленія послѣдней, и что помочь бѣдѣ могутъ лишь мѣры, направленныя на улучшеніе экономическаго положенія страны.

Изъ позднѣйшихъ авторовъ фонъ-Канъ дѣлаетъ краткія указанія на Руссо, Бэнтама, Беккаріо, Вольтера, энциклопедистовъ, Мирабо, Дюпари и Наполеона. Насколько поверхностно отнесся къ нимъ фонъ-Канъ видно уже изъ того, что всѣмъ имъ вмѣстѣ онъ удѣлилъ всего четыре страницы; о другихъ авторахъ онъ и совсѣмъ не упомянулъ, а между тѣмъ именно за этотъ періодъ было высказано весьма многое, интересное и для его темы. Такъ, у Беккаріи требуется устраненіе того порядка, при которомъ, „большая часть законовъ есть не что иное, какъ изложеніе привиллегій, т. е. тяготы, наложенной на массы народа въ пользу немногихъ знатныхъ избранниковъ“; въ частности онъ же прямо указываетъ на соціально-экономическія причины преступленій противъ нравственности и особенно дѣтоубійства. Вольтеръ, отстаивая необходимость превенціи, далъ рядъ интересныхъ указаній на причины имущественныхъ преступленій; особенно же подробно онъ остановился на нищенствѣ, бродяжествѣ, а также дѣтоубійствѣ и на способахъ борьбы съ ними. Маратъ указалъ на потерю трудоспособности и на отсутствіе спроса на трудъ, какъ на одинъ изъ существенныхъ факторовъ преступности, съ которымъ онъ рекомендовалъ законодателю считаться серьезно, онъ же подробно остано-

вился на причинахъ женской преступности и на соціально-экономическихъ мѣрахъ борьбы съ ней. Бриссо де Варвиль потребовалъ веденія въ каждомъ городѣ и въ каждомъ округѣ точныхъ списковъ о состоятельности и потребностяхъ населенія, а также о средствахъ ихъ удовлетворенія; путемъ обработки этихъ данныхъ онъ желалъ достигнуть прочныхъ указаній для организаціи дѣйствительно раціональныхъ мѣръ борьбы съ преступностью. Бентамъ обратилъ детальное вниманіе на политику превенціи и между прочимъ на рядъ мѣръ, противодѣйствующихъ экономическимъ факторамъ, какъ то—забота объ отбывшихъ наказаніе преступникахъ, пріисканіе работы и вообще помощь глухимъ, слѣпымъ, нѣмымъ калѣкамъ и безсильнымъ, огражденіе женщинъ отъ конкуренціи мужчинъ въ наиболѣе подходящихъ для нихъ отрасляхъ труда, организаціи наиболѣе подходящихъ къ мѣстнымъ и національнымъ условіямъ способовъ помощи бѣднымъ и т. д.

Небезынтересныя указанія встрѣчаются также у Гоммеля, Кижа, Пасторэ и др.; но мы ограничимся для краткости уже приведеннымъ матерьяломъ [1]) совершенно упущеннымъ изъ виду въ книгѣ фонъ-Кана, соотвѣтствующій отдѣлъ которой не представляется намъ достаточно и успѣшно разработаннымъ.

Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что нѣкоторые пробѣлы авторомъ восполнены въ другихъ отдѣлахъ, ибо строгая система у него невыдержана и въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ, по существу догматическихъ, мы снова встрѣчаемся съ историческимъ матерьяломъ. Такъ, трактуя о французской школѣ криминалистовъ, онъ разбираетъ труды ея предшественниковъ и говоритъ здѣсь о Локкѣ, Бэконѣ, Гельвеціи, Гольбахѣ, Руссо, Дидро, Годвинѣ, Томсонѣ и мн. др.

Съ особымъ же вниманіемъ авторъ отнесся къ предшественникамъ научнаго соціализма—такъ наз. утопическимъ соціалистамъ: здѣсь изложеніе Фурье, Кабэ, Прудона и др. дѣлается съ исчерпывающей полнотой, конечно, поскольку разбираемые авторы касаются вопросовъ, непосредственно относящихся къ темѣ, взятой фонъ-Каномъ для своего изслѣдованія; едва ли не единственнымъ пропускомъ здѣсь является пропускъ ученія Сенъ-Симона и его послѣдователей.

[1]) Болѣе подробныя указанія даны пишущимъ эти строки въ книгѣ „Очерки уголовной политики“, стр. 265—266, 277—278, 283—284, 288—289, 295—296, 342—344 и мн. др.

Вообще же нужно сказать, что тѣ недочеты, которые мы видѣли, разсматривая историческіе отдѣлы книги фонъ-Кана, съ избыткомъ выкупаются полнотой, обстоятельностью и оригинальностью изложенія имъ новыхъ научныхъ теченій, начиная со второй четверти XIX вѣка, особенно же, когда онъ говоритъ о первыхъ представителяхъ научнаго соціализма въ ихъ отношеніи къ этіологіи преступленій, а также о статистикахъ, какъ предшественникахъ соціологической школы уголовнаго права. Слѣдуя группировкѣ матерьяла, данной авторомъ, мы коснемся ихъ далѣе.

Являясь убѣжденнымъ позитивистомъ и сторонникомъ новыхъ теченій въ наукѣ уголовнаго права, авторъ, естественно, обращаетъ главное вниманіе на изученіе всѣхъ современныхъ школъ и ихъ разнообразнаго отношенія къ этіологіи преступленія вообще и къ экономическимъ факторамъ преступности—въ частности.

Обзоръ свой онъ начинаетъ съ итальянской школы. Здѣсь тщательно отмѣчена какъ суть доктрины Ломброзо, такъ и продолжающаяся эволюція въ его взглядахъ на факторы преступности, малосогласованная съ его основнымъ ученіемъ о типѣ прирожденнаго преступника и вызванная нанесенными ему критическими ударами, въ особенности же указаніями на совершенно ненаучное пренебреженіе съ его стороны соціальными факторами преступности въ первомъ періодѣ его научной дѣятельности.

Конечно, считаясь со своей темой, главное вниманіе фонъ-Канъ обращаетъ на этіологическую работу Ломброзо: „La crime, causes et remedes“, 1899. При ея разборѣ онъ совершенно вѣрно утверждаетъ, что, сколько бы ни говорилъ Ломброзо о разныхъ причинахъ преступности, по существу біологическій факторъ всегда у него является какъ „cause primordiale—преступленія, а то перечисленіе факторовъ иной природы, которое онъ даетъ, сдѣлано безъ всякой системы и съ такимъ смѣшеніемъ важнаго и неважнаго, однороднаго и совершенно разнороднаго, что получается впечатлѣніе нѣсколько-хаотическое. Важности значительной части матерьяла и отдѣльныхъ выводовъ Ломброзо фонъ-Канъ не оспариваетъ, хотя убѣдительно доказываетъ съ фактами въ рукахъ несостоятельность умаленія роли экономическихъ факторовъ.

Относительно Ферри мы находимъ интересное замѣчаніе, что онъ „s'aventurait de bonne heure sur le terrain social du problème“, ибо, несмотря на признаніе и защиту типа Ломброзовскаго прирожденнаго преступника, онъ рядомъ съ біологическимъ факторомъ преступности ставитъ факторъ соціальный. Далѣе, путемъ

подробнаго анализа всѣхъ работъ Ферри, авторъ устанавливаетъ, какъ ограниченъ въ дѣйствительности тотъ кругъ экономическихъ факторовъ, роль которыхъ признаетъ Ферри, и какъ мало это согласуется съ тѣми общими соціалистическими убѣжденіями, которыя онъ исповѣдуетъ; недаромъ именно изъ лагеря соціалистовъ онъ услышалъ сильную полемику по затронутому кардинальному вопросу.

Но и въ характеристикѣ Ферри фонъ-Канъ сохраняетъ полное безпристрастіе; въ его работахъ онъ съ непререкаемостью устанавливаетъ рядъ противорѣчій, но дѣлаетъ это не для мелкихъ полемическихъ нападокъ, а для того, чтобы доказать, что принципіальное преклоненіе передъ біологическимъ факторомъ не помѣшало Ферри плодотворно поработать для выясненія вліянія факторовъ соціальныхъ и въ частности экономическихъ, хотя роль послѣднихъ и умалена.

Переходя къ изложенію и разбору теорій третьяго виднаго представителя итальянской школы—Гарофало, авторъ дѣлаетъ характерное и справедливое указаніе на то, что многіе основные пункты ученія Гарофало не находятся въ согласіи съ основами Ломброзо и Ферри. На часть этихъ пунктовъ указалъ въ литературѣ самъ Ферри; сюда относится признаніе прямымъ факторомъ преступности наличность упадка или притупленности въ субъектѣ моральнаго чувства, взглядъ на религію, какъ на мощное средство предупрежденія преступленій, отрицаніе роли нужды и образованія и т. п. Такихъ пунктовъ, часто составляющихъ слабую сторону ученія Гарофало, можно указать не мало, но, какъ справедливо замѣчаетъ фонъ-Канъ, Гарофало и Ферри все же союзники, ибо они сходятся въ основномъ принципѣ,—въ признаніи антропологическаго фактора основнымъ факторомъ преступности.

Вообще наиболѣе характерные и интересные пункты ученія Гарофало фонъ-Каномъ указаны вѣрно, но съ особымъ вниманіемъ въ виду своей темы фонъ-Канъ останавливается на полемикѣ Гарофало съ защитниками важности экономическихъ факторовъ. Мы небудемъ излагать контръ-аргументовъ Кана, ибо это потребовало бы слишкомъ много мѣста; мы отмѣтимъ только, что авторъ владѣетъ богатымъ статистическимъ и литературнымъ матерьяломъ и съ воодушевленіемъ относится къ спорному вопросу, столь важному и столь мало привлекающему къ себѣ вниманіе криминалистовъ; страницы, сюда относящіяся, (88—114), однѣ изъ лучшихъ въ книгѣ.

Далѣе, весьма тщательно и добросовѣстно авторомъ изложены

и разсмотрѣны теоріи послѣдователей антропологической школы въ Италіи, Франціи и Испаніи (данныя, сообщаемыя о Россіи, вслѣдствіе незнакомства съ языкомъ, носятъ, конечно, лишь случайный и отрывочный характеръ). Главное вниманіе фонъ-Кана здѣсь сосредоточено на французской школѣ Лакассаня и Тарда и ихъ послѣдователей, а также Корра; въ упрекъ автору здѣсь можно поставить лишь невниманіе къ Гарро; если и можно не считать Гарро, какъ новатора, особенно оригинальнымъ и рѣшительнымъ, то во всякомъ случаѣ нельзя отрицать его роли въ формированіи французской ліонской школы криминалистовъ, а между тѣмъ авторъ о Гарро почти и не упоминаетъ. Зато очень интересны его сообщенія объ испанскихъ послѣдователяхъ новыхъ теченій; о нихъ впервые являются обстоятельныя данныя на языкѣ, доступномъ широкому кругу читателей, ибо до сихъ поръ работы, написанныя по испански, обычно даже не реферировались ни на французскомъ, ни на нѣмецкомъ языкѣ. Теперь этотъ пробѣлъ хоть отчасти восполненъ.

Дальнѣйшій отдѣлъ книги Кана посвященъ такъ называемой „третьей школѣ" уголовнаго права (terza schola). Здѣсь тонъ автора становится до избытка полемическимъ, а сужденія слишкомъ строгими и односторонними. Онъ проводитъ тотъ выставленный Ферри и поддержанный кое кѣмъ въ литературѣ принципъ, будто существуетъ только старая метафизическая школа криминалистовъ и новая позитивная, а tertium non datur. Онъ ставитъ вопросъ о томъ, существуетъ ли у третьей школы такія особенности и новыя идеи, которыя заставили бы признать ее новой самостоятельной вѣтвью позитивной школы, и отвѣчаетъ на поставленный вопросъ отрицательно. По его мнѣнію, до появленія третьей школы основы, ею усвоенныя, уже были выставлены и защищаемы Лакассанемъ, а потому будто бы третья школа является просто итальянскимъ варіантомъ французской школы; онъ категорически отрицаетъ ея право на самостоятельность и рѣзко возстаетъ противъ тѣхъ, кто смѣшиваетъ третью школу съ криминалистами соціалистами (стр. 194—202).

По этому поводу нельзя, прежде всего, не отмѣтить, что, начавъ съ признанія лишь двухъ школъ (старой—метафизической и новой—позитивной), авторъ далѣе вынужденъ признавать уже цѣлый рядъ школъ (школу французскую, школу криминалистовъ-соціалистовъ и т. д.). Въ результатѣ его собственная классификація не только является сложной, но и не даетъ правильной картины взаимоотно-

шенія отдѣльныхъ школъ; онъ, напримѣръ, весьма сочувственно относится къ Листу и весьма рѣзко относится къ „третьей школѣ“, съ которой Листъ во многихъ моментахъ своего ученія солидаренъ.

Если бы авторъ распредѣлилъ новыя теченія въ наукѣ уголовнаго права иначе, то оказалось бы, что, во-первыхъ, противъ старой классической школы рѣзко выступаютъ сторонники признанія біологическаго фактора, въ какой бы то ни было его формѣ, основнымъ факторомъ преступности; сюда были бы отнесены какъ Ломброзо съ его болѣе яркими приверженцами, такъ и сторонники патологической теоріи преступности, которыхъ автору, благодаря неопредѣленности его критерія, пришлось поставить особнякомъ и какъ бы внѣ школъ. Во-вторыхъ, такими же рѣшительными противниками старой школы, хотя и по совершенно другимъ основаніямъ, должны быть признаны криминалисты-соціалисты (Turatti, Battaglia, Lafargue, Luk, Schmidt, Nirsch и мн. др.), объясняющіе преступность исключительно соціальными факторами.

Затѣмъ идетъ рядъ теченій, не столь одностороннихъ и не столь враждебныхъ старой школѣ; признаніе важности юридическаго изученія и вниманіе какъ къ біологическимъ, такъ и къ соціальнымъ факторамъ преступности (конечно, въ различной степени и въ разныхъ комбинаціяхъ) являются характерной чертой, объединяющей всѣ эти теченія; сюда входятъ и сторонники прогрессивнаго по своимъ задачамъ и цѣлямъ международнаго союза криминалистовъ, къ которымъ авторъ (въ лицѣ фонъ-Галеля, Принса и Листа) относится съ сочувствіемъ, хотя и признаетъ ихъ представителями эклектизма (p. 295); сюда же должна быть отнесена и французская школа, и даже отчасти самъ Ферри, какъ бы ни иронизировалъ онъ по адресу „эклектиковъ“, и наконецъ, вся третья школа, къ которой авторъ такъ строгъ безъ достаточныхъ основаній. Если бы авторъ взялъ болѣе устойчивые классификаціонные признаки, группировка и систематизація новыхъ теченій науки была бы у него отчетливѣе, а оцѣнка отдѣльныхъ теченій правильнѣе.

Но, если мы оставимъ въ сторонѣ третью школу, а также неотчетливую группировку, то необходимо признать, что матеріалъ, относящійся къ каждому отдѣльному научному теченію разработанъ фонъ-Каномъ весьма внимательно и добросовѣстно. Лишь патологическая школа трактуется весьма бѣгло и поверхностно, но авторъ по самому характеру своей темы не могъ удѣлить этой школѣ того серьезнаго вниманія, котораго она вообще заслуживаетъ. Док-

трина криминалистовъ—соціалистовъ и ихъ предшественниковъ соціалистовъ—утопистовъ (203—286), ученія международнаго союза (р. 295—332), воззрѣнія школы неоспиритуалистической (332—372), все это освѣщено удачно съ указаніемъ чертъ наиболѣе существенныхъ. Здѣсь нашли себѣ соотвѣтствующее мѣсто и тѣ данныя о писателяхъ первой половины XIX вѣка, которыя не попали у автора въ его историческій очеркъ и теперь являются прекраснымъ къ нему дополненіемъ.

Особенно же важнымъ и цѣннымъ является большой отдѣлъ, посвященный представителямъ уголовной статистики (р. 373—444). До сихъ поръ немногіе разрабатывали уголовно-статистическія данныя, немногіе ими пользовались для подтвержденія своихъ взглядовъ, а очень многіе упоминали объ уголовной статистикѣ съ большимъ уваженіемъ, но фактически держались на еще большей отъ нея дистанціи. Съ теченіемъ времени накопился весьма значительный статистическій матеріалъ, который былъ мало использованъ для нуждъ науки уголовнаго права. Серьезная заслуга нашего автора заключается въ удачной систематизаціи этого матеріала; онъ впервые далъ полную картину историческаго роста уголовно-статистическихъ работъ и тѣхъ выводовъ, которые изъ этихъ работъ вытекаютъ вообще, и для уясненія роли экономическаго фактора—въ особенности. Получился цѣнный вкладъ въ науку, несмотря на то, что самостоятельныхъ открытій авторъ здѣсь не сдѣлалъ, а ограничился сводкой и освѣщеніемъ того, что сдѣлали его предшественники, начиная съ Кетлэ и Герри и кончая Эттингеномъ, Валентини, Майеромъ и другими уголовными статистиками нашихъ дней. Богатство матеріала, ясное и сжатое изложеніе, вѣрный критическій взглядъ и умѣнье выдвинуть на первый планъ наиболѣе существенные моменты,—вотъ основныя черты, наиболѣе бросающіяся въ глаза при изученіи въ книгѣ фонъ-Кана даннаго отдѣла.

Конецъ работы (стр. 462—484) сходится съ ея началомъ; авторъ дѣлаетъ выводы изъ всего разработаннаго имъ матеріала и теперь уже съ доказательствами въ рукахъ подтверждаетъ то, что въ началѣ имъ было высказано a priori и болѣе бѣгло. Среди многихъ способовъ выяснить отношеніе между преступностью и экономическими условіями авторъ, конечно, наиболѣе полезнымъ признаетъ обращеніе къ статистикѣ.

Но и обращеніе къ статистикѣ можетъ вылиться въ весьма разнообразныя формы, которыя и нужно подвергнуть оцѣнкѣ.

Одни опредѣляютъ зависимость цифры преступленій отъ эконо-

мическаго положенія, дѣлая статико-географическія сопоставленія для опредѣленнаго момента въ предѣлахъ одной или нѣсколькихъ странъ; другіе изслѣдуютъ экономическое положеніе класса преступниковъ (относя между прочимъ къ экономикѣ вынуждаемое бѣдностью безбрачіе); третьи идутъ путемъ историко-динамическимъ, причемъ или сравниваютъ данныя о преступности въ одной и той же странѣ, но въ разные рѣзко отличающіеся другъ отъ друга въ экономическомъ отношеніи моменты, или устанавливаютъ кривую измѣненій преступности, происходящихъ отъ колебанія опредѣленныхъ экономическихъ условій, напримѣръ, цѣнъ на хлѣбъ. Наконецъ, оперируютъ и со статистическими данными относительно мотивовъ преступленій, причемъ обычно придаютъ понятію мотива самый широкій смыслъ (напримѣръ, относя сюда патологическія особенности преступниковъ).

При сопоставленіяхъ статико-географическихъ (или, какъ неточно выражается нашъ авторъ,—криминально-географическихъ) обычно изслѣдуется степень благосостоянія населенія; если эти изслѣдованія строятся на среднихъ и общихъ цифрахъ, то они, по вѣрному замѣчанію фонъ-Кана, даютъ мало поучительныхъ выводовъ; извѣстно, что богатства кумулируются въ крупныхъ центрахъ, гдѣ въ то же время царствуетъ самая жестокая нужда; то же явленіе часто имѣетъ мѣсто и внѣ крупныхъ центровъ, а потому кажущійся парадоксомъ выводъ Tracy не такъ далекъ отъ истины, глася: „Les nations pauvres ce sont celles, chez qui le peuple est à l'aise; chez les nations riches il est généralement pauvre“. Это должно имѣть въ виду, дѣлая выводы относительно преступности.

Далѣе, сравненіе данныхъ по разнымъ странамъ (криминально-интернаціональное) представляетъ, по мнѣнію автора, еще болѣе затрудненій. Опираясь на Корна, Эттингена и многихъ другихъ, авторъ указываетъ какъ опасно дѣлать выводы изъ матеріала разнохарактернаго вслѣдствіе коренной разницы въ каждомъ государствѣ уголовныхъ законовъ, судовъ, полиціи, климата, расъ, способовъ обработки статистическихъ данныхъ и т. п. Но авторъ идетъ еще далѣе и впадаетъ въ совершенно излишнюю и необоснованную крайность. Признавая преступность продуктомъ, развивающимся въ опредѣленной мѣстной и исторической обстановкѣ („un produit loco-historique“), онъ приходитъ къ совершенному отрицанію статистическаго сравненія данныхъ по разнымъ государствамъ, рѣзко осуждая это „сравненіе величинъ, слагающихся изъ совершенно разныхъ основныхъ элементовъ“ (p. 467). Онъ какъ бы

забываетъ о томъ, что ростъ культуры и международныхъ сношеній, сходство условій производства и сбыта и т. п., не стирая мѣстно-историческаго колорита, съ которымъ безспорно надо считаться, кладутъ свой могучій отпечатокъ и на преступность, производя и здѣсь извѣстную нивеллировку, вызывая въ разныхъ мѣстахъ поразительное сходство явленій и давая опору для полезныхъ сравнительныхъ выводовъ, огульное отрицаніе которыхъ никакъ не можетъ быть оправдано.

Далѣе, къ изслѣдованіямъ экономическаго положенія преступниковъ авторъ относится сочувственно, признавая ихъ важность; онъ предостерегаетъ лишь отъ ошибочныхъ выводовъ, которые могутъ получиться, если мы не будемъ помнить, напримѣръ, что и состоятельные классы даютъ значительную долю преступленій (особенно противъ нравственности), при которыхъ обычно ускользаютъ отъ отвѣтственности, или если мы не будемъ широко ставить рамокъ изслѣдованія: по даннымъ объ экономическомъ положеніи преступниковъ одной тюрьмы или одного маленькаго района нельзя сдѣлать вѣрныхъ общихъ выводовъ.

Интересны также замѣчанія автора о третьемъ методѣ (историческаго сравненія) въ обоихъ указанныхъ выше видахъ. Придавая большую важность этому методу, авторъ требуетъ осмотрительности при пользованіи имъ; прежде, напримѣръ, цѣна на картофель была болѣе серьезнымъ показателемъ, теперь же, когда подъ напоромъ индустріализма многія страны теряютъ или потеряли свой земледѣльческій характеръ, цѣны продуктовъ питанія и даже степень урожая не могутъ, по мнѣнію автора, дать рѣшительныхъ показаній для общихъ выводовъ (по отношенію къ странамъ индустріальнымъ,—прибавимъ мы).

Изъ частичныхъ показателей наиболѣе существеннымъ для преступности авторъ считаетъ цѣну на хлѣбъ, но для того, чтобы получить истинное отраженіе экономическаго положенія населенія, и чтобы, пользуясь даннымъ методомъ, придать выводамъ вполнѣ научный характеръ, нужно еще многое; нужно считаться не съ одной какой либо категоріей данныхъ, а съ цѣлымъ ихъ рядомъ, нужно изучать экономическую жизнь народа въ различныхъ ея проявленіяхъ и тщательно взвѣшивать важность каждаго фактора, каждаго элемента (особенно данныхъ о ростѣ народонаселенія), объединяя всѣ результаты въ сложной по составу, но простой по существу формулѣ.

Четвертый методъ сводитъ все къ изученію мотивовъ преступ-

ной дѣятельности; авторъ считаетъ этотъ методъ менѣе важнымъ, чѣмъ предыдущіе, и ссылается на трудность установленія истинныхъ мотивовъ, на мутность главнаго источника свѣдѣній, каковымъ являются показанія самихъ преступниковъ и т. п.

Съ этой аргументаціей мы не согласны; во-первыхъ, трудность распознанія мотивовъ преувеличена, ибо цѣлый рядъ работъ, начиная съ Вальберга и до нашихъ дней, преодолѣвали эту трудность, а во-вторыхъ, можно провѣрять показанія преступниковъ, что обычно и дѣлается, можно устанавливать мотивъ по объективнымъ даннымъ и т. п.

Но, отстранивъ невѣрную аргументацію автора, его основное положеніе можно принять по другимъ основаніямъ: для рѣшенія задачъ, сходныхъ съ задачей нашего автора, мотивъ можетъ играть лишь второстепенную роль, ибо мотивъ есть моментъ внутренній и индивидуальный, имѣющій главное значеніе для репрессіи, а для превенціи нужно изученіе общихъ и родовыхъ причинъ, т. е. факторовъ преступности, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ мотивами.

Обратимся къ послѣднему указанному авторомъ пути изслѣдованія; это—изученіе природы похищаемыхъ предметовъ; авторъ, хотя и съ оговорками, признаетъ полезность такого изученія и въ частности съ сочувствіемъ указываетъ на „впервые сдѣланное и до сихъ поръ неосуществленое“ предложеніе фонъ-Гамеля изучать способы утилизаціи похищеннаго. Мы можемъ внести сюда поправку, ибо для русской литературы мысль фонъ-Гамеля не нова; у насъ ее высказалъ Неклюдовъ, который, сверхъ того, на основаніи своихъ изысканій пришелъ къ выводу, что имущественныя преступленія обыкновенно совершаются не для накопленія, а для немедленнаго потребленія.

Приведенной нами критикой методовъ книга фонъ-Кана почти заканчивается; заключеніе содержитъ въ себѣ сводку во едино результатовъ, полученныхъ авторомъ въ его колоссальномъ по матерьялу обзорѣ.

Онъ заявляетъ, что по вопросу о значеніи для преступности экономическихъ факторовъ можно признать одни основные пункты установленными, а другіе только вѣроятными. Суммировавъ отдѣльные результаты, добытые разными авторами, сопоставивъ и провѣривъ ихъ, фонъ-Канъ приходитъ къ ряду отдѣльныхъ окончательныхъ положеній.

Во-первыхъ, онъ утверждаетъ, что дѣйствіе экономическихъ

факторовъ находится въ громадной зависимости отъ мѣстной и исторической обстановки, а потому не является вездѣ и всегда одинаковымъ. Мы уже знаемъ, что этотъ свой вѣрный лейтъ-мотивъ авторъ доводитъ до крайностей; въ выводахъ они проявляются въ томъ положеніи, будто нельзя говорить объ научно-этіологическихъ результатахъ вообще, а можно указывать лишь результаты уголовно-этіологическаго изученія отдѣльныхъ странъ, Франціи, Италіи и т. д. Авторъ, впрочемъ, не выдерживаетъ до конца въ ущербъ послѣдовательности, но съ пользой для дѣла; отвѣчая на вопросъ, можно ли приписать экономическимъ факторамъ главную роль въ этіологіи преступленій, онъ сперва говоритъ, что правильный отвѣтъ можно дать лишь для тѣхъ странъ, гдѣ вопросъ подвергся спеціальному изслѣдованію, и при томъ для каждой страны порознь, но затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда оговорокъ, онъ даетъ общіе уголовно-политическіе выводы, научность которыхъ онъ самъ неосновательно въ принципѣ оспаривалъ.

Онъ находитъ, что преступность есть проявленіе болѣзни соціальнаго тѣла, причемъ ея формы и отдѣльные симптомы находятся въ такой же прямой и необходимой зависимости отъ существа и свойствъ соціальнаго организма, въ какой патологія находится отъ физіологіи. Такія проявленія современной преступности, какъ проституція, бродяжество, нищенство духъ возстанія и недовольства и т. п.,—прямо вытекаютъ изъ экономической структуры современнаго общества, изъ эксцессовъ капитализма, крайне неравномѣрномъ распредѣленіи имуществъ и изъ порождаемыхъ всѣмъ этимъ пауперизма, вырожденія, чудовищнаго эгоизма и принесенія въ жертву Молоху конкуренціи интересовъ тружениковъ и всѣхъ болѣе слабыхъ борцовъ на пиру жизни (p. 478—480).

Здѣсь, т. е. въ общей дурной экомической ситуаціи, кроются корни большинства преступленій противъ собственности, непосредственной причиной которыхъ являются съ одной, стороны, хроническая бѣдность массъ, а съ другой—моменты острой нужды.

Та же дурная экономическая структура общества отраждается и на преступленіяхъ противъ нравственности. Полное матеріальное обезпеченіе нѣкоторыхъ классовъ, доходящее до избытка, влечетъ за собой чрезмѣрное развитіе порочныхъ инстинктовъ, злоупотребленіе алкоголемъ и другіе эксцессы, увеличивающіе число противонравственныхъ посягательствъ.

Вопросъ о вліяніи экономическихъ факторовъ на преступленія противъ личности оказывается болѣе спорнымъ; здѣсь взгляды из-

слѣдователей рѣзко раздѣляются, причемъ одни и здѣсь признаютъ роль экономическихъ факторовъ значительной, а другіе сводятъ ее почти къ нулю. Авторъ констатируетъ этотъ фактъ, не дѣлая попытки найти истину—и это нужно поставить ему въ упрекъ: если онъ правъ, говоря въ заключительныхъ своихъ строкахъ, что въ криминологическихъ изслѣдованіяхъ много диллетантизма, то бороться съ послѣднимъ нужно не воздержаніемъ въ спорныхъ вопросахъ, а энергичной работой для восполненія пробѣловъ въ наукѣ.

Таково содержаніе книги фонъ-Кана и таковы выводы, имъ полученные. Подводя теперь итоги всему сказанному нами ранѣе, мы должны признать, что, не смотря на нѣкоторые довольно серьезные пробѣлы и промахи (почти неизбѣжные въ трудѣ каждаго молодаго писателя), книгу фонъ-Кана нужно признать серьезнымъ и полезнымъ вкладомъ въ науку. Имъ охваченъ и вѣрно освѣщенъ громадный матерьялъ, иногда впервые въ литературѣ подвергающійся сводкѣ и обобщенію, имъ удачно намѣчены историческіе перспективы и важнѣйшія современныя научныя теченія. Если мы видимъ сравнительно мало выводовъ по вопросу, составляющему непосредственную тему книги, то зато это малое есть результатъ осторожнаго, вдумчиваго и убѣжденнаго отношенія къ матерьялу, изъ котораго дѣлились выводы. Даже то, что мы считаемъ слабѣйшимъ пунктомъ у автора,—его чрезмѣрное увлеченіе локально-историческимъ колоритомъ преступности, будто бы препятствующимъ многимъ обобщеніямъ, есть результатъ не небрежности или невниманія, а сознательнаго, хотя на нашъ взглядъ и ошибочнаго, пониманія фактовъ.

Словомъ, книга фонъ-Кана безусловно заслуживаетъ вниманія каждаго, кто интересуется новымъ свѣжимъ движеніемъ въ наукѣ уголовнаго права вообще и выдвигаемыми на первый планъ уголовно-этіологическими проблеммами въ частности.

Проф. **М. П. Чубинскій.**

Примѣч. Съ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и книга фонъ-Кана, на дняхъ вышла заграницей также книга Berger'a, получившаго вторую премію на томъ же конкурсѣ въ Амстердамѣ.

ГРАЖДАНСКАЯ ХРОНИКА.

Нѣсколько словъ о судебной практикѣ по дѣламъ гражданскаго права Прибалтійскихъ губерній.—Значеніе этого источника права по мѣстнымъ законамъ.—Что даютъ сборники рѣшеній, въ частности книга г. Буковскаго, для оцѣнки дѣятельности новыхъ судовъ.—Характеристика обычныхъ пріемовъ толкованія законовъ.

Съ введеніемъ, въ 1889 году, судебной реформы въ балтійскомъ краѣ не только были упразднены прежнія судебныя учрежденія, но и перемѣнился весь личный составъ судейскаго персонала. Въ области гражданскаго правосудія на долю новыхъ судовъ выпала трудная задача: имъ пришлось ознакомиться съ новыми для всѣхъ судебныхъ дѣятелей законами, не имѣющими ничего общаго съ правомъ X тома; имъ пришлось оперировать со стройной и очень интересной, но не простой правовой системой; во многихъ случаяхъ, наконецъ, они оказались передъ нелегкимъ трудомъ—согласовать матеріальное право съ новыми процессуальными порядками. Теперь общія судебныя учрежденія существуютъ въ балтійскомъ краѣ вотъ уже пятнадцать лѣтъ, и возникаетъ естественный вопросъ—какъ они справились съ такой задачей? Но на этотъ вопросъ наша юридическая литература, вообще мало обращающая вниманіе на мѣстное право, никакого отвѣта не даетъ. Имѣются только разрозненныя отдѣльныя замѣчанія, которыя въ общемъ носятъ характеръ субъективныхъ впечатлѣній и которыя поэтому сами по себѣ являются не столько точнымъ отвѣтомъ, сколько матеріаломъ для отвѣта. Такъ, напр., обсуждая одинъ частный случай, привлекшій вниманіе большой публики,—отказъ крѣпостного отдѣленія въ укрѣпленіи акта, устанавливающаго „пожизненное владѣніе“ въ смыслѣ X тома, проф. Энгельманнъ высказалъ свой

взглядъ о примѣненіи новыми судебными установленіями постановленій мѣстнаго свода. Объ этой сторонѣ ихъ дѣятельности проф. Энгельманнъ отозвался неодобрительно; судьи, по его мнѣнію, не свыклись еще съ лишенными формализма постановленіями III части свода мѣстн. узакон. и склонны видѣть во всѣхъ предписаніяхъ его нормы прецептивнаго права, такія велѣнія, дѣйствія которыхъ нельзя устранить частными соглашеніями, а не нормы диспозитивныя, которыя только восполняютъ пробѣлы частной воли. Въ связи съ этимъ, полагаетъ проф. Энгельманнъ, судьи придерживаются— и совершенно напрасно—той точки зрѣнія, что запрещено все, что спеціально не дозволено въ законѣ, а отсюда вытекаютъ всякія стѣсненія для оборота [1]). Такое впечатлѣніе вѣроятно сложилось у почтеннаго ученаго подъ вліяніемъ тѣхъ наблюденій, которыя онъ сдѣлалъ, присматриваясь на мѣстѣ къ практикѣ судовъ, и это замѣченіе очень цѣнно. Но противъ него можно возразить, что оно пожалуй выражаетъ именно субъективный взглядъ, или содержитъ слишкомъ широкое обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ.

Научная провѣрка такого взгляда предполагаетъ наличность обширнаго, по возможности исчерпывающаго матеріала, а его къ сожалѣнію нѣтъ въ распоряженіи теоріи. До послѣдняго времени единственнымъ источникомъ свѣдѣній о практикѣ судовъ являлись тѣ немногія сенатскія рѣшенія, которыя распубликованы. Въ 1901 году вышло первое изданіе книги г. Буковскаго, въ которой были приведены рѣшенія С.-Петербургской судебной палаты, но эта книга не поступала въ общую продажу; это сочиненіе теперь появилось во второмъ изданіи. Исключительно кассаціонную практику содержитъ сборникъ г. Эльясберга (Остзейская практика Правительствующаго Сената), въ которомъ помѣщены выдержки изъ распубликованныхъ сенатскихъ рѣшеній до 1899 года. Кромѣ того теперь имѣется трудъ г. А. Мейендорфа, который составляетъ продолженіе сборника г. Эліясберга и въ которомъ собраны многія данныя о дѣятельности дореформенныхъ учрежденій по примѣненію крестьянскихъ положеній, а въ нихъ вошло много постановленій, обыкновенно помѣщаемыхъ въ общихъ гражданскихъ кодексахъ [2]).

---

[1]) Замѣткой проф. Энгельманна, помѣщенной въ одной мѣстной газетѣ, мы не могли воспользоваться въ оригиналѣ и заимствуемъ содержаніе ея изъ пересказа, сдѣланнаго проф. Пергаментомъ въ гражданской хроникѣ „Вѣстника Права", Ноябрь 1904 г., стр. 299.

[2]) Полное заглавіе этихъ сборниковъ:

Гражданскіе законы губерній Прибалтійскихъ и практика по нимъ Прави-

Въ сборникѣ г. Мейендорфа впервые распубликованы рѣшенія бывшихъ 3-го и 4-го, а также и другихъ департаментовъ сената по дѣламъ, возникшимъ въ дореформенныхъ крестьянскихъ судебныхъ мѣстахъ (I часть сборника). Въ отдѣлѣ А этой части (стр. 1—70) помѣщены выписки изъ рѣшеній, относящихся къ Курляндской губерніи; въ отдѣлѣ Б (стр. 73—121)—относящіяся до Лифляндской губерніи, и, наконецъ, въ отдѣлѣ В (стр. 125—151)—относящіяся до Эстляндской; въ приложеніи къ этой части помѣщены выписки изъ нѣкоторыхъ рѣшеній по крестьянскимъ и административнымъ дѣламъ, не вошедшихъ въ другіе частные сборники. Вторая часть сборника представляетъ продолженіе книги г. Эліясберга (Остзейская практика Правительствующаго Сената за 1891—1899 г., С.П.Б. 1900 г), т. е. въ ней помѣщены выдержки изъ опубликованныхъ сенатскихъ рѣшеній, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ 1899 года и кончая 1903 годомъ. Сборникъ снабженъ подробными указателями, алфавитнымъ и хронологическимъ, которые очень облегчаютъ пользованіе имъ. Книга г. Мейендорфа особенно полезна для лицъ, имѣющихъ дѣло съ балтійскими крестьянскими положеніями. Для нихъ I часть сборника представляетъ большой интересъ, такъ какъ она даетъ огромный и совершенно новый матеріалъ. Для практическаго примѣненія крестьянскихъ положеній этотъ матеріалъ имѣетъ большую цѣнность, такъ какъ рѣшенія дореформенныхъ судебныхъ мѣстъ могутъ быть полезнымъ руководствомъ и для новыхъ учрежденій.

Къ этимъ трудамъ и долженъ обратиться всякій, кто пожелаетъ получить представленіе о дѣятельности новыхъ судовъ. Такая критическая оцѣнка представляетъ не только мѣстный и узко спеціальный интересъ. Любопытно вообще посмотрѣть поближе тотъ памятникъ. который воздвигло себѣ новое правосудіе. Къ тому же существованіе этихъ сборниковъ, особенно сборника г. Буковскаго, окажетъ несомнѣнное вліяніе на будущую дѣятельность судовъ, такъ какъ по III части свода мѣстныхъ узаконеній судамъ и фор-

---

тельствующаго Сената и С.-Петербургской судебной палаты. Составилъ членъ Митавскаго окружнаго суда В. Буковскій. Митава 1903, стр. XXI + 494.

Сборникъ выписокъ изъ рѣшеній Правительствующаго Сената по прибалтійскимъ дѣламъ. I часть. По дѣламъ возникшимъ въ дореформенныхъ крестьянскихъ судебныхъ мѣстахъ. II часть—по дѣламъ гражданскимъ, возникшимъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Составилъ А. Мейендорфъ. Митава 1905, стр. 285.

мально предоставлена болѣе широкая возможность руководствоваться прецедентами. рѣшеніями не только Сената, но и низшихъ инстанцій, чѣмъ судамъ, примѣняющимъ общіе законы.

Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ обзору и оцѣнкѣ книги г. Буковскаго, какъ источника для критическаго изученія практики судовъ, полезно остановиться на спеціальныхъ постановленіяхъ мѣстнаго права, опредѣляющихъ значеніе судебной практики, какъ самостоятельнаго источника права.

* *
*

Судебная практика, „общее, единообразное, долговременное примѣненіе правовой нормы судебными установленіями“ (Дернбургъ), занимаетъ особое мѣсто среди прочихъ источниковъ права. Въ теоріи, какъ извѣстно, даже возбуждаются сомнѣнія—признавать ли за ней вообще значеніе самостоятельнаго источника права, и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ дать нелегко. Для этого необходимо предварительно рѣшить рядъ другихъ вопросовъ,—о существѣ судебной власти, о задачѣ ея, о предѣлахъ судейскаго усмотрѣнія. Въ настоящее время, большинство ученыхъ склоняется къ утвердительному отвѣту по разнымъ соображеніямъ; указываютъ на то, что опытъ исторіи свидѣтельствуетъ о томъ, что безъ творческой дѣятельности судовъ обойтись нельзя, что никакое законодательство не въ силахъ создать законъ безъ пробѣловъ, и восполненіе ихъ лежитъ на обязанности судовъ, что конкретное примѣненіе общей нормы необходимо влечетъ перерожденіе самой нормы и созданіе новой. По смыслу этихъ ученій, право, созидаемое судьей, слѣдовательно такое, которое не содержится уже въ тѣхъ нормахъ, которыя онъ примѣняетъ, является попутнымъ слѣдствіемъ примѣненія этихъ нормъ; оно является какъ бы неизбѣжнымъ побочнымъ продуктомъ производства, которое имѣетъ другое, спеціальное назначеніе. Но въ послѣднее время появляются теоріи, въ которыхъ творческая дѣятельность судьи получаетъ болѣе широкое обоснованіе. Требуютъ максимальнаго расширенія судейскаго усмотрѣнія, права судьи широко истолковывать законъ и при примѣненіи его быть не только истолкователемъ его, но и посредникомъ между нимъ и жизнью [1]. По такому взгляду, право, слагающееся въ дѣя-

---

[1]) См. объ этихъ теоріяхъ статью проф. I. А. Покровскаго, Вѣстникъ Права, 1905 г. № 1 стр. 1 и слѣд., а также и Alvarez, Une nouvelle conception des études juridiques et de la codification du droit civil, Paris, 1904.

тельности судьи, является правомъ par excellence [1]) судебная практика должна признаваться самостоятельнымъ источникомъ права, равноцѣннымъ закону.

И практика жизни стоитъ, повидимому, на аналогичной точкѣ зрѣнія,—чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь взглянуть на безчисленныя изданія различныхъ сборниковъ рѣшеній и на распространеніе ихъ. При несовершенномъ законодательствѣ, вродѣ нашего гражданскаго, судебныя рѣшенія пользуются огромнымъ авторитетомъ; всякій ожидаетъ, что судъ и впредь будетъ идти по той дорожкѣ, которую онъ раньше себѣ протопталъ, что онъ не будетъ дважды ставить себѣ трудную задачу—продумать всю юридическую обстановку дѣла и снова создавать юридическія дедукціи. Можно ожидать, что въ тѣхъ случаяхъ когда суду встрѣтится не безспорный вопросъ, то онъ и впредь будетъ руководствоваться тѣми основаніями для разрѣшенія его, которыя уже выработаны практикой, и въ особенности потому, „что долговременное существованіе ихъ создало въ оборотѣ увѣренность въ томъ, что данный случай опредѣляется безспорнымъ принципомъ, который можетъ быть принятъ въ руководство при заключеніи договора безъ всякихъ опасеній“ [2]). Но все же не всегда эта увѣренность оправдывается. Напротивъ, нерѣдко суды находятъ необходимымъ измѣнить свою точку зрѣнія и впредь придерживаться другихъ взглядовъ. Въ этомъ и сказывается особенность судебной практики, какъ источника обязательности нормы. Жизнь нормы, созданной практикой, виситъ на волоскѣ; она существуетъ до тѣхъ поръ пока примѣняется; непримѣненіе ея судомъ и есть отмѣна ея. Естественно, что нельзя связать судъ на вѣки вѣчныя его же прецедентомъ, нельзя лишить его возможности измѣнить свой взглядъ, если онъ убѣдится въ неправильности его. „Свобода судейскаго убѣжденія

---

[1]) Дальше всѣхъ пошелъ въ этомъ направленіи O. Bülow, Gesetz und Richteramt, 1885, по мнѣнію котораго только примѣненіе закона въ судѣ создаетъ истинное право. „Законъ—только попытка создать правовой порядокъ; законъ содержитъ только указанія для устройства правопорядка.... Право устанавливается только судьей.... Законъ не является завершеніемъ воли государства, устанавливающей право,—въ законченномъ видѣ она проявляется только въ судебныхъ рѣшеніяхъ.... Не законъ, а законъ *и* судья создаютъ для народа его право“, стр. 45—48. Но должно отмѣтить, что Бюловъ исходитъ изъ совершенно иныхъ посылокъ, чѣмъ новѣйшія теоріи „о наиболѣе цѣлесообразной методѣ интерпретаціи“.

[2]) Entscheidungen des Reichsgerichts (in Civilsachen) т. III, стр. 178.

это есть свобода мысли, свобода изслѣдованія, свобода критики, та свобода, которая изъ отправленія правосудія дѣлаетъ живой актъ справедливости, а не мертвое нагроможденіе приказнаго крючко—творчества. Она есть факторъ прогресса и раціональнаго развитія права въ предѣлахъ закона и собственныхъ законныхъ полномочій [1]).

Самое большее, что можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи законъ, это обставить измѣненіе практики особыми условіями, которыя должны явиться гарантіями серьезности и продуманности такого рѣшенія. Такъ, напр. поступили въ Германіи, гдѣ предписано, что ни одно отдѣленіе имперскаго суда не можетъ отклониться отъ прецедента, установленнаго по другому отдѣленію или по общему собранію суда, и что для измѣненія практики необходимо рѣшеніе общаго собранія имперскаго суда [2]). Поэтому нормы, выработанныя практикой, не могутъ служить такимъ же прочнымъ руководствомъ на будущее время, какъ нормы, установленныя закономъ или обычаемъ, для отмѣны которыхъ необходимъ цѣлый рядъ условій, къ которымъ судъ долженъ относиться совершенно пассивно, только констатируя ихъ. Напротивъ, по отношенію къ судебнымъ прецедентамъ судъ естественно является хозяиномъ и можетъ выступать какъ реформаторъ. Только тогда можно признать судъ безусловно связаннымъ нормами практики, когда эти нормы войдутъ въ обычное право (поскольку, разумѣется, судьи вообще обязаны примѣнять обычное право); т. е. когда по отношенію къ нимъ можно будетъ установить наличность признаковъ обязательнаго обычнаго права [3]). А этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ, разумѣется, только по отношенію къ отдѣльной конкретной нормѣ. Слѣдовательно, значеніе судебныхъ прецедентовъ, какъ источниковъ обязательныхъ нормъ можно вкратцѣ опредѣлить только такъ: несомнѣнно, что судебная практика вообще является источникомъ права, но обязательность отдѣльныхъ выработанныхъ ею нормъ въ конкретныхъ случаяхъ можетъ представляться далеко не безспорною [4]).

---

[1]) Г. В. Демченко. Судебный прецедентъ, стр. 180.

[2]) См. Stobbe, Handbuch des deutschen Privatrechts т. I, стр. 189 (1893 г.).

[3]) Stobbe указанное сочиненіе, стр. 190.

[4]) Болѣе опредѣленной формулы, повидимому, вообще нельзя установить, если желательно дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, какое значеніе въ дѣйствительности признается за судебной практикой, а не разсматривать ее съ точки зрѣнія идеальной постановки этого дѣла, и останавливаться на вытекающихъ изъ этого постулатовъ по адресу судьи. Съ этой точки зрѣнія разбирается ученіе о судебной практикѣ у Г. В. Демченко, Судебные прецеденты, стр. 173 и 175.

Къ этому должно прибавить еще слѣдующее: обыкновенно, когда говорятъ о практикѣ судовъ имѣются въ виду высшія судебныя инстанціи, такъ какъ только дѣйствія этихъ судовъ въ процессуальномъ отношеніи представлялись окончательными и неизмѣнными in concreto. Но „практика" можетъ сложиться во всякомъ судебномъ установленіи и если она отвердѣваетъ до степени обычнаго права, то несомнѣнно съ ней должны считаться и высшія инстанціи—какъ съ мѣстными обычаями (поскольку, разумѣется, вообще обязательны для данныхъ судовъ нормы обычнаго права).

Вотъ это неопредѣленное значеніе судебной практики нашло себѣ полное выраженіе въ ст. XXVI введ. къ III ч. свода мѣстныхъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ. „Послѣдовавшія по отдѣльнымъ случаямъ рѣшенія", сказано въ ней,—„хотя бы даже высшихъ судебныхъ мѣстъ не имѣютъ силы закона, а потому не могутъ служить примѣромъ для другихъ случаевъ. Но какъ судьи обязаны въ рѣшеніяхъ своихъ при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ быть послѣдовательны, то тяжущимся не запрещается, въ подкрѣпленіе своихъ правъ, ссылаться на состоявшіяся прежде того согласныя между собой и вступившія въ законную силу судебныя рѣшенія" [1]).

Въ сущности эта статья не содержитъ въ себѣ никакого велѣнія и является скорѣе пожеланіемъ, намекомъ по адресу судьи. Но изъ нея можно вывести: 1) что законъ признаетъ нѣкоторый авторитетъ за постоянною практикой, 2) что этотъ авторитетъ признается за рѣшеніями всякихъ судебныхъ мѣстъ, не только высшихъ, и въ настоящее время, слѣдовательно, не исключительно за практикой Сената и наконецъ, 3) что авторитетомъ обладаетъ судебная практика какъ „совокупность однородныхъ прецедентовъ", а не единичныя рѣшенія суда [2]).

И вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщеніе такого чисто теоретическаго те-

---

[1]) Конецъ статьи не совсѣмъ вѣрно переданъ въ русскомъ текстѣ. Въ нѣмецкомъ сказано: „ist es den rechtsuchenden Parteien nicht verwehrt.... sich auf.... übereinstimmende Erkentnisse des Gerichts zu beziehen", т. е. имѣются въ виду согласныя рѣшенія того же суда, а не вообще судовъ; статья касается практики индивидуально опредѣленнаго суда. Конечно, отъ различія въ редакціи въ данномъ случаѣ особенной бѣды нѣтъ, но неточность остается неточностью.

[2]) Демченко, стр. 175. На постановленіяхъ балтійскаго права авторъ не останавливается. О коллизіи ст. XXVI со ст. 813 и 815 уст. гражд. суд. см. von Lutzau, Streifzüge aus dem Gebiete der Theorie und Praxis des provinziellen Privatrechts, Riga, 1902, стр. 49 и слѣдующія.

зиса въ кодексѣ оказывается теперь не безполезнымъ, ибо на статью свода можно ссылаться въ судахъ и требовать уваженія къ ней. Благодаря ей, судъ можетъ руководствоваться прецедентами въ той мѣрѣ, какъ это разрѣшаетъ и доктрина, не опасаясь замѣчаніи Сената за то, что поступаетъ въ согласіи съ „такъ называемой наукой права"—замѣчаніи, отъ которыхъ какъ извѣстно не гарантированы суды, примѣняющіе общеимперское гражданское право [1]).

Благодаря цитированной статьѣ судъ не можетъ игнорировать ссылки сторонъ на прежнюю его дѣятельность, и не можетъ обходить ихъ молчаніемъ. То, что прежде признавалось правильнымъ, то должно имѣть силу и въ настоящее время—въ противномъ случаѣ судъ окажется непослѣдовательнымъ безъ достаточныхъ для этого основаній. Перемѣна практики должна происходить сознательно и мотивированно.

Отсюда ясно, какое вліяніе долженъ имѣть сборникъ прецедентовъ, въ которыхъ сгруппированы разбросанныя по разнымъ мѣстамъ рѣшенія, если, конечно, и ст. XXVI не останется мертвой буквой.

* * *

Главная цѣнность сборника г. Буковскаго замѣчается въ томъ, что въ немъ впервые распубликованъ обширный матеріалъ. Въ разбираемое—второе-изданіе, кромѣ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента, вошли рѣшенія судебной палаты и резолюціи сената, постановленныя по дѣламъ, перешедшимъ изъ палаты и съѣздовъ и доселѣ не опубликованныя. Въ немъ собраны рѣшенія, касающіяся не только матеріальнаго права, но и процессуальныхъ и другихъ законовъ 1889 года и разнообразныхъ узаконеній, имѣющихъ отношеніе къ балтійскому краю (крестьянскія положенія, положенія о нотаріальной части, о преобразованіи судебной части въ прибалтійскихъ губерніяхъ и др.). Благодаря этому собранію дается возможность судить о дѣятельности такихъ инстанцій, рѣшенія которыхъ не публикуются и не доступны большой публикѣ.

Въ сущности, такое собраніе является единственною формой полнаго отчета о дѣятельности судебныхъ установленій; только на основаніи этихъ данныхъ и можно составить представленіе о томъ,

---

[1]) Изъ сборника г. Буковскаго видно (стр. 255, 264), что и Сенатъ иногда ссылается на рѣшенія прежнихъ судебныхъ мѣстъ.

какъ судьи справляются съ главною и существеннѣйшею частью своей работы—съ подведеніемъ фактическихъ обстоятельствъ подъ правовую норму. Отъ дореформенныхъ судовъ—по крайней мѣрѣ отъ одной изъ группъ ихъ, рижскихъ городскихъ судовъ сохранился такой отчетъ—сборникъ г. Цвингманна (Entscheidungen der Riga'sche Stadtgerichte, 8 томовъ), а въ книгѣ г. Буковскаго можно видѣть зародышъ лѣтописи творчества новыхъ учрежденій.

Но при критическомъ обзорѣ должно останавливаться не только на окончательныхъ выводахъ судебныхъ разрѣшеній, а изучать характеръ и методу этихъ послѣднихъ. Отдѣльныя детали и мелкія замѣчанія могутъ пролить больше свѣта, чѣмъ окончательные тезисы, которые иногда подсказываются сами собой, опредѣляются „природой“ даннаго дѣла и тѣмъ смутнымъ „чувствомъ справедливости“, которое само по себѣ нельзя еще назвать „примѣненіемъ закона“. Импровизація только опасна, когда дѣло касается гражданскихъ правъ. Тѣ замѣчанія и разсужденія, которыя имѣютъ только второстепенное значеніе въ данномъ дѣлѣ, въ другомъ могутъ оказаться рѣшающими, и если допущена ошибка въ „деталяхъ“, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что она не повторится снова, когда эта деталь станетъ существомъ дѣла.

Поэтому, если разсматривать трудъ г. Буковскаго съ этой точки зрѣнія, то нельзя не пожалѣть о томъ, что составитель, побуждаемый желаніемъ сократить объемъ книги и сдѣлать ее удобную для справокъ, напечаталъ рѣшенія не цѣликомъ, а въ выдержкахъ. Для элементарныхъ „практическихъ“ надобностей, когда иной разъ достаточно знать только „номеръ“ рѣшенія, а содержаніе его играетъ лишь второстепенную роль, этотъ пріемъ можетъ быть и цѣлесообразенъ. Но полнота свѣдѣній, конечно, страдаетъ отъ такого сокращенія, матеріалъ до нѣкоторой степени теряетъ въ цѣнности. При сокращеніи текста никогда нельзя предвидѣть какая часть разсужденій суда не представляетъ интереса и какою можно пожертвовать безъ ущерба. Сокращенные тезисы должны быть принимаемы на вѣру; изъ текста рѣшенія выбрасывается обыкновенно весь фактическій составъ даннаго казуса и оставляются только разсужденія, относящіяся къ толкованію тѣхъ статей, которыя въ этомъ конкретномъ дѣлѣ имѣютъ главнѣйшее значеніе. Наконецъ, по тексту выдержекъ нельзя установить, гдѣ кончается дедукція суда и начинается творчество составителя; обработка редакціи влечетъ за собой сплошь и къ ряду измѣненіе существа сокращаемаго текста. А между тѣмъ личнымъ взглядамъ составителя не

должно быть мѣста въ такомъ сборникѣ, или, по крайней мѣрѣ, они должны быть оговорены спеціально, какъ это сдѣлано, напр., въ указаномъ выше сборникѣ г. Цвингманна. Такая конденсація текста особенно нежелательна по отношеніи къ рѣшеніямъ, не распубликованнымъ оффиціально, скрытымъ въ архивахъ и доступныхъ только немногимъ, когда, слѣдовательно, нельзя установить и размѣры самаго сокращенія. При нихъ невозможна провѣрка посредствомъ обращенія къ оригиналу. Въ этомъ случаѣ даже для практическихъ цѣлей, при цитированіи на судѣ желательно имѣть полный текстъ, ибо изъ оригинала всегда можно извлечь больше, чѣмъ изъ конденсированнаго суррогата.

Намъ кажется, что удобства пользованія рѣшеніями, напечатанными in extenso могутъ быть достигнуты посредствомъ подробныхъ указателей алфавитныхъ, систематическихъ, хронологическихъ, по фамиліямъ дѣйствующихъ лицъ (въ сборникѣ г. Буковскаго имѣется только алфавитный указатель, къ тому же далеко не полный), а печатаніе текста отдѣльныхъ статей, къ которымъ присоединены тезисы, можетъ быть опущено безъ ущерба [1]). Само по себѣ онъ ничего не даетъ для уясненія, ибо, разумѣется, не всѣ статьи, относящіяся къ дѣлу, напечатаны, да и нельзя разсматривать гражданскій кодексъ прибалтійскихъ губерній, какъ механическій аггрегатъ самодовлѣющихъ статей, а не какъ единое и связное цѣлое,—не даромъ онъ основанъ на римскомъ правѣ. Самое полное разрѣшеніе задачи было бы достигнуто, если бы всѣ интересныя рѣшенія были приведены цѣликомъ, а кромѣ того сдѣланы изъ нихъ выдержки и тезисы при отдѣльныхъ номерахъ статей; таково, напр., изданіе Положенія о казенныхъ подрядахъ, составленное г. Авербахомъ. Такое изданіе удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ.

Мы остановились такъ подробно на этихъ простыхъ вещахъ потому, что такія изданія сокращенныхъ выписокъ представляются въ нашей литературѣ общимъ правиломъ, а между тѣмъ, по нашему мнѣнію, такая система изданія сборниковъ судебныхъ рѣшеній нежелательна.

Она является необходимостью въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно сдѣлать доступнымъ громадный матеріалъ, какъ, напр., при обра-

---

[1]) Въ видахъ сокращенія можно было бы опустить и нѣкоторыя выдержки, въ которыхъ только перефразированъ текстъ статьи, напр., прим. ст. 3450, 3384 и другія.

боткѣ сенатской практики по X тому или уставамъ судопроизводства; въ другихъ случаяхъ слѣдуетъ ея избѣгать.

Но это замѣчаніе не должно понимать, какъ упрекъ по адресу г. Буковскаго. Благодаря его работѣ, которая въ общемъ выполнена съ большимъ вниманіемъ, открывается теперь не только для практики, но и для науки новый и обширный источникъ свѣдѣній. Трудъ его заслуживаетъ только благодарности.

Но чтобы наши замѣчанія о невыгодныхъ сторонахъ редакціонной обработки распубликованныхъ имъ тезисовъ не представлялись голословными, и чтобы показать, что удобства пользованія сокращенными выдержками отражаются на полнотѣ и отчетливости данныхъ—особенно при изученіи практики судовъ какъ таковой,— въ подтвержденіе этихъ замѣчаній приведены примѣры. На этихъ примѣрахъ мы останавливаемся не для осужденія книги г. Буковскаго, а главнымъ образомъ потому, что при этомъ намъ представляется возможность критически разобрать нѣкоторыя разсужденія Сената, которыя не вошли въ сборникъ и привести нѣкоторые примѣры того, чтó читатель *не* найдетъ въ этой книгѣ.

Но предварительно слѣдуетъ указать еще на одинъ пунктъ. Пропускъ изложенія всей фактической стороны судебныхъ дѣлъ и сосредоточеніе главнаго вниманія на юридическихъ разсужденіяхъ не даетъ возможности судить о дѣятельности судовъ при *толкованіи* сдѣлокъ и квалификаціи фактическаго состава правоотношенія. А это вопросы первостепенной важности; гражданскій судъ имѣетъ дѣло почти исключительно съ экономическими отношеніями, которыя проявляются въ разнообразной бытовой обстановкѣ. Для facti interpretatio необходимо знать условія мѣста. Эти знанія судъ долженъ имѣть въ возможно большемъ объемѣ, знать ихъ, такъ сказать ex officio и примѣнять свои знанія безъ указанія сторонъ и безъ истребованія доказательствъ по каждому отдѣльному случаю.

Чѣмъ больше такихъ знаній у суда, тѣмъ обширнѣе для даннаго дѣла категорія фактовъ общеизвѣстныхъ, т. е. такихъ обстоятельствъ, которыя не требуютъ доказательствъ—notoria non egent prolatione. „Сущность facti notorii заключается въ томъ, что данный фактъ настолько извѣстенъ въ томъ кругу, въ которомъ вращается судья, что знаніе его дается судьѣ одной только принадлежностью къ этому кругу и не можетъ представляться случайнымъ“ [1]), Судья долженъ внимательно присматриваться къ окру-

---

[1]) Kohler, Prozess als Rechtsverhältniss, стр. 26.

жающей его жизни и изучать ее, иначе онъ не можетъ съ успѣхомъ исполнять даже, напр., свою элементарную обязанность по толкованію сдѣлокъ, когда, какъ сказано въ сводѣ, „должно прежде всего обращать вниманіе . . . . на образъ выраженій и мыслей, свойственный составителю, или *времени и мѣсту* составленія сдѣлки и акта о ней, наконецъ и на то, что *обыкновенно* соблюдалось въ такомъ же, какъ подлежащій обсужденію, случаѣ или при подобныхъ обстоятельствахъ" (ст. 3097). Эта статья повторяетъ только то, что извѣстно и всякому учебнику. Излишне распространяться о томъ, насколько всякое доказываніе затрудняетъ тяжущихся и усложняетъ процессъ и что количество пунктовъ, подлежащихъ доказыванію, должно быть сведено до минимума.

Судья не долженъ учиться ad hoc, для каждаго отдѣльнаго процесса, онъ долженъ приносить съ собой знаніе бытовыхъ особенностей оборота; судъ и стороны должны говорить на одномъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи прежніе балтійскіе суды—если судить по сборнику Цвингманна—были безупречны. Стоитъ раскрыть любой томъ этого собранія, чтобы убѣдиться въ томъ, что судъ стоялъ въ этомъ отношеніи на высотѣ задачи; безъ экспертовъ и свѣдущихъ людей онъ зналъ очень многое и былъ хозяиномъ дѣла [1]). О томъ, какова въ этомъ отношеніи дѣятельность новыхъ судебныхъ установленій, какъ они оріентируются въ разнообразіи мѣстныхъ особенностей—объ этомъ у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній и нельзя извлечь ничего изъ труда г. Буковскаго. А между тѣмъ, благодаря отсутствію формализма въ балтійскомъ правѣ (см. ст. 2993), суду не дается никакихъ внѣшнихъ формальныхъ директивъ для квалификаціи акта и очень интересно было бы имѣть свѣдѣнія объ этой сторонѣ его дѣятельности.

* * *

Но и для изученія практики въ чисто юридическихъ ея частяхъ, въ толкованіи закона и нормъ, обработка иногда обезцѣниваетъ матеріалъ—какъ видно изъ слѣдующаго.

Такъ, въ первой же выдержкѣ, помѣщенной въ сборникѣ г. Буковскаго (1 стр.), взятой изъ рѣшенія гражд. кассац. департамента № 114, 1901 г. (по дѣлу Мержеевскихъ), имѣется ссылка на ст. 3066 (III часть свода мѣстн. узакон.)—ссылка, которой въ подлинномъ текстѣ рѣшенія вовсе нѣтъ. Не слѣдовало ее вставлять и въ выдержку;

---

[1]) См. напр. т. 7, стр. 181 (II), стр. 377 т. 3, стр. 247 и множество другихъ.

это уже не „выдержка“, а исправленіе, которое слѣдовало оговорить. По существу, въ данномъ случаѣ такое исправленіе даже полезно для справокъ, ибо даетъ лицамъ, ознакомившимся съ этимъ сенатскимъ рѣшеніемъ по книгѣ г. Буковскаго, при будущемъ практическомъ примѣненіи соотвѣтствующихъ постановленій, возможность открыть глаза суду а если понадобится—и Сенату, на существованіе нѣкоторыхъ, очень важныхъ, статей закона, которыя по совершенно непонятной причинѣ игнорировались и палатой и сенатомъ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ дополнить ссылку еще указаніемъ на примѣчаніе къ ст. 3068, которое имѣетъ прямое отношеніе къ данному дѣлу, но слѣдовало отмѣтить, что этой вставки въ сенатскомъ рѣшеніи нѣтъ. Палата признала, что опека надъ дѣтьми лица, которое по паспорту значилось мѣщаниномъ г. Варшавы, опредѣляется закономъ Царства Польскаго. Сенатъ кассировалъ это рѣшеніе, потому, что по смыслу ст. VIII, XXXI и XXXII, опека опредѣляется законами, дѣйствующими въ мѣстѣ жительства отца, но вовсе не затронулъ доводовъ палаты о томъ, что покойный былъ приписанъ къ г. Варшавѣ и по документамъ имѣлъ мѣстожительство именно тамъ. Сенатъ *вовсе* не коснулся самаго существеннаго вопроса,—именно, чѣмъ же опредѣляется мѣстожительство даннаго лица и какое значеніе имѣетъ приписка его къ той или другой мѣстности. А между тѣмъ объ этомъ говорится подробно въ сводѣ, есть и спеціальное постановленіе о томъ, что „мѣсто, къ которому приписано податное лицо, само по себѣ еще не признается его мѣстожительствомъ“ (прим. къ ст. 3068). Установленіе конкретнаго мѣстожительства имѣетъ громадное значеніе при примѣненіи свода мѣстныхъ узаконеній и съ него надо начинать разборъ всякаго дѣла, въ виду разнообразія дѣйствующихъ въ разныхъ территоріяхъ правовыхъ системъ, примѣненіе которыхъ опредѣляется мѣстожительствомъ.

Для эксцерпированнаго рѣшенія, которое по силѣ ст. 815 уст. гражд. судопр., какъ ее толкуетъ Сенатъ, должно быть единственною путеводною звѣздою для всѣхъ низшихъ инстанцій, въ поискахъ ихъ за точнымъ смысломъ закона,—для этого рѣшенія именно и характерно, что Сенатъ не примѣнилъ, слѣдовательно, не замѣтилъ, какъ разъ тѣ законы, которые прямо относятся къ данному дѣлу; а этого изъ книги г. Буковскаго нельзя усмотрѣть [1]).

[1]) О рѣшеніи № 114, 1901 г. и о значеніи прим. къ ст. 3068 см. мою статью о мѣстожительствѣ по балтійскому праву, Журналъ Министерства Юстиціи 1905 г., январская книга, особенно стр. 237.

Нельзя въ выдержкахъ прослѣдить также и одно очень любопытное и странное „колебаніе“ во взглядахъ Сената по вопросу о дѣйствіи въ прибалтійскомъ краѣ нѣкоторыхъ принциповъ *польскаго* (!) *ипотечнаго* права. Именно, разсуждая о юридическомъ значеніи укрѣпленія основанія пріобрѣтенія права собственности въ крѣпостныхъ книгахъ и признавая, что до этого сформленія сдѣлка не даетъ права на самую недвижимость, Сенатъ въ подтвержденіе своего взгляда сослался между прочимъ на прежнее свое рѣшеніе № 98, 1896 года. При этомъ въ мотивахъ оговорено, что хотя это послѣднее рѣшеніе „послѣдовало по дѣлу, обсуждаемому по законамъ, дѣйствующимъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, но оно вполнѣ примѣнимо и къ настоящему дѣлу въ виду совершенной однородности основаній ипотечной системы, дѣйствующей въ Варшавскомъ судебномъ округѣ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ“. Чѣмъ эта истина можетъ быть доказана, да и можетъ ли она вообще быть доказана—объ этомъ рѣшеніе ничего не сообщаетъ. А между тѣмъ на доказательствѣ ея слѣдовало бы остановиться очень подробно, ибо дѣйствіе одного мѣстнаго закона въ другой мѣстности, для которой онъ рѣшительно никогда не былъ дѣйствующимъ, вообще непонятно само собой. Трудно также принять на вѣру утвержденіе Сената объ однородности основанія польскаго ипотечнаго права, основаннаго на французскомъ кодексѣ и различныхъ дополнительныхъ законахъ, и балтійскаго, основаннаго на шведскихъ законахъ, различныхъ городскихъ правахъ (любекскомъ и гамбургскомъ правѣ) и распоряженіяхъ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій. И даже, если бы и оказалось случайное сходство между этими правовыми системами—въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ—изъ этого одного еще нельзя дѣлать заключенія о возможности аналогичнаго примѣненія ихъ. Аналогичное примѣненіе закона предполагаетъ прежде всего дѣйствующій законъ, а до правоотношеній балтійскаго края законы польскіе рѣшительно никакого отношенія не имѣютъ; они—просто литературный памятникъ, юридически безразличный, а не субсидіарное право.

Институты ипотечнаго права могутъ представлять великое разнообразіе по существу при внѣшнемъ сходствѣ нѣкоторыхъ деталей. Ихъ никакъ нельзя причислить къ тѣмъ институтамъ, которые по необходимости должны быть организованы аналогично и даже тождественно для всей территоріи, подчиненной одной законодательной власти, куда можно отнести, напримѣръ, институтъ

брака, въ частяхъ, касающихся личныхъ отношеній супруговъ. Въ такомъ казусѣ, дѣйствительно, возможна ссылка на кассаціонное рѣшеніе, постановленное не по балтійскому дѣлу (см. напримѣръ выдержку на стр. 6 сборника г. Буковскаго), но при такомъ пользованіи рѣшеніями, послѣдовавшими въ разъясненіе совершенно иной правовой системы, необходима величайшая осторожность и возможность такого примѣненія сама собой не разумѣется. Приведенное разсужденіе сената необыкновенно ясно обрисовываетъ всю несостоятельность сенатскаго ученія объ „обязательности" его рѣшеній; гдѣ бы и по какому случаю ни состоялось разъясненіе нормы, имѣвшей въ данномъ случаѣ силу закона,—оно должно, по его мнѣнію, быть обязательно какъ вообще всякая норма права. Поэтому приходится встрѣчаться въ другомъ рѣшеніи по балтійскому праву (1898 г., № 98) съ цѣлой теоріей компенсаціи, построенной на разсужденіяхъ другихъ, древнихъ, кассаціонныхъ рѣшеній, состоявшихся по дѣламъ X тома, а не по дѣламъ III ч. свода мѣстныхъ узаконеній. А между тѣмъ въ балтійскомъ правѣ ученіе о зачетѣ очень хорошо разработано, лучше, чѣмъ въ сенатскихъ рѣшеніяхъ. Для подтвержденія своихъ разсужденій о значеніи и существѣ акта о раздѣлѣ наслѣдства, сенатъ опять таки обратился къ своимъ „прежнимъ" рѣшеніямъ состоявшимся по поводу балтійскихъ законовъ (см. сборникъ г. Буковскаго, стр. 198) забывая, что въ судебныхъ разсужденіяхъ юридически убѣдительны только тѣ доказательства, которыя основаны на дѣйствующемъ законѣ. Внѣшнимъ же сходствомъ въ названіяхъ или случайнымъ совпаденіемъ руководствоваться нельзя.

Однако, когда впослѣдствіи палата въ одномъ своемъ рѣшеніи сослалась на кассаціонное рѣшеніе, постановленое по дѣлу, обсуждаемому по законамъ Царства Польскаго,—т. е. сдѣлала то же, что и сенатъ, то гражданскій кассаціонный департаментъ съ этимъ не согласился. Ссылка палаты на рѣшеніе № 38, 1890 года была признана неосновательной, потому что рѣшеніе это послѣдовало по дѣлу, производившемуся въ округѣ Варшавской судебной палаты и основано на мѣстныхъ законахъ, дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ и „не имѣющихъ дѣйствія въ губерніяхъ прибалтійскихъ" (рѣшеніе гражд. касс. департ. № 42, 1902 г.).

Въ этомъ рѣшеніи Сенатъ снова возвратился къ той истинѣ, которая была имъ уже и прежде установлена. Когда съѣздъ сослался на рѣшеніе № 254, 1874 г., состоявшееся по дѣлу общеимперскаго гражданскаго права, въ подтвержденіе своей мысли о

томъ, что и въ балтійскомъ краѣ платежъ денегъ по письменному договору не можетъ быть доказываемъ свидѣтелями, то Сенатъ призналъ, „что разъясненіе Сената въ рѣшеніи на которое сослался съѣздъ, относясь къ законамъ, не дѣйствующимъ въ этомъ краѣ, не примѣнимо къ настоящему дѣлу“ (рѣшеніе гражд. касс. департ. № 70, 1893 г.). [1]).

Можно надѣяться, что теперь и на будущія времена, эта правильная точка зрѣнія не будетъ оставлена и не будетъ больше „колебаній“ по элементарнѣйшему вопросу—о томъ, что законъ дѣйствуетъ только въ той территоріи, для которой онъ изданъ.

Вотъ и этихъ разсужденій нельзя найти въ выдержкахъ г. Буковскаго. Въ числѣ аргументовъ Сената (въ дѣлѣ № 114, 1901 г.) сохранена, впрочемъ, ссылка на номеръ рѣшенія (98) 1896 года, однако безъ указанія на то, что оно касается польскаго права (стр. 217, см. также стр. 254); выпущено также приведенное выше мѣсто изъ рѣшенія № 42, 1902 года. При сокращеніи исчезли эти любопытныя „юридическія“ дедукціи.

Въ разобранныхъ только что казусахъ правильное рѣшеніе въ самомъ дѣлѣ не представляло никакихъ трудностей. Окончательный отвѣтъ даетъ не юриспруденція, а географія. Гораздо менѣе замѣтно то неправильное примѣненіе совершенно, въ сущности, посторонняго для балтійскаго края закона, которое мы встрѣчаемъ въ рѣшеніи гражд, касс. департамента № 79, 1892 года, причемъ и въ этомъ случаѣ посторонній, не дѣйствующій въ балтійскомъ краѣ законъ, проникъ туда черезъ посредство прежнихъ кассаціонныхъ рѣшеній. Именно, читаемъ въ цитированномъ рѣшеніи слѣдующее: „какъ уже неоднократно было разъяснено Сенатомъ, иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія въ порядкѣ, указанномъ въ пунктѣ 4, 29 ст. уст. гражд. судопр., имѣютъ мѣсто въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда фактическое владѣніе истца нарушено самовольнымъ дѣйствіемъ отвѣтчика, вслѣдствіе чего искъ объ изъятіи изъ владѣнія отвѣтчика такого имущества, которое находилось въ его владѣніи въ силу договорныхъ отношеній съ истцомъ, хотя и можетъ быть подсуденъ мировымъ учрежденіямъ, но подлежитъ ихъ разсмотрѣнію въ силу 1 пункта 29 ст., а не въ томъ особомъ порядкѣ, который опредѣленъ въ 4 пунктѣ 29 ст. и

[1]) См. также рѣшеніе № 80, 1897 года (по X тому), гдѣ также отвергнута ссылка на одно кассаціонное рѣшеніе, ибо оно было постановлено по дѣлу, рѣшенному на основаніи законовъ дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ.

1804 ст. уст. гражд. судопр. и 691—698 ст. III ч.". Очевидно дѣло, не въ томъ какой номеръ пунктовъ ст. 29 должно приводить на справку. Устраняя подсудность дѣла по „4" пункту и относя его къ пункту „1", Сенатъ тѣмъ самымъ устанавливаетъ, что по данному дѣлу не можетъ быть вчиненъ владѣльческій искъ, т. е., что въ данномъ случаѣ нѣтъ на лицо необходимыхъ предположеній для вчиненія такого иска. Эти предположенія опредѣляются однако не процессуальнымъ закономъ, трактующимъ о порядкѣ судопроизводства и компетенціи суда; когда и при какихъ обстоятельствахъ могутъ быть вчинены владѣльческіе иски—это вопросы матеріальнаго права.

Сенатъ же ищетъ на него отвѣта въ своихъ прежнихъ рѣшеніяхъ, не останавливаясь нисколько на матеріальныхъ постановленіяхъ III части свода мѣстн. узак. Но эти рѣшенія, очевидно, послѣдовали не по дѣламъ балтійскаго права,—по крайней мѣрѣ, въ сборникахъ рѣшеній гражд. кассаціоннаго департамента за 1890 и 91 г.г. нѣтъ не только нѣсколькихъ, но и даже вообще никакихъ подобныхъ разъясненій. Иными словами, къ матеріально-правовымъ отношеніямъ, для которыхъ существуютъ свои спеціальные законы, примѣнены совершенно другіе. Всякое „разъясненіе" предполагаетъ дѣйствіе разъясняемаго закона и при примѣненіи „разъясненія" implicite примѣняется и законъ. Очень можетъ быть, что сопоставленіе немногочисленныхъ нормъ X тома, трактующихъ о владѣніи и статей устава гражданскаго судопроизводства и приводитъ къ тому выводу, который „неоднократно" былъ высказываемъ сенатомъ, но для балтійскаго права этотъ выводъ самъ по себѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія.

Въ балтійскомъ правѣ имѣется свое самостоятельное и очень разработанное ученіе о владѣніи, и именно оно, а не процессуальный порядокъ, опредѣляетъ матеріальныя правоотношенія. Процессуальныя нормы имѣютъ только служебное значеніе. При составленіи новыхъ судопроизводственныхъ законовъ это ясно сознавалось авторами реформы, какъ это видно изъ слѣдующаго. По 4 пункту 29 ст. вѣдомству мироваго судьи подлежатъ иски о возстановленіи владѣнія, когда со времени нарушенія прошло не больше 6 мѣсяцевъ, а по силѣ 698 ст. III ч. свода мѣстныхъ узаконеній, право на поссессорный искъ прекращается по давности въ годовой срокъ. По этому, упоминаніе о 6-мѣсячномъ срокѣ вычеркнуто изъ пункта 4 ст. 29 въ той ея редакціи, которая предназначалась для балтійскаго края. И далѣе. По разъясненію Сената

(1882 г. № 149, по дѣлу Заforштадской слободѣ г. Саратова), по истеченіи 6-мѣсячнаго срока иски о возстановленіи владѣнія, въ силу ст. 213 уст. гражд. судопроизводства, подлежатъ вѣдомству окружныхъ судовъ; въ силу этого возникъ вопросъ объ измѣненіи редакціи этой 213 статьи и предлагалось исключить изъ текста ея слова „по нарушенію владѣнія недвижимымъ имуществомъ“. Но Государственный Совѣтъ нашелъ, что въ замѣнѣ этой статьи особымъ постановленіемъ не представляется необходимости, „такъ какъ непримѣнимость означенной части ст. 213 въ губерніяхъ прибалтійскихъ очевидна“. [1]).

Мотивы закона исходятъ изъ совершенно правильныхъ соображеній: матеріальная сторона владѣнія, матеріальныя предположенія исковъ должны были оставаться безъ перемѣнъ, измѣнялся только процессуальный порядокъ. Но при этомъ стремились къ тому, чтобы редакція процессуальныхъ законовъ была, по возможности, точно согласована съ матеріальнымъ правомъ и не подавала поводовъ къ недоразумѣніямъ.

Слѣдовательно, при разборѣ владѣльческаго иска, Сенату надлежало бы обратиться прежде всего къ III части свода мѣстныхъ узаконеній, а не къ своимъ прежнимъ рѣшеніямъ. Въ балтійскомъ правѣ ученіе о владѣніи построено всецѣло на римскихъ началахъ, измѣненныхъ впослѣдствіи каноническимъ правомъ. Оно различаетъ два вида владѣльческихъ исковъ: иски объ охраненіи существующаго владѣнія и о возстановленіи потеряннаго. Въ 1 пунктѣ ст. 1806 уст. гражд. судопроизв., въ которомъ содержится правило пункта 4 ст. 29 примѣнительно къ балтійскому краю, обѣ категоріи исковъ объединены подъ названіемъ исковъ о „возстановленіи“ нарушеннаго владѣнія, что явствуетъ изъ ссылокъ на статьи мѣстнаго свода (ст. 681—699). Подъ дѣйствіе этого пункта подходитъ слѣдовательно и искъ „объ *охраненіи* существующаго владѣнія“ (ст. 682), а этотъ искъ, построенный всецѣло на началахъ такъ называемой possessorium ordinarium, т. е. въ сущности на теоріи римскаго interdictum uti possidetis, имѣетъ иногда значеніе и иска о *возстановленіи* владѣнія. Именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда вещь передана кому либо по *договору* уступки (ст. 3765), лицо уступившее имѣетъ возможность потребовать ее отъ получившаго владѣльче-

---

[1]) См. объ этомъ Гасманъ и баронъ Нолькенъ, Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалт. губ. II изданіе стр. 64. См. также Erdmann; System. II, стр. 107, прим. 4 въ концѣ.

скимъ искомъ (ст. 688), не смотря на то, что получившій является ея владѣльцемъ (ст. 3768). Этотъ искъ можетъ быть вчиненъ немедленно же послѣ отмѣны уступки, если лицо, владѣвшее вещью, отказывается ее выдать (ст. 678). Слѣдовательно, вотъ уже первый случай, когда нельзя говорить, что договорныя отношенія являются абсолютнымъ препятствіемъ для вчиненія владѣльческаго иска о выдачѣ вещи, перешедшей по договору во владѣніе истца. Далѣе, разсужденія Сената оставляютъ такое впечатлѣніе, что какъ будто иски о возвратѣ владѣнія вещью возможны только между лицами, не находящимися въ договорныхъ отношеніяхъ. И это неправильно. Если лицо, уступившее другому свое владѣніе вещью, впослѣдствіи возвратитъ его себѣ насильно, и фактически завладѣетъ вещью, то все же лицо, лишенное владѣнія, можетъ обратно потребовать вещь въ порядкѣ иска, описаннаго въ ст. 691—actio spolii. Оно можетъ требовать возврата себѣ вещи именно владѣльческимъ искомъ, не ссылаясь на свое право изъ договора. Въ этомъ случаѣ искъ подлежитъ вѣдомству мироваго судьи именно въ силу пункта 4 ст. 29 (пункта 1 ст. 1806 устава) со всѣми послѣдствіями этого.

Слѣдовательно такого общаго положенія, къ которому пришелъ Сенатъ, руководствуясь своими прежними рѣшеніями, для балтійскаго права выставлять нельзя. И ни въ какомъ случаѣ его нельзя выводить изъ разъясненій, послѣдовавшихъ по совершенно постороннимъ законамъ.

Если же имѣется казусъ, когда одно лицо фактически передало *по договору* другому вещь во *владѣніе* (не *обладаніе*), то за исключеніемъ приведенныхъ только что случаевъ договора уступки и actio spolii, оно въ самомъ дѣлѣ не можетъ требовать выдачи ея въ порядкѣ поссессорной защиты, но по совершенно специальному основанію, именно потому, что оно уже больше не является *владѣльцемъ* ея. Одна и та же вещь не можетъ находиться одновременно во владѣніи нѣсколькихъ лицъ „на такомъ условіи, чтобы каждое изъ нихъ владѣло ею въ цѣлости", говоритъ ст. 632, а для обратнаго требованія вещи надо доказать продолжавшееся еще въ моментъ нарушенія владѣніе вещью (ст. 685). Только такой аргументаціей можно до *нѣкоторой степени* оправдать тезисъ, выставленный Сенатомъ, а не глухими ссылками на прежнія рѣшенія.

Но въ такого рода случаѣ, когда рѣчь идетъ о томъ, какой сторонѣ безпрепятственно обладать вещью, нужно съ большой точ-

ностью установить—имѣется ли въ виду искъ о *возстановленіи* владѣнія или же только объ *охранѣ* его. Надо прежде всего убѣдиться въ томъ, не является ли одинъ изъ претендентовъ юридическимъ владѣльцемъ вещи, а другой только фактическимъ обладателемъ ея, обладаніе коего не защищается исками противъ владѣльца.

Фактическій составъ того дѣла, которое подлежало кассаціи, состоялъ въ слѣдующемъ. Лѣсной сторожъ по условію получалъ за свои труды, помимо денежнаго вознагражденія, пользованіе лѣсной будкой; затѣмъ договоръ личнаго найма былъ прекращенъ съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ формальностей, но сторожъ изъ будки не выѣхалъ. Наниматель вчинилъ искъ о возстановленіи владѣнія путемъ выселенія его. Сторожъ доказывалъ свидѣтельскими показаніями свое 27 лѣтнее владѣніе будкой [1]), однако, мировой судья совершенно отновательно отклонилъ это возраженіе, ссылаясь на ст. 409 устава гражд. судопроисводства и ст. 3004 III части свода мѣстн. узак., и установилъ въ дѣйствіяхъ отвѣтчика-сторожа нарушеніе владѣнія истца, наступившее съ того момента, когда пребываніе его въ будкѣ стало неосновательнымъ въ виду уничтоженія договора найма. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, имѣется искъ не о возстановленіи владѣнія, а объ охранѣ его. Что же касается такого рода исковъ, то они могутъ быть вчинены владѣльцемъ и при наличности договорныхъ отношеній его съ обладателемъ (держателемъ, детенторомъ) вещи. Это ясно доказывается ст. 684 и 685, которыя выражены совершенно общимъ образомъ и не дѣлаютъ исключенія для такого рода договорныхъ отношеній; и въ источникахъ этихъ постановленій (см. особенно L 3 § 3 D. 43. 17) это положеніе прямо высказано. Сторожъ отвѣтчикъ получилъ пользованіе будкой не навсегда, а на то время, пока онъ несъ обязанности, т. е. получилъ ее „только на временное подержаніе", какъ сказано въ ст. 679, и въ этомъ случаѣ не могъ пріобрѣсти законнаго владѣнія ею „путемъ простого намѣренія удержать ее за собою"; продолжительность такого „подержанія"—хотя бы и 27 лѣтняя, какъ въ данномъ случаѣ, въ

---

[1]) Фактическія обстоятельства дѣла и судебное разбирательство въ низшихъ инстанціяхъ изложены въ кассаціонномъ рѣшеніи настолько кратко и неполно, что подаютъ поводъ ко многимъ недоумѣніямъ. Нельзя точно установить, на какое юридическое соображеніе ссылался сторожъ,—на то ли, что онъ пріобрѣлъ будку въ собственность, или же, что онъ является *юридическимъ* владѣльцемъ ея, по смыслу его соглашенія съ хозяиномъ.

этомъ, конечно, ничего не измѣняетъ. Если не было спеціальнаго соглашенія о передачѣ будки во *владѣніе* сторожа, а о такомъ соглашеніи рѣшеніе умалчиваетъ, то необходимо думать, что сторожъ являлся только держателемъ (не владѣльцемъ ея), потому что какъ ни конструировать его права на будку, возводить ли ихъ къ найму, къ ссудѣ, или аналогичнымъ отношеніямъ, всѣ они не даютъ владѣнія лицу фактически обладающему вещью. При такой квалификаціи отношеній между нанимателемъ сторожа и этимъ послѣднимъ очевидно споръ шелъ не о „возстановленіи" потеряннаго владѣнія будкой, а объ охранѣ существующаго еще у нанимателя владѣнія ею. Слѣдовательно, не было никакого повода Сенату вообще касаться вопроса о „возстановленіи" владѣнія нарушеннаго самовольными дѣйствіями отвѣтчика—не этотъ пунктъ подлежалъ спору.

Не было, далѣе, вообще поводовъ разыскивать въ прежнихъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ сложившійся уже взглядъ на этотъ вопросъ.

Можно, однимъ словомъ, сказать, что приведенное выше общее положеніе сенатскаго разъясненія и невѣрно для балтійскаго края и совершенно не относится къ тому вопросу, который восходилъ на разрѣшеніе Сената; въ сущности, ему даже не представлялся случай для такой ошибки. Недаромъ въ рѣшеніи не указаны тѣ законы, по нарушенію которыхъ оно кассируется—такихъ законовъ не привести. Указано только, что оно отмѣняется какъ противорѣчащее ст. 129 уст. гражд. суд., которая говоритъ, что рѣшеніе судьи должно быть согласно съ законами, а какіе законы оно нарушило въ данномъ случаѣ,—это Сенатъ оставляетъ открытымъ. Вотъ этого рѣшенія (№ 79, 1892 г.) мы вовсе не нашли въ сборникѣ г. Буковскаго [1]).

Не слѣдовало также сокращать рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента № 4, 1898 года (по дѣлу Араловича), по крайней мѣрѣ, въ такой степени, какъ это сдѣлано въ сборникѣ на стр. 243. Въ этомъ дѣлѣ Сенатъ встрѣтился съ вопросомъ о моментѣ, съ котораго исчисляются проценты при взысканіи (въ При-

---

[1]) По крайней мѣрѣ оно не приведено ни при статьяхъ о владѣніи, ни при наймѣ, ни въ примѣчаніи къ статьямъ устава гражданскаго судопроизводства, нѣтъ никакихъ ссылокъ на него въ алфавитномъ указателѣ и не встрѣтили мы его при внимательномъ просмотрѣ всей книги. Не помѣщено оно повидимому и въ сборникѣ г. Элiзсберга.

балтійскомъ краѣ) по векселю, потерявшему силу вексельнаго права. Такимъ моментомъ признанъ моментъ требованія платежа; если же истецъ требуетъ проценты со дня срока по векселю, то онъ долженъ доказать, что имѣются на лицо условія просрочки (mora) должника, т. е. что кредиторъ или напомнилъ должнику о наступленіи срока (ст. 3307) или же не могъ этого сдѣлать потому, что должника невозможно было застать, по неуважительнымъ (съ его стороны) причинамъ (п. 2, ст. 3306). Что же касается пункта 3 ст. 3306— въ которомъ выражено, что просрочка наступаетъ само собой, когда должникъ „пропуститъ срокъ, назначенный для исполненія договоромъ или же по обычаю и законамъ", то, какъ сказано въ выдержкѣ, помѣщенной въ сборникѣ, этотъ пунктъ „къ векселямъ не примѣнимъ". Въ полномъ же текстѣ рѣшенія это положеніе представляется только частнымъ выводомъ изъ болѣе общей посылки. Именно, тамъ оно выражено такъ: „пунктъ же 3 ст. 3306 непримѣнимъ къ настоящему дѣлу, такъ какъ онъ относится къ случаямъ, когда для производства платежа должникъ обязанъ обратиться къ кредитору, а не къ тѣмъ, когда за полученіемъ платежа надлежитъ кредитору обратиться къ должнику, какъ это опредѣлено въ уставѣ о векселяхъ относительно вексельныхъ кредиторовъ, которые обязаны предъявлять должнику вексель для платежа" (слѣдуютъ ссылки на уставъ о векселяхъ). Въ этихъ словахъ мы имѣемъ прямое и общее разъясненіе смысла правила dies interpellat pro homine и если вообще дорожить разъясненіями Сената, то слѣдовало бы и это его сужденіе выдѣлить въ отдѣльный тезисъ и присоединить въ сборникѣ къ ст. 3306, для того, чтобы оно не пропадало для потомства. При такомъ выдѣленіи этотъ тезисъ привлекъ бы къ себѣ большее вниманіе критики, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало бы ясно, что этимъ разъясненіемъ въ сущности дорожить вовсе не слѣдуетъ, и что, напротивъ, должно пожалѣть о томъ, что оно вообще состоялось. Въ самомъ дѣлѣ, Сенатъ не приводитъ никакихъ доказательствъ этому своему утвержденію, и по нашему мнѣнію ихъ вообше нельзя найти. Ни сама ст. 3306, ни источники ея не дѣлаютъ такого различія между dettes quérables и dettes portables; неизвѣстно оно и другимъ постановленіямъ свода о просрочкѣ; не нашли мы его и въ литературѣ мѣстнаго и пандектнаго права. Напротивъ, такое сужденіе Сената даже прямо противорѣчитъ другимъ постановленіямъ свода. Именно, ст. 3306 дѣйствуетъ равномѣрно во всѣхъ территоріяхъ балтійскаго края (ср. ст. XIV Введенія), а слѣдовательно и въ Курляндіи. Для

Курляндіи же есть особое постановленіе о томъ, какъ распредѣляются роли при исполненіи обязательствъ: „проценты доставляются кредитору, а за капиталомъ онъ является къ должнику" (ст. 3496). Поэтому, если согласиться съ приведеннымъ разсужденіемъ Сената, то придется признать, что пунктъ 2 ст. 3306 вообще не примѣнимъ въ Курляндіи къ требованіямъ капитальной суммы, ибо, какъ полагаетъ сенатъ, онъ примѣняется только въ тѣхъ случаяхъ, когда для производства платежа должникъ обязанъ обратиться къ кредитору, т. е., когда имѣется какъ разъ обратное тому, что законъ предполагаетъ, какъ нормальное въ Курляндіи. Такой выводъ необходимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ясно обнаруживаетъ всю несостоятельность приведеннаго разъясненія сената, ибо приводитъ къ созданію совершенно излишняго и мнимаго противорѣчія въ законѣ. Такого толкованія было бы не трудно избѣжать, если бы имѣлось въ виду старинное правило ubi lex non distinguit, nec nostrum est distinguere.

А между тѣмъ положеніе сената, что пунктъ 3 статьи 3306 не относится къ векселямъ, которое—считаемъ необходимымъ подчеркнуть это еще разъ—въ текстѣ рѣшенія является только частнымъ выводомъ изъ общей невѣрной посылки, это положеніе само по себѣ взятое совершенно правильно. Но въ подтвержденіе его слѣдовало бы привести совершенно другія соображенія. Слѣдовало указать, что вексельное требованіе есть требованіе по такой цѣнной бумагѣ, по которой платежъ производится только по предъявленіи самаго документа, что вексель—Präsentationspapier; деньги по векселю уплачиваются только въ обмѣнъ, за самую бумагу или за погашеніе ея. До тѣхъ поръ, пока вексель не предъявленъ должнику, онъ не обязанъ его оплатить, это его право. Иначе говоря, для наступленія обязанности уплатить по векселю необходимо не только наступленіе срока, но и предъявленіе векселя, наступленіе срока само по себѣ только даетъ право кредитору обратиться къ должнику съ предъявленіемъ векселя и въ случаѣ неуспѣшности—право предъявить вексель къ протесту. Если же кредиторъ упуститъ сдѣлать это, то именно онъ, а не должникъ подвергается невыгоднымъ послѣдствіямъ — потерѣ вексельнаго права по отношенію къ должнику—какъ это было по прежнему уставу, или потерѣ регресса противъ надписателей, какъ это опредѣляетъ новый. Въ этомъ смыслѣ п. 3 ст. 3306 въ самомъ дѣлѣ непримѣнимъ къ векселямъ и ко всѣмъ вообще Präsentationspapiere, напр., къ бумагамъ на предъявителя въ точномъ значеніи этого

термина. Въ практикѣ прежнихъ судовъ этихъ началъ придерживались—и совершенно основательно—также и по отношенію къ тѣмъ долговымъ обязательствамъ, которыя были снабжены бланковыми надписями [1]). А что между такого рода документами, оплачиваемыми по предъявленіи, и тѣми требованіями, когда кредиторъ, за исполненіемъ долженъ обратиться къ должнику, имѣются существенныя различія и что такого обобщенія, которое сдѣлалъ сенатъ, слѣдовало бы избѣгать—объ этомъ излишне распространяться [2]).

***

Въ этихъ случаяхъ можно дополнить выдержки, обратившись къ офиціальному тексту рѣшеній; но для рѣшеній палаты и нераспубликованныхъ сенатскихъ указовъ и резолюцій эта провѣрка невозможна. А между тѣмъ пропускъ изложенія обстоятельствъ дѣла и редакціонная обработка и тутъ служатъ причиной для разныхъ недоумѣній. Такъ, напр., на стр. 352 сборника приведены указъ и резолюція Сената (1894 и 1897 г.г.), въ которыхъ проводится совершенно вѣрное положеніе, что въ балтійскомъ краѣ торговый уставъ не дѣйствуетъ, и что торговыя отношенія опредѣляются торговыми обычаями. Это совершенно правильно и остается пожалѣть, что это рѣшеніе не распубликовано во всеобщее свѣдѣніе. Такое разъясненіе по существу очень важно, такъ какъ по вопросу о дѣйствіи торговаго устава въ балтійскомъ краѣ въ литературѣ высказывались различныя и противорѣчивыя мнѣнія. Если уже вообще желательно руководство для единообразнаго примѣненія закона, то именно въ этомъ случаѣ. А на стр. 242 сборника г. Буковскаго въ примѣчаніи къ ст. 3371 (балтійскаго свода) мы находимъ слѣдующую выдержку: „ст. 331 устава торговаго при коллизіи съ ст. 3371 III ч. свода мѣстн. узак. должна уступить послѣдней, какъ представляющей законъ спеціальный“ (указъ Правительствующаго Сената 1892 г.). Если внимательно читать эту фразу, то не остается сомнѣній, что, по мнѣнію Сената, уставъ торговый дѣйствуетъ въ балтійскомъ краѣ, ибо въ ней выражено, что дѣйствіе опредѣленной статьи этого устава исключается дѣйствіемъ спеціальнаго закона, иными словами, спеціальный мѣстный законъ парализуетъ

---

[1]) См., напр., Zwingmann, Entscheidungen, т. 7, стр. 194, № 1321.

[2]) О „Präsentationspapiere“ вообще, и, въ частности, о моментѣ, съ котораго наступаетъ при нихъ просрочка см. Endemann, Handbuch des Handelsrechts, т. 2, стр. 155 (статья Бруннера). Совершенно вѣрное замѣчаніе по этому предмету у Büngner, Commentar zum IV Buche, стр. 166.

дѣйствіе закона общаго. А „законъ“ необходимо предполагаетъ обязательность, иначе говоря: уставъ торговый дѣйствуетъ въ цѣломъ и не дѣйствуетъ только въ частяхъ, спеціально отмѣненныхъ—при другомъ пониманіи невозможно было бы говорить же о „коллизіи“, ни объ „уступкѣ“ одного закона передъ другимъ, такъ какъ эти выраженія свидѣтельствуютъ о томъ, что необязательность торговаго устава не представляется несомнѣнною. Поэтому и возникаетъ вопросъ: какъ понимать соотношеніе указовъ 1894 и 1897 г.г. съ одной стороны, и 1892 года, съ другой, имѣется ли здѣсь перемѣна въ воззрѣніяхъ, или же указъ 1892 года имѣетъ какое-нибудь особое значеніе. Если бы было напечатано все рѣшеніе и были извѣстны фактическія обстоятельства дѣла, то этотъ вопросъ разрѣшался бы очень просто. А теперь на него нельзя дать отвѣта.

Должно пожалѣть также, что въ сборникѣ приведена лишь очень краткая выдержка изъ резолюціи Сената (отъ 1883 года, слѣдовательно, состоявшейся еще не по кассаціонному департаменту), въ которой разъясняется смыслъ ст. 3619 (стр. 261). Въ этой статьѣ сказано, что „должникъ, отъ котораго будетъ потребована выдача опредѣленной чужой вещи, не можетъ ссылаться на давность, если противная сторона докажетъ, что онъ или его предшественникъ въ теченіе всего срока давности владѣли тою вещью недобросовѣстно“. Въ статьѣ повторяется постановленіе каноническаго права о необходимости bona fides обязаннаго лица для освобожденія его по давности отъ отвѣтственности по иску. Объемъ примѣненія этого каноническаго постановленія, идущаго въ разрѣзъ съ началами римской исковой давности, какъ извѣстно, различно толкуется изслѣдователями. Первоначально его относили ко всѣмъ вообще искамъ, впослѣдствіи же завоевало господство именно то толкованіе, которое воспринято балтійскимъ правомъ и выражено въ указанной 3619 статьѣ. Въ послѣднее время поднимался споръ только о томъ, распространяется ли оно исключительно на вещные иски о выдачѣ вещи или же и на личные (каковъ, напр., искъ изъ договора найма). Большинство писателей высказывается за второе мнѣніе, т. е. не дѣлаетъ различія между личными и вещными исками, если предметъ ихъ составляетъ выдачу чужой опредѣленной вещи [1]). А въ сенатской резолюціи мы читаемъ: „предусмотрѣнный статьей 3619 искъ о выдачѣ вещи не есть винди-

[1]) См. объ этомъ Windscheid, Lehrbuch des Pandektenrechts, I, стр. 316.

каціонный, а личный искъ"; иначе говоря, ст. 3619, по мнѣнію Сената, касается исключительно исковъ о выдачѣ чужой опредѣленной вещи, основывающихся на обязательственныхъ отношеніяхъ. Такое разъясненіе мы отказываемся понимать. „Буквальный", говоря обычной терминологіей нашихъ судебныхъ рѣшеній, смыслъ статьи 3619 не даетъ рѣшительно никакихъ основаній ограничивать примѣненіе ея только областью личныхъ исковъ; напротивъ, виндикаціонный искъ вполнѣ соотвѣтствуетъ предположеніямъ ея, ибо виндикація заключается въ требованіи выдачи вещи, находящейся въ чужомъ владѣніи, вещи чужой для владѣльца (ст. 897) и притомъ вещи опредѣленной (ст. 907); источники статьи, каноническое право, не истолковывались никогда въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Сенатъ, напротивъ, если и подвергалась сомнѣнію примѣнимость каноническаго правила къ нѣкоторымъ искамъ, то имѣлись въ виду именно личные иски. Наконецъ, нигдѣ въ сводѣ нѣтъ какого-либо другаго спеціальнаго постановленія, которое исключало бы дѣйствіе ст. 3619 по отношенію къ виндикаціонному иску, да и въ сенатской резолюціи никакихъ ссылокъ на законы нѣтъ [1]). Высказанное Сенатомъ сужденіе прямо и категорически противорѣчитъ закону; это не изъясненіе его смысла, а прямая отмѣна, игнорированіе его. Поэтому любопытно было бы знать подробности дѣла и тѣхъ юридическихъ разсужденій, путемъ которыхъ можно было дойти до такого непонятнаго вывода, подробности, по крайней мѣрѣ, смягчающія его. Въ сборникѣ—мы привели всю выдержку цѣликомъ—этихъ можетъ быть (хотя это и сомнительно) „смягчающихъ" обстоятельствъ не указано.

Чувство неудовлетворенности оставляетъ и фрагментъ изъ резолюціи сената, приведенной на стр. 280, въ примѣчаніи къ ст. 3872. „Хотя, говорится въ немъ, на основаніи ст. 3872 передача проданной вещи въ безпрепятственное владѣніе покупщику лежитъ на обязанности продавца, но законъ этотъ не лишаетъ купившаго вещь, какъ собственника ея, права иска къ тому лицу, которое незаконно ее удерживаетъ, ибо по точной силѣ 897 и 899 ст. III ч., искъ о собственности (rei vindicatio) можетъ быть вчиняемъ противъ каждаго, кто незаконнымъ образомъ удерживаетъ его вещь". По смыслу этого отрывка „купившій вещь" тѣмъ самымъ „собственникъ" ея, а слѣдовательно, можетъ и вчинять искъ о собственности; покупка сама по себѣ, какъ законченная обязатель-

[1]) О ст. 3619 см. Эрдманъ, System, т. I, стр. 318.

ственная сдѣлка, устанавливаетъ право собственности. А между тѣмъ въ ст. 799 свода прямо сказано, что „одно отчужденіе вещи ея собственникомъ еще не достаточно для усвоенія права собственности на нее, если съ симъ вмѣстѣ не выполнено другое существенно необходимое условіе, именно, передача вещи". До передачи „купившій" не есть собственникъ и не можетъ вчинять иска о собственности. Передача необходима для переусвоенія всякаго рода тѣлесныхъ вещей, какъ движимыхъ, такъ и недвижимости (ст. 809). Если въ данномъ казусѣ передача не была еще совершена, то Сенатъ, признавъ право собственности за новымъ пріобрѣтателемъ и открывъ ему возможность вчинить rei vindicatio, упустилъ изъ виду въ высшей степени важное, можно сказать, элементарное постановленіе закона. Если же указаніе на совершенную уже передачу вещи выпущено въ сборникѣ при сокращеніи рѣшенія, то объ этомъ должно очень пожалѣть. Не говоря уже о томъ, что этимъ создается упрекъ Сенату, такое „torso" рѣшенія, при стремленіи практики руководствоваться разъясненіями, заслоняющими самыя нормы, можетъ подать поводъ и къ неправильнымъ рѣшеніямъ и къ крючкотворству заинтересованныхъ лицъ, если in casu желательно устранить дѣйствіе ст. 799 [1]).

* * *

Но все же по приведеннымъ у г. Буковскаго даннымъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о методѣ примѣненія балтійскаго свода. Отчасти они непосредственно даются разсужденіями

---

[1]) Но, кажется, первое предположеніе вѣроятнѣе. Въ противномъ случаѣ трудно объяснить, почему Сенату пришлось касаться этихъ вопросовъ. Если продавецъ уже передалъ вещь и владѣніе ею было утрачено покупщикомъ уже послѣ этой передачи, то очевидно продавецъ уже исполнилъ возложенную на него ст. 3872 обязанность и объ этой статьѣ въ рѣшеніи говорить не пришлось бы. Слова отрывка также не даютъ возможности предполагать, что рѣчь шла о rei vindicatio cessa, существованіе которой допускается и Сенатомъ, о чемъ можно заключить изъ рѣшенія на стр. 277. Вѣроятно, на ст. 3872 ссылался третій владѣлецъ (не продавецъ), приводя ее въ качествѣ возраженія противъ виндикаціи новаго пріобрѣтателя. Очевидно *такое* возраженіе, т. е. ссылка на ст. 3872, не выдерживаетъ критики, но все же изъ этого нельзя выводить legitimatio ad agendum по иску о собственности для покупщика.

Впрочемъ, при краткости помѣщенной въ сборникѣ выдержки—и она приведена in extenso выше въ текстѣ—открывается широкое поле для праздныхъ гаданій, которыя отпали бы при болѣе пространной редакціи.

палаты и Сената, отчасти изъ этихъ разсужденій можно видѣть, какъ смотрѣли на дѣло низшія инстанціи. Не останавливаясь на подробномъ разсмотрѣніи того, какую физіономію пріобрѣли различные институты права въ судебной практикѣ—для этого нѣтъ еще достаточнаго количества рѣшеній и не входитъ эта работа въ нашу задачу—приведемъ нѣсколько замѣчаній, которыя невольно возникаютъ при чтеніи выдержекъ изъ рѣшеній.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что судебныя установленія, повидимому, всегда „примѣняютъ" къ дѣлу только „статьи" закона, тѣ отдѣльные занумерованные отрывки и фрагменты, на которые распадается сводъ. Истолковывается „статья" „законъ", „постановленіе статьи", той статьи, которая на первый взглядъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ дѣлу, и на которую судъ натолкнулся по ближайшему, опять таки на первый взглядъ, созвучію съ разбираемыми притязаніями. Иногда судъ останавливается на „буквальномъ" смыслѣ ея, иногда восходитъ до „источниковъ", но на первомъ планѣ всегда остаются слова „статьи". И эти ссылки на номера вовсе не являются нормальнымъ способомъ цитированія, напротивъ, отъ нѣсколькихъ фразъ закона очень часто ожидается окончательный и исчерпывающій отвѣтъ. Однако, въ „статьѣ" нельзя повторить все то, что уже сказано въ предшествующихъ и послѣдующихъ параграфахъ свода; статья всегда содержитъ сравнительно болѣе конкретное постановленіе, дополняющее то болѣе крупное цѣлое, частью котораго она является. Удѣляя все свое вниманіе конкретной нормѣ, или небольшему комплексу нормъ, судъ примѣняетъ только одну эту норму, и упускаетъ изъ виду тотъ *институтъ* права, въ составъ котораго входитъ эта норма. Онъ имѣетъ дѣло только съ одной гранью института, видитъ только одну часть его. Естественно, что при этомъ получается одностороннее представленіе объ этомъ цѣломъ; ускользаетъ возможность оцѣнки пропорціональнаго значенія данной нормы въ строеніи института, и получается чисто формальное и неточное толкованіе свода. Изъ за деревьевъ не видятъ лѣса. Каждая статья представляется какимъ то самостоятельнымъ цѣлымъ, которое устанавливаетъ самостоятельно свое отношеніе къ другимъ статьямъ. Такой пріемъ толкованія значительно упрощаетъ и сокращаетъ работу, но гибельно отзывается на качествѣ ея. Яркій образчикъ этой методы толкованія даетъ такая, напр., фраза изъ приведенной на стр. 252 книги г. Буковскаго выдержки. Кредиторъ по долговому обязательству учиненіемъ бланковой надписи не можетъ избавиться отъ

тѣхъ возраженій, которыя были связаны съ передаваемымъ требованіемъ. „Это положеніе", говорится далѣе въ разсужденіяхъ Сената, „не противорѣчитъ 3125 и 3473 ст., какъ потому, что въ примѣчаніи къ послѣдней не сдѣлано ссылки на ст. 3473, такъ и потому, что 3473 ст. указываетъ на примѣненіе правилъ о бумагахъ на предъявителя къ обязательствамъ уже снабженнымъ бланковыми подписями" и т. д. Можно думать на основаніи этого разсужденія, что какая нибудь ссылка вродѣ „см. ст. 3125" всегда окончательно опредѣляетъ объемъ и пространство дѣйствія статьи, подъ которой она значится, что въ этомъ случаѣ суду нечего задумываться надъ внутреннимъ значеніемъ статей, и что такая цитата сама по себѣ уже не подлежитъ никакому толкованію. И обратно, неужели же отсутствіе ссылки на какую нибудь статью, повидимому, имѣющую отношеніе къ вопросу, избавляетъ судъ отъ обязанности войти въ разсмотрѣніе ея и выяснить отношеніе ея къ другимъ постановленіямъ?

Однако, придавая въ данномъ случаѣ такое существенное значеніе ссылкамъ, или отсутствіе ссылокъ,—Сенатъ, съ другой стороны, далеко не всегда признаетъ ихъ достаточными для уясненія смысла и пространства дѣйствія статьи, которая содержитъ въ себѣ эту ссылку. Удивительнѣе всего, впрочемъ, то, что Сенатъ поступилъ такъ, какъ разъ въ такомъ случаѣ, когда именно ссылка сама по себѣ имѣетъ рѣшающее значеніе. Такъ, въ статьѣ 1813 устава гражд. судопр. выражено, что въ прибалтійскомъ краѣ соблюдаются правила ст. 250 того же устава, въ которой сказано, что въ довѣренности, выданной повѣренному для веденія дѣла, необходимо спеціально оговорить его права на совершеніе нѣкоторыхъ особенно важныхъ процессуальныхъ дѣйствій, право подачи апелляціонной и кассаціонной просьбы, право оканчивать дѣло миромъ, право передовѣрія и др. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ст. 1813 указано, что „при примѣненіи ст. 250 соблюдаются постановленія, изложенныя въ ст. 4379, 4380, 4383 и 4384 ч. III свода мѣст. узак.". Такимъ образомъ, казалось бы дѣло ясно: въ статьѣ есть „ссылка", остается только открыть соотвѣтственныя статьи мѣстнаго свода и скомбинировать ихъ со ст. 250 устава, устранивъ изъ послѣдней все, что противорѣчитъ указаннымъ статьямъ свода. Однако Сенатъ иначе посмотрѣлъ на эти ссылки. Когда была подана кассаціонная жалоба повѣреннымъ, уполномоченнымъ по генеральной довѣренности, но въ которой не было выражено спеціальнаго полномочія на подачу кассаціонной жалобы, и въ виду этого пробѣла

съѣздъ жалобу возвратилъ, Сенатъ призналъ это дѣйствіе съѣзда правильнымъ и нашелъ, „что всѣ тѣ правила объ универсальныхъ, генеральныхъ и спеціальныхъ полномочіяхъ, о которыхъ говорится въ ст. 4379, 4380, 4383, 4384, не могли отмѣнить собой того новаго правила, которое для этой мѣстности (прибалтійскаго края) возникло лишь съ введеніемъ новаго порядка судопроизводства“ (сборникъ Буковскаго, стр. 356). Такое разсужденіе въ сущности совершенно отмѣняетъ всѣ эти ссылки на сохраненныя въ силѣ статьи мѣстнаго свода; оно отмѣняетъ, иначе говоря, дѣйствіе ст. 1813 устава, ибо ст. 250 выражена весьма категорично и содержитъ въ себѣ прецептивное постановленіе и не будь ст. 1813, она отмѣняла бы, конечно, дѣйствіе прежнихъ постановленій. Но смыслъ ст. 1813 именно въ томъ и заключается, что нѣкоторыя прежнія постановленія должны и впредь сохранять свою силу. Здѣсь, какъ видно, и прямая ссылка не помогла. Въ данномъ дѣлѣ Сенатъ сталъ на совершенно формальную точку зрѣнія. Кассаціонная просьба была принесена не по спорному дѣлу, а по крѣпостному, она содержала ходатайство объ отмѣнѣ отказа въ укрѣпленіи раздѣльнаго акта, а „жалобы объ отмѣнѣ“ такого рѣшенія, постановленнаго не по спорному дѣлу, имѣютъ только чисто внѣшнее сходство съ кассаціонными жалобами по тяжебнымъ дѣламъ. Къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ вида, что представленіе акта къ укрѣпленію въ крѣпостное отдѣленіе, и вся дальнѣйшая процедура вовсе не является „тяжбой“, которую, по смыслу ст. 4384, даже универсальный уполномоченный можетъ вести только въ крайнихъ случаяхъ, если у него нѣтъ положительной на это довѣренности; слѣдовательно, совершая такое дѣйствіе, повѣренный, по мѣстнымъ законамъ, не вышелъ за предѣлы своего полномочія. На *это* обстоятельство Сенату слѣдовало обратить вниманіе и взвѣсить ихъ, а этого не было сдѣлано. Сомнѣваемся, чтобы охрана буквальнаго смысла закона являлась единственною и высшею задачею суда, а въ данномъ случаѣ нельзя даже сказать, что именно этотъ „буквальный“ смыслъ закона былъ вѣрно понятъ.

Можно привести и другіе примѣры такого именно формальнаго толкованія статей. Такъ, палата признала въ одномъ рѣшеніи, что однимъ фактомъ выхода замужъ, дочь изъ подъ опеки до совершеннолѣтія не выходитъ, ибо хотя съ ея замужествомъ и прекращается родительская власть, но съ другой стороны „согласно ст. 11 мужъ ея становится ея опекуномъ“ (см. выписку на стр. 33, повторенную на стр. 265). Въ данномъ рѣшеніи это положеніе можетъ

означать только то, что съ выходомъ несовершеннолѣтней дочери замужъ, неполнота ея дѣеспособности не уничтожается; ея мужъ дѣлается ея опекуномъ, такимъ же опекуномъ, какъ и тотъ, который надзираетъ за несовершеннолѣтнею. Т. е., по мнѣнію палаты, надъ несовершеннолѣтней женой мужъ имѣетъ такія же права, какъ и всякій другой опекунъ надъ несовершеннолѣтней дѣвицей; вслѣдствіе выхода дочери замужъ измѣнился только носитель опекунской власти. Изъ этого *общаго* положенія палата исходила при рѣшеніи дѣла. И въ самомъ дѣлѣ, ст. 11 говоритъ, что „вслѣдствіе брака мужъ дѣлается опекуномъ (совѣтникомъ или ассистентомъ) жены". Въ этой статьѣ дѣйствительно употребленъ терминъ „опекунъ", и эта терминологія, очевидно, имѣла въ глазахъ палаты рѣшающее значеніе. Но на одномъ этомъ совпаденіи названій— „*опекунъ* надъ женой", „*опекунъ* надъ совершеннолѣтней" нельзя останавливаться. Различія между правами этихъ лицъ должны быть извѣстны суду, и потому слѣдовало осторожнѣе и полнѣе мотивировать такое общее положеніе. Слѣдовало отъ статьи перейти къ институту и сравнить оба института, опеки надъ женой и опеки надъ несовершеннолѣтней, и если бы это сравненіе было сдѣлано, то оказалось бы, что между ними существуютъ очень важныя различія, и что нельзя ихъ отождествлять. Оказалось бы, что въ ст. 11 недаромъ вставлены въ скобкахъ дополнительныя слова „совѣтникъ или ассистентъ". Оказалось бы, что въ конкретномъ случаѣ мужъ можетъ вовсе не обладать никакими правами изъ ст. 11 на имущества своей жены, даже несовершеннолѣтней—если такъ постановлено въ брачныхъ договорахъ; что не на все имущество жены у него могутъ быть одинаковыя права; что эти права различны въ разныхъ территоріяхъ (ст. 32); что при столкновеніи его интересовъ съ интересами жены, послѣдняя можетъ избрать „себѣ особаго совѣтника" (ст. 30); что мужъ не даетъ отчета въ управленіи женинымъ имуществомъ (ст. 49). При опекѣ надъ несовершеннолѣтними дѣло обстоитъ совершенно иначе, стоитъ только сравнить соотвѣтствующія постановленія (напр. ст. 353, 360, 365 и слѣдующія). Эти различія объясняются очень просто. Хотя оба института первоначально и имѣли одно и то же назначеніе, „опека" надъ женой являлась только однимъ изъ видовъ опеки надъ женщинами вообще, хотя оба института существовали для огражденія интересовъ такихъ лицъ, которыя, въ представленіи законодателя, сами не въ силахъ этого сдѣлать, вся же основная подкладка ихъ нѣсколько различна. Необходимость опеки надъ несовершеннолѣтними

вызывается исключительно реальными—физическими—условіями, которыхъ нѣтъ для опеки надъ женщинами. Поэтому, этотъ послѣдній институтъ и исчезъ изъ современныхъ кодексовъ (ст. 512 балтійскаго свода), и сохранилась только „опека" мужа надъ женой—институтъ исключительно брачнаго права, въ которомъ выражается намѣреніе закона юридически фиксировать главенство мужа въ семьѣ. По тѣмъ же соображеніямъ измѣнялся и объемъ правъ опекуновъ. Интенсивность ограниченій правъ опекаемаго несовершеннолѣтняго съ теченіемъ времени скорѣе возрастаетъ, а права „опекуна—мужа" только уменьшаются. И въ настоящее время оба эти института чужды другъ другу и выражаютъ собой совершенно различныя правовыя идеи. Если бы такое сравненіе этихъ институтовъ было произведено—то ст. 11 не фигурировала бы въ разсужденіяхъ палаты. И отъ этого они только выиграли бы. Если упускать изъ вида, что по ст. 11 всякая жена, совершеннолѣтняя и несовершеннолѣтняя, безразлично, находится подъ „опекой" мужа, и *эту* опеку по ст. 11 отождествлять съ опекой надъ несовершеннолѣтними, то придется признать замужнюю женщину несовершеннолѣтнею во все время существованія брака. Если „буква" закона предполагаетъ существованіе опекуна только при несовершеннолѣтнемъ (ст. 268), то и обратно, существованіе „опекуна" свидѣтельствуетъ о несовершеннолѣтіи того лица, къ которому онъ приставленъ—въ данномъ случаѣ къ совершеннолѣтней или несовершеннолѣтней женѣ. Противъ такого разсужденія нельзя было бы спорить, а выводы изъ него получаются странные.

Но эту „опеку", столь категорично признанную въ одномъ рѣшеніи, и сама палата не принимаетъ въ серьезъ въ другомъ случаѣ, когда именно не мѣшало бы вспомнить о ст. 11. Именно, было признано неправильнымъ соображеніе сиротскаго суда о томъ, что по существующему праву мужъ на первомъ мѣстѣ имѣетъ право быть назначеннымъ попечителемъ надъ личностью и имуществомъ умалишенной жены; при такомъ назначеніи, по мнѣнію палаты, должно прежде всего обращать вниманіе на ближайшихъ родственниковъ отдаваемаго подъ попечительство, устраняя ихъ только по законнымъ причинамъ, ст. 493 (см. сборникъ, стр. 47). Но если придерживаться прецедента, разобраннаго выше, то можно спросить: зачѣмъ же вообще назначать къ умалишенной женѣ новаго „попечителя", когда у ней уже есть „опекунъ" по ст. 11? И неужели должно понимать правило ст. 493, гдѣ говорится о ближайшихъ родственникахъ умалишеннаго, какъ о ближайшихъ канди-

датахъ на попечительство, именно въ буквальномъ смыслѣ и устранять мужа, ибо онъ не родственникъ?

И обратно, если эти только что приведенныя разсужденія палаты правильны, то какъ можно признавать мужа, не родственника—опекуномъ надъ несовершеннолѣтней женой, ибо въ ст. 300 сказано, что и эта опека принадлежитъ ближайшимъ родственникамъ, а въ 306 ст. подтверждено, „что никто не можетъ присваивать себѣ опекунскихъ правъ надъ несовершеннолѣтними, пока назначеніе его не будетъ утверждено надлежащею властью"? Если обращать вниманіе только на отдѣльныя слова статей, то эти сомнѣнія непреодолимы; сводъ долженъ представляться однимъ сплошнымъ противорѣчіемъ.

Но если нельзя въ сопоставленіи „статей" руководствоваться только внѣшнимъ сходствомъ въ терминологіи, не восходя къ сущности описываемыхъ въ статьяхъ институтовъ, то, обратно, не слѣдуетъ останавливаться исключительно на одной какой-нибудь статьѣ и извлекать изъ нея желательный отвѣтъ на такіе вопросы, которыхъ она разрѣшить не можетъ. Если подгонять весь казусъ подъ одно опредѣленное постановленіе, забывая про другія, то придется во многихъ случаяхъ игнорировать многіе пункты существа дѣла, не останавливаться надъ такими фактическими обстоятельствами, на которыя слѣдовало бы обратить вниманіе. Примѣръ этого мы имѣемъ въ одномъ сенатскомъ указѣ, приведенномъ на стр. 245 сборника г. Буковскаго. Въ ст. 3440 сказано, что „всякій вредъ, послѣдовавшій не случайно, долженъ быть вознагражденъ", а въ ст. 3439 это положеніе развито подробнѣе: „если случайное препятствіе помѣшаетъ кому либо исполнить принятое имъ на себя обязательство, то онъ признается какъ бы исполнившимъ его".

Вотъ на этихъ статьяхъ, и только на нихъ, остановился Сенатъ при разрѣшеніи вопроса, отвѣчаетъ ли повѣренный по дѣлу за неудачный по своимъ послѣдствіямъ совѣтъ своему кліенту, и пришелъ къ слѣдующему выводу: „Подача такого совѣта не можетъ, сама по себѣ взятая, служить основаніемъ для взысканія съ него убытковъ....... такъ какъ подобное дѣйствіе (т. е. подача совѣта) не заключаетъ въ себѣ ни допущенія (вѣроятно слѣдуетъ читать: упущенія), ни нарушенія повѣреннымъ своихъ обязанностей, а лишь результатъ тѣхъ или другихъ заключеній его, которыя могутъ быть или ошибочными, или хотя бы и вѣрными, но по какимъ либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ не оправдавшими ожиданій, вслѣдствіе чего оно и должно быть по разуму

закона подведено подъ дѣйствіе постановленій ст. 3439 и 3440 о томъ, что вредъ, послѣдовавшій случайно, не долженъ быть вознагражденъ". Иными словами—Сенатъ исходитъ изъ того, что единственная обязанность повѣреннаго состоитъ въ „подачѣ" совѣта, а каковы послѣдствія этого совѣта —безразлично. Если совѣтъ оказался удачнымъ—тѣмъ лучше, если же онъ неудаченъ, тѣмъ хуже для кліента, во всякомъ случаѣ за вредъ повѣренный не отвѣчаетъ, ибо онъ случайный. А такъ какъ остановился Сенатъ только на этихъ двухъ статьяхъ, трактующихъ о вредѣ „случайномъ", то остается впечатлѣніе, что „случайность" разсматривается какъ какое то объективное свойство „вреда", которое можно установить или отвергнуть, разсматривая этотъ „вредъ", самъ по себѣ взятый. Намъ кажется, что слѣдовало начать съ другого вопроса. Обязанности повѣреннаго по дѣлу вовсе не исчерпываются только „подачей" совѣта. На немъ лежитъ еще цѣлый рядъ другихъ обязанностей, очень подробно перечисленныхъ въ ст. 4375 и слѣдующихъ. Въ ст.4375 говорится, что „уполномоченный обязанъ при исполненіи даннаго ему порученія дѣйствовать со всевозможнымъ тщаніемъ и отвѣтствуетъ уполномоченному даже за малѣйшее упущеніе". Слѣдовательно, важна не только подача совѣта, какъ голый фактъ, но и ближайшая квалификація этого дѣйствія, важно дѣйствовалъ ли повѣренный въ своихъ заключеніяхъ кульпозно или съ умысломъ, или нѣтъ, и что было причиной неудачи? Терминъ „неудачный" опредѣляетъ только конечный результатъ совѣта, а не внутреннюю квалификацію его, въ смыслѣ виновности или невиновности совѣтника; однако вѣдь только этотъ вопросъ и имѣетъ значеніе. Если заключенія повѣреннаго были ошибочны — возможность чего предполагаетъ Сенатъ — то вовсе не безразлично, какого характера была эта ошибка. На этихъ вопросахъ Сенатъ не остановился вовсе, потому что перешелъ прямо къ статьямъ о вредѣ, а правоотношеніе между сторонами игнорировалъ.

„Статья" побѣдила „институтъ".

Отдѣльныя статьи и слова, въ этихъ статьяхъ употребленныя, не всегда можно разсматривать какъ послѣдніе и окончательные источники для разрѣшенія всякихъ недоумѣній, хотя бы на первый взглядъ такія слова и представлялись совершенно ясными. Эта кажущаяся ясность не избавляетъ судъ отъ необходимости входить въ провѣрку конкретнаго значенія того, что представляется яснымъ и кажется терминомъ съ вполнѣ опредѣленнымъ значе-

ніемъ. Въ V главѣ IX раздѣла III книги свода говорится „о лишеніи наслѣдства лицъ оказавшихся того недостойными“, т. е. въ ней излагается римское ученіе объ indignitas. Такимъ недостойнымъ признается между прочимъ и тотъ „кто проиграетъ начатую имъ противъ завѣщанія тяжбу“, въ каковомъ случаѣ онъ теряетъ все, что было ему назначено въ оспоренномъ распоряженіи“ (ст. 2849). Сенатъ призналъ, что „возбужденіе уголовнаго обвиненія въ подлогѣ завѣщанія не можетъ быть подведено подъ дѣйствіе ст. 2849“, „такъ какъ это законъ спеціальный и не терпитъ распространительнаго толкованія; въ немъ говорится о случаѣ начатія наслѣдникомъ тяжбы противъ завѣщанія, подъ словомъ же тяжбы разумѣется искъ, заявленный въ судѣ гражданскомъ“ (сборникъ, стр. 207). Съ формальной стороны такое разсужденіе представляется какъ будто правильнымъ: дѣйствительно, въ терминологіи нашего законодательства слово „тяжба“ имѣетъ именно такое значеніе. Но убѣдительность эта чисто формальная. Балтійскій сводъ не есть часть „Свода Законовъ“ и ученіе объ indignitas, чисто римское ученіе—нельзя сопоставлять и объяснять терминами, сложившимися въ совершенно иной—русской—юридической жизни. Словомъ „тяжба“ переведено нѣмецкое „Prozess“, а подъ слово „процессъ“ можно безъ всякихъ натяжекъ подводить и уголовное обвиненіе. И если бы стояло въ русскомъ текстѣ не „тяжба“, а „процессъ“, то и Сенатъ не могъ бы постановить такого рѣшенія. Вотъ это сличеніе русскаго текста закона съ нѣмецкимъ уже само по себѣ должно было бы указать на то, что нельзя приступать къ толкованію ст. 2849 съ готовымъ представленіемъ о значеніи слова „тяжба“, кромѣ того оно должно было бы указать, что слѣдуетъ обратиться къ другимъ средствамъ толкованія—къ источникамъ статьи. Значеніе римской indignitas не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній [1]); недостойнымъ дѣлается данное лицо между прочимъ и потому, что оно выражаетъ явное—и притомъ неосновательное—неуваженіе къ волѣ завѣщателя, оскорбляетъ его волю изъ корыстныхъ цѣлей, расчитывая получить по закону больше, чѣмъ по завѣщанію. А между тѣмъ оспариваніе завѣщанія можетъ иногда повлечь его уничтоженіе въ цѣломъ составѣ (ст. 2789). Вотъ этотъ моментъ—неуваженіе къ воли завѣщателя и составляетъ сущность института недостойности, а не

---

[1]) См., l. 7, 15, 22 Dig. 34, 9. Windscheid, т. III стр. 671 Dernburg Pandekten III, § 60.

тотъ процессуальный порядокъ, въ которомъ такое неуваженіе сказывается; indignitas—понятіе матеріально-правовое и имѣетъ матеріальное содержаніе. Въ римскихъ источникахъ о различіи въ процессуальномъ порядкѣ оспариванія ничего не говорится, нѣтъ указаній на него и въ статьѣ свода, если не считать слова „тяжба". Сенатъ исходитъ изъ, того что ст. 2849 содержитъ законъ спеціальный и что поэтому надо толковать его особенно буквально. Но чѣмъ же доказано, что этотъ законъ есть именно „спеціальный"? По нашему мнѣнію, ст. 2849 такой же законъ, какъ и всякій другой, и нѣтъ вообще никакихъ основаній отступать отъ общихъ правилъ толкованія; о „спеціальности" этого постановленія нигдѣ ничего не сказано. Безспорно, многіе отдѣльные случаи „недостойности" теперь не удовлетворяютъ нашему правосознанію и влекутъ практическія неудобства за собой. Но изъ этого еще не вытекаетъ ни „спеціальность" закона, ни связанная съ нею почему то придирчивость толкованія. Въ свое время, давно уже, Сенатъ разъяснилъ въ одномъ рѣшеніи (не по балтійскому дѣлу, № 396, 1871 г.), что нельзя отступать отъ буквы закона вслѣдствіе практическихъ его неудобствъ. И если бы даже и признать, что ст. 2849—законъ спеціальный, то все же по этому одному нельзя принимать слово „тяжба" только въ томъ значеніи, которое наиболѣе узко. Вопросъ о томъ, употреблено ли данное слово въ техническомъ значеніи, строго въ качествѣ термина, есть опять таки вопросъ толкованія. При изслѣдованіи такого вопроса особенно осторожно должно обходиться съ терминами процессуальными. Представимъ себѣ, что подъ вліяніемъ какихъ либо законодательныхъ преобразованій въ судопроизводственныхъ уставахъ, или иначе какъ нибудь, слово „тяжба" получило бы болѣе широкое значеніе—неужели тогда и Сенату пришлось бы измѣнить свое толкованіе ст. 2849? Измѣнился бы смыслъ этой статьи отъ того, что употребленное въ ней слово пріобрѣло терминологическое значеніе въ какомъ либо совершенно постороннемъ для свода памятникѣ? Такое несоотвѣтствіе между терминологіей балтійскаго свода и другихъ законодательныхъ памятниковъ очень возможно. Такъ напр. въ балтійскомъ сводѣ словомъ „отводъ" переведено нѣмецкое Einrede (exceptio): см., напр., ст. 3213 („отводъ о неисполненіи договора", ст. 3125, 3480 и другія). Во всѣхъ этихъ статьяхъ говорится о возраженіяхъ матеріально-правовыхъ, сущность которыхъ заключается въ томъ, что отвѣтчикъ, не отрицая фактовъ, приводимыхъ истцомъ, ссылается на обстоятельства, парализующія времен-

но или навсегда притязанія его. Между тѣмъ, въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, получившемъ въ балтійскомъ краѣ силу только въ 1889 году, слово „отводъ“ имѣетъ очень опредѣленное терминологическое значеніе: оно означаетъ процессуально-правовое возраженіе; отводъ есть указаніе на недостатокъ или отсутствіе предположеній процесса. Отводы опредѣляются особыми правилами въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Неужели же, въ виду послѣдовавшаго въ 1889 г. распространенія дѣйствія судебныхъ уставовъ на балтійскій край, измѣнился смыслъ тѣхъ статей свода мѣстныхъ законовъ, гдѣ говорится объ „отводѣ“? А между тѣмъ если слѣдовать той методѣ толкованія, которую избралъ Сенатъ въ критикуемомъ рѣшеніи, если обращать вниманіе только на отдѣльныя слова, не останавливаясь на общемъ значеніи данной нормы, такой выводъ неизбѣженъ. Придется разсматривать „exceptiones“ свода какъ процессуальныя возраженія и примѣнять къ нимъ всѣ процессуальныя правила объ отводѣ, о томъ, что они должны быть заявлены въ первой же отвѣтной бумагѣ и проч. [1]). Придется игнорировать всѣ различія этихъ совершенно разнородныхъ по своему существу институтовъ. Этотъ примѣръ очень ясно показываетъ, что надо быть осторожнымъ съ „терминами“.

При такомъ толкованіи закона, когда все вниманіе обращено на то чтобы найти, какія слова статьи относятся къ данному дѣлу, и когда ссылкой на эти слова разрѣшаются вопросы, тогда упускаются изъ вида гораздо болѣе юридически-существенные моменты и въ разсужденія вкрадываются такія ошибки, которыя совершенно подрываютъ авторитетъ судебныхъ дедукцій. Это весьма наглядно иллюстрируется слѣдующимъ рѣшеніемъ Сената.

Въ ст. 923 выражено старинное правило германскаго права Hand wahre Hand. „Искъ о собственности не имѣетъ мѣста, когда движимая вещь, которую ея собственникъ добровольно ввѣрилъ постороннему лицу, отдачею ему въ ссуду, на сохраненіе, въ закладъ, или инымъ образомъ, будетъ этимъ постороннимъ передана во владѣніе третьему лицу. Въ этомъ случаѣ допускается только личный искъ къ тому, которому собственникъ ввѣрилъ свою вещь, но отнюдь не къ третьему, добросовѣстному владѣльцу“. Иначе говоря, виндикація исключается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вещь вышла изъ обладанія собственника по его волѣ, и добро-

---

[1]) См. мою замѣтку въ Журналѣ Министерства Юстиціи, іюнь 1903 годъ, стр. 429.

совѣстно пріобрѣтена (въ собственность) третьимъ лицомъ отъ того лица, которое получило вещь отъ ея первоначальнаго собственника. Этими условіями исчерпывается весь фактическій составъ, необходимый для примѣненія ст. 923.

На основаніи этой статьи Сенатъ разъяснилъ, что „прокатный договоръ, какъ устанавливающій несомнѣнно право владѣнія, долженъ считаться предусмотрѣннымъ ст. 923 *въ словахъ* „инымъ образомъ“ (сборникъ г. Буковскаго, стр. 85). И въ этомъ дѣлѣ нашлась возможность рѣшить дѣло по „буквальному“ смыслу закона! Найдена ссылка на слова закона, хотя въ данномъ случаѣ это ссылка на какое то пустое мѣсто. Слова „инымъ образомъ“ вѣдь только замѣняютъ собой перечисленіе другихъ конкретныхъ случаевъ передачи вещи, случаевъ, аналогичныхъ тѣмъ, которые приведены раньше въ качествѣ примѣровъ: эти слова только показываютъ, что перечень статьи не исчерпывающій. Истолкователь долженъ изъ этихъ примѣровъ извлечь общее правило и подъ это общее правило подвести то отношеніе, которое послужило въ данномъ казусѣ основаніемъ для передачи вещи. Пока не произведено это изысканіе, до тѣхъ поръ ссылка на выраженіе „инымъ образомъ“ столь же мало осмысленна и столь же произвольна, какъ и ссылка на любое другое выраженіе ст. 923. А если внимательно присмотрѣться къ цитированному рѣшенію, то не трудно замѣтить, что напрасно Сенатъ не остановился надъ значеніемъ общаго правила ст. 923. Отъ этого упущенія его разсужденія не выиграли въ юридической точности, несмотря на кажущуюся педантическую осторожность и придирчивость толкованія. Въ самомъ дѣлѣ, „прокатный договоръ“, какъ самостоятельный институтъ не извѣстенъ своду. Если, поэтому, судъ имѣетъ дѣло съ конкретнымъ случаемъ отдачи вещи на прокатъ, и возникаютъ по этому предмету споры, то необходимо установить квалификацію этого отношенія, примѣнительно къ фактическому составу даннаго соглашенія и ближайшимъ къ нему институтамъ, описаннымъ въ сводѣ. Такая квалификація въ данномъ казусѣ не представляетъ затрудненій, такъ какъ обыкновенно подъ отдачей на прокатъ разумѣютъ передачу движимой вещи въ пользованіе, за извѣстное вознагражденіе. Такой фактическій составъ всецѣло подходитъ подъ опредѣленіе найма—ст. 4025, и если это, по особенностямъ конкретнаго случая, и не есть наемъ въ чистомъ видѣ, то во всякомъ случаѣ отношеніе аналогичное найму. Какъ общее правило, вещь, отданная въ наемъ и вещь, отданная на прокатъ—синонимы; изъ обладанія собственника вещь,

отданная на прокатъ, вышла согласно его волѣ, и, слѣдовательно, въ случаѣ пріобрѣтенія ея въ собственность добросовѣстнымъ третьимъ лицомъ, виндикація отдавшаго вещь на прокатъ, согласно ст. 923 не можетъ имѣть мѣста. Рѣшеніе Сената въ своемъ конечномъ результатѣ—правильно. но его нельзя доказать тѣми аргументами, которые приведены въ его подтвержденіе. Лучше было бы и совсѣмъ не приводить никакихъ мотивовъ, чѣмъ указанныя краткія разсужденія, въ которыхъ такъ много ошибокъ. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса о квалификаціи прокатнаго договора, который, какъ только что показано, есть не что иное какъ наемъ, Сенатъ нашелъ, что онъ несомнѣнно устанавливаетъ право владѣнія. Но спеціальнаго постановленія объ этомъ въ сводѣ нѣтъ, объ этомъ рѣшительно нигдѣ не говорится. Между тѣмъ, такое владѣніе лица, взявшаго вещь на прокатъ само собой не предполагается, такъ какъ „владѣніе вещью есть соотвѣтственное праву собственности дѣйствительное обладаніе ею. Оно имѣетъ мѣсто, когда вещь (тѣлесная) состоитъ на самомъ дѣлѣ въ полной власти какого либо лица, и *когда притомъ это лицо изъявило волю располагать вещью на правахъ собственника*“ (ст. 625). Такого animus domini у лица, взявшаго вещь на прокатъ, очевидно, нѣтъ. А если бы было установлено, что въ данномъ случаѣ нужно руководствоваться правилами найма, если бы была произведена юридическая квалификація фактическаго состава, а не розыскъ подходящихъ словъ закона, то можно было бы найти и прямое „буквальное“ постановленіе закона, которое говоритъ прямо противоположно тому, что утверждаетъ Сенатъ. Въ ст. 4053 прямо сказано, что наниматель считается только *держателемъ* вещи, а *не* владѣльцемъ ея—и то же самое можно сказать и про взявшаго вещь въ наемъ. Въ этой неосторожной ссылкѣ на несомнѣнное право владѣнія заключается первая ошибка. Но и болѣе того. Это „несомнѣнное право владѣнія“ является основаніемъ для примѣненія ст. 923. А между тѣмъ, по смыслу цитированной статьи вовсе не требуется, чтобы вещь была передана собственникомъ во *владѣніе* другому лицу—напротивъ, достаточно, чтобы принимающій сдѣлался держателемъ вещи, чтобы вещь была въ его обладаніи. Это видно изъ примѣровъ приведенныхъ въ статьѣ—отдача на сохраненіе, въ ссуду, въ залогъ. Ни взявшій на сохраненіе, ни ссудоприниматель, не признаются владѣльцами вещи, а являются только *держателями* ея—см. ст. 3741, 3783; сомнительно и право владѣнія залогодержателя. Если же возводить владѣніе въ одно изъ условій примѣненія статьи 923,

то этимъ совершенно произвольно—и совершенно напрасно—сокращается область примѣненія этой статьи.

И въ этомъ заключается вторая и тоже очень существенная ошибка. Спрашивается, не правильнѣе ли было бы меньше обращать вниманія на „слова" закона, которыя, какъ видно изъ цитаты, въ данномъ случаѣ ничего не выражаютъ, и не лучше ли было бы тщательнѣе разобраться во внутреннемъ его значеніи, и осторожнѣе оперировать съ необходимыми для его уразумѣнія институтами.

Другой примѣръ такого же робкаго примѣненія закона, когда истолкователь старается всякое свое утвержденіе непремѣнно подвести подъ „букву" закона и не рѣшается высказывать никакого общаго юридическаго соображенія, даже настолько очевиднаго, что его ни одинъ законодатель не считаетъ нужнымъ помѣщать въ кодексъ, представляетъ рѣшеніе (гражд. кассац. департамента) № 23, 1894 г. По счастью, въ этомъ случаѣ „словесное" толкованіе не отразилось на правильности самаго рѣшенія, но зато мотивировка этого рѣшенія производитъ въ высшей степени неубѣдительное и даже странное впечатлѣніе. Сенатъ встрѣтился съ вопросомъ, по какимъ законамъ должно обсуждать право на неустойку, при коллизіи разномѣстныхъ законовъ. На этотъ вопросъ онъ отвѣтилъ совершенно правильно, примѣнивъ къ неустойкѣ тѣ законы, которымъ подлежитъ „главный договоръ". Въ видѣ мотива указано въ рѣшеніи, „что вопросъ о правѣ на нейстойку зависитъ отъ разрѣшенія вопроса о томъ, послѣдовало ли закономѣрное и согласное съ условіями контракта исполненіе главнаго обязательства, каковой вопросъ подлежитъ обсужденію по законамъ того судебнаго округа, въ которомъ вытекающее изъ сдѣлокъ обязательство должно быть исполнено" (сборникъ, стр. 2). Примѣнимость же тѣхъ или другихъ законовъ къ данному обязательству опредѣляется ст. XXXV введенія къ III ч. свода мѣстн. узакон., этими законами опредѣляется также вопросъ о дѣйствительности сдѣлки въ „отношеніи къ самому содержанію оной и къ ея *послѣдствіямъ*" (ст. XXXV). „Вотъ за это слово „послѣдствіе" и ухватился Сенатъ: „право на неустойку сказано въ рѣшеніи, подобно тому какъ и право на взысканіе убытковъ въ случаѣ неисполненія договора должно быть признано однимъ изъ *послѣдствій* сдѣлки". Однако, съ такимъ разсужденіемъ едва ли кто нибудь согласится. Неустойку нельзя ни въ какомъ случаѣ разсматривать какъ одно изъ „послѣдствій" договора, или же должно совершенно измѣнить значеніе слова послѣдствіе, придать ему такой смыслъ, котораго оно въ русскомъ языкѣ нигдѣ не

имѣло никогда. „Главный договоръ", какъ таковой, не является юридической причиной неустойки. Если бы это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то неисполненіе всякаго договора влекло бы за собой право на неустойку, хотя бы о ней и рѣчи не было между контрагентами. Возмѣщеніе убытковъ въ случаѣ неисполненія договора,— это совершенно другое дѣло; такое возмѣщеніе есть дѣйствительное „послѣдствіе", какъ и самое „исполненіе"; объ этомъ даже прямо сказано въ законѣ (ст. 3212, 3450), да это и само по себѣ очевидно. Требованіе неустойки, напротивъ, есть самостоятельное требованіе, возникающее изъ особаго соглашенія сторонъ (ст. 3369); она не всегда замѣняетъ собой возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ неисполненіемъ договора, а можетъ быть потребована и на ряду съ ними, если такъ условились стороны (ст. 3374, п. 1).

И уже конечно—объ этомъ въ сущности и говорить не стоитъ— главное обязательство можетъ существовать безъ особыхъ соглашеній о неустойкѣ; это „послѣдствіе" можетъ отсутствовать и очень часто такъ это и бываетъ. Такъ что говорить о неустойкѣ, какъ о „послѣдствіи" главнаго договора прямо таки невозможно; такая мотивировка была бы способна только дискредитировать то положеніе, которое она должна оправдать, если бы оно не было такъ очевидно само по себѣ. Дѣло въ томъ, что право на неустойку есть право побочное, во всемъ связанное съ главнымъ; оно вполнѣ раздѣляетъ его судьбу. Слѣдовательно, если главное требованіе обсуждается по законамъ такого то мѣста, то имъ подлежитъ и неустойка—accessorium sequitur principale [1]).—Такого аргумента совершенно достаточно для подкрѣпленія разсужденія Сената, но такъ какъ эта очевидная истина не помѣщена въ статьяхъ кодекса, то Сенатъ и не сослался на нее.

* *
*

При такомъ взглядѣ на сводъ какъ на сумму статей, и на отдѣльную статью, какъ на окончательный источникъ, долженствующій разрѣшить всѣ сомнѣнія и вопросы, естественно теряется различіе между нормами прецептивными и диспозитивными, на что справедливо указываетъ проф. Энгельманнъ. Если упускать изъ вида общее строеніе института, его смыслъ, содержаніе, основной

[1]) Едва ли для доказательства этого необходимы ссылки на ученые авторитеты; укажемъ хотя бы на Regelsberger, Pandekten, стр. 174. Акцессорный характеръ неустойки очень ясно выраженъ въ сводѣ, см. напр. 3378.

скелетъ, то нельзя установить характеръ даннаго постановленія; нельзя усмотрѣть содержитъ ли оно категорическое, неотмѣняемое никакими соглашеніями предписаніе права, или же только дополнительное, вступающее въ силу лишь при отсутствіи такого соглашенія. Изъ текста статьи это далеко не всегда видно; при разрѣшеніи вопроса о характерѣ нормы иногда необходимо возойти выше, къ институту, сопоставить данную норму съ цѣлымъ рядомъ другихъ и вывести общее заключеніе. Обыкновенно каждая статья звучитъ, какъ приказъ или запретъ, и если не дѣлать такого сопоставленія, то является склонность въ большинствѣ статей свода видѣть нормы прецептивнаго права. Изъ „буквальнаго" смысла закона тогда легко вывести запретъ для частныхъ сдѣлокъ и соглашеній или признать за одной изъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ такія правомочія, которыя вовсе не имѣлись въ виду при заключеніи самой сдѣлки, или, можетъ быть, были молчаливо отмѣнены. Въ результатѣ и оказывается, что все спеціально не разрѣшенное—запрещено; статьи свода представляются какими то путами и опасными капканами для заинтересованныхъ лицъ, полными непріятныхъ неожиданностей, не понятныхъ для правового чувства. А на вопросъ во имя чего-же существуютъ всѣ эти стѣсненія, имѣется только одинъ отвѣтъ, что такъ де должно быть по буквальному смыслу статьи такой то. Въ отношеніяхъ основанныхъ на договорѣ открывается широкое поле для своекорыстнаго крючкотворства сторонъ и для колебанія прочности соглашеній, если это выгодно для одного изъ субъектовъ правоотношенія, вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ. И такое крючкотворство встрѣчаетъ въ судахъ не отпоръ, а пассивное отношеніе, если за нимъ стоитъ призракъ буквы закона.

Такого ограничительнаго толкованія закона особенно охотно придерживаются низшія инстанціи. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ многочисленныя разъясненія палатъ и сената, по такимъ предметамъ, гдѣ казалось бы сомнѣнія и возникнуть не могло. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна практика по дѣламъ крѣпостныхъ учрежденій. Имъ пришлось встрѣтиться съ новой и дѣйствительно не легкой задачей; нормы, надъ которыми они оперируютъ, содержатъ преимущественно описаніе формальной, внѣшней стороны сдѣлокъ и въ этомъ отношеніи требуютъ большаго вниманія и осторожности, такъ какъ отъ этой внѣшней стороны зависитъ очень многое. Къ тому же нежеланіе подвергаться имущественной отвѣтственности по ст. 3011 побуждаетъ служащихъ въ

крѣпостныхъ отдѣленiяхъ особенно придирчиво относиться къ представляемымъ на утвержденiе актамъ, и придерживаться буквы закона. При этомъ, разумѣется, приносятся въ жертву удобства и даже интересы частныхъ лицъ. Правильную мѣру строгости толкованiя провести не легко, но объ этомъ кажется нѣтъ особенной заботы. Достаточно малѣйшаго сомнѣнiя, иногда совершенно напраснаго—и „отказъ" въ укрѣпленiи обезпеченъ. Этому можно привести много примѣровъ, которые убѣдительнѣе говорятъ, чѣмъ всякiя разсужденiя.

Такъ, въ 325 ст. нотарiальнаго положенiя сказано, что въ текстѣ записи о закладной указывается размѣръ условленнхъ процентовъ и неустойки; вслѣдствiе этого крѣпостное отдѣленiе отказало въ укрѣпленiи залоговаго обязательства, выданнаго лифляндскому дворянскому земельному кредитному обществу, въ которомъ не былъ указанъ размѣръ процентовъ, не смотря на то, что матерiальное право вовсе не требуетъ непремѣннаго указанiя ихъ. Но и больше того: въ уставѣ кредитнаго общества, *специальномъ законѣ*, содержится прямое указанiе о размѣрѣ взимаемыхъ процентовъ. Если разсуждать такъ, то слѣдуетъ отказывать и въ укрѣпленiи закладныхъ, не обезпеченныхъ неустойкой, ибо по „буквѣ" ст. 325 проценты и неустойка поставлены на одну доску. И какъ же поступать, если закладная безпроцентная? Разумѣется такое рѣшенiе кассировано гражданскимъ кассацiоннымъ департаментомъ, но сколько же времени прошло, пока по такому простому дѣлу послѣдовало правильное разъясненiе (см. сборникъ г. Буковскаго, стр. 146).

Въ законѣ сказано (ст. 817 и 818), что юридическiй актъ прiобрѣтенiя собственности, заключенный подъ отсрочивающимъ условiемъ, вносится въ крѣпостныя книги только по исполненiи условiя. Это постановленiе касается только права собственности и смыслъ его простъ и понятенъ. Однако изъ него крѣпостное отдѣленiе и съѣздъ сдѣлали еще и другой выводъ—на основанiи его послѣдовалъ отказъ въ укрѣпленiи закладной, заключенной подъ условiемъ, и для возстановленiя правильнаго смысла закона пришлось и это дѣло довести до кассацiоннаго департамента (тамъ же, стр. 75).

Поражаетъ обилiе рѣшенiй Сената (и палаты), въ которыхъ разъясняется основной вопросъ всей системы поземельной регистрацiи. Много, слишкомъ много разъ приходится разъяснять, что окончательное прiобрѣтенiе права наступаетъ только въ моментъ внесенiя акта въ крѣпостныя книги, а до этихъ поръ у прiобрѣ-

тателя имѣется только личное право. Казалось бы этотъ вопросъ не долженъ бы былъ возбуждать сомнѣнія у низшихъ инстанцій (см. выдержки на стр. 215, 217, 265), которыя и очень часто совершенно неосновательны. А между тѣмъ именно въ этихъ вопросахъ крѣпостнаго права дѣятельность дореформенныхъ судебныхъ мѣстъ могла бы дать очень полезныя и цѣнныя указанія, такъ какъ матеріальная сторона поземельной регистраціи осталась безъ измѣненія, и по многимъ вопросамъ уже въ старину сложилась постоянная практика.

Вообще, юридическое значеніе крѣпостныхъ книгъ какъ то неясно сознается тѣми лицами, которыя должны были бы имѣть вѣрное представленіе о немъ. Въ этомъ отношеніи очень характерно одно рѣшеніе мироваго съѣзда, отмѣненное Сенатомъ. При чтеніи его не слѣдуетъ упускать изъ вида, что почти всегда начальникомъ крѣпостнаго отдѣленія является предсѣдатель съѣзда, и въ съѣздъ подаются жалобы на дѣйствія начальника; слѣдовательно, должно предполагать, что съѣзду въ точности извѣстно, въ какихъ случаяхъ необходимо обращаться къ крѣпостнымъ книгамъ и каково ихъ назначеніе. А между тѣмъ на стр. 355 приведена слѣдующая выдержка изъ сенатской резолюціи: „такъ какъ по силѣ 1807 ст. устава гражд. суропр. по дѣламъ о пользованіи сервитутами мировыя судебныя установленія не входятъ въ разсмотрѣніе документовъ, удостовѣряющихъ право на сервитутъ, но лишь возстановляютъ нарушенное пользованіе, то *отказъ мироваго съѣзда въ искѣ, мотивированный исключительно незанесеніемъ въ крѣпостныя книги права на пользованіе сервитутомъ, является неправильнымъ*". Непонятно, какъ съѣздъ не замѣтилъ ст. 1807, еще непонятнѣе, какъ онъ пришелъ къ требованію „занесенія владѣнія въ крѣпостныя книги"; въ этомъ дѣлѣ ни одинъ изъ относящихся къ вопросу институтовъ права не былъ вѣрно понятъ [1]).

[1]) Укажемъ еще рѣшенія, которыя насъ поразили въ томъ отношеніи, что вопросы, восшедшіе на разсмотрѣніе слѣдующихъ инстанцій, представляются намъ настолько элементарными, что, слѣдовало бы ожидать, они должны были бы получить окончательное разрѣшеніе уже въ первой инстанціи и не должны нуждаться въ разъясненіяхъ, въ которыхъ приходится излагать азбучныя истины. Но эти примѣры не являются безспорными доказательствами, такъ какъ изъ краткихъ выдержекъ не видно, съ кѣмъ полемизируетъ Сенатъ и палата—съ судебнымъ ли мѣстомъ или съ доводами жалобщиковъ, такъ что можетъ быть не судебныя мѣста повинны въ юридическихъ промахахъ.

Именно, въ законѣ точно и ясно перечислены тѣ моменты изъ жизни за-

Вообще, чтобы ознакомиться съ характеромъ тѣхъ аргументовъ, которыми крѣпостныя отдѣленія поддерживаютъ свои отказы въ укрѣпленіи, достаточно посмотрѣть любое кассаціонное рѣшеніе, въ которомъ отмѣняется такое рѣшеніе; всѣ эти аргументы дышатъ необыкновеннымъ формализмомъ. Стоитъ указать хотя бы на рѣшеніе № 70, 1893 г, гдѣ съ величайшими натяжками собраны самыя разнообразныя и неудачныя соображенія, говорящія въ пользу „отказа".

Но не только постановленія изъ области ипотечной регистраціи и вещнаго права подвергались такому строгому толкованію. Напротивъ, очень часто изъ другихъ нормъ свода выводились ограниченія права лицъ, безъ всякихъ основаній для того, и создавались совершенно излишнія затрудненія для заинтересованныхъ

кладнаго права, которые должны быть отмѣчаемы въ крѣпостныхъ книгахъ—такое внесеніе необходимо при установленіи, погашеніи и обновленіи закладнаго права. О передачѣ его законъ при этомъ ничего не говоритъ. Этотъ пропускъ имѣетъ свои основанія, такъ какъ самостоятельная ипотека неизвѣстна балтійскому праву, закладное право есть всегда побочное право, переходящее къ новому обладателю только при переходѣ того права, которое обезпечено ипотекой. Для передачи обязательственнаго права существуютъ свои порядки, и законченная передача ихъ переноситъ на новаго пріобрѣтателя всѣ побочныя права, въ томъ числѣ и залоговыя (ср. ст. 1339, 3476). Слѣдовательно и при передачѣ долговаго требованія по бланковой надписи съ нимъ вмѣстѣ переходитъ и закладное право и никакихъ укрѣпленій такого перехода не требуется. Между тѣмъ вопросъ о необходимости такого укрѣпленія возбуждался въ низшихъ инстанціяхъ. Въ балтійскомъ краѣ очень распространены облигаціи на частныя имѣнія, обращающіяся по бланковымъ надписямъ, и можно себѣ представить, какія неудобства вызвало бы требованіе внесенія въ крѣпостныя книги каждаго перехода. Къ счастью, въ сборникѣ г. Буковскаго опубликованъ сенатскій указъ, содержащій правильное разъясненіе (стр. 147, 251).

Нигдѣ въ законѣ не сказано, что для укрѣпленія вещнаго права на недвижимость необходимо представить ея планъ. Объ этомъ нѣтъ ни слова ни въ сводѣ, ни въ нотаріальномъ положеніи—и эти истины пришлось палатѣ разъяснять (стр. 213).

Очень слабые мотивы отказовъ въ ходатайствѣ объ укрѣпленіи приведены въ рѣшеніи № 94, 1892 г.—съѣздъ сослался на 2 параграфа устава курляндскаго кредитнаго общества, которые, какъ призналъ сенатъ, не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ дѣлу. Въ рѣшеніи № 98 того же (1892) года, съѣздъ ссылается на 6 статей положенія о нотаріальной части и на 6 параграфовъ устава лифляндскаго общества,—и всѣ эти статьи, какъ доказываютъ разсужденія сената, поняты невѣрно. Элементарнѣйшія истины пришлось сенату излагать въ рѣшеніи № 63, 1893 г., въ опроверженіе разсужденія оспореннаго рѣшенія.

лицъ. Изъ того, что законъ устраняетъ расточителей отъ управленія ихъ имуществомъ былъ сдѣланъ выводъ, что они не могутъ принимать участія въ дѣлахъ объ объявленіи ихъ несостоятельными (см. стр. 50—вѣрное разъясненіе преподано палатой). Лицо, объявленное умалишеннымъ, подало прошеніе объ освобожденіи его отъ попечительства, по случаю выздоровленія; судъ игнорировалъ это прошеніе и не призналъ за нимъ права защищать свои интересы черезъ присяжнаго повѣреннаго. А между тѣмъ по ст. 505 судебное мѣсто должно назначить изслѣдованіе о выздоровленіи умалишеннаго, „когда получитъ о томъ свѣдѣніе". При такомъ толкованіи, какого придерживается судъ, ограниченія дѣеспособности умалишеннаго распространяются до необычныхъ предѣловъ, и такое лицо лишается всякой возможности защищать свои интересы (см. стр. 49).

Въ ст. 2907, содержащей общее опредѣленіе права требованія, сказано, что это „такое право, въ силу котораго одно лицо—должникъ—обязывается въ пользу другого—кредитора—къ извѣстному дѣйствію, имѣющему матеріальную цѣнность". По поводу этой статьи Сенату пришлось разъяснять, „что нѣтъ никакого основанія суду, при каждомъ поступленіи къ нему требованія объ исполненіи договора, входить въ разсмотрѣніе того, дѣйствительно ли лицо, требующее такого исполненія, заинтересовано въ предметѣ требованія" (стр. 280). Едва ли редакторамъ этой безобидной и совершенно ненужной статьи приходило въ голову, что такой вопросъ можетъ вообще возникнуть. Много писано въ литературѣ о реквизитѣ „интереса" для дѣйствительности обязательства, о нематеріальномъ интересѣ, но и о такомъ onus probandi нигдѣ и никогда не было рѣчи.

Судя по словамъ выдержки изъ рѣшенія Сената полагаемъ, что по адресу мотивовъ рѣшенія низшей инстанціи пришлось сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: „изъ смысла ст. 4029, 4084 и 4116 слѣдуетъ, что право арендодателя требовать возвращенія предмета аренды *не зависитъ отъ доказанности* того, что арендодатель вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ и собственникомъ арендного предмета". Возложеніе такого доказыванія на истца представляется совершенно непонятнымъ, ибо въ ст. 4029 прямо сказано, въ самомъ же ея началѣ, что „не требуется, чтобы отдающій вещь въ аренду или въ наемъ былъ непремѣнно ея собственникомъ"; о такомъ предметѣ доказыванія, повидимому, и рѣчи быть не должно [1]).

[1]) Полное непониманіе института dominium utile, даже и не самаго инсти-

А, съ другой стороны, иной разъ категорическія, чисто позитивныя предписанія закона признаются недостаточными для подкрѣпленія рѣшенія. Въ этомъ отношеніи очень характерно одно рѣшеніе палаты по вопросу о давностномъ пріобрѣтеніи правъ. Палата высказала совершенно правильное мнѣніе, что путемъ давности право оброчнаго содержанія пріобрѣтаемо быть не можетъ (стр. 122). Это положеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ смыслу ст. 1309 (въ связи съ ст. 1320), гдѣ прямо сказано, что „никакая поземельная повинность (слѣдовательно и оброчное содержаніе, ст. 1320) не можетъ быть пріобрѣтаема силой давности".

Казалось бы, уже ссылки на одно такое категорическое предписаніе достаточно для подкрѣпленія мнѣнія палаты; однако палата имъ не удовольствовалась и вошла въ пространныя разсужденія, доказывая, что противоположное мнѣніе не соотвѣтствуетъ общему разуму законовъ о давности и несостоятельно въ самомъ себѣ. Если придерживаться его, то, какъ полагаетъ палата, при отсутствіи въ балтійскомъ правѣ института давностнаго пріобрѣтенія правъ, къ данному дѣлу пришлось бы примѣнить „общія правила" пріобрѣтательной давности, указанныя въ ст. 819—867 свода (слѣдуетъ отмѣтить, что эти статьи относятся къ пріобрѣтенію по давности права собственности). Послѣдствіемъ такого примѣненія явилось бы пріобрѣтеніе оброчнымъ содержателемъ „полнаго исключительнаго права собственности на отданную ему въ оброчное содержаніе недвижимость (ст. 819 и 855) и пришлось бы признать оброчнаго содержателя лицомъ, владѣющимъ вещью по праву собственности, и отъ своего имени, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ владѣетъ ею, хотя и по собственному праву, но отнюдь не по праву собственности и не отъ своего имени, вслѣд-

---

тута а просто словъ ст. 947 со стороны съѣзда встрѣчаемъ въ рѣшеніи № 87, 1894 г. А каковы были мотивы кассированнаго рѣшенія съѣзда (№ 22, 1895 г.) можно видѣть изъ слѣдующихъ, не обычныхъ въ слогѣ кассаціонныхъ рѣшеній словъ: Сенатъ опредѣлилъ рѣшеніе отмѣнить „не признавая возможнымъ при столь существенномъ нарушеніи ст. 142 и 129 уст. гражд. суд. оставить рѣшеніе мирового съѣзда въ силѣ". Удивительно также рѣшеніе съѣзда, кассированное Сенатомъ (1897 г., № 76): съѣздъ основывалъ свое рѣшеніе единственно на предположеніи, что отвѣтчикъ дѣлалъ вычеты принудительно, а истецъ вовсе не указывалъ на то, что онъ подвергся принужденію; онъ основывалъ свой искъ на томъ, что по разсчету получилъ изъ кассы меньше, чѣмъ внесъ. Въ сборникъ г. Буковскаго вошло только это сужденіе Сената и въ краткомъ пересказѣ оно производитъ прямо странное впечатлѣніе (стр. 212).

ствіе чего оброчное содержаніе, относясь къ случаямъ такъ называемаго производнаго владѣнія, хотя и защищается въ своемъ владѣніи (sic!), но изъ дѣйствія пріобрѣтательной давности изъемлется безусловно". Вѣроятно, палата имѣла основанія войти въ такое подробное разсмотрѣніе вопроса и не ограничиваться ссылкой на категорическое предписаніе ст. 1309. Но нельзя сказать, что аргументація ея удачна. Избранный ею путь reductio ad absurdum представляется намъ далеко не убѣдительнымъ. Если вообще могла бы идти рѣчь о примѣненіи ст. 815—867, т. е. статей, трактующихъ о пріобрѣтеніи права собственности, то, очевидно, можно было бы говорить только объ аналогичномъ примѣненіи ихъ, а отнюдь не о „буквальномъ", ибо объ оброчномъ содержаніи въ нихъ нѣтъ ни слова. Слѣдовательно, надлежало извлечь изъ этихъ постановленій общій принципъ вродѣ, напр., того, что извѣстное право пріобрѣтается при извѣстныхъ условіяхъ, по истеченіи давностнаго срока, если данное фактическое состояніе соотвѣтствуетъ содержанію какого-либо вещнаго права in abstracto. А при такомъ аналогичномъ примѣненіи является необходимость признать пріобрѣтеніе по давности и права оброчнаго содержанія. Въ разсужденіяхъ палаты допущена крупная ошибка: мысленно измѣнены предположенія—фактическій составъ—извѣстнаго юридическаго послѣдствія, а самое послѣдствіе постулируется въ совершенно неизмѣненномъ видѣ. Если принять это въ соображеніе, то окажется, что эта редукція ad absurdum въ данномъ случаѣ не привела къ желанному результату. Но въ разсужденіяхъ палаты есть еще и другая ошибка. Не слѣдовало вовсе входить въ разсмотрѣніе юридическихъ послѣдствій аналогичнаго примѣненія ст. 819 и слѣдующихъ, ибо вопросъ о такомъ примѣненіи не долженъ былъ бы возникать. Давность относится къ тѣмъ институтамъ права, которые путемъ аналогіи нельзя распространять на такія отношенія, для которыхъ она спеціально не предписана въ законѣ. Такого соображенія было бы достаточно для устраненія мысли о примѣненіи ст. 819 и сл. и безъ редукціи ad absurdum.

Далѣе, спрашивается, чѣмъ бы могла палата подтвердить свое утвержденіе о томъ, что оброчный содержатель владѣетъ не отъ своего имени и что владѣніе его „производное"? Противъ этого говорить то, что, во первыхъ, категорія производнаго владѣнія, какъ таковая, балтійскому своду неизвѣстна; а во вторыхъ, слѣдовало бы вспомнить, что за оброчнымъ содержателемъ признается dominium utile (ст. 1325), а такой „пользователь на правѣ собственности" вла-

дѣетъ самимъ предметомъ собственности и владѣетъ имъ наравнѣ съ полнымъ собственникомъ (ст. 947, пунктъ 1). Онъ является такимъ же владѣльцемъ какъ и собственникъ а вовсе не „производнымъ“. И, наконецъ, если палата вообще признала необходимымъ исчерпывающимъ образомъ разобрать вопросъ о возможности пріобрѣтенія поземельной повинности по давности, то отчего же она упустила изъ виду незапамятную давность (ст. 700, 702)? Вѣдь въ силу незапамятнаго владѣнія могутъ быть пріобрѣтены всѣ права, которыми можно непрерывно пользоваться, а въ томъ числѣ и поземельныя повинности [1]). Если сопоставить вотъ эти разсужденія палаты, развивающія и дополняющія простую и ясную статью 1309, то оказывается, что они ничего не изъясняютъ; точность ихъ оставляетъ желать лучшаго и многословіе ихъ столь же опасно, какъ и стремленіе толковать все по буквальному смыслу.

Но выдержки, приведенныя у г. Буковскаго, не даютъ полной картины дѣятельности низшихъ инстанцій. О ихъ рѣшеніяхъ можно судить только по разсужденіямъ слѣдующихъ въ іерархіи инстанцій, а изъ выдержекъ не всегда видно, съ кѣмъ имъ приходится полемизировать—съ мотивами ли рѣшеній, или же съ пристрастными доводами жалобъ, въ которыхъ составители не всегда стѣсняются въ толкованіяхъ законовъ. Поэтому мы сочли возможнымъ остановиться только на такихъ примѣрахъ, гдѣ съ большой вѣроятностью или несомнѣнностью можно заключить, что замѣчанія направлены по адресу судебныхъ мѣстъ. Тѣ случаи, которые намъ показались сомнительными, мы опускаемъ [2]).

* * *

Правильное примѣненіе нормъ, точное истолкованіе закона— дѣло, разумѣется, не легкое. Сомнѣнія могутъ возникать по каждому поводу, и въ неясныхъ случаяхъ рѣшеніе можетъ всегда подавать поводъ для критики. Въ зависимости отъ той или другой исходной точки является необходимость такого рѣшенія, которое съ другой точки зрѣнія представляется неправильнымъ. Поэтому нельзя дѣлать упрековъ суду за то, что по спорному вопросу права онъ избралъ такое то рѣшеніе, а не другое. Но не слѣдуетъ забывать,

---

[1]) См. Erdmann System, I, стр. 295.

[2]) См. напр. стр. 57, примѣчаніе къ ст. 680; стр. 79 примѣчаніе къ ст. 855 (опроверженіе распространительнаго толкованія ограничительнаго закона); стр. 91, примѣчаніе къ ст. 965; стр. 92 примѣчаніе къ ст. 968; стр. 185 примѣчаніе къ ст. 2481; стр. 206, примѣчаніе къ ст. 2809; стр. 207 примѣчаніе къ ст. 2849 и многія другія выдержки.

съ другой стороны, правило jura *novit* curia, и что не всякій вопросъ, не разрѣшаемый прямо какой нибудь статьей—неясенъ. Какъ намъ кажется, въ примѣрахъ, которые мы привели выше, судамъ приходилось имѣть дѣло съ такими юридическими вопросами, которыхъ нельзя относить къ неразрѣшимымъ или очень спорнымъ матеріямъ права. Самый кодексъ или элементарное юридическое разсужденіе даютъ на нихъ ясные и безспорные отвѣты. Не дѣлая особенно сложныхъ изысканій, путемъ сопоставленія нѣсколькихъ статей свода можно добыть вѣрное рѣшеніе ихъ, рѣшеніе, находящееся въ соотвѣтствіи съ нормами закона и правилами логики. Положимъ, не всѣ изъ разобранныхъ невѣрныхъ рѣшеній получили окончательную силу; ошибки въ простыхъ вещахъ, допущенныя въ низшихъ инстанціяхъ, бывали иногда исправляемы въ высшихъ и правильное толкованіе торжествовало. Но такая побѣда правосудія всегда является до нѣкоторой степени Пирровой побѣдой. Вѣрный отвѣтъ долженъ быть найденъ—и не только по простымъ дѣламъ—по возможности въ первой же инстанціи. Вторичный разборъ дѣла въ слѣдующей, при желательной постановкѣ, къ которой необходимо стремиться должно быть повѣркой, не исправленіемъ. А какъ мы видѣли, далеко не всегда и рѣшенія высшихъ судебныхъ мѣстъ свободны отъ юридическихъ ошибокъ.

При истолкованіи закона могутъ возникнуть сомнѣнія у всякаго юриста, и чѣмъ больше такихъ сомнѣній возникаетъ у судьи тѣмъ лучше, но желательно, чтобы были приложены всѣ старанія и употреблены всѣ средства для того, чтобы ихъ устранить и дать вѣрный отвѣтъ. Въ этомъ отношеніи полезныя указанія даетъ практика прежнихъ судебныхъ мѣстъ. Когда судъ встрѣчался съ неяснымъ или спорнымъ вопросомъ права, онъ зналъ гдѣ ему искать помощи—онъ обращался къ наукѣ права. И если наука не всегда можетъ дать безспорное указаніе, если данное ученіе очень контроверзно, то судъ можетъ со спокойной совѣстью выбрать одно изъ мнѣній, наиболѣе по его мнѣнію убѣдительное, въ томъ сознаніи, что онъ сдѣлалъ все возможное для полученія правильнаго отвѣта. Во многихъ рѣшеніяхъ, напечатанныхъ въ сборникѣ Цвингманна, мы встрѣчаемъ длинныя, очень пространныя обозрѣнія юридической литературы, по данному предмету, и критическій выборъ между различными теоріями [1]). При этомъ

[1]) Такихъ примѣровъ можно привести много. Укажемъ хотя бы на рѣшенія, отпечатанныя въ томѣ IV стр. 85 (№ 516), стр. 350; въ V т. рѣшеніе № 784

судьи не гнушались цитировать ученыя сочиненія и ссылаться на ученыя имена. Отъ такихъ цитатъ авторитетъ судебнаго рѣшенія не колеблется. Вѣдь и въ судебномъ рѣшеніи юридическая часть должна состоять изъ разсужденій, а значеніе ихъ не умаляется отъ того, что это разсужденіе взято изъ научнаго сочиненія. Не даромъ въ текстѣ судебнаго рѣшенія прописывается личный составъ присутствія, разбиравшаго дѣло, такъ что и оно съ внѣшней стороны указываетъ на своихъ авторовъ и не есть анонимый голосъ государственный власти, излагающій абстрактную истину. Нельзя найти причины, почему ссылка на ученое имя менѣе убѣдительна, чѣмъ перечень фамилій судей.

Но напрасно мы стали бы искать такихъ ученыхъ изслѣдованій въ сборникѣ новыхъ рѣшеній. Въ этомъ отношеніи новые суды остаются вѣрными той общей традиціи нашихъ судовъ, по которой наука изгоняется изъ храма Θемиды. „У насъ не только нѣтъ общенія между теоріей и практикой, но, напротивъ, замѣчается какая то неприязнь, враждебность между теоретиками и практиками“ [1]). Наука остается чуждой судебнымъ рѣшеніямъ, а выигрываютъ ли они отъ этого въ качествѣ—это еще большой вопросъ. Отъ многихъ невѣрныхъ толкованій закона могло бы предостеречь пользованіе хотя бы только пространными учебниками, не говоря уже о монографическихъ изслѣдованіяхъ. Въ распоряженіи всякаго занимающагося балтійскимъ сводомъ, по огромному большинству вопросовъ имѣется грандіозная литература „общаго“ (пандектнаго) права, собраніе трактатовъ самыхъ славныхъ юристовъ, великихъ умовъ, къ которымъ не стыдно обратиться за совѣтомъ. Не слѣдуетъ пренебрегать и литературой мѣстнаго права, которая до введенія судебной реформы стояла очень высоко; нѣкоторые институты разобраны въ ней и очень детально и очень удачно.

Но слѣдуетъ оговориться, что практика судебныхъ учрежденій прибалтійскаго края относится къ наукѣ права если и не очень благосклонно, то и не слишкомъ враждебно; за обращеніе къ ней, насколько намъ извѣстно, судебныя коллегіи еще не получали „замѣчаній“. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи имѣло благотворное вліяніе то переходное время, когда новымъ судамъ приходилось ликвидировать наслѣдство, полученное отъ дореформенныхъ судовъ.

(стр. 201—211) III т. стр. 113 или стр. 153. Особенно часто обращеніе къ наукѣ по вопросамъ процессуальнаго права.

[1]) Шершеневичъ. Наука гражданскаго права въ Россіи, стр. 233.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ новымъ судамъ приходилось примѣнять прежніе процессуальные порядки къ неоконченнымъ еще дѣламъ; встрѣчаясь съ некодифицированнымъ процессуальнымъ правомъ, они были поставлены въ необходимость обращаться за свѣдѣніями къ научнымъ трактатамъ. Такъ, напр. въ дѣлахъ, разрѣшаемыхъ присягой одной изъ сторонъ, переданныхъ изъ прежнихъ судебныхъ установленій, Сенатъ ссылается на учебники по теоріи „общаго" (Gemeiner) германскаго процесса и на труды мѣстныхъ юристовъ (см. сборникъ Буковскаго, стр. 465). Благодаря этимъ невольнымъ прецедентамъ, можетъ быть, и сложилось болѣе терпимое отношеніе къ „такъ называемой теоріи права". Ссылку на „теорію мѣстнаго права" мы нашли въ рѣшеніи гражданскаго кассаціоннаго департамента (№ 100, 1900 г.—эти слова рѣшенія напрасно пропущены въ выдержкѣ г. Буковскаго ст. 305, 306), есть ссылка и на курсъ профессора Эрдмана (сборникъ стр. 264); въ одномъ рѣшеніи общаго собранія перваго и кассаціоннаго департамента даже говорится про „коренныя начала науки права" (сборникъ стр. 63). Но этими и еще очень немногими случаями и исчерпываются научныя изысканія Сената. Впрочемъ хорошо, что и они то имѣются—по крайней мѣрѣ они открываютъ для сторонъ возможность ссылаться на теорію и даютъ надежду на то, что со временемъ настанетъ возможность болѣе полнаго и открытаго обращенія къ научнымъ изслѣдованіемъ. Сила вещей и теперь заставляетъ судъ искать помощи въ наукѣ, когда дѣло идетъ объ уразумѣніи старинныхъ институтовъ права, корни которыхъ лежатъ далеко, въ римской, кононической, германской правовыхъ системахъ. Здѣсь безъ путеводителя не пройти. Но о немъ тщательно умалчиваютъ судьи; пользованіе наукой происходитъ какъ-то тайкомъ. Ссылки на ученыя сочиненія по вопросамъ, относящимся къ процессуальному значенію присяги, мы встрѣчаемъ въ нераспубликованныхъ (офиціально) резолюціяхъ Сената, а въ распубликованнныхъ рѣшеніяхъ № 115, 1894 г. теорія присяги излагается безъ цитатъ такъ сказать „автономно", какъ нѣчто суду ex officio извѣстное, какъ мистически познанная истина. Научные экскурсы при такой методѣ обречены на краткость и неполноту, иначе поневолѣ пришлось бы привести цитаты, а этого тщательно стараются избѣгать. Поэтому многія истины, взятыя изъ учебниковъ, излагаются какъ нѣчто якобы совершенно извѣстное, о чемъ ни спора, ни сомнѣнія нѣтъ, какъ нѣчто такое, про что стоитъ только напомнить и намекнуть. Вопросъ о томъ, откуда же судьи получали данное свѣдѣніе, остается открытымъ, и виситъ это

свѣдѣніе какъ то въ воздухѣ. Ибо откуда же, какъ не изъ научныхъ трудовъ узнала палата, напримѣръ, про то, что „каноническое право западной Европы, постепенно проводившее съ XI вѣка узаконеніе добрачныхъ дѣтей послѣдующимъ бракомъ родителей, широко простирало узаконеніе на всѣхъ дѣтей, рожденныхъ отъ какого либо внѣбрачнаго сношенія съ женщиной, съ которой бракъ въ свое время былъ почему либо невозможенъ" (сборникъ, стр, 26)? Вѣдь этого свѣдѣнія нѣтъ ни въ статьяхъ закона ни въ прежнихъ сенатскихъ рѣшеніяхъ, отчего не сдѣлать ссылку на то сочиненіе, откуда это свѣдѣніе почерпнуто. Откуда, какъ не изъ устарѣвшихъ учебниковъ права, узнаетъ Сенатъ напр., что ст. 387, „какъ содержащая не общее узаконеніе для всѣхъ, а лишь исключительное для лицъ несовершеннолѣтнихъ, можетъ подлежать не распространительному, а ограничительному толкованію" (рѣшеніе № 43, 1898 г.)? Такое свѣдѣніе о видахъ толкованія и умѣстности того или другого вида, въ данномъ случаѣ, можетъ дать только наука, а не законъ. И если законъ остается неизмѣннымъ до его отмѣны и за отмѣной его *должны* слѣдить судебные дѣятели для того, чтобы имѣть правильное представленіе о дѣйствующемъ правѣ, то отчего же не слѣдить имъ и за перемѣной и прогрессомъ въ тѣхъ необходимыхъ научныхъ истинахъ, безъ которыхъ они не могутъ дѣлать своего дѣла. А если посмотрѣть, напр., современныя ученія о толкованіи законовъ, то приведенный только что тезисъ, о безусловной необходимости ограничительно истолковывать „исключительный" законъ, теперь оказывается уже далеко не такимъ общепринятымъ какъ раньше и противъ него выставлены сильные аргументы [1]). Если бы судъ пользовался наукой явно, не скрывая этого, то можно было бы ожидать, что онъ беретъ научныя свѣдѣнія въ ихъ полнотѣ, а не останавливается на случайныхъ отрывкахъ. Тогда и судебныя рѣшенія были бы на высотѣ науки.

Разумѣется, на основаніи тѣхъ данныхъ, на которыхъ мы остановились, въ предыдущемъ нельзя строить окончательную и безапелляціонную характеристику всѣхъ судебныхъ рѣшеній, т. е. всей судебной практики. Мы остановились на нѣкоторыхъ чертахъ ея, на основныхъ особенностяхъ, которыя поневолѣ привлекаютъ вниманіе, если отъ „нормальнаго" судебнаго рѣшенія требовать юридически точнаго примѣненія закона и логической законченности.

---

[1]) См. Windscheid т. 1 стр. 68 (7-ое изданіе). Дѣло въ томъ, что часто смѣшивается распространительное толкованіе съ примѣненіемъ закона въ аналогіи.

Естественно, что на нихъ останавливается интересъ. О тѣхъ поѣздахъ, которые доходятъ нормально до цѣли—не говорятъ, говорятъ о тѣхъ, которые потерпѣли крушеніе, и желательно, чтобы было какъ можно меньше пищи для такихъ разговоровъ.

При чтеніи разобранныхъ выше казусовъ невольно рождается одно желаніе—чтобы не всегда соблюдался совѣтъ ст. XXVI введенія къ своду, объ обязанности судей оставаться послѣдовательными въ своихъ рѣшеніяхъ при одних и тѣхъ же обстоятельствахъ. Далеко не всякій прецедентъ открываетъ вѣрный путь для дальнѣйшаго примѣненія права.

Нельзя сказать, что за эти 15 лѣтъ сложилась вообще „судебная практика", какъ самостоятельно правотворящая сила, посредникъ между закономъ и жизнью. Такой практики, каковая, напр. французская „jurisprudence" или даже дѣятельность сената по примѣненію X тома или процессуальныхъ уставовъ, теперь для балтійскаго права пока еще вовсе нѣтъ. Институты права остаются въ лучшемъ случаѣ въ такомъ видѣ, какой имъ полагается по буквальному смыслу статей; не видно дальнѣйшаго органическаго роста ихъ, развитія руководящихъ правовыхъ идей, которымъ въ сущности такъ богатъ балтійскій сводъ, сочетавшій въ себѣ и римскія и германскія начала.

Собраніе имѣющихся теперь рѣшеній и для юриста практика имѣетъ преимущественно то значеніе, что по нему онъ можетъ судить не столько о тѣхъ вѣрныхъ путяхъ, которыми онъ можетъ и долженъ руководиться, сколько о тѣхъ препятствіяхъ и случайныхъ опасностяхъ, грозящихъ ему, если онъ слишкомъ довѣрится своему личному, быть можетъ, логически правильному толкованію закона. Къ тому же поражаетъ численная незначительность распубликованныхъ рѣшеній. За полтора десятка лѣтъ дѣятельности большаго числа судебныхъ учрежденій различныхъ инстанцій только очень немногіе вопросы права дебаттировались въ судахъ. Больше всего привлекли вниманіе вопросы внѣшней формы и судопроизводственной процедуры, и на нихъ судебныя учрежденія больше всего останавливались. Рѣшенія, касающіяся продажъ съ публичныхъ торговъ и различныхъ обрядностей, связанныхъ съ ними, занимаютъ въ сборникѣ почти такое же число страницъ, какъ и рѣшенія о наслѣдственныхъ дѣлахъ, хотя именно въ этой области балтійское право вслѣдствіе сложности своей открываетъ широкое поле для разнообразныхъ сомнѣній и споровъ [1]). Очень мало рѣшеній выс-

[1]) Слѣдуетъ отвѣтить, что именно въ этой области мы встрѣчаемъ хорошо

шихъ инстанцій, въ частности Сената, по дѣламъ, относящимся до владѣнія. Обыкновенно въ сборникахъ рѣшеній судовъ другихъ государствъ, имѣющихъ дѣло съ развитымъ институтомъ владѣнія, большое мѣсто занимаютъ вопросы поссессорнаго права, и можно было бы ожидать также большаго количества процессовъ о владѣніи въ территоріяхъ балтійскаго права, потому что нигдѣ этотъ институтъ не поставленъ такъ широко, какъ именно въ III части свода мѣстн. узаконеній. Вѣроятно, медленность производства побуждаетъ тяжущихся отказываться отъ переноса дѣлъ въ высшія инстанціи, по такимъ дѣламъ, когда рѣшенія, постановленныя много времени послѣ нарушенія права, уже теряютъ всякій интересъ.

О „практикѣ", какъ о чемъ то сложившемся уже, теперь можно говорить только о дѣятельности палаты и Сената по дѣламъ ипотечнаго и крѣпостного права. Въ этой области установлены руководящія начала, и отъ нихъ высшія истанціи не отступаютъ. Есть надежда, что благодаря этому, и низшія учрежденія постепенно свыкнутся съ ними и уразумѣютъ институты вещнаго права. Въ этой области можно найти даже зачатки творческой дѣятельности „практики", такъ какъ судамъ пришлось согласовать процессуальные порядки съ такимъ матеріальнымъ правомъ, на которое оно въ сущности не разсчитано. Такъ, напр., палата нашла, и въ общемъ удачно, тотъ процессуальный порядокъ, въ путяхъ котораго лицо, не значащееся собственникомъ по книгамъ, но пріобрѣвшее недвижимость въ собственность по давности, можетъ добиться внесенія въ крѣпостныя книги своихъ правъ собственности (см. сборникъ, стр. 69).

Пожалуй слѣдуетъ сказать, что гибкость судебной практики— ея главное достоинство. То правовое воззрѣніе, которое сегодня господствуетъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ, завтра можетъ утерять кредитъ суда—практика Сената даетъ примѣръ такихъ эволюцій. Поэтому будемъ надѣяться, что со временемъ послѣдующія изданія цѣннаго труда г. Буковскаго принесутъ свѣдѣнія о перемѣнахъ нынѣшнихъ пріемовъ толкованія закона и о благотворныхъ результатахъ этихъ перемѣнъ.

Прив.-доц. баронъ **А. Нольде.**

и правильно разработанныя рѣшенія, особенно палаты и Сената. Запутанныя и излишне сложныя постановленія свода, напр. о наслѣдованіи по закону, представляютъ большія трудности при примѣненіи на практикѣ, и изъ этихъ затрудненій суды выходятъ съ честью.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.

Манифестъ 17-го Октября и погромы.

За этотъ мѣсяцъ произошли два „государственныхъ событія“: изданіе манифеста и повсемѣстные погромы по Россіи. Они заслонили все остальное.

Ни о чемъ иномъ ни говорить, ни думать нельзя.

Манифестъ былъ изданъ въ тотъ моментъ, когда большинство русской публики его собственно не ожидало. Что правительство рано или поздно должно уступить, что оно уступитъ, въ этомъ, конечно, не сомнѣвались, но врядъ ли кто ждалъ уступки именно въ этотъ день. Манифестъ, именно въ данный день явился неожиданностью и неожиданностью тѣмъ болѣе радостною, что, казалось, онъ долженъ положить конецъ тому невозможному положенію вещей, какое создавалось всероссійскою всеобщею политическою забастовкою.

По содержанію своему манифестъ отвѣчалъ основнымъ запросамъ русскаго общества: онъ говорилъ объ основныхъ правахъ гражданской свободы, о неприкосновенности личности, о свободѣ совѣсти, слова, собраній и союзовъ, о расширеніи избирательнаго права, даже объ общемъ избирательномъ правѣ, наконецъ, онъ говорилъ о предоставленіи думѣ рѣшающаго голоса, т. е. объ отказѣ отъ самодержавія, о переходѣ къ конституціонной формѣ правленія.

Казалось бы, что такой манифестъ, кромѣ ликованія и прекращенія политической борьбы, ничего принести не можетъ.

На дѣлѣ впечатлѣніе, произведенное манифестомъ, оказалось инымъ, и, самое осуществленное, на нашей внутренней жизни онъ отозвался опять таки совсѣмъ не такъ, какъ того можно было ожидать.

Политическая забастовка, повидимому, достигшая своей цѣли, снята была не сразу. Жизнь лишь понемногу вступала въ свою дѣловую колею.

Полнаго удовлетворенія культурныхъ классовъ не замѣчалось. И вдругъ со всѣхъ концовъ Россіи начали приходить слухи о погромахъ, объ избіеніи евреевъ и интеллигенціи, о поджогахъ зданій, въ которыхъ находилась публика, наконецъ, о томъ, что цѣлые города выжжены. Ужасъ бралъ отъ этихъ извѣстій.

Почему же это произошло, почему манифестъ почти никого не удовлетворилъ и не успокоилъ, почему онъ, съ другой стороны, вызвалъ такія дикія проявленія непонятнаго звѣрства толпы?

Почему манифестъ не удовлетворилъ никого и никого не успокоилъ?

Отвѣтъ ясенъ: потому, что манифестъ ничего реальнаго не далъ, онъ только обѣщалъ.

По общему своему содержанію акты государственной власти могутъ быть разбиты на двѣ основныя категоріи: во первыхъ, на такіе акты, которыми устанавливаются извѣстныя юридическія нормы, акты законодательные въ матеріальномъ смыслѣ, и, во вторыхъ, на такіе акты, которыми возвѣщается та или другая правительственная программа; типическимъ примѣромъ актовъ этого послѣдняго характера можетъ служить Высочайшій указъ 12 декабря прошлаго года.

Къ которой изъ этихъ двухъ категорій относится Манифестъ 17 октября?

Относительно нѣкоторыхъ частей манифеста отвѣтъ никакого сомнѣнія вызывать не можетъ.

Въ манифестѣ говорится: „на обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли: 1) даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы, на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ“. Это постановленіе носитъ явно программный характеръ для правительства, ничего не мѣняя въ дѣйствующемъ русскомъ правѣ: пока правительство не осуществитъ этой программы, не даруетъ свободъ, всѣ постановленія, эти свободы пока отрицающія (предварительная цензура, административные

аресты, концессіонная система разрѣшенія союзовъ и т. д. и т. д.) остаются въ полной своей силѣ. Свободы эти пока еще не созданы.

Засимъ, на ту же обязанность правительства манифестъ возлагаетъ ... „привлечь теперь же къ участію въ думѣ ... тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ...". Само собою очевидно, что это привлеченіе есть пока только программа, которая для своего обращенія въ дѣйствующее право нуждается въ изданіи правительствомъ особаго закона, дополняющаго Положеніе о выборахъ. Необходимость этого новаго закона очевидна въ тѣмъ большей степени, что каждому ясна необходимость точно опредѣлить, какіе именно классы населенія будутъ привлечены и въ какой мѣрѣ; но даже если бы эти классы и были точно перечислены въ манифестѣ и если бы способъ ихъ участія въ выборахъ тутъ же былъ точно опредѣленъ, то эти классы въ силу самого манифеста все таки еще не получили бы избирательныхъ правъ, такъ какъ эти права имъ еще не дарованы, а только правительству поручено ихъ даровать.

Наконецъ, въ третьихъ, на правительство возложено „установить какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Гос. Дум.". Что это такое: созданная ли манифестомъ юридическая норма или программа для дальнѣйшихъ дѣйствій правительства, которое должно установить, на ряду со свободами и измѣненіемъ избирательнаго права, и измѣненіе полномочій думы, обративъ ее изъ учрежденія законосовѣщательнаго въ учрежденіе конституціонное?

На этотъ вопросъ не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ того, что это постановленіе манифеста есть программа, программа вполнѣ опредѣленная, конкретная, но только программа. Такого рода отвѣтъ вытекаетъ, во первыхъ, изъ того, что этотъ третій пунктъ есть одинъ изъ трехъ равнозначущихъ пунктовъ признанной манифестомъ обязанности правительства, а два первыхъ пункта носятъ явно и несомнѣнно программный характеръ. Затѣмъ этотъ отвѣтъ вытекаетъ и изъ самого текста разсматриваемаго постановленія: оно говоритъ объ обязанности правительства „установить, какъ незыблемое правило", рѣшающій голосъ думы, а не о томъ, что это правило уже установлено. Если бы это правило было уже признано настоящимъ манифестомъ, то правительству нечего было бы его еще разъ установливать.

Къ тому же, если бы это правило было уже дѣйствующимъ

правомъ, то до созыва думы всякая законодательная дѣятельность, между прочимъ и изданіе того закона о выборахъ, о которомъ говорится въ пунктѣ второмъ манифеста, стала бы юридически невозможною, какъ невозможна законодательная дѣятельность въ то время, когда парламентъ не въ сборѣ, въ тѣхъ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ нѣтъ спеціальнаго закона, предоставляющаго королю или императору право изданія такъ называемыхъ „провизорныхъ законовъ“. У насъ такого постановленія нѣтъ, и тѣ, кто признаютъ, что пунктъ 3 манифеста есть норма дѣйствующаго права, должны признавать, что и предоставить государю право изданія провизорныхъ законовъ юридически невозможно, пока дума не будетъ созвана и не одобритъ закона, предоставляющаго государю это полномочіе.

Словомъ, то толкованіе, которое видѣло бы въ разсматриваемомъ постановленіи манифеста уже совершившійся переходъ Россіи къ конституціонной монархіи, приводило бы къ результатамъ практически непріемлемымъ.

Сущность и государственное значеніе актовъ, каковъ настоящій манифестъ, не раскрываются толкованіемъ буквальнаго смысла ихъ постановленій. Ограничиваться казуистическимъ придирчивымъ толкованіемъ отдѣльныхъ пунктовъ манифеста значило бы только обнаруживать недостатокъ политическаго и даже юридическаго смысла.

Признаніе съ высоты престола ближайшихъ цѣлей русскаго освободительнаго движенія отвѣчающими и непреклонной волѣ государя и подлежащими немедленному осуществленію, имѣетъ громадную цѣнность.

Этимъ признаніемъ его ближайшихъ цѣлей со стороны верховной власти русское освободительное движеніе пріобрѣло новую боевую позицію, такую, какой по ея выгодности, у него до сихъ поръ никогда еще не было.

И юридическаго значенія этого программнаго акта отрицать нельзя: имъ возлагается на всѣ органы государства обязанность дѣйствовать въ новомъ духѣ, возлагается на нихъ обязанность по подготовкѣ и проведенію тѣхъ или другихъ реформъ.

Но при оцѣнкѣ того, что непосредственнымъ образомъ пріобрѣтено русскимъ обществомъ, оно, повидимому, вполнѣ ясно поняло,—и надо сказать, что многіе горькіе опыты научили насъ этому пониманію,—что нельзя упускать изъ виду различіе, между тѣмъ, что уже облечено въ форму правового положенія, что уже

закрѣплено, и тѣмъ, что есть только одно намѣреніе, хотя бы и самое опредѣленное.

Опредѣленность, конкретность третьяго пункта манифеста столь велики, въ немъ заключается въ себѣ обѣщаніе, отвѣчающее столь напряженнымъ стремленіяхъ русскаго общества, что взять это обѣщаніе назадъ или даже просто не выполнить его практически почти такъ же невозможно, какъ отмѣнить уже изданную конституцію.

Рѣшающій голосъ Думы на столько соотвѣтствуетъ не только стремленіямъ русскаго общества, но и существу народнаго представительства, что теперь, когда этотъ рѣшающій голосъ признанъ „какъ незыблемое правило“ „непреклонною волею“ государя, можно быть почти увѣреннымъ, что Дума и сама сумѣетъ взять это право рѣшающаго голоса, хотя бы ко времени ея созванія это право ей было только обѣщано, но формально еще не дано.

Но это уже вопросы факта, или точнѣе, будущихъ фактовъ. Что же касается юридическаго толкованія манифеста, то, какъ сказано, надо признать, что и третій его пунктъ имѣетъ лишь программное значеніе, и конституціонной монархіи въ Россіи на дѣлѣ пока еще не устанавливаетъ.

Общество не можетъ и не должно относиться одинаково и къ тому, что имъ уже окончательно пріобрѣтено, и къ тому, что правительство только еще обѣщаетъ дать. Общество не должно упускать изъ вида, что для осуществленія всѣхъ намѣченныхъ реформъ правительство встрѣтитъ двѣ огромныхъ препоны, во первыхъ, въ неспособности современнаго бюрократическаго механизма къ быстрой и продуктивной работѣ, а во вторыхъ, въ реакціонныхъ элементахъ, существующихъ въ средѣ самаго правительства, или оказывающихъ на него сильнѣйшее вліяніе, хотя бы и только отрицательное.

И общество должно ни на минуту не забывать, что прогрессивные элементы правительства только при томъ условіи могутъ преодолѣть эти двѣ колоссальнѣйшія препоны, если общество окажетъ имъ энергичную и непрестанную поддержку, показывая, что оно не удовлетворилось простыми обѣщаніями, но что оно требуетъ, настоятельно и рѣшительно требуетъ осуществленія этихъ обѣщаній.

Общество не смотритъ, да и не можетъ смотрѣть на этотъ манифестъ, какъ на актъ, заканчивающій первый періодъ освободительнаго движенія,—переходъ къ конституціонной формѣ правленія и установленіе правъ гражданской свободы.

Реформы эти еще не даны. Мы не ихъ получили, мы получили отъ правительства только вексель на нихъ. Другіе скажутъ, что у насъ въ рукахъ уже исполнительный листъ, по которому можно прямо приступить къ взысканію. Но при этомъ надо помнить, что мы взыскиваемъ съ такихъ должниковъ, изъ которыхъ часть сдѣлаетъ все для нихъ возможное, чтобы уклониться отъ платежа, а другая часть окажется фактически несостоятельной.

Сегодня, когда эта хроника сдается въ печать, прошло уже восемь дней со времени изданія манифеста. И что же, осуществлена ли какая либо изъ возвѣщенныхъ реформъ? Дано ли намъ что либо?

Правительство не сумѣло дать ничего изъ того, что хотѣло дать. Дало только то, о чемъ само и не думало, чего само и не собиралось давать,—амнистію.

Дало амнистію, но какъ?

Пусть этотъ печальный опытъ послужитъ правительству урокомъ. Какимъ великолѣпнымъ козыремъ въ рукахъ правительства является амнистія... Какое это великое средство примиренія правительства съ обществомъ, съ тѣми классами, которые раньше съ нимъ боролись... Какую популярность можетъ пріобрѣсти правительство именно въ тѣхъ классахъ, которые были къ нему враждебны...

А наша амнистія, прибавила ли она хотя бы на іоту популярность правительства, примирила ли она съ нимъ хотя бы кого либо изъ его враговъ?

Никого не примирила, ибо и сама не является актомъ примиренія со стороны правительства.

Въ указѣ объ амнистіи правительство не протягиваетъ руки примиренія своимъ бывшимъ врагамъ. Нѣтъ, оно говоритъ, что издавъ манифестъ о дарованіи „населенію“ „основъ гражданской свободы“, оно въ „соотвѣтствіи съ симъ государственнымъ событіемъ“ признало за благо „облегчить участь лицъ, впавшихъ въ преступныя дѣянія государственныя“. Въ такомъ стилѣ писалось въ манифестахъ по поводу рожденія сына о прощеніи недоимокъ гербоваго сбора.

Но не такъ кончаютъ счеты съ тѣмъ, кто жертвовалъ всѣмъ своимъ личнымъ благополучіемъ, иногда самою своею жизнью въ борьбѣ за политическую свободу, въ борьбѣ противъ самодержавія, отъ котораго отказалась теперь и верховная власть.

Теперь о тѣхъ, кто боролся противъ самодержавія, нельзя просто говорить только то, что они „впадали въ преступныя дѣянія“.

Несравненно большее значенiе въ этомъ же смыслѣ имѣетъ неполнота амнистiи. Что выиграла государственная безопасность отъ того, что нѣсколько десятковъ или даже сотенъ лицъ не подошли подъ амнистiю? Въ общей экономiи настоящаго момента, какъ новая опасность для правительства, они рѣшительно ничто.

И тѣмъ не менѣе помилованы не всѣ. И горечь при мысли, что тамъ еще остались борцы за торжественно обѣщанную намъ свободу, отравляетъ всякую радость за тѣхъ, кто освобожденъ.

Эта амнистiя—это плюшкинская расплата, которая оставляетъ возмущенное и гадливое чувство даже у тѣхъ, кто получилъ сполна.

Этою амнистiей правительство въ свою пользу не добилось ничего. Народъ вырвалъ ее, и получивъ, не почувствовалъ даже и благодарности, ибо къ Плюшкину благодарности не можетъ быть.

И если остальныя реформы, обѣщанныя манифестомъ, будутъ осуществлены въ томъ же стилѣ, то это будетъ величайшимъ несчастiемъ для Россiи.

Каждая изъ этихъ реформъ до нѣкоторой степени ослабитъ правительство и сплотитъ его враговъ. Свобода союзовъ, свобода печати, воспрещенiе административныхъ арестовъ, свобода собранiй—все это до нѣкоторой степени стѣсняетъ свободу дѣйствiя администрацiи и правительства, все это даетъ въ руки его врагамъ извѣстное оружiе.

Даровать всѣ эти свободы можно только при одномъ условiи: чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ создавалось и усиленiе правительства путемъ увеличенiя его популярности, путемъ вербованiя ему новыми реформами новыхъ сторонниковъ. Послѣднiе годы показали, что править Россiею одною голою силою уже нельзя, что помимо насилiй у правительства должна быть и другая основа. Этою основою можетъ быть только сочувствiе массы населенiя къ существующему строю, къ существующему правительству.

И если будущiя реформы, предвозвѣщенныя манифестомъ, будутъ осуществлены такимъ же скареднымъ, половинчатымъ образомъ, если въ нихъ будетъ видно только одно: стремленiе оттянуть все, что возможно, то результатомъ будетъ умаленiе физической силы правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только не увеличенiе, но пожалуй и умаленiе его нравственнаго престижа.

Какiе отъ того будутъ послѣдствiя, страшно и подумать.

Манифестъ никого не удовлетворилъ, никого съ правительствомъ не примирилъ. Это вполнѣ понятно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

послѣ манифеста начались погромы, начались дикіе акты насилія. Какая связь? Вѣдь post hoc еще не значитъ propter hoc.

Та почва, на которой выросло современное черносотенное движеніе, ясна: это та анархія, которая давно уже царила въ странѣ, систематическая политика, направленная къ подрыву чувства законности, расшатываніе всякаго правосудія въ странѣ волостными судами, земскими начальниками, карательными полномочіями администраціи, вытравленіе чувства собственности общиною и теоріею крестьянскаго двора, систематическая деморализація администраціи поощреніемъ всякихъ пріемовъ въ борьбѣ съ „неблагонадежными“ элементами, преслѣдованіе евреевъ, раскольниковъ, создававшее категоріи лицъ, относительно которыхъ для администраціи было все возможно; существующій порядокъ преслѣдованія должностныхъ преступленій, гарантирующій полную безнаказанность всякому превышенію власти,—вотъ основа, на которой могутъ вырости всякіе эксцессы.

Борьба правительства противъ народнаго образованія оставила народъ въ положеніи темной массы; церковь подъ побѣдоносцевскимъ управленіемъ лишилась послѣдняго своего вліянія, какъ нравственнаго устоя населенія.

Прибавимъ еще и то, что условія службы на низшихъ ступеняхъ общей администраціи таковы, что туда идутъ дѣйствительно только черносотенные элементы.

Всѣ общественныя организаціи были взяты подъ подозрѣніе; противодѣйствіе имъ было признакомъ благонадежности и для администраціи условіемъ служебной карьеры.

Всѣ культурные классы трактовались, какъ враги государства.

Да, политика послѣднихъ 25-ти лѣтъ дѣйствительно обратила Россію въ пороховой складъ, который готовъ вспыхнуть при первой искрѣ. И всѣ устои общества, всѣ его скрѣпы расшатаны.

Почва для всякаго рода антисоціальныхъ явленій готова. Что же оказалось ближайшею причиною, ихъ вызвавшею?

Эту ближайшую причину, какъ намъ кажется, надо видѣть не столько въ провокаторствѣ низшихъ чиновъ администраціи, сколько именно въ манифестѣ и въ томъ характерѣ, который пріобрѣла дѣятельность правительства въ ближайшіе дни послѣ манифеста.

Въ манифестѣ отказъ отъ самодержавія, переходъ къ конституціонной формѣ правленія не досказаны, выражены языкомъ, для народа непонятнымъ. Между массою народною и интеллигенціею въ дѣлѣ толкованія манифеста, въ томъ, какое онъ произвелъ не-

посредственное впечатлѣніе, не можетъ быть ни малѣйшаго единодушія.

И недосказанность, половинчатость всѣхъ дальнѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятій въ духѣ новаго манифеста, есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ тѣхъ погромовъ, которые теперь происходятъ, одна изъ главнѣйшихъ причинъ этого величайшаго національнаго несчастія.

Если бы правительство дѣйствовало категорично, настойчиво повторяло, что его дѣйствительнымъ намѣреніемъ является переходъ къ конституціонной формѣ правленія, что самъ государь отказался отъ самодержавія, что теперь враги порядка тѣ, кто идетъ противъ реформы, что тотъ, кто противъ конституціи и противъ гражданской свободы,—тотъ противъ царя, то черносотенные элементы съ низшей администраціей во главѣ, неизбѣжно почувствовали бы себя совершенно иначе.

Нельзя забывать, что вся наша администрація всегда была мобилизирована для борьбы съ неблагонадежными лицами, съ врагами самодержавія. На борьбу съ крамолою нерѣдко призывалось и само населеніе.

Такъ неужели эта десятилѣтіями внѣдрявшаяся деморализація могла быть искоренена одною недосказанною, мало кому понятною фразою манифеста?

Мы, интеллигенція, поняли изъ манифеста, что правительство выразило въ немъ отказъ отъ самодержавія. Но массы народныя этого понять не могли. И если они продолжаютъ смотрѣть на манифестантовъ, на тѣхъ, кто привѣтствуетъ реформы, возвѣщенныя съ высоты престола, какъ на крамольниковъ, то тутъ, конечно, немалая доля вины въ половинчатости и въ неискренности всѣхъ заявленій правительства.

Вѣдь отказа отъ самодержавія прямо нигдѣ не выражено. Само слово конституція, конституціонная монархія, нигдѣ, ни разу ни въ одномъ оффиціальномъ актѣ еще не употреблено.

Современное черносотенно-полицейское движеніе, эти потрясающіе душу погромы могутъ кончиться между прочимъ и при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы высшее правительство категорично и положительно выразило свое отреченіе отъ старой борьбы съ крамолою, выразило, что оно безусловно отвергло самодержавіе, что оно стоитъ за конституцію, и что тѣ, кто за самодержавіе, тѣ враги правительства, тѣ идутъ противъ царя.

Правительство должно опредѣленно выяснить перемѣну своей

позиціи, настойчиво и опредѣленно сказать и говорить, что оно теперь на сторонѣ интеллигенціи, ясно и категорично осудить черносотенное движеніе, не останавливаясь передъ самыми демонстративными карами тѣмъ органамъ администраціи, которые принимаютъ въ немъ активное участіе.

Правительство должно вступить на путь опредѣленнаго и громкаго осужденія черносотеннаго движенія не только для спасенія интеллигенціи, не только для спасенія самого себя, но и для предотвращенія надвигающейся полной анархіи.

О томъ, къ чему она приведетъ, даже и думать страшно.

Н. Лазаревскій.

